Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Запорожченко Галина Михайловна

ГОРОДСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ СИБИРИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА. 1890-е – февраль 1917 г.

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Научный консультант:
доктор исторических наук **Николаев Александр Алексеевич**

Новосибирск 2016

Введение

Актуальность и научная значимость темы. Кооперация занимала важное место в модернизационных процессах, которые обозначились в России в конце XIX – начале XX в. Потребительские кооперативы возникали первоначально в городах, на промышленных предприятиях и железных дорогах, после чего получили широкое распространение в деревне. Являясь продуктом развития рыночных отношений, кооперация смягчала противоречия, сопровождавшие становление капитализма. Население воспринимало потребительские кооперативы как средство повышения жизненного уровня и социальной защиты.

Представляя собой, по сути, частные организации самопомощи, потребительские кооперативы сочетали в своей деятельности хозяйственно-экономические и общественные функции. В условиях монархической государственности они руководствовались принципами общедоступности, демократизма и равноправия для всех участников независимо от их сословного, имущественного и социального положения. В обстановке роста революционных настроений кооперативное движение обозначало перспективу мирных эволюционных преобразований, реформаторскую альтернативу. Наряду с земскими и другими общественными организациями и институтами кооперация являлась одной из платформ формирования гражданского общества. Значительный общественно-преобразовательный потенциал кооперации заключался в создании новых форм хозяйственных отношений, пробуждении социальной активности, развитии гражданской инициативы, самоуправления, духа солидарности и сотрудничества. Благодаря этому кооперация стала самым заметным из всех общественных течений. К 1917 г. в стране насчитывалось 20 тыс. потребительных обществ с числом членов 5 млн чел. и оборотом 1 млрд. руб.[1]

[1] *Меркулов А.В.* Кооперация в 1917 г. // Союз потребителей. 1918. № 1–2. С. 10.

В советский период в условиях партийно-государственного контроля и централизованного распределения ресурсов самодеятельные организации были свернуты, что подкреплялось теоретическими представлениями о второсортности кооперативной формы собственности в сравнении с государственной и общенародной. Потребительские кооперативы остались лишь в сельской местности. В силу этих обстоятельств наша страна осталась в стороне от поступательного в целом развития мирового кооперативного движения.

В современной российской кооперации происходит сокращение объёмов товарооборота и заготовительной работы, деградация материальной базы. Игнорирование демократических принципов управления приводит к фактическому превращению кооперативной собственности в акционерную, принадлежащую ограниченному кругу инвесторов. По экспертной оценке зарубежных специалистов, несмотря на формальное наличие кооперативов, Россия превращается в кооперативную пустыню, что особенно заметно на фоне устойчивого положения кооперативного сектора в экономиках различных стран мира[2].

Актуальность обращения к истории дореволюционной кооперации диктуется сложностью и незавершенностью модернизационных процессов, теоретическому осмыслению которых будет способствовать комплексная характеристика кооперативного опыта общественно-экономической самоорганизации населения как одного из механизмов прогрессивного развития общества в процессе модернизационного перехода.

Степень изученности темы. История кооперации в России всегда являлось одним из приоритетных направлений в отечественной

[2] Кооперативный сектор в России и применение Рекомендации МОТ № 193 в развитии различных направлений российской кооперации. Аналитический отчет / Отдел кооперативов. Международное бюро труда. Женева / Субрегиональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2009. С. 21–23; Доклад Генерального Секретаря ООН 64–ой сессии генеральной Ассамблеи ООН 13 июля 2009 г. «Кооперативы в процессе социального развития» A/64/132 // Веб-сайт ООН: http://www.un.org. С. 14–17.

историографии. Разработку кооперативной тематики условно можно разделить на ряд этапов, начиная с *дореволюционного*. После первых работ, появившихся в 1860-е гг., вплоть до середины 1890-х гг. литература о потребительской кооперации в России практически не издавалась. Следуя за всплесками кооперативной активности, к 1917 г. поток литературы по кооперативной тематике существенно расширился, проблемы кооперации в национальном научном и общественном сознании заняли важное место. Анализ кооперативной деятельности все чаще становился частью вопроса о перспективах и путях развития страны. Кооперация привлекала внимание представителей либеральной интеллигенции, видных экономистов, общественных и кооперативных деятелей – С.Н. Прокоповича, А.В. Меркулова, М.Л. Хейсина, А.Н. Анциферова, К.А. Пажитнова, В.Ф. Тотомианца, М.И. Туган-Барановского и др. – идеей смягчения противоречий социально-экономического развития страны[3]. В их трудах была разработана концепция кооперации как важного общественного движения, проблемы ее развития принципиально рассматривались через призму западноевропейского опыта, основанного на проверенных временем рочдельских правилах[4].

По ключевым вопросам о взаимоотношениях государственной власти и потребительской кооперации, развивавшейся в отличие от кредитной и маслодельной вне государственной опеки, были сделаны выводы о крайне недостаточной разработке кооперативного законодательства, особенно в отношении порядка учреждения кооперативов, обеспечения финансовой стабильности, объединения в союзы, осуществления культурных задач[5].

---

[3] *Прокопович С.Н.* История кооперации в России. М., 1903; *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. М., 1913; *Меркулов А.В.* Кооперативное движение в России // Вестник кооперации. 1912. Кн. 4; *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1917; *Хейсин М.Л.* История кооперации в России. Пг., 1915; *Анцыферов А.Н.* Очерки по кооперации: сборник лекций и статей 1908–1912 гг. М., 1912; *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1916.

[4] Рочдельские принципы см.: Глава 3, раздел 3.1.

[5] *Войцеховский С.Ф.* Кооперативное законодательство. М., 1914; *Кекуатов К.В.* Кооперация и право. М., 1914.

В дореволюционный период было положено начало региональным исследованиям кооперации по социальным типам и отраслям деятельности. Наиболее раннее упоминание, относящееся к сибирскому региону, – сведения об учреждении в 1869 г. потребительного общества в Барнауле – содержится в «Первой справочной книжке русских потребительных обществ», изданной в 1870 г. Н.П. Баллиным[6].

Первые работы о сибирской городской и рабочей потребительской кооперации – опубликованные в периодической печати в 1912–1916 гг. очерки П.Н. Маркова, М. Омича, Н.А. Рожкова, Д. Илимского (Д.И. Голенищева-Кутузова)[7] – ценны сведениями по истории и деятельности кооперативов Забайкальской области и Томской губернии. Авторы являлись непосредственными участниками кооперативного движения. Основу их работ составляли документы кооперативных союзов, съездов, статистические материалы, личные наблюдения и выводы. Анализируя состояние источниковой базы по истории сибирской кооперации, ее известный исследователь В.Н. Махов писал: «Больше, чем в какой бы то ни было другой области, недостаток материалов дает о себе знать в области сведений о городской и, в особенности, рабочей кооперации в Сибири. Ни организационные отделы сибирской потребительской кооперации, ни кооперативная печать в прошлом не уделяли этому отряду кооперативов достаточного внимания. Даже такого учета числа кооперативов, который

---

[6]. *Баллин Н.П.* Первая памятная книжка русских потребительных обществ. СПб., 1870. С. 47.

[7] *Омич М.* Сибирская кооперация в 1912 г. // Вестник кооперации. 1912. № 2; *Рожков Н.А.* Положение потребительской кооперации по различным губерниям и областям. Забайкальская область // Ежегодник МСПО. 1914 г. М., 1916. Вып. 4; *Марков П.Н.* Кооперативное движение в Томской губернии // Вестник кооперации. 1912. № 6; *Марков П.Н.* Томская губерния // Ежегодник МСПО. 1914 г. М., 1916. Вып. 4; *Илимский Д.* От распыления к организации: очерки кооперации в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 1; *Запорожченко Г.М.* Первые исследователи истории кооперации Сибири Н.А. Рожков и Д.И. Голенищев-Кутузов // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории. Сб. научн. трудов. Вып 7 / Отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск, 2013. С. 301–309.

велся для сельской кооперации, для городской кооперации не велось»[8]. В связи с этим первые работы о сибирской кооперации представляют интерес как с историографической, так и с источниковедческой стороны.

В начале *советского* этапа историографии в 1920-е гг. решалась судьба кооперации и определялась ее роль в строительстве нового общества. Революция 1917 г. в конечном итоге не дала кооперации того, что она ожидала. После утверждения 20 марта 1917 г. Временным правительством «Положения о кооперативных товариществах и их союзах» последние получили свободу учреждения, и в 1917 г. наблюдался наиболее интенсивный численный рост потребительских кооперативов. В соответствии с декретами 1919–1920 гг. кооперативы действовали без паевых взносов, на основе всеобщего обязательного членства, занимались заготовкой и распределением товаров как часть Наркомпрода и утратили черты самодеятельной кооперативной организации[9].

В это время наиболее весомый вклад в кооперативную историографию был сделан представителями «старой школы», которые в основном не восприняли идеологию, официально утвердившуюся в стране. Их работы по истории кооперации, опубликованные в первые годы советского периода, по своему содержанию и оценкам тесно связаны с предшествующими. Вопросы истории потребительской кооперации получили освещение в трудах А.В. Меркулова, М.Л. Хейсина, Н.Я. Макеровой, В.Ф. Тотомианца, рабочая кооперация была исследована М.С. Балабановым[10]. Историографический

---

[8] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития: материалы по истории кооперации (1898–1920 гг.). Новониколаевск, 1923. С. 101.

[9] *Кабанов В.В.* Кооперация, революция, социализм. М., 1996. С. 124; *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России–СССР (1905–1930). М., 1996. С. 188–199.

[10] *Меркулов А.В.* Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918; *Тотомианц В.Ф.* Теория, история и практика потребительской кооперации. 4-е изд. М., 1918; *Балабанов М.* История рабочей кооперации в России: очерки по истории рабочего кооперативного движения (1864–1917). Киев, 1923; *Балабанов М.С.* История рабочей кооперации в России: очерки по истории рабочего кооперативного движения. 4-е изд., доп. М., 1928; *Хейсин М.Л.* История кооперации в России. Л., 1926; *Макерова Н.Я.* История потребительской кооперации в СССР. М., 1929.

ресурс по кооперативной проблематике систематизировался в библиографических каталогах Н.Ф. Гриценко и А.В. Меркулова[11].

Сибирская кооперация была представлена работами Д. Илимского и В.Н. Махова[12], которые обобщили богатый фактический материал и заложили основы для создания цельной картины зарождения и развития потребительской кооперации в регионе.

В.Н. Махов рассмотрел созревание в Сибири социально-экономических условий для возникновения и роста потребительской кооперации, этапы распространения кооперативной идеи в городской и сельской среде, различия в темпах формирования и плотности кооперативной сети в Томской и Тобольской губерниях, Забайкалье. Кооперативное движение он ставил в зависимость от общего хозяйственного развития Сибири, быстрого роста населения в связи с проведением Транссибирской железнодорожной магистрали, денатурализации крестьянского хозяйства, расширения торговли, влияния политической ссылки. Показав с помощью систематизированных данных кооперативной статистики непрерывный поступательный рост потребительской кооперации в Сибири в 1898–1919 гг., автор выделил периоды «нормального, здорового» и «ненормального» развития кооперативного движения. Рубежом между ними служил 1916 г., когда начался процесс самоустранения с рынка частной торговли, роста бестоварья, введения государственных монополий на важнейшие товары, распределения последних преимущественно через общественные организации.

Анализ строения балансов кооперативов и кооперативных союзов позволил сделать вывод о том, что, являясь далеко не идеальными,

---

[11] *Гриценко Н.Ф., Меркулов А.В.* Систематический указатель русской литературы по кооперации. 1856–1924. М., 1925; *Меркулов А.В.* Систематический указатель кооперативной литературы, вышедшей в СССР в 1925 и 1926 гг. М., 1927; *Меркулов А.В.* Систематический указатель… в 1927 г. М., 1928; *Меркулов А.В.* Систематический указатель… в 1928 г. М., 1930

[12] *Илимский Д.* Кооперативные союзы в Сибири (1908–1918 гг.). М., 1919; *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития. Новониколаевск, 1923.

кооперативы нормального периода «вырастали на здоровой почве из здоровых зерен и имели все шансы к дальнейшему движению в правильном направлении». Кооперативы ненормального периода представлялись «огромным зданием на гнилом фундаменте, каменным колоссом на глиняных ногах»[13].

Распространение кооперации зависело от имущественного благосостояния населения: чем ниже экономическое благосостояние, тем ниже и кооперированность. Потребительская кооперация Сибири характеризовалась как «крестьянская с сильнейшим преобладанием в ее составе крестьянина-середняка, но с тенденциями: 1) отбрасывания маломощных групп, 2) наибольшего привлечения групп многомощных».

Городская кооперация представлена «беглой характеристикой по имеющимся очень неполным данным». Недостаток сведений, как отмечал автор, заставлял «судить о ней подчас лишь гадательно»[14]. Анализ статистических данных по 25 городским потребительным обществам и 37 балансов за 1915–1918 гг. позволил сделать вывод, что постановка дела в городских кооперативах была значительно мощнее с точки зрения организации хозяйственного механизма и рабочего аппарата, величины оборотов и числа членов, чем в сельских потребительных обществах. К недостаткам, проявившимся в работе городских обществ в ненормальный период, начиная с 1916 г., относились: прогрессирующее замедление скорости оборота капиталов, снижение инициативы торгового предпринимательства, падение относительной величины имущества вследствие карликовости новых кооперативных образований, возрастание зависимости от кредитов, что объяснялось общими условиями развала рынка, бестоварьем и расстройством транспорта.

Исследование В.Н. Махова, содержащее значительный статистический материал и отличающееся его глубоким анализом, остается актуальным для

[13] Там же. С. 38, 67.
[14] Там же. С. 110.

изучения истории потребительской кооперации Сибири. Приверженность автора «марксистскому методу», несогласие с теорией о политической нейтральности кооперативного движения, отношение к кооперации как к «вспомогательному средству классовой борьбы», сгущение черных красок при описании кооперативной действительности дореволюционной Сибири не снижает научного значения проделанной им работы.

Противоречивость советских реформ в области кооперации отразилась на тематике исследований. Постепенно в них возобладал упрощенный подход к российскому кооперативному движению. Отмечалась его незначительность, кулацко-капиталистическая природа, отсутствовало четкое представление о сущностных отличиях официальной кооперативной системы советского периода от дореволюционной свободной кооперации.

С конца 1920-х – начала 1930-х гг. историографическая работа в области истории кооперации прервалась на долгие годы, что было связано с изменением политического климата. На XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. И.В. Сталин объявил борьбу против «монополии» кооперации. Резкой критике кооперативная торговля была подвергнута в обращении «О потребительской кооперации» ЦК ВКП(б), Совнаркома и Центросоюза от 10 марта 1931 г. Окончательный удар был нанесен в 1935 г. постановлением партии и правительства «О работе потребительской кооперации в деревне». Потребительская кооперация сохранилась только в сельской местности. Городская кооперативная сеть вместе с капиталами и имуществом была передана Наркомату торговли. В результате этих мер потребительская кооперация перестала существовать в СССР как общественное самодеятельное движение (одна ее часть была упразднена, другая – огосударствлена), что и определило ее исключение из проблематики исторических исследований. На первый план вышли практические задачи осуществления «ленинского кооперативного плана», под которым понималась перестройка на социалистических началах аграрного сектора. В

единственной работе Я.А. Кистанова (1951 г.) отмечались успехи в развитии потребительской кооперации в СССР[15].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. интерес исторической науки к кооперации возобновился. Это произошло на фоне определенных изменений во внутренней политике – переосмысления сталинского наследия и осознания необходимости придания социалистической системе новой динамики. Актуализация кооперативной тематики произошла под идеологическим прикрытием дискуссии о месте и роли кооперации в социалистическом строительстве[16]. В течение 1960–1980-х гг. был издан значительный массив публикаций (монографии, очерки, статьи), зафиксировавших итоги разработки темы. Позиции исследователей расходились по проблемам периодизации истории кооперативного движения, социальной природы и социальной направленности кооперации.

В целом для историографического комплекса по кооперативной тематике 1960–1980-х гг. характерны фрагментарность и локальность исследований, отсутствие обобщающих трудов, заданность методологических и идеологических подходов, постепенное нарастание догматических стереотипов, следование директивным указаниям ненаучных партийных и административных инстанций, все больший отход от постановки и решения острых дискуссионных проблем, «продвижение в тупик»[17].

Фактически этот подход вел тому, что реальные процессы развития кооперации не получили адекватного изучения. Ведущие кооперативные системы – потребительская и кредитная – в соответствии с марксистской логикой трактовались как второстепенные по сравнению с колхозами. Одним

---

[15] *Кистанов Я.А.* Потребительская кооперация в СССР (Исторический очерк). М., 1951.

[16] Начало ей положили статьи: *Погудин В.И.* Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР // Вопросы истории. 1958. № 9; *Данилов В.П.* К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР // Вопросы истории. 1960. № 8.

[17] *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк 1861–1930. Иваново, 2002. С. 13.

из основополагающих положений стал тезис о «ступенчатости» процесса кооперирования, его развитии от низших к высшим формам. В качестве простейших и низших форм рассматривались кооперативы в сфере обмена (кредитные, потребительские, снабженческо-сбытовые, то есть те, которые кооперировали отдельные функции хозяйств, сохраняя самостоятельность этих хозяйств как субъектов экономики), в качестве высших – кооперативы производственные, отождествлявшиеся в советской действительности с колхозами. Эта общая теоретико-методологическая ситуация оказывала непосредственное влияние как на общероссийские, так и на региональные исследования.

Литература 1960–1980-х гг., базировавшаяся на постулате о марксизме-ленинизме как основе для создания единственно верного учения о кооперации, практически полностью игнорировала историческое место дореволюционной кооперации, безосновательно считая ее организацией кулацко-ростовщической, буржуазной и контрреволюционной. Сложился постулат о коренном преобразовании старой кооперации партийно-государственным руководством, прежде всего принципов ее функционирования и социального состава, на основании советских декретов 1919–1920 гг. с применением терминов «внедрение», «овладение», «завоевание».

Отдельные авторы, добросовестно следуя за историческими фактами и логикой, признавали факт существования в царской России мощной кооперативной сети и отводили в своих трудах определенное место для ее описания, но, отдавая дань господствующим концепциям, отказывали в признании ее роли и заслуг руководителей. Так, Г.А. Дихтяр, изучив кооперативный сектор розничной торговой сети в России в конце XIX – начале XX в., подчеркнул буржуазную природу потребительской кооперации[18]. Л.Ф. Морозов завершил характеристику дореволюционной кооперации выводом, содержащим уничижительную оценку: «Зародившись в

[18] *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.

виде небольших обособленных объединений на почве капиталистической экономики, она превратилась в одно из основных орудий социалистического преобразования общества. При этом коренным образом изменились и цели, и методы кооперативной работы»[19]. В.В. Кабанов упрекал дореволюционных кооперативных деятелей в отрицательной оценке ими влияния Октябрьской революции на кооперацию. Заслугу советской власти он видел в том, что «кооперация – это огромное наследие прошлого – была завоевана, вырвана из рук буржуазной кооперативной верхушки»[20].

Наибольшее внимание дореволюционной кооперации было уделено в работах Л.Е. Файна и И.А. Фарутина, которые считали, что роль потребительской кооперации выходит за пределы задач подготовки коллективизации, и видели в ней самостоятельный компонент экономических отношений[21]. Они раскрывали позитивные взгляды ее дореволюционных теоретиков, показали, что деятельность дореволюционной кооперации положительно сказывалась на материальном положении рабочих и крестьян, состоянии хозяйств мелких производителей, что кооперация являлась огромным культурным наследием, которым надлежало дорожить и пользоваться.

Л.Е. Файн критически подошел к господствовавшей трактовке «ленинского кооперативного плана»[22]. Не укладывались в догматические стереотипы тезис ученого об уменьшении расслоения крестьянства под воздействием участия в кооперативах в досоветский период и критическая оценка им военнокоммунистического опыта реорганизации кооперации.

---

[19] *Морозов Л.Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969. С. 233.

[20] *Кабанов В.В.* Октябрьская революция и кооперация. М., 1973. С. 11–12, 282.

[21] Схожая позиция представлена в работах: *Григорьян Г.С., Лопаткин М.И.* Ленинский кооперативный план и потребительская кооперация. М., 1963. С. 4–5; *Бучуева Г.А.* Ленинский кооперативный план в действии: роль потребительской кооперации в преобразовании экономики и культуры. Махачкала, 1969. С. 3–4, 136–138. Сибирская проблематика отразилась в статьях Н.Я. Гущина и Л.Н. Ульянова, опубликованных в кн.: Проблемы аграрной истории советского общества: материалы науч. конф. М., 1971.

[22] *Файн Л.Е.* История разработки В.И. Лениным кооперативного плана. М., 1970.

Л.Е. Файн показал, что ко времени Октябрьской революции кооперация являлась массовой организацией трудящихся, ее деятельность носила прогрессивный характер. Оставаясь в целом на стереотипной в то время позиции, что кооперация – коллективное капиталистическое предприятие, он указывал на отличительные черты кооперации от последнего, главная из которых состояла в том, что она объединяла не крупных, а мелких и мельчайших собственников, служащих и рабочих[23].

И.А. Фарутин выражал несогласие со ставшей традиционной оценкой потребительской кооперации как движения, «объединявшего зажиточные и кулацкие слои населения», «от начала до конца мелкобуржуазного не только по своему социального составу, но и по образу идей не выходящего за рамки либерально-буржуазного, мещанского течения»[24]. Он считал, что подобная оценка не учитывала всей сложности и внутренней противоречивости кооперативного движения. Ко времени Октябрьской революции кооперация стала широким общественным движением. Однако, ответ на вопрос о значении дореволюционной кооперации автор связывал с выяснением ее роли и места в освободительной борьбе. Несмотря на огромные успехи, кооперативное движение досоветского периода в России отличалось внутренней слабостью, заключавшейся в более низком по сравнению с развитыми европейскими странами уровне кооперирования населения, в меньшей разветвленности сети кооперативных организаций, неравномерности распределения по отдельным районам, недостаточном объединении по вертикали и горизонтали, недостатке собственных средств, материальной зависимости от буржуазно-помещичьего государства и крупного капитала, от государственных продовольственных органов и городских управ. Эта зависимость особенно усилилась в 1917 г. после победы Февральской революции. Ни сельские, ни городские потребительные

---

[23] *Файн Л.Е.* Социально-экономическая характеристика дореволюционной кооперации России // Научн. труды Тюменского ун-та. Тюмень, 1975. Вып. 8.

[24]. См.: *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. 1. С. 250.

общества не были социально однородными организациями, наряду с трудящимися массами включая и предоставляя наибольшие экономические выгоды имущим зажиточным слоям и мелким собственникам. Организация собственного производства предпринималась не в интересах удовлетворения своих внутренних хозяйственных потребностей, а для получения большей прибыли. Эксплуатация наемного труда служащих, социальный состав и достаточно автономное поведение кооперативного актива завершали характеристику дореволюционных потребительских организаций как коллективных капиталистических предприятий, действовавших в интересах зажиточных, в том числе эксплуататорских элементов, стремившихся разделить с капиталистами торговую прибыль. Заслуга дореволюционной кооперации, по мнению И.А. Фарутина, состояла «лишь в стремлении улучшить материальное положение своих членов». Кооперативное движение являлось одним из направлений и конкретных проявлений общедемократического движения, но в нем совершенно отсутствовал «социалистический характер», оно не выходило за рамки буржуазного строя. В этом автор видел коренной недостаток, ущербность кооперативного движения в дореволюционный период, причину постигшего его ко времени Октябрьского переворота жесточайшего кризиса[25].

В 1960–1980 гг. активизировалось изучение кооперативного движения в Сибири. В.Г. Тюкавкин, Л.М. Горюшкин, В.Н. Худяков и др. обозначили широкий круг вопросов о месте кооперации в капиталистическом хозяйстве Сибири, сельскохозяйственном производстве, росте на базе зачаточных форм капитализма его развитых, «городских» форм, одной из которых являлась кооперация в сфере потребления[26].

---

[25] *Фарутин И.А.* Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Ученые записки Калининградского университета. Обществ. науки. Калининград, 1970. Вып. 4. С. 61–173.

[26] *Тюкавкин В.Г.* Потребительские кооперативы в сельском хозяйстве Сибири в начале XX в. (1906–1917) // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2; *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1967; *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1907–

В работах И.А. Корякина, В.А. Кригера, И.И. Курьяна, М.К. Яковенко раскрывалась история возникновения и деятельности крупных городских всесословных и рабочих потребительских кооперативов и кооперативных союзов в Иркутске, Чите и Верхнеудинске[27].

И.Г. Лашков рассмотрел формирование кооперативных организаций в Сибири в 1864–1917 гг. и в соответствии с идеологическими установками уделил значительное внимание работе в кооперации социал-демократов. Он считал, что потребительская кооперация в регионе возникла не столько в силу экономической необходимости, сколько по причинам политическим. Вывод о значении кооперации представлен ленинским высказыванием на III Съезде рабочей кооперации 9 декабря 1918 г. о том, что кооперацией сделано «громадное дело», которое надлежало слить с громадным делом, сделанным советской властью[28].

Крупным вкладом явилась монография Б.В. Иванова «Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны» (Томск, 1975). Социально-экономическая сторона сибирского кооперативного движения исследована в период острого социально-политического кризиса. На сибирском материале рассматривались собственно кооперативные проблемы, в частности, причины появления потребительской кооперации. Возражая историкам, которые считали началом сибирской (и мировой) потребительской кооперации образование Большой и Малой артелей декабристов в казематах Петровского завода в Забайкалье, он писал: «Даже буржуазные историки связывают появление потребительской кооперации с

1917 гг.). Новосибирск, 1976, *Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период (1861–1905 гг.) / под ред. Л.М. Горюшкина. Томск, 1986.

[27] *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. Иркутск, 1965; *Яковенко М.К.* История потребительской кооперации Восточной Сибири (1831–1931): дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 1969; *Коряков И.А.* Из истории зарождения кооперативов в Забайкалье // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1968. Вып. 2; *Коряков И.А.* Первая мировая война и потребительская кооперация в Забайкалье // Проблемы краеведения. Чита, 1970. Вып. 3.

[28] *Лашков И.Г.* Возникновение и развитие потребительской кооперации в дореволюционной Сибири (1864–1917 гг.) // Очерки истории потребительской кооперации Сибири. Новосибирск, 1965. С. 21, 22, 24, 29.

развитием капитализма. Как можно по существу кассу взаимопомощи, созданную в условиях тюремного быта, и артель по закупке питания, созданную на основе письменного договора, выдавать за потребительскую кооперацию?»[29]. Автор подчеркивал, что именно необходимость противодействия торговой эксплуатации в условиях капитализма, а не наличие идей при отсутствии торговцев порождает потребительскую кооперацию.

Периодизацию кооперативного движения Б.В. Иванов не ставил в прямую зависимость от этапов революционного движения, считая, что массовое развитие кооперации в Сибири началось с 1913 г. В целом дореволюционная потребительская кооперация определялась как буржуазная. Прогрессивное значение ее деятельности состояло в содействии утверждению капитализма и трансформации кулацких хозяйств Сибири по фермерскому пути. Городским потребительным обществам уделено внимание в связи с определением степени влияния на кооперацию различных течений политической ссылки – большевиков, меньшевиков, эсеров[30].

В 1970–1980-е гг. изучение городской кооперации активизировалось под воздействием поощрения внимания к «рабочей» тематике, трудов Э.Э. Крузе и Ю.И. Кирьянова, поставивших в центр внимания быт и условия жизни рабочего класса дореволюционной России, все виды его социальной активности – кассы, профсоюзы, кооперативы[31]. Близость темы к проблематике, связанной с организациями рабочего класса, обусловила обращение к ней исследователей общественного и революционного движения. С.П. Днепровский, А.П. Толочко, Д.И. Копылов, В.М. Самосудов, М.М. Валивач, Г.А. Титов, Л.Л. Кузнецов, Н.М. Кравец, Ю.П. Плотников,

---

[29] *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск, 1975. С. 49.

[30] Там же. С. 101, 106, 108, 121–122.

[31] *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979; *Крузе Э.Э.* Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1981.

Н.И. Семкина, Л.Ф. Берсенев[32] существенно продвинули изучение ряда городских кооперативов с большой рабочей прослойкой, введя в научный оборот широкий круг источников, представленных документами партийных и государственных архивов, мемуарами партийных работников. Рабочие кооперативы рассматривались в качестве штабов подпольных организаций партии большевиков, точка зрения которых по вопросам кооперации апологетически распространялась авторами на сущность самого кооперативного движения. В то же время историки уделяли внимание аспектам, раскрывающим роль кооперации в процессах общественной самоорганизации, – социальному положению пайщиков, мероприятиям

[32] *Днепровский С.П.* Кооператоры. М., 1968; *Толочко А.П.* Движение торговых служащих в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8; *Толочко А.П.* Из истории кооперативного движения в Барнауле в годы реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.) // Барнаулу 250 лет: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Барнаул, 1980; *Толочко А.П.* Ссыльные большевики и социал-демократическое подполье в Сибири в годы нового революционного подъема // Политическая ссылка и революционное движение в России (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1988; *Толочко А.П.* К истории кооперативного движения рабочих и служащих Сибири в годы нового революционного подъёма (1910-1914 гг.) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период: сб. научн. тр. Омск, 1993; *Копылов Д.М.* Тюменская организация РСДРП в годы столыпинской реакции // Тюменская партийная организация в период строительства социализма и коммунизма. Тюмень, 1969; *Самосудов В.М.* Революционное движение в Западной Сибири. Омск, 1970; *Валивач М.М.* К истории борьбы большевиков Западной Сибири за реализацию решений VI (Пражской) конференции РСДРП // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1960. Вып. 1; *Титов Г.А.* Легальная деятельность большевиков Томской и Енисейской губерний в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Труды науч. конф. НГПИ. Новосибирск, 1957. Т. 1; *Кузнецов Л.Л.* О некоторых особенностях деятельности большевиков Забайкалья в дооктябрьский период // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов. Чита, 1972; *Берсенев Л.Ф.* Рабочие Забайкалья в кооперации в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979; *Берсенев Л.Ф.* Рабочие Сибири в кооперации в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979; *Плотников Ю.П.* Из истории борьбы красноярских большевиков за легальные опорные пункты партийной работы (рабочий кооператив «Самодеятельность») // Из истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1971. Вып. 3; *Кравец Н.М.* Из истории борьбы социал-демократов в Сибири за непролетарские массы в период первой русской революции и нового революционного подъема // Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981; *Семкина Н.И.* Омская организация РСДРП в борьбе за сочетание нелегальной и легальной работы в 1907–1916 гг. // Материалы науч. конф. кафедр обществ. наук. Омск, 1969.

кооперативов по борьбе с продовольственным кризисом, влиянию партийной идеологии на распределение прибыли и развитие культурной работы.

Фактический материал о рабочих кооперативах на рудниках и шахтах в научный оборот ввели А.А. Мухин, В.И. Зиновьева, Д.М. Зольников[33].

Результаты исследований 1960–1980-х гг. включены в обобщающие труды по истории рабочего класса Сибири и третий том пятитомной «Истории Сибири»[34]. Несмотря на доминирование в советской науке концепции о буржуазной природе потребительской кооперации и ограниченности ее потенциала с точки зрения борьбы за социализм в историографии начали формироваться новые более глубокие представления о месте кооперативных форм хозяйствования в обществе.

Перелом в исследовании кооперативной проблематики наступил на рубеже 1980–1990-х гг. в условиях деидеологизации и перестройки общественно-экономических отношений. Новый подход обозначился на научных конференциях, состоявшихся в 1991–1992 гг. в Екатеринбурге, Новосибирске и дважды в Тюмени[35]. Докладами и тезисами, а также примыкающими по времени публикациями и статьями Л.Е. Файна, А.О. Бунина, А.Ю. Кабанова, В.В. Кабанова, А.А. Николаева, А.Н. Лютова, Н.Н. Метельского, В.П. Петровой, С.А. Папкова, С.П. Махначевой, В.В. Коновалова, Е.А. Шушкановой было положено начало складыванию современной концепции кооперации.

---

[33] *Мухин А.А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972; *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982; *Зиновьева В.И.* Первые рабочие организации в Западной Сибири // Проблемы истории дореволюционной Сибири: сб. науч. тр. Томск, 1989.

[34] Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / отв. ред. *Н.В. Блинов*. Новосибирск, 1982. Гл. XI. Разд. 2; История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. / под ред. *А.П. Окладникова* и др. Л.; 1968. Т. 3. [Сибирь в эпоху капитализма]. Разд. II. Гл. 10.

[35] Аграрный рынок в его историческом развитии: XXVIII сессия Всесоюз. симпоз. по изучению аграр. истории. М., 1991; Россия нэповская: политика, экономика, культура: тез. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1991; История Советской России. Новые идеи, суждения: тез. докл. респ. науч. конф. Тюмень, 1991; Проблемы истории, теории и практики кооперативного движения в России: тез. докл. респ. науч.-практ. семинара. Тюмень, 1992.

Признание несостоятельности утвердившегося в советской историографии термина «ленинский кооперативный план» (как «сочетания цельной стройной теории и конкретно разработанной программы») повлекло принципиальный пересмотр общей концепции нэпа и места в ней кооперации. Отказ от стереотипов о соотношении военного коммунизма и нэпа, в котором присутствовало много военно-коммунистических пережитков, позволил по-новому поставить вопрос о кооперации. Было признано, что не только военно-коммунистическую, но и нэповскую кооперацию с натяжкой можно отнести к организациям кооперативного типа[36]. Важным следствием этого явился наметившийся поворот фокуса внимания исследователей к объективному изучению истории дореволюционной российской кооперации и вкладу дореволюционного периода в разработку теории и в практику кооперативного движения.

Пересмотру подлежало содержание дебатировавшихся ранее проблем социальной направленности кооперации. Подход, ориентированный на скрупулезное подсчитывание количества однокоровных и двухлошадных членов кооперативов, восхваление системы мер, регулировавших социальный состав кооперации в пользу бедноты, был признан малоэффективным. Подчеркивалось, что подобное понимание сущности кооперации игнорирует общечеловеческие, надформационные и межклассовые черты в принципах деятельности кооперации, которые по мере прогресса общества приобретают все большую значимость[37].

Таким образом, в начале 1990-х гг. начался отход от господствовавших в советской историографии представлений. Потребительская кооперация стала рассматриваться как крупнейшая организация, которая, несмотря на определенную зависимость от царских властей и крупного капитала, была

---

[36] *Файн Л.Е.* О новых концептуальных подходах к изучению кооперации нэповского периода // Россия нэповская: политика, экономика, культура: тез. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1991. С. 83.

[37] *Файн Л.Е.* Формирование новой историографической концепции кооперации в начале 90-х годов XX века // Вестник Иванов. гос. ун-та. Серия: История. Психология. Педагогика. Иваново, 2000. № 2. Вып. 2. С. 34–46.

все же организацией кооперативной, функционировала на основе присущих этому типу общественно-экономических организаций принципов и обслуживала многомиллионные слои населения страны.

Сложилось несколько исследовательских центров изучения кооперативной тематики: 1) В отделе истории экономической мысли Института экономики РАН (г. Москва) под руководством доктора экономических наук Н.К. Фигуровской и при участии большого коллектива авторов опубликовано значительное количество документов, теоретико-биографических и историко-экономических статей, составивших серию трудов под общим названием «Кооперация: страницы истории»[38].

2) В Институте экономики Российской академии сельскохозяйственных наук под руководством доктора экономических наук А.А. Степанова соответствующие исследования сосредоточились в отделе кооперации.

3) В Институте истории и археологи Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург) открыта лаборатория теории, истории и практики кооперации, объединившая специалистов в области кооперации городов Урала и Тюмени под руководством Н.Н. Метельского.

4) На историческом факультете Ивановского государственного университета плодотворно работает научная школа Л.Е. Файна, сложившаяся в процессе деятельности на общественных началах лаборатории по теории и истории кооперации и оформившаяся в общественную организацию «Ассоциация исследователей кооперации»[39]. Известность среди специалистов получили опубликованные труды и диссертации «ивановцев» – К.Е. Балдина, А.О. Бунина, А.В. Соколовского, А.Ю. Кабанова, Н.Р. Коровина и др.

---

[38] Кооперация: страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: в 3 т. / под ред. *Н.К. Фигуровской*. М., 1998; 2001, 2011; Сборники научных статей из серии «Кооперация: страницы истории» под ред. *Н.К. Фигуровской* за 1996–2013 гг.

[39] *Файн Л.Е.* Форумы исследователей кооперации в постсоветской России (Исторический очерк) // Кооперация: страницы истории. М., 2010. Вып. 15. С. 193.

5) Планомерный характер исследования исторического опыта российской и сибирской кооперации приобрели в Институте истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) под руководством Л.М. Горюшкина и Н.Я. Гущина, а в настоящее время – В.А. Ильиных и А.А. Николаева, с публикацией монографий, сборников научных статей и документов по кооперативной тематике.

Современный период освоения темы, начавшийся на рубеже 1980–1990-х гг., характеризуется количественным увеличением историографического корпуса, а также изменением его качественного наполнения. Исследования отличаются углубленной теоретической постановкой кооперативной проблематики в сочетании с конкретно-исторической локализацией. Критическое осмысление ранее введенных в научный оборот исторических источников идет параллельно с привлечением новых, в том числе ранее засекреченных, документов. Примечательным является комплексный характер исследований, взаимозависимость пересмотра старых подходов к кооперации советского периода и продвижения в осмыслении истории и значения дореволюционной кооперации.

Существенное влияние на историографию продолжают оказывать труды Л.Е. Файна, в которых предпринята успешная попытка обобщения опыта функционирования всех видов и форм кооперации в России во второй половине XIX – первой трети XX в.[40] Главной отличительной чертой возглавляемой им «ивановской школы» стала оценка кооперации как разнофункционального института общественной самодеятельности, самоуправления, самостоятельности, важного компонента рыночных отношений, продукта всей человеческой цивилизации, которая ни капиталистической, ни социалистической быть не может. Л.Е. Файн сосредоточил внимание на наиболее значимых проблемах кооперативной теории и практики в России, проследил эволюцию кооперативных систем в

[40] *Файн Л.Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994; *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк 1861–1930. Иваново, 2002.

условиях развития капиталистического рынка во второй половине XIX – начале XX в., показал истоки, мотивы и последствия военнокоммунистической реорганизации «буржуазной» кооперации в годы Гражданской войны, выявил особенности ее функционирования в рамках квазирыночной нэповской экономики и причины насильственного свертывания на рубеже 1920–1930-х гг. Анализируя историю кооперативной теории и идеологии, автор подчеркнул, что сложившиеся к 1917 г. взгляды ряда теоретиков кооперации были в известной степени альтернативой ленинской точке зрения, а значит и альтернативой социально-экономическому выбору в целом. В противоположность стереотипу трактовки кооперации как торгашеской и кулацко-ростовщической подчеркивалось, что кооперация ослабляла остроту социального расслоения, замедляла темпы пролетаризации, помогая наименее обеспеченным и социально незащищенным слоям.

В ходе восполнения одного из пробелов предшествующей литературы был разработан вопрос о механизме функционирования кооперации, включающем в себя две системы – 1) управления и 2) материальной связи с участниками кооперативного движения, – действующие в неразрывной связи как единое целое. Основные принципы внутрикооперативной демократии – добровольность членства, равноправие, самоуправление представлены вполне реальными атрибутами кооперативной жизни. Характерным для дореволюционного периода являлись: тенденция к понижению дивиденда на пай, демократизация членского состава, постоянный поиск кооператорами оптимальных форм материального стимулирования участников, самостоятельность кооперации и ее независимость от государственных структур, достаточно демократические российские правовые нормы, сугубо политический характер ограничительных мер. За относительно короткий срок при недостаточной развитости экономической инфраструктуры и административно-бюрократическом воздействии властей сложился «четко слаженный, эффективный механизм функционирования кооперации,

способный обеспечить выживаемость относительно малообеспеченной, но достаточно значительной части населения в условиях рыночной экономики». В дореволюционной России кооперация проявила гибкость, оперативность и завидную приспособляемость. В советское время принципы и нормы ее жизни, стройный механизм функционирования подверглись сильной деформации.

В подобном ключе рассматривали различные виды кооперации в России в диссертационных, монографических исследованиях и научных статьях А.П. Корелин, К.Е. Балдин, В.В. Кабанов, Ким Чан Чжин, А.В. Лубков, Е.Ю. Болотова, А.В. Соболев, М.И. Дударев, А.А. Вологдин, И.А. Кудинов, О.А. Липич, А.К. Гагиева, С.Ю. Попов, О.А. Черников, З.Р. Кочкарова и др.[41]

---

[41] *Лубков А.В.* Рабочая кооперация в Октябрьской революции (февраль 1917 – ноябрь 1918 г. Центрально-промышленный район): дис. … канд. ист. наук. М., 1990; *Болотова Е.Ю.* Создание общекооперативного законодательства в дореволюционной России (конец XIX – 1917 г.) М., 1991; *Вологдин А.А.* Политические партии и кооперативное движение в России в период между двумя буржуазно-демократическими революциями: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1993; *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ярославль, 1994; *Дударев М.И.* Московское общество сельского хозяйства и его участие в общественном кооперативном движении. 1895–1908 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1997; *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России (1861–1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998; *Корелин А.П.* К проблеме адаптации западного кооперативного опыта в дореволюционной России // Кооперация: страницы истории: сб. науч. тр. М., 1999; *Балдин К.Е.* Политическая борьба в российской кооперации в 1907–1914 гг. // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: История. Философия. Психология. Педагогика. 2000. Вып. 2; *Кабанов В.В.* Кооперация, революция, социализм. М., 1996; *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России (СССР). 1905–1930 гг.: дис. … д-ра полит. наук. М., 1996; *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996; *Лубков А.В.* Война. Кооперация. Революция. М., 1997; *Лубков А.В.* Кооперативное движение в Центральной России. 1907–1918: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1998; *Черников О.А.* Кооперативное движение в городах Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Курск, 1999; *Попов С.Ю.* Становление и развитие кооперативного движения России в условиях социально-экономических реформ конца XIX – начала XX вв. (на примере восточных губерний): дис. … канд. ист. наук. М., 2001; *Болотова Е.Ю.* Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в.: опыт общественного регулирования: дис. … д-ра ист. наук. М., 2003; *Болотова Е.Ю.* «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Волгоград, 2003; *Гагиева А.К.* Исторический опыт и проблемы образовательной деятельности потребительской кооперации России в 20–90-е годы XX века: дис. … д-ра ист. наук. Саратов, 2005; *Лубков А.В.* Кооперативная модель обновления России: дореволюционный опыт // Модели общественного развития России. Проекты и авторы. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2006; *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное

Труды историков характеризуются дифференциацией и регионализацией тематики. Выполненные на основе широкого и многообразного круга исторических источников, они внесли значительный вклад в разработку наиболее существенных проблем кооперативной теории и истории, государственно-правового, социально-экономического и социокультурного аспектов кооперативного движения.

В этот период в историографию органично влились невостребованные ранее труды российских ученых, вынужденных в 1920-е гг. эмигрировать из России и продолжавших исследования отечественной кооперации за рубежом. В 2005 г. российское научное сообщество познакомилось с написанной в 1948 г. монографией российско-американского исследователя И.В. Емельянова «Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций»[42]. Посвященная изучению кооперативной идентичности, работа способствует преодолению неоднозначности в использовании понятийного аппарата при определении места кооперации в социально-экономической системе в ряду прочих экономических образований – капиталистических предприятий и акционерных обществ.

В написанной в 1955 г. и опубликованной в России в 2005 г. книге А.Д. Билимовича «Кооперация в России до, во время и после большевиков» показано, какую кооперацию Россия потеряла. Автор акцентировал внимание на огромном значении дореволюционной кооперации для народного хозяйства, рассмотрел ее как «фактор общенародного прогресса», на котором

движение в России во второй половине XIX – начале XX в. Иваново, 2006; *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009; *Кочкарова З.Р.* Эволюция отечественной кооперации и ее социально-экономическая трансформация в условиях модернизации российского общества (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. … д-ра истор. наук. Владикавказ, 2011; *Липич О.А.* Нормативно-правовое регулирование потребительской кооперации в России в 1917 – конце 1920-х гг.: дис. … канд. юр. наук. М., 2009; *Соболев А.В.* Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье. М., 2012; *Кудинов И.А.* Трансформация теории и практики кооперации в России: вторая половина XIX в. – 1930-е гг. (Историко-экономическое исследование): дис. … канд. экон. наук. СПб., 2013.

[42] *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций / пер. с англ.; вступ. стат. *Пахомчика С.А.* Тюмень, 2005.

во многом держалась экономика Дона, Северной России и Сибири в годы Гражданской войны. Большевики никогда не ценили кооперацию как таковую, отвергая присущие ей начала индивидуальной свободы участников кооперативного движения, частной собственности на имущество, принадлежащее кооперативам, идеологию мирного эволюционного пути реорганизации общественного и хозяйственного строя. Автор противопоставлял деятельность царского правительства и большевистского, «извратившего самое существо кооперации и превратившего ее в свои партийные органы». Говоря о «сказочном, почти стихийном» росте кооперации в Сибири, он адекватно определил число городских, рабочих и железнодорожных потребительных обществ, отметив, что их действовало около ста. Оценивая дореволюционное кооперативное движение, А.Д. Билимович писал, что оно показало, «на какую высоту мирной созидательной работы может подыматься народный дух и какие творческие силы таятся в народах России». Это движение дало примеры исключительной предприимчивости, практической сметки и редкой способности народа к свободной хозяйственной жизни, начиная с устроения своих маленьких низовых кооперативов и кончая созданием мощных центральных финансовых, торговых и производственных кооперативных организаций[43].

Российский опыт привлекал внимание зарубежных ученых. В 1970-е гг. к истории потребительской кооперации обратилась К. Салзман в диссертации «Потребительные общества и потребительское кооперативное движение в России (1897–1917)». Она отмечала, что в царской России потребительные общества были демократическими организациями, находящимися под воздействием недемократического правительства, и представляли собой иллюстрацию «хрупких потенциальных возможностей» постепенных демократических перемен. Препятствиями на этом пути

[43] *Билимович А.Д.* Кооперация в России до, во время и после большевиков. М., 2005. С. 8–9, 65, 70, 73–74, 166.

являлись политика правительства и отсталость страны, под которыми понимались ограничение социальной и экономической свободы, неграмотность и бедность населения[44].

В монографии американского исследователя Я. Коцониса «Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России в 1861–1914 гг.» (М., 2006) отмечалось, что кооперация представляла собой единственное организованное массовое движение, способное объединить на добровольной основе все классы сословно разделенного общества имперской России. Сравнивая кооператив с общиной, он отметил, что это не дополняющие и не сменяющие друг друга, а абсолютно несовместимые и взаимоисключающие друг друга образования. На развитие сельскохозяйственной кредитной кооперации в России накладывало отпечаток существовавшее противоречие между политикой министерства финансов, интегрирующей крестьян в рынок, и МВД, которое стремилось сохранить неприкосновенность общины как оплот стабильности. Кооперативное законодательство, касавшееся гарантий возвращения ссуды, не способствовало замене антикапиталистического этоса крестьянского мира новым этосом личной ответственности. Практика деревенских кредитных кооперативов в России в начале XX в. свидетельствовала о парадоксальном разрыве между модернизационными возможностями кооперации и реальным продвижением крестьян по пути гражданской зрелости. Крестьянская самодеятельность фактически устанавливалась и управлялась государством с помощью специалистов из других сословий. На примере кредитной кооперации Я. Коцонис показал, что влияние кооперативных форм на развитие гражданственности в российских правовых и общественно-политических условиях было существенно ограничено. При наличии

[44] Цит. по: *Болотова Е.Ю.* Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в.: опыт общественного регулирования: дис. … д-ра ист. наук. М., 2003. С. 18, 36; Salzman C.L. Consumer Societies and the Consumer Cooperativ Movement in Russia, 1897–1917. Ph.D. dissertation submitted to The University of Michigan, 1977; *Salzman C.* Consumer Cooperative Societies in Russia, Goals versus Gains. 1900–1918 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. V. 23. № 3–4.

множества кооперативов в стране отсутствовали кооператоры в том смысле, что не формировались такие их качества как предприимчивость, сознательность и ответственность[45].

В историографии сибирского кооперативного движения наблюдалась заметная активизация исследовательского интереса. Новые подходы проявились в трехтомном хронико-статистическом труде «Рабочее движение в Сибири», изданном коллективом томских историков с главным редактором В.П. Зиновьевым в 1988–1992 гг. Вывод о том, что «не стачки, а кооперативы были наиболее массовым методом экономической борьбы рабочих»[46], отразил перемещение фокуса исследовательского интереса с радикальных форм активности демократических слоев населения на мирные, экономические.

На сибирском материале выполнялись обобщающие и конкретно-исторические исследования. В Институте истории Сибирского отделения РАН традиции изучения кооперативного опыта хозяйствования, заложенные Л.М. Горюшкиным и Н.Я. Гущиным, продолжились в работах В.А. Ильиных, А.А. Николаева, В.М. Рынкова, Г.М. Запорожченко, Н.Ю. Пивоварова. Насыщенная история развития кооперации в Сибири в первой трети XX в. всесторонне исследуется в продолжающейся серии сборников научных статей «Кооперация Сибири в XX веке», документальных публикациях «Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916–1923 гг.)» и «Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.)»[47].

---

[45] *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России в 1861–1914 гг. / пер. с англ. М., 2006. С. 11, 38, 40,72, 80, 103, 142, 267, 278; *Kotsonis Y.* Making peasants backward: Agricultural cooperatives at the agrarian question in Russia, 1861–1914. New York, 1999.

[46] Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: в 3-х т. Томск, 1992. Т. 3. С. 40.

[47] Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916–1923 гг.) / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск, 1999; Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.): сб. документов / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск, 2012. По истории Закупсбыта см. также:

А.А. Николаев в едином комплексе и в общероссийском контексте рассмотрел вопросы теории, истории и современного состояния, общие тенденции и особенности развития основных видов сибирской кооперации[48]. На основе сопоставления принципов организации и деятельности общины, артели и кооперации обоснован вывод о том, что персонификация ответственности, утвердившаяся в кооперативных формах хозяйствования, для российской коллективистской ментальности являлась прорывом формационного значения[49]. На сибирском материале раскрыта несостоятельность сложившегося в историографии мифа о нэпе как золотом периоде советской экономики и «восходящем развитии» кооперации в 1920-е гг. Неизменность политических структур противоречила логике развития многоукладной экономики, в том числе кооперации, что предопределило направление развития всех форм кооперации в сторону полного огосударствления[50].

В.М. Рынков, касаясь дискуссионной проблемы взаимодействия кооперации со своими контрагентами на рынке – государством и частным капиталом, показал, что государство и кооперация не являлись до революции антиподами, а антипредпринимательский настрой потребительской кооперации приводил к серьезным деформациям в ее деятельности. Источники кооперативного происхождения по этой проблематике нуждаются в верификации ввиду существенных идеологических искажений. В

Пивоваров Н.Ю. Организация и деятельность Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт) в апреле 1916 – феврале 1920 г.: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2013.

48 *Николаев А.А.* Потребительская кооперация Сибири: основные тенденции развития и оценка исторических этапов // Экономическая история Сибири XX века: материалы всерос. науч. конф. Барнаул, 2006. Ч. 2; *Николаев А.А.* Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007; *Николаев А.А.* Исторический опыт развития потребительской кооперации в Сибири // Государство и общество Сибири XVII–XX веков: сб. науч. тр. Новосибирск, 2008; *Николаев А.А.* Основные виды сибирской кооперации в первой трети XX в.: общие тенденции и особенности развития // Кооперация: история, теория, экономика, управление: материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008.

49 *Николаев А.А.* Основные виды кооперации… С. 21, 22, 24, 34.

50 *Николаев А.А.* Кооперация в условиях нэпа // Россия нэповская: политика, экономика и культура: тез. науч. конф. Новосибирск, 1991. С. 97.

кооперативных организациях существовала проблема отчуждения управленцев от процесса производства, порождавшего бесхозяйственность в сфере управления. Отрыв кооперативной «верхушки» от рядовых участников движения и появление у нее собственных социально-экономических интересов на рынке порождали эксплуатацию кооперативным аппаратом сил, средств и представительного ресурса кооперации. Дореволюционный этап содержал тенденции последующих негативных процессов: централизованное снабжение, установившееся при советской власти, имело прямую связь с идеологией «кооперативного социализма», а процесс деформации свободной самодеятельной потребительской кооперации в годы «военного коммунизма» начался в более ранний период хозяйственного кризиса, вызванного войной[51].

Г.М. Запорожченко исследовала развитие городской всесословной и рабочей кооперации со времени ее возникновения в 1864 г. до февраля 1917 г., включая малоизученную тему кооперативного жизнеобеспечения экстерриториального контингента работников железнодорожного и водного транспорта Сибири в первой трети XX в.[52] В деятельности сибирских городских потребительских кооперативов нарастала тенденция превращения их в крупные многопрофильные торговые дома, доставляющие своим пайщикам всё необходимое. Усиливалось влияние кооперативов на все стороны существования своих членов.

В диссертациях, монографиях и статьях И.А. Корякова, Л.Х. Коряковой, М.В. Гузик, В.К. Алексеевой, Г.М. Малаховой, Е.М. Чедуровой,

[51] *Рынков В.М.* На полпути к «военному коммунизму»: кооперация востока России в 1914–1919 гг. // Кооперация Сибири: факторы устойчивого развития. Новосибирск, 2003. Вып. 4. С. 113; *Рынков В.М.* Идейное и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн // Кооперация Сибири: история и современное состояние: сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. Вып. 5. С. 163–174; *Рынков В.М.* Кооперативные организации и антибольшевистские государственные режимы на востоке России: ключевые научные проблемы, итоги и задачи изучения // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 83–84.

[52] *Запорожченко Г.М.* Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири. 1864–1917 гг. Новосибирск, 2004; *Запорожченко Г.М.* Транспортная кооперация Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2007.

Н.И. Бурнашевой, В.В. Аксарина, И.Б. Ломакиной, Б.С. Старина, А.Н. Макеева, М.В. Пановой, А.Г. Сыщенко, А.П. Анашкина, Ю.С. Левашова, А.В. Иванова, О.А. Баранова, Т.А. Константиновой, О.В. Чудакова нашли отражение вопросы возникновения и развития кооперативного движения в дореволюционный период в Восточной и Западной Сибири, Забайкалье, Якутии, на Алтае[53]. Трудам сибирских историков присуще изучение регионального кооперативного движения как части общероссийского, имевшего те же этапы и тенденции. Вместе с тем отмечена его определенная специфика, связанная с естественноисторическими, этнопсихологическими и социокультурными особенностями края.

И.А. Коряков, Л.Х. Корякова, И.Б. Ломакина и Б.С. Старин показали, что потребительское движение в Забайкалье оформилось лишь к 1910 г., сельские и городские общества потребителей, кооперативные союзы, имели

[53] *Баранов О.А.* Библиотеки кооперативных организаций Восточной Сибири (1910–1917 гг.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1990; *Анашкин А.П., Левашев Ю.С.* История потребительской кооперации Алтая. Барнаул, 1990; *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки истории потребительской кооперации Забайкалья 1831–1950. Чита, 1992; *Константинова Т.А.* Из истории Забайкальской кооперации: по материалам фонда Забайкальского областного союза кооперативов (1914–1919 гг.) Госархива Читинской области // Кооперация: страницы истории. М., 1993. Вып. 3; *Алексеева В.К.* Кооперативное движение в Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1993; *Алексеева В.К., Малахова Г.М.* Кооперативное движение в Азиатской России (первое столетие). Чита, 2004; *Ломакина И.Б., Старин Б.С.* Кооперация в Забайкалье: исторический опыт (60-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) Улан-Удэ, 2000; *Гузик М.В.* Становление и развитие кооперации в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2000; *Панова М.В*. Сельская кооперация Западной Сибири в период Первой мировой войны и революции. 1914-1918 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2001; *Гаврилов А.А.* Сибирская кооперация в период 1914–1920 гг. На материалах кредитной и потребительской кооперации. Иркутск, 2003; *Чедурова Е.М.* Кооперативное движение в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Барнаул, 2007; *Бурнашева Н.И.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920 г.). М., 2009; *Аксарин В.В.* Кооперация на севере Западной Сибири: история становления и развития в 1917–1940 гг. Тобольск, 2009; *Чудаков О.В.* Потребительская кооперация в Сибири в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны и в период социальных катаклизмов (июнь 1914 – первая половина 1918 г.) // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX – начала XXI в.: материалы всерос. науч. конф. Якутск, 2012; *Пивоваров Н.Ю.* Организация и деятельность Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт) в апреле 1916 – феврале 1920 гг.: дис… канд. ист. наук. Новосибирск, 2013.

тесную связь с политической ссылкой[54]. М.В. Гузик отметила более раннее и массовое появление в Восточной Сибири непроизводственных кооперативов – потребительских и кредитных – по сравнению с производственными, подчеркнула, что кооперация имела большое значение не только для экономического, но и для общественно-политического развития восточных областей Сибири, играла прогрессивную роль в формировании общественного сознания, приобретении опыта управления производственной, торговой и финансовой сферами[55].

А.А. Гаврилов пришел к выводу о зарождении особой кооперативной субкультуры со своим набором ценностей и ориентаций, принципами, верой в кооперативную идею, высоким моральным долгом по отношению к кооперативному делу, ответственностью за порученную работу. Автор определил ее как народный капитализм – творческий, динамичный и опасный в отношении конкурентов, опиравшийся на огромную армию своих членов. В то же время он отметил корпоративность, бюрократизацию и слабую связь с низовыми кооперативами, которые мешали работе союзов[56].

В.К. Алексеева и Г.М. Малахова к созданию панорамы развития кооперативного движения в XIX–XX вв. в широких рамках Азиатской России привлекли материалы по крупным городским и железнодорожным рабочим кооперативам дореволюционной Сибири[57]. В исследования Е.М. Чедуровой материалы по городской кооперации включены в связи с изучением союзной системы комбинированного кредитно-потребительско-производственного типа[58]. В работах Н.И. Бурнашевой о кооперации

---

[54] *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки потребительской кооперации Забайкалья 1831–1950 гг. Чита, 1992. С. 40; *Ломакина И.Б., Старин Б.С.* Кооперация в Забайкалье: исторический опыт (60-е годы XIX века – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2000. С. 214–215.

[55] *Гузик М.В.* Становление и развитие кооперации… С. 23.

[56] *Гаврилов А.А.* Сибирская кооперация в период 1914–1920 гг. На материалах кредитной и потребительской кооперации. Иркутск, 2003. С. 186.

[57] *Алексеева В.К., Малахова Г.М.* Кооперативное движение в Азиатской России (первое столетие). Чита, 2004.

[58] *Чедурова Е.М.* Кооперативное движение в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Барнаул, 2007; *Чедурова Е.М.* Западносибирская кооперация в период реформ и

в Якутии и В.В. Аксарина о кооперативном движении на севере Западной Сибири нашла отражение история городских потребительных обществ в Якутске, Сургуте, Березове, Обдорске, Тобольске[59]. О.В. Чудаков показал, что в годы войны городские муниципалитеты недостаточно тесно сотрудничали с кооперацией, опираясь в своей работе на взаимодействие с частными торговцами, что снижало эффективность их борьбы против повышения цен. Инициативы городских потребительных обществ по усилению регламентации торговли и введению карточной системы, привели к трансформации торговли в систему нормированного распределения продуктов среди населения по твердым ценам в советский период[60].

Попытка изучения сибирской кооперации в контексте проблем развития гражданского общества предпринята в научных статьях А.В. Иванова. Полагая, что географические особенности территории определяли специфику и степень развитости институтов традиционного и гражданского общества, он выделил особые черты сибирского макрорегиона, заметно отличавшегося своей индивидуальностью в составе Российской империи в начале XX в. Суровые климатические и природные условия, приучившие сибиряков к самостоятельности и самоустройству, относительная экономическая свобода, формировавшая практический склад ума и предприимчивость, отсутствие крепостного права и помещичьего землевладения, размытость сословных границ, идеология и деятельность областников, влияние политических ссыльных в конечном итоге способствовали превращению сибирской кооперации, особенно маслодельной, в крупную хозяйственную и общественную силу.

революций начала XX века: идеология, законотворчество, агротехнологии: дис. … д-ра истор. наук. Барнаул, 2011.

[59] *Бурнашева Н.И.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920 г.). М.: Якутск. гос. ун-т им. М.К. Аммосова, 2009; *Бурнашева Н.И.* Первые шаги в становлении кооперации в Якутии (1870-е гг. – 1917 г.) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы II Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014; *Аксарин В.В.* Кооперация на Севере Западной Сибири: история становления и развития в 1917–1940 годах. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 24–30.

[60] *Чудаков О.В.* Потребительская кооперация в Сибири… С. 127–130.

Выясняя значение кооперации для процесса формирования гражданского общества, автор сосредоточился на фактах политизации кооперативной работы и противодействия радикально настроенной кооперативной «верхушки» правительству накануне социально-политического кризиса 1917 г. Он отметил преимущества «политического капитала» кооперации по сравнению с другими общественными организациями и политическими партиями, которые заключались в легальности существования, непосредственной связи с массами, относительной финансовой самостоятельности, активном участии в выполнении ответственных государственных заданий, наличии собственной печати, присутствии профессиональных революционеров и политических деятелей в кадровом корпусе[61].

Результаты исследований по кооперативной тематике включены в «Историческую энциклопедию Сибири» – издание, отражающее основополагающие аспекты развития региона[62].

Таким образом, в обширной историографии дореволюционной кооперации последовательно сменяли друг друга периоды идеализации кооперативных форм хозяйствования, критики их буржуазного, реформистского характера, объективного анализа сущности движения. Исследователи концентрировали внимание в основном на социально-экономической и политической проблематике, выявляя место кооперации в рыночной экономике и революционном движении. В большей степени изучалась аграрно-кооперативная линия российской модернизации, чем городская ветвь кооперации. На рубеже 1980–1990-х гг. в кооперативной историографии начался отход от господствовавших в советской историографии представлений о буржуазной природе, ограниченности целей и значения потребительской кооперации. Она стала рассматриваться как

[61] *Иванов А.В.* Проблемы кооперации и гражданского общества в дореволюционной Сибири // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений: сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 17, 20, 23, 25–26.

[62] *Николаев А.А.* Кооперация // Историческая энциклопедия Сибири / Главн. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 132–133.

наиболее массовая общественно-экономическая организация, создавшая эффективный хозяйственный механизм, ставшая важным компонентом рыночных отношений и средством жизнеобеспечения населения в условиях рыночной экономики.

Всеобщее признание получили представления о надформационном характере кооперативных форм объединения, их важном цивилизационном аспекте ввиду множественности функций кооперации. Ряд историков обозначили проблему влияния кооперативных форм на развитие гражданственности (Я. Коцонис, К. Салзман, А.В. Иванов). Характерной чертой становится формирование более глубоких комплексных подходов к анализу сущности движения и включение кооперации в контекст исследования более общих проблем отечественной истории – модернизации страны, альтернативности путей социально-экономического развития, особенностей российского менталитета.

Дореволюционная городская потребительская кооперация Сибири, став объектом исследования в работах В. Махова, выводы которого сохраняют важное значение до сегодняшнего дня, в дальнейшем оказалась вне поля зрения исследователей. В позднесоветской и перестроечной сибирской историографии тема рассматривалась весьма фрагментарно и ограничивалась реконструкцией деятельности отдельных обществ. Но по сравнению с другими регионами сибирская городская кооперация получила лучшее освещение. Недостаточная изученность кооперативного движения в городах России[63] не позволяет в полной мере использовать ресурс компаративистского подхода.

Получили освещение отдельные аспекты, расширяющие представления о функционировании кооперации в сибирском социуме в начале XX в. как института общественно-экономической самоорганизации населения – состояние кооперативного законодательства, динамика численного и

[63] За исключением работы О.А. Черникова: *Черников О.А.* Городская кооперация Центрального Черноземья (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Курск, 2006.

социального состава кооперативов, их участие в снабжении населения и армии в годы войны, взаимоотношения с государством и общественным самоуправлением, культурная работа, отношение к вопросам общей и кооперативной политики. В то же время специалисты отмечают существенный дефицит исследований, целенаправленно рассматривающих дореволюционную российскую и региональную потребительскую кооперацию в контексте проблем формирования гражданского общества[64]. Отсутствует обобщающий труд, комплексно характеризующий место дореволюционной сибирской городской потребительской кооперацию в процессе модернизационного перехода как эффективного механизма регулирования хозяйственно-экономических и социальных отношений.

Объектом исследования являются потребительские кооперативные организации в городских поселениях Сибири[65].

Предмет исследования – экономическая и общественная деятельность городского населения в потребительских кооперативных организациях и ее влияние на формирование деловой предпринимательской активности и социально-культурной среды.

Цель исследования – изучение функционирования дореволюционной потребительской кооперации как социально значимого института, стабилизировавшего экономику и общество в период войн и социально-

---

[64] Это отметили: *Болотова Е.Ю.* Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в.: опыт общественного регулирования: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2003. С. 2; *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги // Гражданское общество в глобализирующемся мире. Мат-лы научного симпозиума «Zivilgesellschaft: Die deutsche (europäische) Erfahrung und die Perspektiven in Rußland». Гейдельберг, 9–11 мая 2005 года / Под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Солонина, Т. Туманяна. СПб., 2008. С. 126, 136.

[65] В диссертации используется термин *«потребительное общество»,* употреблявшийся в юридической практике дореволюционного периода, в отличие от «потребительского общества». Потребительское общество – понятие, употребляемое: 1) в общественных науках для обозначения состояния, которого достигли промышленно развитые страны в середине XX в.; 2) в качестве нового названия для упраздненных на основании постановления ВЦИК «О рабоче-крестьянских потребительских обществах» от 30 июня 1919 г. «потребительских коммун» с принудительным членством, введенных советской властью вместо старой добровольной кооперации.

политических кризисов, эффективного механизма социализации экономики в процессе модернизационного перехода.

Задачи исследования:

– определить признаки идентичности кооперативных организаций и выделить модель функционирования кооперативной организации в обществе с использованием экономической теории кооперации, концептов модернизации и гражданского общества;

– выявить в исторической динамике процесс создания в городах и городских поселениях Сибири в 1890-е – феврале 1917 г. сети потребительных обществ и их роль в жизнеобеспечении городского и рабочего населения;

– доказать взаимосвязь общественно-политических и правовых условий со степенью эффективности хозяйственной деятельности на основе сложившихся в мировой практике кооперативных принципов;

– раскрыть организационную и союзно-объединительную деятельность кооперативов, показать особенности становления кооперативной демократии и самодеятельности;

– охарактеризовать основные направления хозяйственно-экономической и социально-культурной деятельности кооперативов, взаимодействия с различными общественными структурами;

– оценить степень и результаты влияния на кооперативную работу различных политических сил;

– показать степень влияния кооперативных принципов самоорганизации населения на результативность хозяйственной работы, формирование деловой предпринимательской активности и социально-культурной среды в контексте модернизационных сдвигов в экономике и общественном сознании.

Хронологические рамки - 1890-е гг. – февраль 1917 г. В 1890-е гг. наметился новый подъем кооперативного движения, происходивший на качественно новой основе. Ускоренное освоение Сибири на этапе

раннеиндустриальной модернизации сопровождалось бурными урбанизационными процессами. Потребительские кооперативы начали органично встраиваться в социально-экономическую структуру городских поселений и занимать экономическую нишу недостаточно развитой розничной торговли, что определило нижнюю хронологическую грань.

Верхняя грань совпадает с событиями Февральской революции 1917 г., которая изменила политический режим, сделала возможным проведение в стране демократических реформ и принятие 20 марта 1917 г. кооперативного закона, создавшего для развития кооперативного движения новые условия. В необходимых случаях, с целью наиболее полного решения исследовательских задач, автор выходил за эти временные границы, показывая ретроспективу или перспективу того или иного процесса в кооперативной среде.

Территориальные рамки исследования охватывают Томскую, Тобольскую, Иркутскую, Енисейскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области в соответствии с административным делением Сибири 1882 г., а также Акмолинскую область как часть Степного края, исторически тяготевшую к Сибири. Городские поселения в рамках этих территорий включают города, а также рабочие поселки на железнодорожных станциях, шахтах, копях, основное население которых было занято вне сельского хозяйства. Несмотря на различия в размерах территории и численности населения они имели много общего с точки зрения управления, социально-экономической и культурно-бытовой инфраструктуры, находились под воздействием сходных процессов, производных от модернизации и урбанизации.

Методология исследования. Методологической основой диссертации стали такие научные принципы познания, как *историзм* (изучение исторических событий в развитии, хронологической последовательности, с учетом конкретной ситуации, выявление и анализ противоречий и закономерностей развития), *объективность* (сведение к минимуму

противоречий между историческим фактом и его многочисленными интерпретациями), *системность* (исследование объекта как целого – системы – в единстве ее элементов), *комплексность (*всесторонне изучение исторического явления на основе разнообразных источников с целью его подробной всесторонней характеристики).

Эта методологическая основа является ключом к созданию целостной картины развития городской потребительской кооперации в Сибири как социально значимого института, выявлению ее многофункциональной экономической и социально-культурной деятельности. *Сравнительно-исторический* метод (выявление общего и особенного на основе сопоставления исторических объектов и явлений) способствует пониманию региональных особенностей кооперативного движения в контексте аналогичных процессов в Европейской части страны. *Институциональный* подход акцентирует внимание на совокупности формировавшихся в потребительских кооперативных организациях социальных норм и моделей поведения, направленных на интеграцию и стабилизацию общества. *Междисциплинарный* подход ориентирует на использование разработок из различных областей социогуманитарного знания, имеющих общий объект и различающихся предметами своего изучения: *истории* (изучающей конкретное во времени и пространстве общество), *социологии* (изучающей общее в строении, функционировании и взаимоотношении общества, групп и личности), *экономической истории* (изучающей общее в экономической жизни общества), *социальной философии* (создающей теоретическую основу для объяснения новой и новейшей истории).

Исследование проведено на основе методологических принципов *формационной, цивилизационной* и *модернизационной* парадигм. Формационная теория (членение истории на формационные ансамбли), созданная К. Марксом и базирующаяся на идеях исторического материализма, постулировала экономическую доминанту образа истории, которая с одной стороны схематизировала и обесцвечивала реальную

действительность, с другой дала непреходящую стратегию в исследовании социально-экономических процессов[66].

Для исследования генезиса и развития кооперативных форм хозяйствования важной является марксова теория *отчуждения*. Капитализм низвергает систему личной зависимости, заменяя ее вещными отношениями, ставит целью капиталистического производства всемерное увеличение богатства, порождает отчуждение индивида от социальных благ во всех сферах человеческого бытия[67]. В частности, наемные работники в капиталистической экономике являются принадлежностью капитала не только в сфере производства, но и потребления. Воспроизводство рабочих как класса составляет основное условие капитализма, а выполнение его капиталист предоставляет самим рабочим, заботясь лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым[68].

Если Маркс рассматривал проблему снятия отчуждения в перспективе упразднения частной собственности и перехода от капиталистической к социалистической формации, то М. Вебер, подобно Марксу исследовавший процессы в капиталистическом обществе (переход общества от традиционного к современному: рационализацию, секуляризацию, демистификацию), был убежден, что действительное улучшение существования класса наемных работников возможно при капитализме[69]. В свете этого появление первых потребительских кооперативов в середине XIX в. следует считать началом социализации рыночной экономики, способом разрешения противоречий между наемными работниками и предпринимателями в сферах обмена и потребления[70].

---

[66] *Могильницкий Б.Г.* Историческая наука в прошлом и настоящем // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2013. С. 26–27, 50.

[67] *Губман Б.Л.* Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М., 1991. С. 26–27.

[68] *Григорова Т.В.* Кооперация: условия возникновения, сущность, перспективы развития / Григорова Т.В., Ефремова Г.М., Томшина Л.В. Новосибирск, 2007. С. 19–20.

[69] *Могильницкий Б.Г.* Историческая наука в прошлом и настоящем. С. 27.

[70] *Григорова Т.В.* Кооперация: условия возникновения, сущность… С. 21.

Сегодня на изучение процесса ассоциирования оказывает влияние происходящая со второй половины XX в. в зарубежной и отечественной социогуманитаристике смена эпистемологических и методологических парадигм, переход от марксистских, формационных конструктов к активизации социокультурного подхода, от нарративной логики к феноменологической перспективе научного изучения человека в истории. Более распространенным становится обусловленный трудами А. Тойнби, О. Шпенглера, К. Ясперса, Н.Я. Данилевского и др. *цивилизационный подход*, который не ограничивается изучением социально-экономических отношений, независимых от воли человека, а ставит в центр исторического процесса человека. В рамках этого подхода доминируют культурологические, этнопсихологические, экологические и социологические интерпретации локальных цивилизаций как надстрановых культурно-исторических массивов, где в качестве глубинных, матричных структур выступают ментальные установки массового сознания, народный характер, модели взаимоотношения власти и общества, мотивационные механизмы, природно-климатические условия, неформальные институты (культура, традиции, ценностные установки, стереотипы поведения). Линия развития общества рассматривается как заданная всей его предшествующей институциональной историей[71].

После критического поворота «Анналов», в рамках культурного, лингвистического, антропологического поворотов, интеллектуальной, когнитивной истории исследователи, двигаясь в направлении достижения исторического синтеза как научной сверхзадачи[72], выявляют гораздо бóльшую роль культуры и укорененных в культуре способов деятельности индивида, имеющих первостепенное значение для понимания механизмов исторической деятельности – от воспроизводящей общество и государство до

[71] *Побережников И.В.* Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновый, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. С. 60.

[72] *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

формирующей повседневность людей[73]. Инновационное понятие культуры как всесторонней дескрипции, с помощью которой описываются все стороны жизни общества (ценности, практики, символы, верования, ориентации, убеждения, институты и взаимоотношения, превалирующие среди членов общества) позволяет понимать, как культура действительно «работает».

В частности, культурно-историческая обусловленность ассоциирования и деятельности индивида в ассоциациях устанавливается сравнением нормативных типов в России и на Западе: основой логического и аналитического стиля мышления нормативной личности на Западе является целерациональная парадигма (четкое осознание цели, расчет способов достижения рационального результата), а образный и синкретический стиль мышления нормативной личности в России базируется на ценностно-рациональной парадигме (в качестве цели выступает само действие, основанное не на расчете рационального результата, а на представлениях о ценностях – долге, достоинстве, красоте, морали, пиетете, религиозном предписании)[74].

В этой связи логично рассматривать кооперативные формы ассоциирования как социальное действие *целерационального* типа, включающее в себя: 1) действующий субъект, 2) потребность, которая детерминируется социальной средой 3) мотивацию действия, 4) цель действия, 5) метод действия, 6) других действующих лиц, на которых направлено действие, 7) результат действия. В результате совершения социальных действий с ожиданием соответствующего ответного действия от партнеров возникает *социальная связь* (зависимость между субъектами связи)

---

[73] «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166, *Могильницкий Б.Г.* Историческая наука в прошлом и настоящем. С. 30; *Репина Л.П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: сб. науч. ст. Челябинск, 2011. С. 21–35; *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. С. 19.

[74] «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской… [Доклад А.В. Лубского «Когнитивная история как наука о деятельности человека в истории»]. С. 145.

имеющая свою структуру: 1) субъекты связи – индивиды или группы, участвующие во взаимодействии, 2) предмет связи – то, по поводу чего осуществляется связь, 3) механизм сознательного регулирования связи: «правила игры», соблюдение или несоблюдение которых может привести к продолжению отношений или к их разрыву[75].

Актуальными для исследования кооперативных форм являются введенные Вебером в научный оборот термин *«социальное действие»* (осмысленное, ориентированное на анализ информации, рациональный расчет, согласованность с действиями других людей) и «объясняющий», «интерпретирующий» метод (сведение смысла действия к его субъективным основаниям для выяснения, почему личность действует именно таким образом, а не другим). В традиции веберовской «понимающей социологии» (исследование механизмов достижения взаимопонимания в процессе социальной коммуникации, построенной на адекватности взаимных интерпретаций), продолженной в трудах Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Г. Зиммеля, П. Струве и др., строится изучение социального действия на основе распознавания причин, цели и смысла происходящего с точки зрения вовлечённых индивидов[76].

Продолжением исследования М. Вебером протестантской этики как «духа» капитализма стали разработки теории *социального капитала.* В русле веберовского тезиса «культура имеет значение» Дж. Коулман, П. Бурдье, Р. Патнем, Ф. Фукуяма, Л. Харрисон и др. обратились к культурным факторам, определяя их влияние на предрасположенность того или иного социума к прогрессу в социальной, экономической и политической областях, выдвинув тезис «культура объясняет почти всё»[77]. Социальный капитал –

---

[75] Социология. Основы общей теории. М.,1998. С. 119–126.

[76] *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 601–628; *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 495–546; *Гайденко П., Давыдов Ю.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. С. 28–62.

[77] Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: кол. моногр. / Под ред. *Л. Харрисона, С. Хантингтона*. М., 2002. С. 11–12, 39.

способность людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе, потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целенаправленно формируемый в межличностных отношениях в общественных организациях, сетях гражданской вовлеченности[78]. П. Бурдье писал, что «выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности»[79]. Ф. Фукуяма связывал «социальный капитал» с социальным доверием («trust»), Р. Патнэм – с членством в общественных организациях.

На социальный капитал мощное воздействие оказывает *культурный капитал*, первый формируется вторым. На формирование культурного и социального капитала влияют типологически свойственные различным культурам экономическое (тяга к личным достижениям, предпринимательству, творчеству, конкуренция, инновация, риск) и социальное (социальная ответственность элит – noblesse oblige, радиус идентификации и уровень доверия граждан и полов, индивидуализм, коллективизм, инструментальный рационализм, приверженность ритуалам) поведение и ценности (верховенство закона, образование, этический кодекс – чувство долга, сострадание, житейские добродетели – учтивость, пунктуальность, бережливость, аккуратность)[80].

Эмпирические исследования выявили: 1) что индивидуалистические (протестантские) культуры породили существенно больший социальный капитал, чем коммунитаристские, общинные[81]; 2) «спонтанную» способность некоторых обществ создавать ассоциации, слабо сформированную в

---

[78] Определение «социального капитала» Дж. Коулмана цит. по: *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М., 2004. С. 26. О важном значении включения индивида в группу упоминали А. де Токвиль, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер.

[79] *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–61.

[80] *Харрисон Л.* Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультуризма / Пер. с англ. Ю. Кузнецова. М., 2014. С. 44–52.

[81] *Харрисон Л.* Евреи, конфуцианцы и протестанты… С. 47; *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992.

России[82]; 3) прямую зависимость между численностью гражданских организаций, начиная с самого низкого местного уровня, и качеством развития регионов[83].

Подобно другим видам капитала социальный капитал продуктивен, он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно[84]. Являясь социальным «клеем», он тесно связан с построением демократии, гражданского общества. В свете разработок социокультурного направления ассоциирование предстает одновременно как фактор формирования и продукт социального капитала, обусловленного типом культуры, и накопленного всем ходом развития данного социума.

Культурно-цивилизационный контекст определял различные конфигурации протекавших в обществе модернизационных процессов. *Теория модернизации* в современном историографическом ландшафте является одной из плодотворных и актуальных площадок приращения научного знания. Модернизационная парадигма (как теория и методологический подход[85]), используемая в качестве макрообъяснительной модели, понимает под модернизацией всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий, радикальные и глобальные преобразования человеческого существования и деятельности, происшедшие за последние пять столетий при переходе от традиционного общества к обществу современного типа – индустриальному и городскому. Модернизационный переход может быть представлен совокупностью подпроцессов функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации,

---

[82] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М., 2004; *Адам Ф., Подменик Д.* Социальный капитал в европейских исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 48–51.

[83] *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: гражданские традиции современной Италии. М., 1996. С. 211.

[84] *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 124.

[85] Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века / Отв. ред. академик *В.В. Алексеев.* М., 2000. [Модернизационная перспектива: проблемы и подходы (В.В. Алексеев, И.В. Побережников)]. С. 10–50; *Шелохаев В.В.* Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век. Десятилетие. Год. М., 1999. С. 30.

рационализации, становления новых ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникационной революций, формирования гражданского общества и правового государства, как важнейшего результата модернизационных усилий[86]. Адаптируя модернизационную парадигму к отечественной истории, исследователи установили, что в России XIX – XX столетия ознаменовались экономической, урбанизационной, политической, демографической, культурной революциями, осуществлявшимися, несмотря на все объективные преграды, которые воздвигал на их пути традиционный социум.

Выявление модели, форм и динамики российской модернизации объясняют социально-экономическую и социокультурную специфику российского кооперативного движения. Теоретико-методологическими опорами служат разработки В.В. Алексеева, В.М. Арсентьева, И.В. Побережникова, Б.Н. Миронова, В.В. Шелохаева, С.В. Тютюкина и др., раскрывающие цивилизационное своеобразие российской модернизации (имперская модель модернизации, ее запоздалый характер, главенствующая роль государства и бюрократии в осуществлении модернизационного перехода)[87], подчеркивающие, что государственная, этатистская

---

[86] *Проскурякова Н.*А. Россия в XIX веке: модернизация и социокультурная традиция // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. научн. конф. Екатеринбург, 2009. С. 66.

[87] Опыт российских модернизаций… [Волны российских модернизаций (В.В. Алексеев, И.В. Побережников)]. С. 50–72; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII – XX вв.: пространственно-временной аспект: кол. моногр. / *Алексеев В.В.* [и др.]. Екатеринбург, 2011. С. 6, 374–375; *Побережников И.В.* Уровни изучения модернизации… С. 58; *Арсентьев В.М.* Теоретические аспекты исследования протоиндустриального и раннеиндустриального этапов экономической модернизации России в XIX – начале XX века // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций… С. 122–129; *Арсентьев В.М.* Экономическое развитие России в XIX – начале XX века: опыт применения модернизационной парадигмы // Экономическая история. 2010. № 9. С. 4–5; *Шелохаев В.В.* Модернизация как теоретико-методологическая... С. 30–38; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 2. С. 290–293, 303; Модели общественного переустройства России. XX век: кол. моногр. / Отв. ред. *В.В. Шелохаев.* М., 2004 [*Тютюкин С.В.* Российская модернизация в контексте мировой истории]. С. 106–144; Опыт российских модернизаций… [Особенности российской урбанизации

модернизация не исключала модернизационных процессов, идущих «снизу», со стороны общества, которые проявлялись в становлении новых форм деятельности, идей и ценностей[88]. Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуется исследователями как период динамичной раннеиндустриальной модернизации, эпоха общественных перемен, нарастания влияния тенденций либерально-западнического направления развития, формирования в России социально-экономических (коммерциализация экономики) и социокультурных (появление в обществе и государстве новых организационных форм, порывающих с традиционными объединениями и институтами, образование общественности как сепаратного от государства дискурсивного сообщества) предпосылок и условий для распространения кооперативных форм хозяйствования и генезиса элементов гражданского общества.

Важное методологическое значение имеет выполненная в духе модернизационной и цивилизационной парадигм историософская интерпретация российского общества на основе *теории «социокультурного раскола»* А.С. Ахиезера. Действие в «расколотом» российском обществе одновременно двух противоположных, пытающихся стать господствующими логик (нерядоположенных, связанных генетически, каждая из которых по-своему рациональна, почвенна, несет в себе свой собственный проект жизнеустройства) составляют динамически и драматически развивающийся конфликт между логикой, основанной на традиции, складывавшейся с древних времен, с ориентацией на сохранение достигнутой эффективности

(А.С. Сенявский)]. С. 72–88; Опыт российских модернизаций… [Индустриализация в царской России (конец XIX – начало XX века) (В. Г. Железкин. К.И. Зубков)]. С. 151–162.

[88] *Пиетров-Энкер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 16; *Проскурякова Н.А.* Проблема формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. в социально-политическом и социокультурном контексте // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. / Под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М., 2007. С. 189–193; *Проскурякова Н.*А. Россия в XIX веке: модернизация и социокультурная традиция // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций… С. 66–74.

общественного воспроизводства, и логикой, возникшей позднее как результат развития общества, с преобладанием постоянного стремления повысить эффективность общественного воспроизводства.

В процессе модернизации в территориально гигантском российском обществе спонтанное нарастание дифференциации не дополнялось созданием сбалансированного механизма интеграции. В отсутствие густой сети интеграторов, государство, пытающееся восполнить «разрывы» в социальной «ткани» административным нажимом, вплоть до прямой жестокости, являлось слабым, наименее гибким и мобильным интегратором[89]. В свете этой теории созидательные и интегративные функции кооперации могут олицетворять скрытые потенции общества, ростки той социальной органики, опираясь на которую можно преодолеть социокультурный «раскол». В этой связи закономерно рассматривать кооперативные формы как воплощение «второй» почвенной логики, раскрывать отношение кооперации к отторгаемым традиционным российским обществом утилитаризму, товарно-денежным отношениям, либеральным идеям и ценностям.

Для истории кооперативных организаций существенное значение имеют методологические основания исследования *экзогенных* факторов модернизационного перехода. Поскольку кооперация применительно к России изначально являлась экзоинновацией, ее формы и принципы функционирования задавались образцами из Европы, методологической основой изучения российской кооперации может выступать концепция *диффузионизма*, основанная на идее распространения форм культуры из центра их выработки к периферии и культурного синтеза в ходе взаимодействия с местными условиями[90].

---

[89] См.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / Вступ. статья С.Я. Матвеевой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 3– 41.

[90] *Алексеева Е.В.* Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. С. 46–55; *Арсентьев В.М.*

Более дифференцированная и комплексная проблематика модернизации, в отличие от формационного подхода, позволяет преодолеть доминирующее социально-экономическое направление исследования кооперации, которое понимает прогресс преимущественно как функцию экономических процессов. Кроме экономического аспекта, концепт модернизации сконцентрирован на инициативе и автономной активности социальных групп, деятельности объединений и ассоциаций, становлении общественных институтов. Это дает возможность расширить теоретический «арсенал» изучения кооперации актуальным для современного социума концептом *«гражданское общество».* Ретроспективные исследования опыта самоорганизации населения особенно востребованы в сегодняшней России, где «нет пышного цветения ассоциаций, демократия и гражданское общество находятся в становлении»[91].

Понятие «гражданское общество» служит центральной категорией для объяснения отношений государства и общества. По мнению А.И. Соловьева, фундаментальное противопоставление государства и гражданского общества образуется в параметрах бинарных отношений принуждения-свободы, патронажа-самодеятельности, контроля-самоконтроля[92]. При этом, как отметил В. Хорос, гражданское общество не столько «уходит» от государства, сколько «формирует его в соответствии со своими ценностями и интересами»[93]. Взаимоотношения государства и гражданского общества

Экономическое развитие России… С. 10; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций… С. 378.

[91] *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество / пер. с англ.; послесл. М.А. Абрамова. М., 2001. С. 386; О недостаточном развитии институтов гражданского общества в современной России см. также: *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / пер. с англ. М., 2009. С. 15–16, 171–174; Общество и граждане в 2008–2010 гг. / Под редакцией *М. Липман, Н. Петрова* // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 2010. № 3; Современное состояние гражданского общества в России. XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года / *В.К. Левашев, В.А. Афанасьев* [и др.] М., 2014.

[92] *Соловьев А.И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 30.

[93] *Хорос В.* Гражданское общество: общие подходы // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11. С. 53.

являются наиболее значимым фактором развития социального организма. Гражданское общество выполняет важные функции «сцепления» социума, соединения частного и общего интереса, саморегуляции и самоорганизации общества, обеспечивающие его саморазвитие[94], способствует гомогенизации условий социальной жизни[95]. Статус идеи гражданского общества определяется стремлением индивида к расширению своего реального доступа к материальным и культурным благам, обеспечению достойной жизни для каждого члена общества[96].

Использование в исторических исследованиях категории «гражданское общество» имеет два основания: конкретно-историческое, заключающееся в факте существования в имперской России общественных структур, в которых воплощался импульс к формированию гражданского общества, и методологическое, актуализирующее эвристическое значение веберовского «идеального типа» в его аксиологическом измерении – как нормативной категории, структурирующей социальную активность[97].

Исследовательская гипотеза состоит в соотнесении кооперативных форм социально-экономической деятельности с функционированием институтов гражданского общества, важным фактором становления которого является способность граждан к самоорганизации на демократических началах. Данный аспект кооперативной проблематики относится к малоизученным. На основании ряда исследований можно выявить определенные предпосылки для расширения представлений о потенциале кооперативных форм в этом направлении.

---

[94] *Витюк В.В.* Гражданское общество: современное содержание понятия // Проблемы формирования гражданского общества. М., 1993. С. 12.

[95] *Колбановский В.В.* Основные функции гражданского общества // Проблемы формирования гражданского общества. С. 25–40.

[96] *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 22; *Соловьев А.И.* Три облика государства… С. 30.

[97] См.: *Проскурякова Н.А.* Концепт «гражданское общество» и историки: препринт WP 19/2012/01. Серия WP 19: Исторические исследования. М., 2012. С. 3–4.

Так, исследования по социологии «гражданского общества», обобщенные Л.М. Романенко, позволяют с теоретической точки зрения рассматривать потребительские кооперативы в качестве институтов гражданского общества благодаря тому, что в социальной системе они выполняют свойственный гражданскому обществу комплекс функций: 1) функцию *адаптации* как способности к защите от внешних возмущающих воздействий, 2) функцию *целедостижения* как способности к эффективному взаимодействию с внешней средой и снятию социальных напряжений на основе мирных консенсусных средств, 3) функцию *интеграции* как ресубъективизации агентов социального действия и превращения их из объектов социальных воздействий и манипуляций в социальных субъектов[98].

Разработки по социологии адаптаций Л.В. Корель подтверждают, что в условиях поливариантности и бифуркационности общественного развития кооперация может рассматриваться как долговременная регулярная социальная практика, являющаяся важным компонентом успешного адаптивного поиска, разновидностью институционального ресурса адаптации[99]. Кооперация расширяет возможности населения в хозяйственной и социокультурной сферах, повышая его адаптацию к капиталистической системе и развертыванию модернизационных процессов.

Авторы эмпирических историко-социологических исследований современного кооперативного опыта пришли к выводу, что роль потребительского кооператива как инструмента развития гражданского общества можно рассматривать с нескольких точек зрения:

– как *экономическую основу* гражданского общества (вследствие возможности реализации кооперативами в условиях многоукладной рыночной экономики экономических прав граждан);

---

[98] *Романенко Л.М.* Гражданское общество: социологический словарь-справочник. М., 1995. С. 101–104.

[99] См.: *Корель Л.В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 399–401.

– как *социальную основу* гражданского общества (вследствие повышения благосостояния и социального благополучия граждан, что содействует формированию средних слоев);

– как *политико-правовую основу* гражданского общества (вследствие создания общественного движения, влияющего на политику органов местного самоуправления и законодательную инициативу по развитию кооперации);

– как *духовную основу г*ражданского общества (вследствие возможности формирования в кооперативах сообщества граждан для обмена информацией, совместной социально значимой деятельности, самореализации)[100].

Методологической основой изучения элементов российского гражданского общества служит выделенная Н.А. Проскуряковой его идеальная *модель*, в соответствии с которой гражданское общество состоит из четырех основных элементов (подсистем): «гражданские права» (набор кодифицированных законом прав и свобод), «гражданские институты» (общественные организации, воплощающие упорядоченность в структурном построении, разделение функций и согласованность действий общества), «гражданские практики» (формы социальной активности), «гражданские ценности» (идеационные показатели социальной интеграции)[101].

Кооперация вписывается в эту модель как устойчивая социальная практика и гражданский институт, способствующий социальной интеграции и формированию определенных гражданских ценностей. Как общественная организация она обладает ее характерными признаками, сформулированными А.С. Тумановой: негосударственный характер, выражающийся в независимом от властных структур осуществлении своих функций, добровольность входа и выхода, персональное фиксированное членство, юридическое равноправие членов, выборность руководства,

[100] См.: Сельскохозяйственная потребительская кооперация как основа развития сельских территорий и гражданского общества: кол. моногр. / *И.В. Палаткин* [и др.] Пенза, 2012. С. 18.

[101] *Проскурякова Н.А.* Проблема формирования гражданского общества… С. 194–196.

некоммерческая цель, наличие штатного аппарата и внутренней структуры, самофинансирование как основа формирования бюджета[102].

Таким образом, кооперативные формы ассоциирования предстают как целерациональный тип социального действия, в результате которого происходит образование социальных связей между индивидами, создание ассоциаций и устойчивых общественных институтов. Для традиционного российского общества, где превалировал ценностно-рациональный тип социального действия и способность к ассоциированию была слабо развита, кооперативные формы являлись экзоинновацией. Органично вписываясь в модернизационные процессы, кооперативные формы ассоциирования с их функциями адаптации и интеграции способствовали социализации экономики, преодолению социокультурного раскола общества, накоплению социального капитала и развитию сферы негосударственной гражданской деятельности.

Представленные методы и концепции, использованные в комплексе, являются адекватным инструментом исторического изучения кооперативного движения на региональном уровне, понимания специфики собственного кооперативного опыта самоорганизации населения в соотнесении с мировым и отечественным, выявления важного значения и противоречий в развитии городской кооперации Сибири как локального агента модернизации и одного из элементов формировавшего в позднеимперской России гражданского общества.

Источниковая база исследования. Исследование опирается на комплекс исторических источников разных видов, позволяющих реконструировать деятельность городских потребительских кооперативов в социально-экономическом и социально-культурном пространстве сибирских городских поселений. Это законодательные и нормативные документы, делопроизводственные документы, образовавшиеся в результате

[102] *Туманова А.С.* Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века (Историко-юридическое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 14.

функционирования кооперативных организаций, материалы, содержащиеся в справочно-статистических изданиях и периодической печати.

Отправными являются разработанные центральными органами власти *законодательные акты и нормативные документы*, являвшиеся правовой базой для развития организованной общественной самодеятельности в дореволюционной России. В отсутствие единого кооперативного закона правовые нормы, касавшиеся кооперации, были рассредоточены по разным частям Свода законов Российской империи[103]. В соответствии с ними потребительные общества учреждались и действовали на основании уставов, утвержденных в МВД. С принятием 13 мая 1897 г. *Нормального устава*[104] право утверждать уставы, тождественные нормальному, открывать, контролировать и закрывать потребительные общества было предоставлено губернаторам. Изданные 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах», являвшиеся значимым этапом на пути проведения в жизнь свободы союзов в России, не касались потребительных обществ как прибыльных организаций[105]. 7 октября 1908 г. право закрывать потребительные общества было вновь отдано Министерству внутренних дел.

Нормативными документами, исходившими от кооперативных организаций и имевшими юридическую силу, являются их *уставы*, утвержденные государственными органами (МВД, а с 1897 г. – губернаторами). В совокупности статьи устава закрепляли признаки, характеризовавшие кооператив как юридическое лицо – организацию, которая имела в собственности и оперативном управлении имущество, могла

---

[103] Потребительные общества действовали на основании VI главы I части X тома Свода законов (Приложение 1 «Положение о товариществах»). Порядок возникновения потребительных обществ был предусмотрен статьей 443 Устава об общественном призрении (Свод законов. Т. 13).

[104] Нормальный устав потребительных обществ, утвержденный 13 мая 1897 г. // Кооперация: страницы истории: в 3 т. / Отв. ред. *Н.К. Фигуровская.* М., 2011. Т. 1. Кн.3. Ч. 2. С. 78–84.

[105] *Туманова А.С.* Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций в России в начале XX века: автореф. дис. … докт. истор. наук. М., 2003. С. 15–16; *Меркулов А.В.* Как организовать и вести потребительное общество. Текст, законы, уставы, инструкции. Пг., 1914. С. 25, 33.

приобретать и осуществлять имущественные и неимущественные права. Уставы фиксировали дату учреждения и персональный состав учредителей. Решения учредительного собрания о составе членов, величине и максимальном количестве паев, порядке распределения прибыли и кворуме общих собраний, закрепленные в свободных пунктах устава, демонстрируют степень соответствия отдельного общества потребителей классическим признакам кооперативной организации.

В целом, законодательные и нормативные документы раскрывают объективные правовые условия развития потребительской кооперации, изменения в отношении нее правительственного курса, механизм административного контроля, состояние цензуры права на общественную деятельность.

В дореволюционный период потребительные общества относились к разряду общеполезных учреждений, носящих благотворительный и вспомогательный характер, и находились в ведении МВД, в котором приписывались к хозяйственному департаменту по отделу народного здравия и общественного призрения. В соответствии с этим *делопроизводственные* документы казенного и кооперативного происхождения разрознены по ряду подразделений МВД и министерств, ведавших торговлей и финансами[106].

На местном уровне, особенно после предоставления губернаторам в 1897 г. права утверждать уставы потребительных обществ, документация, связанная с их деятельностью, откладывалась в архивах губернских органов управления и городского самоуправления (губернских правлений и канцелярий, казенных палат, городских дум и управ, полицейских

[106] Они содержатся в фондах Департамента общих дел МВД (РГИА, Ф. 1284), Главного управления по делам местного хозяйства МВД (РГИА, Ф. 1288), Особого отдела и 4-го делопроизводства МВД (ГАРФ, Ф. 102), Министерства торговли и промышленности (РГИА, Ф. 23). Отчеты потребительных обществ за 1915–1917 гг. отложились в фонде Главного управления налогов и сборов Министерства финансов Российского правительства (ГАРФ, Ф. Р-146).

управлений), кооперативных союзов, местных отделов Московского общества сельского хозяйства, отделениях Московского Народного банка[107].

В делопроизводственных документах выделяются группы по форме создания и характеру содержащейся информации. Это делопроизводственная документация *протокольной* (журналы заседаний городских дум, стенограммы и труды кооперативных съездов[108], протоколы общих собраний кооперативов) и *распорядительной* (циркуляры МВД, административные распоряжения, приказы, резолюции чиновников) форм, *переписка* между органами власти и кооперативными организациями (прошения и ходатайства о разрешении собраний и съездов, аренды торговых помещений, приобретении участков земли, книжной торговли, устройства курсов, лекций, культурных мероприятий, записки о продовольственном положении) и внутри этих структур (запросы о развитии кооперативного движения в губерниях, официальные письма правлений кооперативов к руководству своих союзов), *отчетная* (доклады и обзоры чиновников МВД и губернаторов, рапорты полицейских чинов, агентурные донесения полицейских агентов, докладные записки инструкторов кооперации, отчеты

---

[107] Она доступна для исследования в государственных архивах Томской (фонды Томского губернского управления – Ф. 3 и казенной палаты – Ф. 196), Омской (фонды Западно-Сибирского управления – Ф. 3, Омской городской думы – Ф. 30, Союза кооперативных объединений Западной Сибири «Центросибирь» – Ф. 151, Омского жандармского управления – Ф. 270), Новосибирской (фонды Новониколаевской городской управы – Ф. Д-97, Союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» – Ф. Р-51), Иркутской (фонды Иркутского жандармского управления – Ф. 600, Управления Забайкальской железной дороги – Ф. 72, Иркутской городской управы – Ф. 322) областей, г. Тобольска (Тобольского губернского управления – Ф. 152 и казенной палаты – Ф. 154), Республики Бурятии (фонды Верхнеудинского общества потребителей «Экономия» – Ф. 236, Прибайкальского торгово-промышленного товарищества кооперативов – Ф. 228, жандармского управления – Ф. 381, городской управы – Ф. 10), Забайкальского (фонды Областного союза забайкальских кооперативов – Ф. 35, Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги – Ф. 173, Читинского отделения Московского народного банка – Ф. 347, Забайкальской областной управы – Ф. 1) и Красноярского (фонд Енисейского губернского союза кооперативов – Ф. Р-127) краев.

[108] Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений в Москве 16–21 апреля 1908 г. // Труды, изданные Бюро Московского союза потребительных обществ. М., 1908; Протоколы съезда кооперативов Томской губ. 1–4 марта 1915 г. Томск, 1915; Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда 2–12 января 1916 г. в г. Омске. Омск, 1916.

потребительных обществ), *учетная* (списки членов обществ и кооперативов) и *информационная* (справки полицейских чинов) документация.

Уставы, отчеты и протоколы общих собраний являются исходными документами для всестороннего анализа кооперативной работы. Комплексы делопроизводственных документов, отложившиеся в ходе переписки между кооперативной общественностью, губернскими властями и министерскими чиновниками, детализируют и расширяют представления об основных направлениях хозяйственной и общественно-культурной деятельности кооперативов.

В документах, созданных в кооперативной среде, генерировался основной объем наиболее значимой фактической и статистической информации о кооперативах, первичность которой не является гарантией достоверности и требует критического отношения. Характерными чертами кооперативных материалов (отчетов, докладов, записок) является отпечаток прожектерства, известная идеализация кооперативного движения.

Делопроизводственные документы охранительных ведомств, составленные с целью определения политической благонадежности кооператоров, характеризуют степень влияния на кооперативную работу представителей политических партий и течений. Они содержат сведения о масштабах развития кооперативного движения в губерниях, обстоятельствах учреждения, количественном и социальном составе, повестке общих собраний, общественно-культурной деятельности потребительных обществ, реже заметен интерес к хозяйственной стороне кооперативной работы и влиянии ее на благосостояние населения. Чиновным документам присуще стремление к точности в фиксации фактов, отсутствие тенденции к переоценке значимости и размаха кооперативного движения, проявление индифферентного отношения к кооперации в агентурных донесениях и определенной пристрастности (чаще негативного, реже благожелательного отношения) в рапортах, докладах, аналитических записках губернаторов и полицейских чинов.

Систематизации сведений о развитии кооперации способствуют *справочно-статистические* источники: опубликованные списки потребительских организаций, кооперативные календари, ежегодники, памятные книжки губерний, справочно-статистические сборники. Этот вид источников является сложным по своему составу, так как кроме справочно-статистических сведений по губерниям и уездам о наличии потребительных обществ, содержит заметки и статьи о их деятельности. Так, в «Ежегодниках Московского союза потребительных обществ» приводятся сравнительные данные по процентному охвату кооперацией населения Сибири и других регионов страны, обзорные статьи специалистов об основных тенденциях в развитии городской и рабочей кооперации[109].

Разноплановый материал центральных и местных исторических архивов носит характер вкраплений кооперативной и сибирской тематики в громадные массивы документов. В совокупности со справочно-статистическими изданиями он недостаточно репрезентативно освещает все вопросы темы и требует дополнения обширными материалами *периодической печати,* которая также является сложным по составу источником. В кооперативных изданиях, кооперативных и новостных отделах общественно-политических журналов и газет публиковались и комментировались законодательные и нормативные документы, отчеты об операциях, общих собраниях и съездах кооперации, статистические материалы, доклады кооперативных деятелей[110], письма кооперативных

[109] Свод статистических данных о потребительных обществах России. СПб., 1905; Список всех потребительных обществ России, как действующих, так и закрывшихся, на 1 января 1912 г. СПб., 1912; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. СПб., 1910; Календарь сибирской кооперации на 1917 г. Томск, 1916; Ежегодник Московского союза потребительных обществ (МСПО). 1912 г. М., 1912. Вып. 2; 1914 г. М., 1916. Вып. 4.

[110] Доклад Н.А. Рожкова о Забайкальской потребительской кооперации, прочитанный на заседании Томского отделения Общества изучения Сибири и улучшения ее быта // Утро Сибири. 1916. 28 февр.; Тормозы кооперации (Доклад А.В. Байкалова в Красноярском комитете содействия кооперации) // Союз потребителей. 1916. № 18. С. 620–621 и др.

работников и потребителей, заметки и статьи о деятельности отдельных кооперативов, союзов, видов кооперации.

При работе с материалами периодической печати учитывался менее достоверный, чем у первичных источников, характер информационно-новостных материалов, так как в них опускались второстепенные, с точки зрения создателя, детали. Обзорно-аналитические материалы отличаются субъективным характером изложения. Субъективный авторский подход основывался не только на идейно-мировоззренческих позициях и партийной принадлежности, но и на приверженности тому или иному обществу потребителей, кооперативному союзу, виду кооперации и проявлялся в антиправительственной, антирыночной и антисобственнической направленности, идеализации кооперативного движения, акцентировании его социотерапевтической функции[111]. В целом авторы рассматривали кооперацию с либерально-демократических позиций как важнейшее современное общественно-экономическое движение.

Материалы периодической печати представляют особую ценность для изучения кооперации в контексте проблем формирования институтов гражданского общества, давая возможность из наблюдений современников извлекать совокупность мотиваций, ментальных установок, способов мышления и образов поведения, характерных для инициативных и рядовых участников кооперативного движения. Они делают более доступными для изучения «тонкие структуры» внутригородской коммуникации, процессы в социуме, которые не получили формализованного выражения или прослеживаемы каким-либо образом по документальным источникам. Информационные и авторские публикации создают синтез объективных фактических данных, субъективного взгляда на событие «изнутри» и эмоционального напряжения, что позволяет получать хронологические

[111] В наибольшей степени это учитывалось при использовании материалов новониколаевской газеты социал-демократического направления «Голос Сибири».

«срезы» эпохи со всем богатством и разнообразием исторического материала.

В качестве источников *мемуарного* характера использовались записки кооператоров Восточной Сибири А.М. Буйко и С.П. Днепровского, работа которого имеет также существенное историографическое значение. Близость авторов к социал-демократической подпольной организации обуславливает критическое отношение к их взглядам на кооперацию[112].

Источниковая база по истории городской кооперации в Сибири в исследуемый период имеет разрозненный и фрагментарный характер. В потребительской кооперации не велось такого учета, как в кредитной, в отношении которой осуществлялось государственное финансирование, содействие и контроль, статистический учет и документирование деятельности. Менее всего оказалась обеспеченной источниками городская кооперация. Комплексное использование информационного потенциала всех видов источников создает возможность репрезентативного освещения основных направлений деятельности городской и рабочей кооперации в Сибири с целью достижения поставленных исследовательских задач.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Теоретическому осмыслению места и роли кооперации в модернизационных процессах, которые обозначились в России на рубеже XIX – начала XX вв., способствует предложенная модель ее функционирования в обществе, основанная на принципах «экономики участия» и демократического самоуправления. Она позволяет рассматривать кооперацию как инструмент социализации экономики, формирования гражданской культуры и социального капитала. Использованная в конкретно-историческом исследовании модель раскрывает самоорганизующие начала кооперации, проявляющиеся в хозяйственно-

[112] *Буйко А.М.* Путь рабочего. Воспоминания путиловца. Записки старого большевика. М.,1934. *Днепровский С.П.* Кооператоры. М., 1968.

экономической и социально-культурной областях, комплексно характеризует кооперативный опыт в контексте проблем формирования сферы гражданской деятельности как важного субпроцесса модернизации.

2. Развитие кооперативных форм самоорганизации населения в сибирском городе в 1890-е гг. – феврале 1917 г. определялось общими для Российской империи социально-экономическими и политическими процессами, промышленной модернизацией, урбанизацией, прогрессированием культурной сферы. В 1890-е гг. в условиях ускоренного развития капитализма, связанного в Сибири с железнодорожным строительством и усилением колонизации, потребительские кооперативы начали органично встраиваться в социально-экономическую структуру городских поселений и занимать место недостаточно развитой розничной торговли. Устойчивый рост городской потребительской кооперации в регионе начался с 1912 г. К 1917 г. доля горожан, связанных с потребительской кооперацией, доходила в отдельных городах до одной трети населения, приближаясь к общероссийскому уровню.

3. Принципы организации городских всесословных и рабочих кооперативов были идентичны кооперативам рочдельского типа, ориентированным не на извлечение прибыли, а на самообеспечение и взаимопомощь. Их основными чертами являлись: 1) широкий социальный состав с преобладанием малоимущих слоев населения, 2) невысокие паевые взносы и размеры дивидендов, 3) распределение прибыли преимущественно пропорционально активному участию в операциях кооператива, 4) стремление использовать прибыль от посторонних и часть дивидендов на общественные и культурные цели, 5) проведение политики низких цен, 6) борьба с торговлей в кредит наряду с организацией кредита для групп малообеспеченных пайщиков. Характерным для городских кооперативов являлась незначительность собственных капиталов и отсутствие финансовой самодостаточности. Тем не менее, создаваемая материально-финансовая база

носила самостоятельный характер и воспитывала чувство коллективного хозяйствования и ответственности.

4. Центробежные разрушительные силы, изначально присущие социально гетерогенным кооперативным организациям, сдерживались посредством развития самодеятельности пайщиков, демократического самоуправления и контроля на основе положений Нормального устава 1897 г. о верховенстве общего собрания, выборности, отчетности и сменяемости управляющих органов, двоецентрии правления и ревизионной комиссии, равноправии участников. Успех социальной интеграции в кооперативах зависел от эффективной хозяйственной деятельности, культурной работы, авторитета руководителей, профессионализма наемного штата. Интегративная роль городской кооперации проявлялась как в сплочении пайщиков, так и в построении связей и взаимодействия кооперативов с органами власти, городскими корпорациями и общественными организациями на местном, региональном и общероссийском уровнях.

5. Двойственность функций потребительской кооперации как общественно-торговой организации выражалась в тесной связи и взаимообусловленности хозяйственно-экономической и социально-культурной сфер ее деятельности. Кооперативная торговля и производство, выплата дивидендов играли существенную роль в жизнеобеспечении пайщиков. Создаваемые кооперативами площадки для общения и культурного досуга вносили в социокультурную жизнь сибирской провинции стандарты быта и нравов, присущие крупным городским центрам. Получили развитие передовые для того времени идеи внешкольного образования, благотворительности, кооперативных клубов и Народных домов как центров местной кооперативной и культурной жизни.

6. Несмотря на значительное влияние политических партий и течений, связанных с деятельностью политических ссыльных, что являлось спецификой Сибири, практика городской и рабочей кооперации детерминировалась преимущественно экономическими, а не идейно-

политическими факторами. Попытки игнорирования экономических интересов городских обществ и создания преференций для сельских кооперативов не способствовали складыванию прочных союзных объединений. Радикальные политизированные выступления кооперативного актива, обострявшие отношения с рядовыми кооператорами, органами городского самоуправления, Союзами городов и военно-промышленными комитетами, также не находили существенной поддержки в среде пайщиков. Основная масса участников кооперативного движения как во всесословных, так и в рабочих обществах не приветствовала попытки использования своих организаций в нелегальных целях, сознательно или спонтанно поддерживая идеологию мирного эволюционного пути реорганизации общественного и хозяйственного строя.

7. В годы Первой мировой войны сибирские городские кооперативы, являясь частными организациями самопомощи, эволюционировали как институты, отстаивающие общественные интересы, корректировали своей деятельностью усилия власти в решении насущных проблем, оказывали регулирующее и интегрирующее воздействие на жизнедеятельность городского социума. Несмотря на факты противостояния и конкуренции органов местного самоуправления и кооперативов, между ними устанавливались отношения конструктивного сотрудничества, создававшие предпосылки для формирования гражданского общества на региональном уровне. Усиление распределительных функций потребительских кооперативов привело к росту их финансовой зависимости от государства и деформации кооперации как автономной самодеятельной системы.

8. Потребительская кооперация представляла собой крупное общественное движение, способствовавшее пробуждению социальной активности населения и продвижению в сознание и повседневную практику городской общественности ценностей и норм гражданского общества. В кооперативах устанавливались тесные контакты между большими группами горожан, преодолевалось сословное, территориальное и коммуникативное

разобщение, формировалась новая ментальность, связанная с самодеятельностью на основе свободного осознанного выбора. Участие горожан в кооперации способствовало формированию качественно новой гражданской и индивидуальной идентичности личности с характерным для модернизации рациональным типом мировосприятия – преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству, самопомощи, новаторским решениям.

Научная новизна исследования. В работе предпринято комплексное обобщающее исследование деятельности городской потребительской кооперации Сибири в 1890-х – феврале 1917 г. на основе методологических принципов формационной, цивилизационной и модернизационной парадигм исторического знания, экономической теории кооперации и концепта «гражданское общество», достижений отечественной и зарубежной историографии, разнообразного круга источников, в том числе впервые введенных в научный оборот архивных документов и материалов периодической печати.

Разработана модель функционирования потребительской кооперации в обществе, в соответствии с которой на примере городских поселений Сибири дана комплексная характеристика потребительско-кооперативного сегмента российской модернизации.

Выявлены основные черты городских кооперативов в Сибири, устанавливающие их идентичность кооперативам рочдельского типа как некоммерческих организаций, рассчитанных не на извлечение прибыли, а на самообеспечение и самопомощь.

Доказана детерминированность развития кооперативных форм самоорганизации населения в сибирском городе как общими социально-политическими, правовыми и экономическими условиями в Российской империи, так и особенностями территорий Сибирского макрорегиона.

На материалах Сибири подтверждена двойственность функций потребительской кооперации как общественно-торговой организации.

Показана тесная связь и взаимообусловленность хозяйственно-экономической и социально-культурной сфер ее деятельности.

Доказано, что в практике городской кооперации, ее позиции по отношению к политическим течениям и фактам администрирования в союзном строительстве утверждался приоритет экономической целесообразности перед внешними идейно-политическими факторами, которые могли нанести вред кооперативной экономике.

Раскрыта интегративная роль городской кооперации, проявлявшаяся как в сплочении пайщиков, так и в построении связей и взаимодействия кооперативов с органами власти, городскими корпорациями и общественными организациями на местном, региональном и общероссийском уровнях. Выяснено, что в годы войны сибирские городские кооперативы, являясь частными организациями самопомощи, эволюционировали как институты, отстаивающие общественные интересы, компенсировали своей деятельностью недостаток административного и бюрократического ресурса власти в решении насущных проблем. Обоснован вывод о том, что несмотря на факты противостояния и конкуренции органов местного самоуправления и кооперативов, между ними устанавливались отношения конструктивного сотрудничества, создававшие предпосылки для формирования гражданского общества на региональном уровне.

Теоретическая значимость исследования.

В диссертации разработана модель функционирования потребительской кооперации в обществе, стержневые конструкции которой основаны на принципах «экономики участия» и демократического самоуправления. Использованная в исследовании, она позволила раскрыть самоорганизующие начала кооперации, проявившиеся в хозяйственно-экономической и социально-культурной сферах, показать ее роль в упрочении горизонтальных интеграционных связей, развитии гражданской культуры и накоплении социального капитала, выявить основные черты городских кооперативов в Сибири, установить их идентичность кооперативам рочдельского типа как

некоммерческих организаций, рассчитанных на самообеспечение, а не на извлечение прибыли.

Модель функционирования потребительской кооперации в обществе и результаты ее использования при изучении исторического опыта городской кооперации в Сибири применимы для исследования кооперативного движения в других регионах, что даст возможность использовать компаративистский подход в работах по этой проблематике.

В диссертации дано теоретико-эмпирическое обоснование участия кооперативных структур в модернизационных процессах, которые охватывали экономическую и социально-культурную сферы сибирского города. Доказано, что самодеятельные кооперативные организации способствовали формированию качественно новой гражданской и индивидуальной идентичности личности с характерным для модернизации рациональным типом мировосприятия – преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству, самопомощи, новаторским решениям.

Доказана применимость к изучению конкретно-исторических задач концепта «гражданское общество». Подтверждена исследовательская гипотеза о соответствии кооперативных форм социально-экономической деятельности функционированию институтов гражданского общества, важным критерием которого является способность граждан к самоорганизации на демократических основах. Потребительская кооперация включена в контекст проблем формирования сферы гражданской деятельности как важного субпроцесса российской модернизации.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования будут иметь важное значение при подготовке обобщающих, междисциплинарных трудов по истории общественных движений. Они применимы для использования при разработке учебных курсов и пособий по теории и истории кооперации в профильных учебных заведениях, повышения квалификации корпуса кооперативных работников и

политической культуры управленческих кадров различных общественных и государственных структур.

Диссертационное исследование актуализирует прогностическую функцию обществоведческого знания, раскрывая на историческом материале диалектический механизм управления общественными процессами (государственный интервенционизм, ограничение или поощрение развития личной инициативы, реализация механизма обратных связей), показывая, что государство должно быть заинтересовано в социально значимых кооперативных программах не только с целью преодоления негативных социальных последствий экономических рыночных реформ, но и с целью развития институтов полноценного гражданского общества.

Апробация результатов исследования. Они докладывались на научных и научно-практических конференциях разных уровней:

– Восьми *Международных* (Международная научно-практическая конференция «Русский вопрос: история и современность», г. Омск, 1–2 ноября 2007 г.; VII, VIII, IX, X Международные научно-практические конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», г. Омск, 27–28 марта 2008 г.; 20–22 апреля 2010 г.; 17–20 апреля 2012 г., 23–26 апреля 2014 г.; Международная научно-практическая конференция «Кооперация: история, теория, экономика, управление», г. Новосибирск, 17–18 апреля 2008 г.; Международная научно-практическая конференция «Кооперация: история и современность», г. Новосибирск, 17–18 марта 2010 г.; Международная научная конференция «История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII начала XXI вв.», г. Челябинск, ноябрь 2011).

– Восьми *Всероссийских* (Всероссийская научно-практическая конференция «Русский вопрос: история и современность», г. Омск, 1–2 ноября 2005 г.; Всероссийская научно-практическая конференция «Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения азиатской России»,

г. Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г.; Всероссийская научная конференция «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.», г. Новосибирск, 26–27 октября 2009 г.; Всероссийская научная конференция «Хозяйственное освоение Сибири в XVII – начале XX в.: источники, историография, основные дискуссионные проблемы», г. Томск, 6–7 мая 2009 г.; Всероссийская научная конференция «Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.» г. Новосибирск, 26–27 октября 2009 г.; Второй Всероссийский научный конгресс «История и культура городов России: традиции и новации в меняющемся мире», г. Новосибирск, 21–22 октября 2010 г.; Всероссийская научно-практическая конференция «Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России», г. Омск, 12–13 ноября 2013 г.; Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Сибирь и войны XIX–XX веков», г. Новосибирск, 8–10 июня 2014 г.).

– *Региональных* (Межрегиональная научная конференция «Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начало XX века», г. Новосибирск, 23–24 сентября 2007 г.).

Положения диссертации являлись составной частью научно-исследовательских проектов РГНФ и проекта программы Президиума РАН «Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействия и конфликты (XVII – начало XX в.)».

Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования изложены в 78 публикациях автора, в том числе в 15 статьях в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных работ, трех монографиях, 60 статьях в других научных изданиях, материалах конференций.

Структура исследования. Диссертация состоит из четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Цель и задачи исследования обусловили определение проблематики глав и их

структурирование. В первой главе проанализированы теоретические основы изучения кооперативного опыта с учетом экономической теории кооперации, концептов модернизации и гражданского общества. Во второй, третьей и четвертой главах в соответствии с разработанной моделью функционирования потребительской кооперации в обществе всесторонне рассмотрена хозяйственно-экономическая и социально-культурная деятельность кооперативов. В заключении даны основные выводы. В приложении систематизированы характеристики сущностных черт и количественные параметры деятельности изученных потребительских организаций, представлена модель функционирования потребительской кооперации в обществе.

Глава 1. Кооперативный сегмент российской модернизации

1.1. Кооперация как элемент гражданского общества

Включение кооперации в контекст проблем формирования сферы гражданской деятельности как важного субпроцесса российской модернизации предполагает обзор исследовательских подходов к определению понятия «гражданское общество» и оценке степени его зрелости в позднеимперской России и Сибирском регионе, которые в социогуманитарном знании не получили однозначного решения.

При всём многообразии определений «гражданского общества», его состава, элементов и функций, это понятие имеет:

– *теоретико-аналитическую* (анализ и объяснение явлений социальной реальности) и *нормативную* (способствует мотивации и мобилизации граждан и других социальных субъектов на развитие форм гражданской активности, определяет вектор движения) функции;

– четко выраженный *антиэтатический* (но не противопоставленный государству) и *демократический* характер;

– подразумевает *автономию* (в смысле отсутствия побуждения извне) и *плюрализм* (в смысле отсутствия доминирующей силы, будь то государство, церковь, армия или одна господствующая партия), *верховенство права* (что шире, чем идея правового государства, так как оно может быть авторитарным и тоталитарным с соответствующими законами), *гражданскую культуру* (демократическую или партиципативную неполитическую и политическую культуру)[1].

[1] *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 25–26, 33–35; *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 16; *Хильдермейер М.* Образованный слой и гражданское общество: развитие в России до 1917 года в сравнительном отношении // Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 62, 64; *Колбановский В.В.* Основные функции гражданского общества // Проблемы формирования гражданского общества: сб. науч. ст. М., 1993. С. 24; *Соловьев А.И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 29;

В собственно теоретических исследованиях гражданского общества можно выделить две основные интерпретации его сущности в соответствии с *генетическим* и *структурным* подходами:

– гражданское общество как определенное *состояние* социума, то есть государство особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности (при достижении такого состояния государство и гражданское общество фактически отождествляются);

– гражданское общество как определенная *сфера* социума – сфера внегосударственных отношений, структур и институтов[2].

В духе второго подхода, который сегодня преобладает в западном и активно развивается в отечественном социогуманитарном знании, можно выделить агрегированное *понятие гражданского общества,* концептуализирующее его как специфическую совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, институтов и ценностей, главным объектом которых является гражданин со своими гражданскими правами и гражданские (не политические, не государственные) организации: ассоциации, общественные движения и гражданские институты[3].

Так, К.С. Гаджиев определяет гражданское общество как «систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных»[4]. Дж. Брэдли под гражданским обществом понимает «пространство, существующее между

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. М., 2014. С. 329–330.

[2] *Витюк В.В.* Гражданское общество: современное содержание понятия // Проблемы формирования гражданского общества. М.: Изд-е Ин-та социологии РАН, 1993. С. 10, 19–21; *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация. С. 15.

[3] *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России. С. 31.

[4] *Гаджиев К.С.* Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 30.

индивидом и государством, которое состоит из частных учреждений, общественных организаций, рынка и сферы свободного выражения идей и отправления вероисповедания»[5]. Дж. Коэн и Э. Арато считают, что гражданское общество это «сфера социальной интеракции между экономикой и государством, состоящая, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семья), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации»[6].

Понимание гражданского общества как *особой сферы общества* не означает разделения социального пространства на два изолированных друг от друга поля – государственное и общественное. Наоборот, подчеркивается плодотворность их *взаимодействия*, особенно если государство является демократическим. Государство в силу присущей ему функции структурирования социальных отношений неизбежно влияет на жизнь автономной частной сферы, создавая благоприятные или неблагоприятные условия для ее развития. С другой стороны, гражданское общество, являясь социальным институтом, обеспечивающим гражданские, политические и экономические права индивида, выполняет функции *«сцепления»* социума, соединения частного и общественного интересов, посредничества между личностью и государством[7]. Разграничение гражданского общества и государства представляется как трудный и длительный процесс распределения власти между разнообразными публичными сферами, существующими внутри институционально различных областей гражданского общества и государства и в области их взаимодействия[8].

---

[5] *Брэдли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77.

[6] *Коэн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория М., 2003. С. 7.

[7] *Витюк В.В.* Гражданское общество: современное содержание понятия. С. 12, 17; *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация. С. 15–16.

[8] *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество / Пер. с англ.; Послесл. М.А. Абрамова. М., 2001. С. 13.

Изучение кооперативных форм хозяйствования актуализирует в дихотомной теоретической парадигме «гражданское общество/политическое государство» аспект *экономики.* В трудах европейских просветителей, И. Канта, Г.Ф. Гегеля и К. Маркса была обоснована классическая *двухкомпонентная* модель, разделяющая общество на государственную и негосударственную сферы[9]. К негосударственной сфере, т.е. к гражданскому обществу, они относили и экономику, основанную на частной собственности. Хозяйственная сфера определяла само существо гражданского общества, являлась его ядром. Независимые от государства институты и объединения, формирующие гражданское общество располагаются в сфере экономики, а не политики или религии, и именно данная сфера является пространством свободы и плюрализма.

Такая трактовка соотношения гражданского общества и экономики в XX – начале XXI в. дискутировалась в концепциях А. Грамши, Дж. Коэн и Э. Арато, которые отделили гражданское общество не только от государства, но и от экономики, как сфер, связанных с доминированием власти и капитала. Стихийные силы капиталистической рыночной экономики способны являть собой не меньшую угрозу для социальной солидарности, социальной справедливости и автономности, чем административная власть современного государства. Возникла *трехкомпонентная* концепция гражданского общества, отличного от политического (политические партии, организации, парламент) и экономического (организации производства и распределения) общества. Кооперативные организации, согласно этой концепции, как непосредственно связанные с рынком и экономикой, входят в «экономическое общество» и не входят в сферу гражданского общества[10].

Однако точка зрения о том, что фундамент гражданского общества все-таки составляет рыночная экономика, которая основывается на

[9] *Витюк В.В.* Гражданское общество: современное содержание понятия. С. 15–16; *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России. С. 27, 33; *Гаджиев К.С.* Концепция гражданского общества… С. 23–24.

[10] *Коэн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. С. 7–8.

негосударственных формах собственности, в первую очередь – на частной, имеет большое распространение в науке, в том числе в отечественной. Исследователи считают, что отделение сферы экономики от гражданского общества приводит к тому, что последнее остается пассивным в экономическом смысле, лишается материальных ресурсов, собственности, которые могло бы использовать для своей защиты и экспансии. Экономика, основанная на частной собственности, – наиболее важный барьер на пути к деспотизму государства[11].

Применительно к *отечественной истории* одной из важных исследовательских задач является исследование гражданского общества в исторической перспективе. В России вклад в разработку проблем, отвечавших на вопрос о совместимости форм гражданского общества с сущностными чертами российской цивилизации, внесли дискуссии западников и славянофилов (П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, А.С. Хомякова, Вл. Соловьева и др.), труды Н.М. Карамзина, С. Десницкого, Н.М. Сперанского, Б.Н. Чичерина, Е.Н. Трубецкого, М. Бакунина и др. Все развитие государственно-правовой и особенно конституционно-правовой мысли XIX – начала XX вв. пронизано концепцией гражданского общества, построения его отдельных элементов, развития местного самоуправления, судебной системы, образования и просвещения и т.п.

Россия традиционно принадлежит к странам, которые ориентированы на государство, а не на общество. В отличие от стран Запада в ней исторически сложился тип общественной системы, в основе которой лежит эффективность власти, а не эффективность собственности и гражданского общества, укоренено убеждение в необходимости сильного государства,

[11] *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество. С. 38; *Павленко Ю.Г.* Современное гражданское общество // Вопросы экономики. 2008. № 10. С. 96–107; *Валитов А.А., Вильцан М.А., Томилов И.С.* Основные этапы развития гражданского общества в России // Политика, государство и право. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: http://politika.snauka.ru/2014/11/2088 (дата обращения: 17.06.2015).

тогда как общество недостаточно автономно[12]. В обширной империи численность и качество чиновничье-бюрократического аппарата не соответствовали потребностям населения в услугах для расширения круга своих возможностей и альтернатив, ощущался недостаток административного ресурса в отношении низших слоев населения («недоуправляемость» империи) при фактической изолированности огромных масс населения от сфер общественной деятельности[13]. По словам С.Ю. Витте России крайне не хватало независимой социальной активности[14] для заботы о народном образовании, здравоохранении, общественном призрении, коммунальном хозяйстве, строительстве и благоустройстве дорог, противопожарной и продовольственной безопасности и т.п.

Так же как и в других странах, проблема генезиса гражданского общества в России тесно связана с концептом модернизации. Позитивно оценивая общественный прорыв эпохи Великих реформ Александра II, исследователи обращают внимание на противоречия происходившей в Российской империи со второй половины XIX в. до Первой мировой войны модернизации, делают выводы о незавершенности раннеиндустриального этапа экономической модернизации в начале XX в., крайней неравномерности распространения модернизации как в территориальном плане, так и в различных сферах общественной жизни[15].

---

[12] *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 29.

[13] *Беспалов С.В.* Проблемы экономического развития России на рубеже XIX – XX в. в современной западной историографии: основные тенденции // Историческое исследование и историческое повествование. Традиции научной школы А.Л. Шапиро: труды междунар. конф. к 100-летию со дня рождения А.Л. Шапиро (1908–1994). СПб., 2013. С. 41.

[14] Цит. по: *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги // Гражданское общество в глобализирующемся мире. Материалы научного симпозиума «Zivilgesellschaft: Die deutsche (europäische) Erfahrung und die Perspektiven in Rußland». Гейдельберг, 9–11 мая 2005 года / Под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Солонина, Т. Туманяна. СПб., 2008. С. 117.

[15] *Арсентьев В.М.* Экономическое развитие России в XIX – начале XX века: опыт применения модернизационной парадигмы // Экономическая история. 2010. № 9. С. 4, 12–13.

Отмечается, что модернизационный процесс в России шел с большим «скрипом» и издержками[16]. Специфика перехода России в индустриальную фазу состояла в ускоренном темпе модернизации и государственном руководстве этим процессом[17]. Инициируемые «сверху» авторитарной властью элементы модернизации обусловили, с одной стороны, реальные позитивные сдвиги в сфере экономического и социального развития, формировании новых социальных страт, с другой – постепенно привели к стагнации политической системы[18]. Среди зарубежных историков и в отечественной историографии, начиная со второй половины 1980-х гг., превалирует «пессимистическая» оценка «цены» модернизации для большинства населения империи, убеждение в том, что особенности экономического развития и специфика политической системы России начала XX в. делали крах имперской модернизации и революционный взрыв практически неизбежными[19], что процесс модернизации в России к началу XX в. так и не завершился[20].

Процесс модернизации принципиально, хотя и опосредованно, влиял на формирования экономических, политических и социальных субъектов гражданского общества. В сфере производственно-экономических, социокультурных, национальных и других общественных отношений стали возникать первые гражданские институты в виде самостоятельных, не являющихся государственными, самоуправляющихся земских, профессиональных, кооперативных, предпринимательских, общественно-политических и других организаций, союзов и объединений граждан[21].

---

[16] *Тютюкин С.В.* Россия XIX – начала XX вв. и вызовы времени // Модели общественного переустройства России. С. 112.

[17] *Гридчин Ю.В.* Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. // Проблемы формирования гражданского общества: сб. науч. ст. М., 1993. С. 124.

[18] Модели общественного переустройства России. XX век: кол. моногр. / Отв. ред. *В.В. Шелохаев*. М., 2004. С. 5.

[19] *Беспалов С.В.* Проблемы экономического развития России… С. 42, 26–27.

[20] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 2. С. 299.

[21] Гражданское общество в России: история и современность. С. 28.

Концепт модернизации существенным образом сконцентрирован на деятельности и инициативах «снизу» социальных групп, автономная активность которых нацелена на создание общества полноправных граждан и установление порядка, который гарантирует дискурсивный характер урегулирования конфликтов вместо ограничительного или насильственного. Образ действия в гражданском обществе строится на таких ценностных установках, как «представления о всеобщем благе», «самоорганизация», «солидарность», «терпимость», «толерантность», «добровольное принятие на себя ответственности»[22]. Поэтому одной из ключевых и связанных с концептом модернизации является проблема *гражданской идентичности* или идентификация *социального «носителя»* гражданственности (совокупности определенных ценностей, норм, способов мышления и поведения).

Гражданская идентичность является симптомом и в то же время движущей силой зарождающегося гражданского общества и состоит из трех динамических компонент: *самоконцепт* (совокупность представлений, формируемых самой же личностью); ощущение *самоценности* (эмоциональная верификация этих представлений); контрольное убеждение в собственной *действенности*. Коллективная идентичность равным образом конструируется в социальном контексте на базе, с одной стороны, доверия и солидарности, с другой – обозначением границы между коллективом и внешним по отношению к нему миром, что сопровождается производством значимых символов и атрибутики. Подобная конструкция солидарности и размежевания имеет предпосылкой социальную дифференциацию и контроль над ресурсами (доступ к общественным благам, рынкам и т.п.)[23].

Определение социального носителя гражданственности в России остается дискуссионной проблемой, тесно связанной с изучением «среднего класса» и «средних слоев» (к которым относят носителей определенных

[22] *Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность… С. 14–15.

[23] Там же. С. 22–23.

профессий, промышленников, купцов, служащих, чиновников и т.д.)[24]. Несмотря на констатацию успешного роста в пореформенный период «энергичного среднего класса» в городе и деревне (союзы врачей, учителей, инженеров, предпринимателей, учащейся молодежи и т.д.)[25], исследователи солидарны в том, что огромная империя так и не породила развитого среднего класса – экономически независимого, имеющего определенный культурный уровень и достаточное количество свободного времени для того, чтобы являться носителем органичной модернизации и идеалов гражданского общества. Отмечается «специфическая российская небуржуазность»[26], отсутствие сравнимой с западными индустриальными странами консолидации средних слоев[27].

Ведется поиск адекватных категорий для описания общественных перемен и социальной стратификации в российском обществе. В техническом смысле «middle classes» понимаются как занимающие среднее положение в сословной пирамиде между высшим дворянством и крестьянством, что с учетом низкого уровня урбанизации в России (не более 15% городского населения в общем составе населения империи) сокращает тот резерв, откуда мог рекрутировать кадры так называемый средний класс. Отмечается, что частично функции отсутствовавшей буржуазии брала на себя интеллигенция[28], но в то же время интеллигенция не стала средним классом[29]. Часть исследователей обнаруживает, особенно в ходе локальных

[24] *Хефнер Л.* В поисках гражданского общества в самодержавной России… С. 47.

[25] *Беспалов С.В.* Проблемы экономического развития России… С. 39; *Гридчин Ю.В.* Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. С. 120.

[26] *Черных А.И.* Долгий путь к гражданскому обществу (реформы 1860-х годов в России) // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 173.

[27] О том, что российская буржуазия была далека от формирования собственной идентичности и об отсутствии глубокого проникновения понятий о частной собственности в крестьянскую среду см.: *Беспалов С.В.* Проблемы экономического развития России… С. 39.

[28] *Лебедева Е.* Гражданское общество и культура России // Гражданское общество в глобализирующемся мире. Материалы научного симпозиума «Zivilgesellschaft: Die deutsche (europäische) Erfahrung und die Perspektiven in Rußland». Гейдельберг, 9–11 мая 2005 года / Под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Солонина, Т. Туманяна. СПб., 2008. С. 99.

[29] *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги… С. 111.

исследований, «среднюю силу» общества в городском населении и новых социальных слоях (предприниматели), новых движениях (женское движение), меценатстве, развитии культуры коммуникации (театры, праздники), форм самоуправления и партийно-политической активности[30], оперирует терминами «общество», «общественность», «образованные слои» в качестве замены «буржуазных/гражданских» слоев[31], в то время как другие авторы считают эти термины маловерифицируемыми для исторического анализа[32]. На примере таких университетских городов как Одеса, Казань, Томск демонстрируется, как университетское общество в широком смысле участвовало в деятельности клубов и неформальных кружков в окружении местных газет и городской управы, образуя единую новую элиту вместе с высшими чиновниками и буржуазией[33]. Признается, что базовая сеть связей для развития гражданского общества, возникшая в пореформенный период в виде выборных органов местного самоуправления, профессиональных и общественных организаций, не затрагивала крестьян и рабочих, но с развитием так называемого «третьего элемента» в земствах и городских правлениях возник слой общества, который потенциально мог бы дотянуться и до низших классов[34]. В частности, на примере органов местного самоуправления и городских корпораций Урала показано, как в сферу гражданской деятельности постепенно включались вслед за «верхушкой» общества представители средних и низших слоев городского населения[35].

Дискуссионность вопроса об универсальности исторических путей Запада и феномена «гражданского общества» требует адекватности применения данного концепта к явлениям не западноевропейского

---

[30] *Пиетров-Энккер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность… С. 19.

[31] *Хильдермейер М.* Образованный слой и гражданское общество… С. 62–63.

[32] *Хефнер Л.* В поисках гражданского общества в самодержавной России… С. 44–46.

[33] *Хильдермейер М.* Образованный слой и гражданское общество… С. 68.

[34] *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги. С. 115.

[35] *Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2011.

социально-культурного контекста, разграничения собственно «гражданского общества» и его «предпосылочных элементов», заложенных в культуре традиционных обществ, как в области идеального, так и в области материального.

Исследователи полагают, что в принципе формы гражданского общества *совместимы* с сущностными чертами российской цивилизации и *органичны* для нее благодаря сходному с Западной Европой спонтанному генезису капитализма в недрах феодального общества и демократическим традициям самоуправления. Отмечается, что в процессе формирования субъектов гражданского общества проявилась качественная особенность, связанная со спецификой русской культуры и русского менталитета – коллективизмом в соединении с пренебрежением к праву[36]. Если на Западе данный процесс шел «от экономики» и его исходными пунктами были частная собственность и частный интерес[37], то в России становление гражданского общества в первую очередь шло через ассоциирование индивидов на почве самоуправления. Предпринимательская же деятельность в России не конструировала структуру гражданского общества. Русский капитал не стремился утвердить какие-либо новые общественно-правовые рамки, предпочитая решать проблемы, возникающие у него с властью, в текущем порядке посредством личных или корпоративных связей. Однако, попадая в сферу влияния земств, способствуя их деятельности, русская буржуазия становилась одним из субъектов гражданской самоорганизации. Именно в ходе развития самоуправления осуществлялось постепенное разделение функций государства и вопросов, которые решают «сами люди», формировалось поле самостоятельной гражданской деятельности, осуществляемой независимо от власти. Вместе с тем, самоуправление создавало важный механизм для

[36] *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация. С. 18.

[37] Об участии немецкой буржуазии в развитии институтов гражданского общества и сети общественных организаций см.: *Брэдли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 88.

подключения частного предпринимательства к решению социально-значимых проблем[38].

Отвечая на дискуссионный вопрос о времени и этапах формирования гражданского общества в России, исследователи называют в качестве первого шага преобразования Екатерины II, наделившей гражданскими правами и свободам дворян (Дж. Хоскинг). Б.Н. Миронов, считает, что зарождение такого общества в Российской империи началось в последней трети XVIII в. с возникновением общественности, представленной узким, привилегированным слоем населения. Другие начальный этап движения российского социума к гражданскому обществу в России относят к первой четверти XIX в. и связывают с военной компанией 1812–1814 гг., приблизившей Россию к Западной Европе. Значительный импульс процессам генезиса гражданского общества придала новая волна российской модернизации в эпоху буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. с «освобождением» крестьянства, учреждением земского и городского самоуправления, развитием общественных организаций, преобразованиями в области права, образования и т.д.[39]

На становление элементов гражданского общества в Российской империи деформирующее влияние оказывали следующие факторы:

– обширная территория, «очаговость» индустриализации и урбанизации, слабо развитая инфраструктура препятствовали интенсификации рыночных связей, распространению инноваций, формированию современной культурно-цивилизационной среды;

[38] Гражданское общество в России: история и современность: кол. моногр / Алексеева Л.В., Багина В.А., Зайниева Т.В. [и др.], под общ. ред. *С.С. Чернова.* Новосибирск, 2010. Кн. 2. С. 23–25, 28–29.

[39] *Валитов А.А., Вильцан М.А., Томилов И.С.* Основные этапы развития гражданского общества в России // Политика, государство и право. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: http://politika.snauka.ru/2014/11/2088 (дата обращения: 17.06.2015); Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века / Отв. ред. академик *В.В. Алексеев.* М., 2000. С. 50–72. [Волны российских модернизаций (В.В. Алексеев, И.В. Побережников)].

– отношения собственности не получили самостоятельного значения, были социально дифференцированы, в значительной степени определялись властью, что сдерживало образование третьего сословия и среднего класса;

– система ценностей православной культуры, а также весомость влияния морально-нравственных убеждений «мыслящего меньшинства» – интеллигенции – не способствовали утверждению в России западных идеологий легитимации рыночно-капиталистического развития[40];

– специфическая традиционная культура крестьянства в условиях сохранения общины оставляла его в основной массе невосприимчивым к модернизации[41];

– высокие темпы индустриализации требовали огромных инвестиций в тяжелую промышленность, обернувшихся ввиду слабости основного инвестора – буржуазии – тяжелым налоговым прессом для податного населения, что сдерживало развитие индустрии в городе и деревне;

– самодержавие и бюрократический аппарат сохраняли в модернизационном процессе свое господствующее положение, охраняли приоритет сословных интересов дворянства в ущерб другим группам населения, ограничивали и регламентировали деятельность формально свободных экономических субъектов индустриализации, закрывали легальные возможности формирования оппозиции;

– российская революционная демократия, критически оценивая европейский опыт модернизации, особенно касающийся социальных конфликтов, восприняла социалистический вариант модели будущего России, провозглашавший непримиримость классовых интересов, что способствовало расколу гражданского общества[42].

---

[40] *Арсентьев В.М.* Экономическое развитие России в XIX – начале XX века: опыт применения модернизационной парадигмы. С. 13–14.

[41] *Пиетров-Энккер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность… С. 19.

[42] *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация. С. 20–21.

Существенным является вопрос о влиянии такого фактора как *война*, которая также несет с собой усиление (мобилизацию) социальной активности. По мнению немецкого исследователя Х.-Д. Лёве, во время войны элементы гражданского общества могут стать более различимыми, иногда более активными, конфликты с государством более откровенными, так как государство, не будучи уверенным в своих силах, не осмеливается репрессировать их до конца. Однако, элементы гражданского общества чаще всего занимали эту нишу еще до войны. Война приносила гражданскому обществу прежде всего усиление репрессий и сама по себе не особенно способствовала его усилению. В 1905 г. радикализация, вызванная Русско-Японской войной и закончившаяся революцией, угрожала гражданскому обществу, так как уничтожила часть накопленного социального капитала. Напротив, после революции, когда страна успокоилась, гражданское общество сделало огромный шаг вперед. В ходе Первой мировой войны гражданское общество выстроило многие аспекты российской социальной, экономической и политической жизни. Особенно в деле снабжения городов оно сыграло огромную, хотя и не всегда успешную роль. Вместе с тем эта война также разрушала социальный капитал, аккумулированный имперским гражданским обществом, усиливала раскол внутри него, несмотря на то, что система общества и государства до Февральской революции оставалась в равновесии[43].

Таким образом, генезис гражданского общества в Российской империи носил противоречивый и конфронтационный характер, так как протекал «снизу» при жестком сопротивлении «сверху», в условиях слабой правовой базы, незрелости третьего сословия и средних слоев, отсутствии реальной многопартийности, охранительной позиции церкви, а для накопления опыта и практики деятельности субъектов гражданского общества как во

[43] *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги. С. 110–112, 121, 125, 128–131.

взаимоотношениях как друг с другом, так и с государством, не хватило исторического времени.

В целом, исследователи придерживаются взгляда, что в царской России гражданское общество находилось на «начальной стадии становления»[44], оно характеризуется как «незрелое», «незавершенное», «неразвитое», «зачаточное»[45], «аморфное»[46], вплоть до утверждения, что в России «никогда не было гражданского общества»[47]. Л. Хэфнер, Э. Кимбелл, Дж. Хатчинсон ссылаются на отсутствие в России институциональных гарантий гражданского общества, признанных западной политической мыслью, таких как сильный средний класс, защищенные права личности и собственности, развитые коммерциализированные города и др., и приходят к выводу о предельной слабости гражданских институтов. Самодержавие уничтожило или искалечило все автономные институты и сам порыв к раскрепощению и свободе, присущий независимой общественной инициативе. Если гражданское общество в России вообще когда-либо и возникало, то только на рубеже XIX – XX столетий – слишком поздно, чтобы успеть смягчить социально-политический кризис самодержавия. Его появление часто расценивается как результат какого-либо национального бедствия (голода 1891 г. или революции 1905 г.), а сущность видится в противодействии царизму, что снижает его ценность в качестве адекватной категории для анализа[48].

---

[44] См.: *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация. С. 21; Гражданское общество в России: история и современность… С. 29.

[45] *Гридчин Ю.В.* Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. С. 113, 123.

[46] *Хефнер Л.* В поисках гражданского общества в самодержавной России… С. 43.

[47] Данное утверждение было высказано Ю. Афанасьевым в статье «Russia´s Vicious Circle» в «The New-York Times». 1994. 28 Febr. Цит. по: *Брэдли Дж.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций… С. 66.

[48] *Брэдли Дж.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт Росси в европейском контексте // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. редакторы Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 64–65, 68–69.

Так, А. Кимбел считает, что в течение 50 лет после бурного пятилетия 1859–1863 гг., когда подданные пробудились к гражданской жизни и взаимодействие государства и общества вылилось в Великие реформы, гражданское общество в России только «увядало»[49]. Дж. Бурбанк увидела в России лишь «коллективное гражданское общество», которое вразрез с историческими идеалами Французской революции заменило в 1917 г. декларацию прав личности декларацией прав коллектива[50]. Л. Хефнер сделал вывод, что имевшиеся к 1917 г. в России элементы гражданского общества были раздробленными (фрагментированными), не способными развить специфическую идентичность и сформулировать интегрирующую идеологию, притягательную и для иных социальных слоев. Попытку актуализации истории России на базе концепта «гражданского общества» он оценивает как тенденциозно оптимистическую и применимую лишь к городам Российской империи[51]. Н.А. Проскурякова полагает, что в процессе ускоренной модернизации в России формировались предпосылки гражданского общества и к началу XX в. было уже достаточно много его элементов (добровольные общественные организации, критически мыслящая общественность, общественное мнение, с которым считалась государственная власть, свободная пресса, а после 1905 г. деятельность политических партий). В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных требований властным структурам, но гражданское общество так и не сложилось[52].

---

[49] *Кимбэлл Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России. 1856–1874: сб. научн. ст. М., 1992. С. 279.

[50] *Бурбанк Дж.* Империя и гражданское общество. Гражданская конструкция России и Советского Союза // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): сб. научн. ст. М., 1997. С. 32–33.

[51] *Хефнер Л.* В поисках гражданского общества в самодержавной России… С. 46.

[52] *Проскурякова Н.А.* Проблема формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. в социально-политическом и социокультурном контексте // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века... С. 188, 198; *Проскурякова Н.*А. Россия в XIX веке: модернизация и социокультурная традиция // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций… С. 72–73.

Часть исследователей признают, что после Великих реформ в России шел интенсивный процесс формирования сферы гражданской деятельности, но неразвитость гражданского общества являлась причиной его дезинтеграции и кризиса. Внешние и внутренние условия формирования гражданского общества не способствовали его плавной эволюции – напротив, они выступали одновременно и катализатором этого развития, и своеобразной формой его блокирования. Это противоречие разразилось гражданским кризисом 1917 г. и гражданской войной. Новой большевистской властью, упрощенно гипертрофировавшей необходимость управляемости, контролируемости и предсказуемости социума, развитие гражданского общества как стихийно порождаемого многообразного и разноуровневого комплекса социальных отношений, практик и институтов было заблокировано[53].

Другие же (Дж. Бредли, А. Линденмайер, М. Хильдермейер) сформулировали тезис о том, что гражданское общество в России имело более широкое развитие, чем это было принято считать в последние два–три десятилетия. Они рассматривают российскую модель гражданского общества как особый архетип, сложившийся на перекрестке восточной и западной культур в особых исторических, социо- и этнокультурных условиях атрофии общественного и гипертрофии государственного начал, что обусловило его своеобразие и неповторимость[54].

В их исследованиях акцент делается не на препятствиях развития гражданского общества в Российской империи, а на факторах,

---

[53] См.: Гражданское общество в России: история и современность. С. 31; *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация. С. 21; *Гридчин Ю.В.* Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. С. 125; *Романенко Л.М.* Гражданское общество в России уже есть, но… // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 12.

[54] *Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность… С. 13–20; *Хильдермейер М.* Образованный слой и гражданское общество… С. 64–66; *Брэдли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 75; *Брэдли Дж.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций... С. 65.

способствовавших его становлению, на некоторых реализованных возможностях. Демонстрируется понимание, что к истории России нельзя подходить с обобщающими категориями отсталости или прогресса, что некоторые из так называемых недостатков российской политической культуры не были таким уж тормозом развития гражданского общества, как это принято думать. Гражданское общество рассматривается как проект, способный объединить социально гетерогенные слои населения на основе минимальной артикуляции социальных интересов. В этом плане признается бóльшая эвристическая эффективность анализа общественных практик и интеграционных тенденций на уровне *локального* сообщества ввиду того, что при отсутствии форм и сетей коммуникации на межрегиональном уровне в общеимперском масштабе имелись лишь рудиментарные формы гражданского общества, тогда как на местах его феномены сумели проявиться достаточно полно[55].

Большинство ученых, как западных, так и российских, делающих вывод о существовании отдельных элементов гражданского общества на завершающем этапе монархического строя, ссылаются прежде всего на деятельность индивидуумов, протекавшую в рамках *общественных организаций*. Общественные организации (или «добровольные ассоциации» в терминологии европейских ученых) понимаются как «территория или пространство» между государством, экономикой и частной сферой, где может развиваться динамичное действие[56]. Представления об общественных организациях как о «социальной ткани», «несущей конструкции», «ключевом институте», «переднем крае», «институциональном каркасе», «ядре»,

[55] *Хефнер Л.* В поисках гражданского общества в самодержавной России… С. 37, 51. Ср. об отсутствии крупных и множестве мелких локальных рыночных и нерыночных организаций гражданского сектора в Японии: *Маки Кайта*. Гражданское общество в Японии // Территориальное общественное самоуправление как элемент гражданского общества в России и за рубежом: мат. Третьего Всерос. семинара, г. Волгоград, 21-22 июня 2013 г. Волгоград, 2013. С. 138–141.

[56] *Брэдли Дж.* Общественные организации… С. 78; *Брэдли Дж.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций. С. 63–64; *Пиетров-Энккер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество… С. 16.

гражданского общества являются общепринятыми в современном социогуманитарном знании[57].

Работа А. де Токвиля «Демократия в Америке» стала одним из первых крупных исследований, признавших стержневым институтом гражданского общества гражданские ассоциации, способные разрешать проблемы, с которыми не в силах справиться государственные институты. По мере того, как сфера общественной жизни переполнялась ассоциациями – объединениями вне сферы государственной власти, государство отстранялось от целой серии функций, которые прежде выполняло[58]. Дж. Брэдли в исследовании общественных организаций сместил акцент с их взаимоотношений с государством на внутренний механизм функционирования, что позволило ему сделать вывод о формировании в рамках этих объединений нового типа личности и межличностных отношений, типологически присущих западноевропейскому феномену «гражданского общества»[59].

Таким образом, гражданское общество предстает как автономная от государства сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций. Применительно к России начала XX в. под элементами гражданского общества можно понимать социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, легальные, признанные государством, которые представляли самостоятельную идейно-общественную силу, выражали частные интересы людей, сдерживали официальную власть, стабилизировали общественные отношения и процессы посредством мирной работы и общественного мнения.

Применение теории гражданского общества к анализу проблем развития Российской империи в отечественной историографии происходит значительно реже, чем на Западе. Объектами исследования уже стали

---

[57] См. об этом: *Туманова А.С.* Гражданское общество в позднеимперской России. С. 6; *Брэдли Дж.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций… С. 99.

[58] *Токвиль А.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.

[59] *Брэдли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского… С. 85.

отдельные структурные элементы модели гражданского общества (общественные организации, городское самоуправление, земство, правовая культура, культура печатного слова и пресса, университеты, судебная система, урбанизация, профессионализация, либеральное движение)[60].

Феномен общественных организаций в сфере науки, культуры, просвещения, здоровья, досуга, благотворительности исследован в диссертациях и монографиях А.Д. Степанского, И.Г. Филиппова, И.Г. Косихиной Е.А. Дегальцевой, А.С. Тумановой, Г.Н. Ульяновой, Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой[61]. Общественные организации определены как добровольные, самоуправляющиеся и надлежащим образом оформленные объединения, создающиеся на постоянной основе для решения насущных задач непроизводственного и некоммерческого характера. Выделены такие их черты, как их общеполезный характер (создаются для защиты общих интересов своих членов), добровольность членства, не связанность с органами государственной власти в центре и на местах.

---

[60] *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи в XIX – начале XX в. М., 2005; *Невоструев Н.А*. Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. … д-ра истор. наук. Пермь, 2006; *Макшаева Е.Н*. Теория гражданского общества и его становление в России: дис. … канд. истор. наук. Саранск, 2006; *Соляник К.В.* Эволюция идеи гражданского общества в контексте развития российской государственности в XIX – XX вв.: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006; *Дравнина Е.Ю.* Институты гражданского общества как субъекты правозащитной деятельности в России в период 1864-1917 гг.: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006; *Валитов А.А.* Становление гражданского общества Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. … канд. истор. наук. Тобольск, 2007; *Попова А.Д.* Судебные реформы как механизм формирования гражданского общества в России: на материалах судебных реформ второй половины XIX века и рубежа XX – XXI веков: дис. … д-ра истор. наук. М., 2012.

[61] *Филиппов И.Г.* Научно-технические общества России (1866—1917). М., 1975; *Степанский А.Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982; *Косихина И.Г.* Общественно-культурные организации Курской губернии в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г.: дис. … канд. истор. наук. Курск, 1998; *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917). Бийск, 2002; *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России: 1905–1917 гг. Тамбов, 2002; *Туманова А.С.* Деятельность МВД Российской империи по осуществлению свободы союзов. Тамбов, 2003; *Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008; *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX в. М., 2008; *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014.

А.С. Туманова отметила, что в предреволюционной России общественные организации были островками зарождавшейся гражданской культуры и гражданского общества. Процесс развития общественных организаций отразил все сложности и диспропорции формирования гражданских институтов в стране, где отсутствовали развитые демократические традиции и гражданское сознание. Общественные организации характеризуются как школы гражданственности, основными чертами которых являлись самостоятельность в определении направлений работы, привлечении членов и финансов, способность к самодисциплине, формирование навыка управляться собственными силами, пробуждение у населения вкуса к публичной работе, развитие чувства гражданского долга и социальной ответственности и т.п. Деятельность общественных организаций способствовала преодолению культурной обособленности российских городов, созданию единого социокультурного пространства. Они выступали моделью самоорганизации, в рамках которой складывалась культура общественного действия и было достижимо социальное согласие. Вторгаясь в такие сферы жизни, как образование, наука, здравоохранение, социальное обеспечение, благотворительность, общественные организации существенно дополняли, а иногда и заменяли действовавшее правительство и органы местного самоуправления»[62].

Что касается *кооперативных организаций* как разновидности общественных, то исследователи неоднократно указывали на их потенциал с точки зрения генезиса гражданского общества.

Историографическим заделом по этой проблематике являлись труды кооперативных идеологов конца XIX – начала XX в. В.Ф. Тотомианца, М.И. Туган-Барановского, Н.И. Зибера и др.[63] Первый обратил внимание на возможность гармонизации отношений в обществе при помощи кооперации,

[62] *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации… С. 7–9; *Туманова А.С.* Гражданское общество в позднеимперской России. С. 5–6, 22–23

[63] *Тотомианц В.Ф.* Потребительное общество. История, теория и практика. СПб., 1908; *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1916.

отвергая идеи современных ему марксистов о государстве как наилучшем орудии социальных реформ. Выступая сторонником социального партнерства, он пропагандировал идею единства классов, достигаемого посредством кооперации[64]. М.И. Туган-Барановский разработал положения о капиталистической природе кооперации и некапиталистическом характере ее целевой ориентации, развил учение об общественной эволюции, связанной с внедрением кооперации. Одним из первых он высказал сомнение в том, что всеобщее огосударствление будет способствовать прогрессу в сфере экономики[65]. Исследователи допускали участие государства в содействии кооперативному движению путем экономической политики и установления правовых гарантий, подчеркивая, однако, что административное вмешательство, даже денежная помощь, могли задержать и исказить кооперативное движение. Они последовательно выступали за политический нейтралитет кооперации, допуская участие кооперации в политической жизни лишь для защиты ее жизненных интересов законодательным путем[66].

Для теоретического осмысления кооперации в литературе этого периода характерно рассмотрение ее функций и значения с точки зрения не только своих членов. Общество потребления рассматривалось как школа солидарности, где путем взаимопомощи создавались материальные и духовные блага на пользу всего социума. Сущностная задача кооперации виделась в защите экономических и социальных интересов трудящихся, что стало определяющим при анализе природы кооперативных организаций. Спецификой кооперативных теорий в конце XIX – начале XX в. являлось признание универсального значения кооперации. Это означает, что кооперации отводилось не только хозяйственная роль, но придавалась значимость закона социальных явлений. Так, по мнению Н.И. Зибера, теория кооперации в широком смысле слова выступает как теория самого общества

[64] *Тотомианц В.Ф.* Кооперация русской деревне. М., 1912. С. 177–178.

[65] *Туган-Барановский М.И.* Русская революция и социализм. Пг., 1917. С. 21–23; *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 427–433.

[66] *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. С. 432.

– социальных отношений, которые позволяют согласовывать интересы членов общества и достигать социальной гармонии. Цивилизация, по его мнению, и есть кооперация, поскольку «союз и свобода суть ее факторы»[67].

По сути, в трудах кооператоров начала XX в. разрабатывалась модель гражданского общества (хотя это понятие не употреблялось), и кооперации в ней отводилось существенное место.

Традиция рассмотрения истории и деятельности потребительской кооперации как части процесса формирования гражданского общества в дореволюционной России была продолжена в середине 1990-х гг. в ходе дискуссий, направленных на поиск ориентиров общественного развития. В работах Ким Чан Чжина и А.В. Лубкова впервые кооперация была рассмотрена с точки зрения создания условий для формирования гражданского общества. Ким Чан Чжин показал, что содержание кооперативных идей и их практическое воплощение были своеобразной попыткой формирования гражданского общества, основанного на социализации личных экономических интересов широких масс, но главным препятствием здесь был, по его мнению, недостаток сознательности русского народа вообще и членов кооперативов в частности[68].

А.В. Лубков обосновал мнение о формировании в начале XX в. кооперативной модели обновления России, являвшейся качественно новой общественной парадигмой, где центральное место отводилось социальному переустройству при помощи кооперации. Накануне Октябрьского переворота 1917 г. кооперация решала важнейшие задачи общественного регулирования народного хозяйства, дополняя существенным образом правительственные попытки регулирования экономики административно-правовыми методами. Кооперативный уклад составлял серьезную конкуренцию государственному и частному секторам экономики. При этом кооперация выступала не просто

[67] Цит. по: *Попкова Т.В.* Кооперативная идеология и кооперативная стратегия: формирование и развитие // Кооперация: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 6.

[68] *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996. С. 7, 223.

как хозяйственное или коммерческое предприятие, но и как массовое общественное движение с присущей ему идеологией, нацеленной на просвещение, образование и воспитание народа в самом широком смысле. В обстановке социальных потрясений, связанных со вступлением России в Первую мировую войну, кооперативный эволюционизм и мирный реформизм сменились высокой политической активностью, приведшей кооперацию к глубокому внутреннему кризису[69].

На примере деятельности рабочих кооперативов А.В. Лубков показал, как участие кооперации в выполнении заданий государственных органов по снабжению населения отражалось на изменении механизма хозяйствования потребительных обществ и их союзов, как шла трансформация классических принципов и методов работы, ориентирующих на рынок, в сторону бюрократической регламентации и отказа от кооперативной торговли. Автор представил кооперацию как действенный фактор общественного развития, сказавшийся существенным образом на жизни народа в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. и пришел к выводу, что реальный кооперативный опыт при всей его неоднозначности вселял надежду на успешное продвижение от традиционного общества к гражданскому, что идеи кооперации согласуются с основами гражданского общества, во многом совпадают с традиционным пониманием русской идеи – соборностью, социальной справедливостью, человеческой солидарностью[70].

А.П. Корелин отмечал, что кооперация способствовала структурированию российского общества не на сословной, а на общегражданской основе, имея целью возможную в тех условиях «гармонизацию» общественных отношений. Рассмотрев экономическую и культурно-просветительную деятельность потребительской кооперации, он подчеркнул, что она являлась основой самодеятельности, на которой и

[69] *Лубков А.В.* Кооперативная модель обновления России: дореволюционный опыт // Модели общественного развития России. Проекты и авторы. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2006. С. 149–153.

[70] *Лубков А.В.* Война. Кооперация. Революция. М., 1997. С. 259–260.

базируется гражданское общество[71]. Б.Н. Мироновым и С.В. Тютюкиным кооперативы оценивались как организации, приходящие на смену традиционным общинным формам жизни, где человек преодолевает патриархальные соседско-родственные связи и осознает необходимость отстаивания своих интересов перед правительством через различные формы представительства[72].

Развернутое обоснование правомерности рассмотрения кооперации в качестве элемента и фактора формирования гражданского общества дала Е.Ю. Болотова: «В кооперации сложилась внутренняя система организаций, выделились центры, был налажен выпуск периодических изданий, являющихся проводником кооперативных идей, стала формироваться система кооперативного образования. В основе кооперативной деятельности лежали такие принципы, как добровольность, открытость, демократичность управления, равноправие всех ее участников. Следование им создавало основы для развития общественной самодеятельности, самостоятельности, самоуправления. Проходя через эту «школу общественности», участники движения учились диалогу, умению выражать свое мнение, принимать согласованные решения и нести ответственность за них, осознавать свои интересы и отстаивать их, в том числе перед властью. Заинтересованность и личное участие в развитии дела как необходимые составляющие кооперативной практики способствовали развитию их активной жизненной позиции. Тем самым кооперация, с одной стороны, являлась одним из

[71] *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 1; См. также *Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в.: автореферат дис. … д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2011. С. 12.

[72] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 2. С. 290. Модели общественного переустройства России. XX век: кол. моногр. / отв. ред. *В.В. Шелохаев*. М., 2004. С. 107, 115 [Россия XIX – начала XX вв. и вызовы времени (Тютюкин С.В.)].

факторов формирования элементов гражданского общества в России, с другой – она сама может рассматриваться как один из таких элементов»[73].

Таким образом, сложилась совокупная исследовательская позиция о необходимости изучения кооперации как института формировавшегося гражданского общества и недостатке таких исследований в историографии дореволюционной России[74].

Для *сибирских историков* изучение генезиса и институтов гражданского общества, включая кооперативные организации, является сравнительно новой темой, но имеет в качестве прочной методологической опоры исследовательскую логику фундаментальных трудов академика Н.Н. Покровского о многовековых мирских традициях демократического самоуправления в Сибири. Изучение проблем становления и региональной сибирской специфики местных сообществ, повседневного сотрудничества и противостояния местной власти и общинного мира в различных сферах экономической и общественно-политической жизни применительно к реалиям XVII в. имеет значение и для осмысления событий более позднего времени. Ученым сделан вывод о том, что традиции выборности и относительной самостоятельности в сфере местного демократического самоуправления не были утрачены и в имперский период отечественной истории проявились, в частности, в мощном земском движении, способствовавшем обновлению России после отмены крепостного права[75].

Проблемы взаимоотношений власти и общества всегда находились в центре внимания сибирских историков, о чем свидетельствует систематичность публикаций по истории государственного управления и общественного самоуправления в Сибири[76]. Углубление и расширение

[73] *Болотова Е.Ю.* Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в.: опыт общественного регулирования: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2003. С. 2.

[74] См.: *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги… С. 126, 136.

[75] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 356.

[76] Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX веков: сб. мат. регион. науч. конф. / Отв. ред. *В.А. Ламин*. Новосибирск, 2004; История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века: кол. моногр. / Отв. ред.

тематики исследований в этом направлении ознаменовалось серией научных трудов «Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.)»[77], где выясняется, насколько далеко продвинулось сибирское общество в направлении общества гражданского и что препятствовало формированию идеологии и структур последнего.

Включение органов местного самоуправления в проблематику гражданского общества является достаточно спорным ввиду их определенной подконтрольности государственному бюрократическому аппарату[78]. Кроме того, факт учреждения общественного самоуправления, не подкрепленный всесторонним анализом механизма функционирования земских и городских институтов самоуправления, еще не может считаться маркером наличия в социуме структур гражданского общества. Однако этатистская специфика российской модернизации, одним из аспектов которой и представляется генезис гражданского общества, требует учитывать результаты исследований в области как общественного самоуправления, так и государственного управления.

В этом плане важны выводы одного из ведущих специалистов по проблемам взаимоотношений власти и общества в Сибири в начале XX в. В.И. Шишкина. Отметив решающую роль государства в истории России, исследователь подчеркнул, что в Сибири эта ситуация усугублялась рядом других проблем. Важнейшая из них заключалась в гипертрофированном

М.В. Шиловский. Новосибирск, 2006; Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX в.: мат. регион. науч. конф. / Отв. ред. *М.В. Шиловский*. Новосибирск, 2007; Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы VII Всерос. науч. конф. / Отв. ред. *В.И. Шишкин*. Новосибирск, 2011; Власть и общество в Сибири в XX в.: сб. науч. ст. / Научн. ред. *В.И. Шишкин*. Новосибирск, 2012; Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX в.): кол. моногр. / Отв. ред. *М.В. Шиловский.* Ананьев Д.А., Каменецкий И.П., Кириллов А.К. [и др.] / Новосибирск, 2014.

[77] Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.): сб. науч. ст. / Отв. ред. *В.И. Шишкин*. Новосибирск, 2009, 2010, 2011.

[78] *Проскурякова Н.А.* Концепт «гражданское общество»… С. 30. См. также об этом: *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в.: власть и общество. СПб., 2014. С. 165-166.

удельном весе государственного сектора в экономике и социальной инфраструктуре Сибири в ущерб частному предпринимательству. В начале XX в. в Сибири если не всё, то почти всё принадлежало казне и Кабинету Его Императорского Величества. Государственными были не только суд, полиция, тюрьмы, но и земля, недра, леса, рудники, железные дороги, больницы и т.д. Следствием тотального огосударствления экономики макрорегиона стали неразвитость его социальной структуры, «зачаточный» удельный вес в ее составе класса предпринимателей и лиц свободных профессий[79]. Это, несомненно, оказывало влияние на вторую по значимости проблему – состояние институтов гражданского общества, которые могли бы выражать и защищать перед государственной властью интересы различных групп населения. При этом в качестве «неразвитых и малочисленных» в Сибири институтов гражданского общества В.И. Шишкин назвал не только относительно устойчиво функционировавшие органы городского самоуправления, но и различного рода кооперативные организации[80].

Выводы о слабом развитии институтов гражданского общества можно сделать и на основании работ Е.А. Дегальцевой о деятельности в Сибири неполитических общественных организаций, способствовавших формированию городской культуры индустриального типа, повышению образовательного уровня населения, изменению форм его жизнедеятельности[81]. Их многочисленность и основанная на систематической отчетности и выборности внутренняя жизнь представлены как доказательство начала формирования в регионе гражданского общества. Репрессивный характер правительственной политики и, как ответ на него, политизация общественных организаций не позволили сложиться партнерским отношениям в системе «государство – общественность». Сфера

[79] *Шишкин В.И.* Власть и общество в Сибири в XX веке // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.). Новосибирск, 2010. С. 14.

[80] Там же. С. 14–15.

[81] *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации в Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск, 2002. С. 87, 249, 251; *Дегальцева Е.А.* Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2005. С. 84-98.

свободного выражения идей оставалась крайне узкой, процесс формирования гражданского общества обозначался лишь «едва видимыми контурами»[82].

Т.А. Сабурова исследовала процесс становления элементов гражданского самосознания в сибирском обществе на примере конструирования идентичностей сибирской интеллигенции. Его характерные черты она изучила на примере конкретных социально-культурных практик в области образования и просвещения. Интеллигенция стала транслятором идеи важности общественной инициативы и общественной деятельности, которая отвечала потребностям создания новой гражданской идентичности и формирования гражданского общества, была направлена на количественное расширение и качественное изменение культурно-образовательного пространства, на преодоление социокультурного раскола в обществе, создание культурной среды, способной к адекватному восприятию модернизационных процессов и содействию им.

Кодекс и субкультура российской интеллигенции, ее слабая связь с рынком оказывали противоречивое воздействие на формирование профессиональной корпоративной этики и распространение идентичности «профессионального эксперта», характерных для стран Западной Европы. Это объективно препятствовало созданию в России «среднего класса». Автор предложила отвлечься от определения среднего класса в России в западноевропейских терминах социально-экономического статуса, политического либерализма, всеобщего образования и профессионализации, и применить критерии, которые ограничивают российские средние классы понятием самоопределения, независимого спонтанного создания идентичностей или общественного положения, вытекающего из публичной или социальной роли. Это дает возможность увидеть, что российские средние классы постоянно сохраняли свое присутствие на исторической арене. Актуализируя проблему поиска в России среднего класса как носителя

[82] *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917): автореф. дис. … д-ра истор. наук. Бийск, 2002. С. 8, 45–46.

ценностей гражданского общества, Т.А. Сабурова показала возможность рассмотрения интеллигенции в качестве одной из возможных репрезентаций среднего класса в России[83].

А.В. Литягина на основе изучения деятельности органов городского общественного самоуправления Томска, Омска, Новониколаевска и Барнаула сделала выводы о зарождении в начале XX в. бессословного общественного самосознания. На смену сословной принадлежности приходила новая идентичность, новые формы и ценности, связанные с реальным положением человека в обществе, его доходами, образованием, условиями жизни. Оформление бессословного, модернизированного общества вело к складыванию ценностей и норм гражданского общества. В больших городах поле для формирования бессословного общественного сознания, атмосферы гражданственности было шире, и процессы смены старого новым происходили заметнее[84].

Тема кооперации как института гражданского общества получила развитие в исследовании Н.Ю. Пивоваровым кооперативного феномена алтайского села Старая Барда (1907–1919 гг.). Кооперативы представляли собой своеобразную антитезу патриархальному укладу жизни. Они еще не были институтами гражданского общества в полном смысле слова, но заключали в себе его определенные черты. Кооперативы воспитывали в жителях села самостоятельность в работе в сложных хозяйственно-экономических условиях, представляли собой своеобразную школу гражданской ответственности. Кооперация вторгалась в самые различные

[83] *Сабурова Т.А.* Конструирование идентичностей и социально-культурные практики интеллигенции в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX – начала XX в.: идентичность и стратегии поведения. Омск, 2009. С. 208, 218–219.

[84] *Литягина А.В.* Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 99–102.

сферы жизни крестьянства, преобразовывая их в новое, более высокое качество[85].

Авторы сборника «Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке» (Новосибирск, 2011) на примере городских и рабочих кооперативов Сибири показали, что участие в самодеятельных организациях потребительской кооперации способствовало формированию менталитета личности, преодолевающей патерналистские ожидания, способной к активным действиям и новаторским решениям[86].

Подход одного из ведущих специалистов по общественному движению дореволюционной Сибири М.В. Шиловского содержит императив к дальнейшему изучению локальной истории общественных формирований и более тщательному исследованию вопроса о правомерности рассмотрения Российской империи – государства с самодержавной формой правления и авторитарным типом политической культуры – как страны, в которой могло формироваться гражданское общество. М.В. Шиловский считает, что события черносотенных погромов 1905 г. в Омске, Томске, Барнауле, Красноярске и Иркутске обусловливались в качестве одной из причин глубинного порядка отсутствием в сибирской провинции гражданского общества и его носителей[87].

В то же время в своих исследованиях историк опирается на факты роста в начале XX в. численности городского населения, усиления ведущей роли интеллигенции и средних городских слоев в общественно-политической жизни, сосуществования в городском социуме наряду с традиционной новой индустриальной культуры, размывания в городской среде сословных устоев, приводит статистические данные, говорящие о слабой поддержке основной

[85] *Пивоваров Н.Ю.* Кооперативный феномен села Старая Барда (1907–1919 гг.) // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.). Новосибирск, 2011. С. 38, 48.

[86] *Запорожченко Г.М.* Социокультурный потенциал потребительской кооперации Сибири: дореволюционный опыт // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке: сб. научн. ст. Новосибирск, 2011. С. 91, 112.

[87] *Шиловский М.В.* Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. С. 293, 297–298.

массой рабочих радикальных революционных выступлений авангарда пролетарского движения в Сибири в 1905–1907 гг.[88] Раскрывая особенности состояния сибирского социума в годы Первой мировой войны, М.В. Шиловский отмечает: «Хотя кооперация не относилась к органам управления, тем не менее во время Первой мировой войны она начинает рассматриваться в качестве института самоуправления и важнейшего инструмента для переустройства общества»[89].

Таким образом, в отечественном и зарубежном обществознании сложились и занимают значимые позиции представления о начале формирования в Российской империи в пореформенный период элементов и институтов гражданского общества, их слабости и раздробленности, отсутствии к 1917 г. интегрирующей идеологии, блокировании их развития в последующий период. Сибирские историки рассмотрели различные элементы регионального общественно-политического континуума, связанные с традициями демократического самоуправления, деятельностью государственных и общественных структур. Сделаны выводы о том, что обозначившиеся в сибирском социуме модернизационные процессы создавали существенные предпосылки для усиления социальной самоорганизации населения. В то же время признается, что институты гражданского общества в начале XX в. были неразвиты и малочисленны. Тезис об участии кооперативных организаций в генезисе гражданского общества в отечественной историографии неоднократно выдвигался, но не подтвержден концептуально и не наполнен конкретно-историческим содержанием.

---

[88] *Шиловский М.В.* Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX — начала XX в. // Города Сибири в XIII – XX в.; сб. научн. тр. / Отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2001. С. 113–133.

[89] *Шиловский М.В.* Трансформация общественных настроений сибиряков во время Первой мировой войны (август 1914 г. – февраль 1917 г.) // Сибирь и войны XIX–XX вв. Новосибирск, 2014. С. 12.

1.2. Проблема кооперативной идентичности

Для изучения кооперации как института гражданского общества важное теоретическое значение имеет проблема кооперативной идентичности – определение важнейших признаков кооператива, выявление особенностей кооперативных структур в сравнении с другими общественными организациям и некооперативными экономическими образованиями (капиталистическими предприятиями, акционерными обществами).

Кооперативные организации (потребительные общества) в ряду общественных структур имеют существенные особенности. Теоретическое осмысление особой природы кооперативов происходило в обширной кооперативной литературе, периодике, материалах кооперативных съездов. Является ли кооператив коллективным капиталистическим предприятием? Возникает ли с учреждением кооператива новый хозяйствующий субъект, получающий в результате продажи прибыль? Кооператив – это коммерческая или общественная организация? Как взаимоувязаны между собой его хозяйственная и общественная функции?

Острая полемика состоялась во время обсуждения и принятия правительством законопроекта о прогрессивном подоходном налоге в 1915 г. В целом имеющий важное значение для оздоровления налоговой системы законопроект существенно ухудшал положение потребительской кооперации, которая впредь подлежала подоходному налогообложению, в то время как учреждения мелкого кредита и закупочные кооперативы совершенно от него освобождались. Причем, если правительственный законопроект содержал оговорку о том, что потребительские кооперативы подлежат налогу, когда обслуживают не только своих членов, но имеют открытые для публики магазины и пользуются наемным трудом, то на этапе обсуждения в Государственной Думе было решено облагать их налогом без изъятий. Законотворцы считали, что с возникновением кооператива возникает и новый хозяйствующий субъект, получающий в результате продажи прибыль.

Выразителем мнения кооперативных идеологов на природу кооперации, отличного от правительственной точки зрения, являлся А.В. Меркулов. Он писал: «В кооперативе как таковом мы не находим ни "хозяйствующего субъекта", ни "продажи", ни "прибыли". Перед нами – совершенно новое экономическое явление, для которого должна быть установлена новая экономическая терминология»[90]. Он считал, что в отличие от акционерной компании, где несколько владельцев капитала создают новое самостоятельное предприятие (хозяйство), действия которого направлены вовне, на получение прибыли с чуждых лиц, деятельность потребительского кооператива не создает новый хозяйствующий субъект, она направлена исключительно вовнутрь (если кооператив обслуживает только своих членов) или частично вовне, если имеет магазины, открытые для широкой публики.

«Мы с математической точностью, – писал А.В. Меркулов, – можем определить, когда кооператив стал извлекать "прибыль": это происходит в тот момент, когда он продает первый фунт хлеба не члену; он получает уже при этом некоторую долю торговой капиталистической прибыли (если не возвращает ее покупателю в виде премии на забор); в этот лишь момент – и лишь по отношению к этому покупателю – кооператив стал "хозяйствующим субъектом". Поскольку же кооператив обслуживает лишь членов, он не хозяйствующий субъект, а объединение хозяйствующих субъектов. Он – распространенная складчина»[91].

Представленные взгляды на сущность кооперации разрабатывались А.Н. Анциферовым (изучал проблему структурных и функциональных особенностей кооперативов), А.Д. Билимовичем (разрабатывал теорию кооперативного сектора), В.Ф. Тотомианцем (обосновывал теорию особого «третьего» пути), за рубежом были известны Дж. Варбас, Г Инфилд,

[90] *Меркулов А.В.* Закон о подоходном налоге и кооперация // Вестник кооперации. 1915. № 7. С. 99.

[91] Там же. С. 102–103.

Э. Поисон, Б. Лаверн, Е. Белей, Дж. Ласер, А. Сейви, В. Мета и др. с их идеями кооперативного «мира», «республики», «порядка», «социализма»[92].

Наиболее ценным представляется труд российско-американского исследователя И.В. Емельянова «Экономическая теория кооперация. Экономическая структура кооперативных организаций», вышедшая в 1948 г. на английском языке в Вашингтоне и выдержавшая ряд изданий и переизданий в мире и России. Автор отмечал, что «кооперативная проблема гипнотизирует всех, кто приближается к ней, у нее много приверженцев и всего лишь несколько исследователей»[93], имея ввиду, что теоретические трактовки кооперативных явлений очень часто совмещались с идеологическими, практическими и иными аспектами. И.В. Емельянов разработал *экономическую теорию кооперации* и дал ответ на вопрос, какую организацию следует считать кооперативной. Его фундаментальная работа высоко оценена зарубежными и отечественными специалистами[94].

Исследование различных типов кооперативов показало, что:

– паевые взносы – это не акции, а кредит или фонд, ссуженный членами своей кооперативной организации в качестве рабочего капитала;

– паевой капитал в кооперативе – это не предпринимательский капитал, он не инвестируется и не используется для получения прибыли;

– дивиденды являются окончательными расчетами, которые исправляют диспропорцию между авансами и использованием услуг общества отдельными членами;

– кооперативный доход не является капиталистической прибылью;

---

[92] Библиографию трудов см.: *Соболев А.В.* Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье. М., 2012. С 18–19.

[93] *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций [пер. с англ.] / Вступ. ст. С.А. Пахомчика. Тюмень, 2005. С. 255.

[94] См.: *Соболев А.В.* Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье. С. 6, 27; *Соболев А.В.* Экономическая теория кооперации И.В. Емельянова: содержание и значение // Крестьяноведение: Теория. История. Современность / Ученые записки. М., 2013. Вып. 8. С. 102–103.

– типичный потребительский кооператив не является капиталистическим предприятием, он представляет собой неакционерную, некоммерческую ассоциацию[95].

Потребительские кооперативы, имеющие практически все внешние структурные характеристики акционерной компании (акционерный/долевой/паевой капитал, собрание членов/акционеров, дивиденды, выплачиваемые на акции/паи), не являются акционерными обществами благодаря: 1) ограничению дивидендов, выплачиваемых на акции, 2) ограничению числа акций на одного акционера, 3) замене принципа голосования по количеству акций на правило голосования «один член – один голос, независимо от количества паев»[96].

Важнейшим, единственным, исчерпывающим и неоспоримым признаком кооперативной организации выступает ее совокупная структура: кооператив есть *совокупность (ассоциация)* независимых автономных хозяйств (экономических единиц). Сам по себе кооператив – *экономическая фикция.* При всем многообразии устройства и деятельности все кооперативы имеют идентичную *совокупную* форму[97]. (Отличительные черты кооперативных организаций от акционерных кампаний систематизированы в *Приложении 1. Таблице 1. С 485).*

Для изучения городской потребительской кооперации важно указание на то, что каждое кооперативное сообщество изначально насыщено центробежными тенденциями. Социально-экономическая однородность составляет одно из наиболее важных условий сохранения его стабильности и нейтрализации разрушительных центробежных сил. Вопреки распространенным представлениям имущественная бедность членов кооператива имеет не обязательный характер, возможность образования кооперативных организаций заранее присуща всем социальным слоям. Идеальным (подлинным) кооперативом является тот, где все члены являются

[95] Там же. С. 79, 99, 106, 153–158, 139, 197–200.
[96] *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации… С. 81–102.
[97] Там же. С. 102, 194–206, 260–265.

клиентами и наоборот. Операции с внешней клиентурой усложняют функционирование кооператива, порождают тенденцию псевдокооперативного вырождения, превращения кооператива в капиталистическое предприятие[98].

Таким образом, кооператив, не являясь ни предприятием, ни союзом людей с акциями, предстает как совокупность (ассоциация) автономных хозяйств (экономических единиц), объединившихся для достижения конкретных экономических целей. Объединяя экономические единицы, сам кооператив не является отдельной экономической единицей в том же понимании, что и капиталистическое предприятие. Кооператив с его средствами служит действующей частью объединенных экономических единиц. Его собственное экономическое поведение продиктовано объединенными хозяйствами его членов. Являясь экономической фикцией, он всего лишь отражает характер и устремления своих членов.

Устремления членов кооператива, определенно базирующиеся на сиюминутных и сугубо частных потребительских запросах, неизбежно начинают простираться в сторону удовлетворения всё более широкого круга социальных и духовных интересов. В демократически работающих потребительских организациях пайщики имеют возможность через кооператив удовлетворять широкий спектр разноплановых потребностей – базовых экономических (предметы потребления), социальных (общение), духовных (образование, досуг), личностных (общественная работа, самореализация). Так в деятельности потребительского кооператива возникает значимая *общественная* составляющая, являющаяся основой развития гражданской активности и гражданской культуры[99].

Экономическая и социально-культурная сферы деятельности потребительского кооператива тесно связаны и взаимообусловлены.

[98] Там же. С. 126–128, 136, 161, 165, 184, 208, 229–230, 235–240.

[99] О формировании гражданской культуры в общественных организациях см.: *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. М., 2014. С. 229–230.

Хозяйственная деятельность потребительных обществ делала их субъектом экономических рыночных отношений, неторговая функция (культурно-просветительская, общественная, благотворительная) ставила в один ряд с общественными организациями. Но в отличие от общественных организаций, которые не распределяли прибыль, объединяли единомышленников, граждански ответственных членов, преследовавших идеальные и универсальные цели, кооперативы объединяли граждан для защиты своих индивидуальных экономических интересов. Однако, действуя на основе представительства, выборности, подотчетности и коллегиальности, кооператив способствовал преодолению индивидуального эгоизма членов, соединению частных интересов с общественными, достижению цели общего блага. (Общие и особенные черты кооперативов и общественных организаций систематизированы в *Приложении 1. Таблице 2. С. 486).*

Общественная сторона кооперации особенно большое развитие получила в Российской империи. Догоняющий тип модели индустриального развития России в начале XX в., запаздывание ее качественных изменений по сравнению с Западной Европой, административно-бюрократическое воздействие государства обусловили историческое своеобразие реализации российской потребительской кооперацией своей двоякой функции – торгово-экономической и социально-интегративной. Российское кооперативное потребительское движение характеризовалось особой верой в социореформистскую миссию кооперации, политикой культурного наставничества, направленной на сплочение различных социальных групп и заботу о будущем социума[100].

Таким образом, двойственная общественно-торговая природа потребительского кооператива позволяет рассматривать его и как субъект экономики и рыночных отношений, и как субъект гражданского общества. Очевидно, что кооперация не может быть всецело вытеснена из области

[100] См. об этом: *Фигуровская Н.К.* Развитие российской школы кооперации (1908–1918 гг.) // Кооперация: страницы истории. М., 2008. Вып. 14. С. 48.

«гражданского общества» в «экономическое общество», как это предполагается в трехкомпонентной модели общества, предложенной Дж. Коэн и Э. Арато. Место кооперации находится *в области пересечения* экономической и социальной активности, «экономического» и «гражданского общества» *(Приложение 2. С. 488).*

В современном социогуманитарном знании данный подход, актуализирующий взаимосвязь экономической и социальной функции потребительской кооперации, прочно утвердился и конкретизируется в исследованиях кооперативной экономики, управления и социально значимых кооперативных программ, направленных не только на преодоление негативных последствий рыночных реформ, но и с целью развития институтов полноценного гражданского общества.

Кооперация рассматривается как специфическая организационно-правовая форма некоммерческого сектора экономики, социально ориентированная экономика, обеспечивающая населению социальную защиту[101]. Отличие кооперации от других участников хозяйственного оборота в том, что она представляет собой *экономику участия,* реализуя потенциал всех групп населения, входящих в орбиту кооперативного сектора: пайщиков (их экономического участия), наемных работников (их трудового участия), некооперированного населения (их «лояльности»)[102].

Кооперация является сложным экономическим феноменом, богатым социальными результатами. На более широком уровне (кроме экономической выгоды) кооператив, обеспечивающий благосостояние членов, может также предоставлять большое разнообразие благ, вплоть до идеалов и философии[103]. Социальная миссия кооперации – борьба за социальное счастье людей, социальное благополучие. Способность обеспечивать

---

[101] *Сипко Л.А., Наговицина Л.П.* Проблемы потребительской кооперации. Новосибирск, 1999. С. 7.

[102] *Наговицина Л.П., Ширяева Т.Ю.* Управление отношениями на основе экономики участия в организациях потребительской кооперации. Новосибирск, 2013. С. 20, 60–68.

[103] *Соболев А.В.* Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье. М., 2012. С. 6, 11, 29.

концентрацию производства и услуг без концентрации собственности возводит кооперацию в инструмент оптимального общественного прогресса, представляемого в качестве некоего «третьего пути» между крайностями рыночной экономики и административно-командной плановой экономики. Кооперация сильна своими демократическими принципами, которые радикально активизируют человеческий фактор. Она тесным образом зависит от социально-культурного фона, который в условиях многоукладной экономики часто имеет для ее развития определяющее значение, и сама является фактором прогрессивных социокультурных изменений[104].

В эпоху глобализации с расширением масштабов трансграничного движения товаров и услуг и переходом к гиперконкуренции особо возрастает ценность кооперативной модели хозяйствования, ее демократических начал (главенствующая роль пайщиков, автономия и независимость) и социальной миссии (взаимоподдержка, образование, просветительская деятельность, борьба с бедностью, обеспечение занятости населения, забота о нетрудоспособных, вовлечение в работу женщин и молодежи и др.). Как некоммерческая социально ориентированная организация, сочетающая хозяйственную деятельность и социальную миссию, потребительская кооперация приобретает особую значимость в обеспечении устойчивого развития общества[105].

Представленные теоретико-эмпирические исследования позволяют разработать *модель* деятельности кооперативной организации в обществе (*Приложение 3. С. 489)*:

– Функционирование кооперативов происходит в определенных законом *правовых рамках* (кодифицированные законом гражданские права и свободы, кооперативный закон), устанавливаемых государством.

---

[104] *Гутман Г.В., Чукин Н.И., Калмыков В.В.* Взаимосвязь экономической и социальной функции потребительской кооперации. М., 2002. С. 41, 44, 108.

[105] *Денисова И.Н.* Теоретико-практические аспекты функционирования системы мировой потребительской кооперации. М., 2009. С. 4, 48, 56, 58.

– На основе *экономики участия,* реализуя потенциал всех групп населения, входящих в орбиту кооперативного сектора на базе консолидированной собственности, кооперативы обеспечивают их координацию и взаимодействие, укрепляя *горизонтальные интеграционные связи* в социуме – взаимодействие между членами потребительных обществ как отдельными экономическими единицами, между кооперативами и субъектами рынка (частным бизнесом, банками, кредитными и кооперативными организациями и союзами), между кооперативами и различными общественными, профессиональными, корпоративными организациями, органами местного самоуправления и государственного управления, прессой.

– Деятельность кооперативов представляет собой *самоорганизацию общества* (создание социальных организаций в форме устойчивых, структурно и функционально упорядоченных объединений граждан, преследующих групповые цели и интересы, важные для их жизнедеятельности) для решения экономических (развитие сети розничной торговли предметами первой необходимости) и социально-культурных (образование, трудоустройство, охрана труда, потребление культурных ценностей, досуг, здравоохранение, благотворительность) задач.

– Кооперативная форма самоорганизации общества представляет собой род *гражданского самоуправления,* реализующего принадлежащую социуму власть в вопросах локального характера, что особенно проявляется в кризисные периоды.

– В повседневной кооперативной работе на основе принципов *демократического самоуправления* (верховенство устава и законности, выборность, подотчетность и коллегиальность управляющих органов, равноправие членов) формируется *гражданская культура* – понятие, которое передает уровень осознания гражданином общественных задач и его практической активности в деле претворения их в жизнь. В этом смысле гражданская культура – структурный элемент гражданской жизни и

выражает степень зрелости общества, способность обеспечения общегражданских интересов, форм и механизмов выработки и реализации совместных решений, согласованных действий. Гражданская культура относится к типу активистской культуры как «культура участия», главной функцией которой выступает обеспечение социальной интеграции общества. Это плюралистическая, основанная на коммуникации, убеждении, доверии и уважении к властям культура консенсуса и разнообразия, которая допускает изменения, но умеряет их. «Существенным ингредиентом удовлетворительной демократии является то, что значительная доля жителей должна обладать опытом активного участия в работе малых самоуправляющихся групп, будь то в связи с местными органами власти, профсоюзами, кооперативами или другими формами деятельности», – отмечали специалисты по гражданской культуре Г. Алмонд и С. Верба[106].

– Результатом развития кооперации является повышение *социального благополучия* (повышение благосостояния за счет предметов потребления и кооперативных выплат, моральное удовлетворение, самореализация личности) и всемерное развитие *социального капитала* (способности к взаимодействию, солидарности, решению вопросов в мирном русле, на основе компромисса, консенсуса). В условиях экономического спада или кризиса, когда физический (экономический, финансовый) капитал может исчезнуть, накопленный социальный капитал (человеческий капитал, капитал отношений), построенный на способности к самодеятельности и самоорганизации, доверии, уважении, толерантности, является тем краеугольным камнем, с которого можно начать дело заново, независимо от экономической ситуации в стране[107].

– В процессе функционирования кооперативов на основе демократических принципов самоуправления происходит 1) *консолидация/диверсификация* (в зависимости от степени гомогенности

[106] *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. М., 2014. С. 20, 172.

[107] *Наговицина Л.П., Ширяева Т.Ю.* Управление отношениями… С. 21–22.

социального состава и качества управления) целей, интересов и потребностей прагматического характера (жизнеобеспечение) и 2) формирование *гражданских ценностей* (ценностных установок, элементов социального опыта, миропредставлений, образов самоидентификации, идеологии, нравственных принципов и других «скреп» социального единения, представляющих собой идеационную, ментальную составляющую социальной организации[108]).

Таким образом, предложенная модель, построенная на принципах «экономики участия» и демократического самоуправления, позволяет выявить систему взаимосвязи и особенности функционирования потребительской кооперации в обществе. Кооперация рассматривается в ней как инструмент повышения социального благополучия, формирования гражданской культуры и социального капитала. Использование модели в конкретно-историческом исследовании позволит комплексно изучить потребительскую кооперацию в контексте проблем формирования сферы гражданской деятельности как важного индикатора социально-культурных последствий модернизационных процессов.

[108] См.: *Проскурякова Н.А.* Проблема формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX вв. в социально-политическом и социокультурном контексте // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. / Под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М., 2007. С. 195.

Глава 2. Потребительские кооперативы в городах Сибири в дореволюционный период

2.1. Облик сибирского города

Во второй половине XIX – начале XX в. в Сибири, как и в России в целом, главным движущим механизмом развития являлась модернизация – переход от аграрного общества к индустриальному. Определяясь общероссийскими факторами, в Сибири этот процесс имел свои региональные особенности. Сибирь прошла те же ступени модернизации, что и вся Россия. Особенностями сибирского варианта были отставание по времени от аналогичных российских процессов, большая зависимость от экономической политики государства, зависимость темпов и масштабов модернизации края от капитала центра страны, решающая роль транспорта, сырьевая направленность развития индустрии. В 1861 г. – первой половине 1890-х гг. Сибирь переходила от феодального предпринимательства к капиталистической мануфактуре, в которой начался промышленный переворот, в транспортной сфере происходило утверждение пароходств, начиналось железнодорожное строительство. Вторая половина 1890-х гг. отмечена началом индустриализации – промышленного переворота во всех отраслях экономики[1].

Модернизационные процессы в крае были тесно связаны с быстрым ростом численности населения, которое с 1858 по 1897 г. увеличилось более чем в два раза, а за следующие 19 лет (с 1897 по 1916 г.) оно еще раз удвоилось – с 6,1 млн до 11, 3 млн чел. За счет естественного прироста в то время население удваивалось за 50 лет, поэтому данный рост происходил главным образом за счет переселений. В 1890-е гг. процесс переселения в Сибирь усилился под влиянием голода в центральных районах страны, а также строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. В

[1] *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 91, 96–97.

первое десятилетие XX в. на миграционные процессы основное влияние оказала социально-экономическая политика правительства. Только за пять лет столыпинской реформы (1906–1910 гг.) сельское население Сибири увеличилось почти на 35%, а городское – на 55,6%[2].

Сибирь была крестьянской как по составу, так и роду занятий населения, доля сельских жителей превалировала над долей горожан и была выше, чем в Европейской России. Причем даже в период ускорения темпов экономического развития в Сибири в 1897–1914 гг. она уменьшилась только с 92,3 до 89,6%. В то же время переселенческая эпопея значительного контингента крестьянских масс содействовала росту товарно-денежных отношений, увеличению емкости товарного рынка, формированию кадров наемных рабочих[3].

Увеличение населения шло также за счет невольных переселенцев – ссыльных, которые к 1897 г. составляли 5% населения края. Особенностью формирования населения Сибири являлось то, что его плотность оставалась самой низкой в стране. Это дополнялось неравномерностью размещения населения – концентрацией его в узкой полосе вдоль Сибирского тракта.

В 1897–1901 гг. городское население в крае росло, как и раньше, крайне медленно, показывая среднегодовой прирост в два раза меньший (1,25%), чем у сельских жителей (2,45%). Население городов стало быстро увеличиваться в XX в., когда в полной мере сказалось положительное влияние Транссибирской железнодорожной магистрали на экономическое развитие Сибири. Уже в первые пять лет нового столетия численность городских жителей ежегодно возрастала на 5,5%. В 1911–1912 гг., когда многие столыпинские переселенцы возвращались обратно, среднегодовой

---

[2] *Пронин В.И.* Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г. Новосибирск, 1984. С. 91, 93, 95.

[3] *Барсуков В.Л.* Потребительская кооперация Сибири и ее взаимосвязь с переселением крестьян (1906–1914 гг.) // Кооперация Сибири в XX в.: опыт, уроки, перспективы / Отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск, 1994. С. 22–23.

прирост сельского населения снизился до 2%. Но городское население по-прежнему росло быстро: за 1911–1913 гг. оно увеличилось на 16,2%[4]. В целом городское население в преимущественно аграрном крае составляло небольшую долю: 6,2% в 1897 г., 10,8% – на начало 1914 г. Однако оно росло опережающими темпами – в 1,5–2 раза быстрее, чем сельское, что свидетельствовало о наличии урбанизационных процессов[5].

К началу XX в. в Сибири сложилась система городских поселений: малых, средних и крупных. В крае насчитывалось 48 городов, включая 7 губернских и 37 уездных центров, 3 безуездных города и центр одноименного Туруханского края. В семи городах (Бийске, Енисейске, Кургане, Колывани, Минусинске, Мариинске, Петропавловске и Чите) насчитывалось от 10 до 20 тыс. чел. населения, в четырех (Барнауле, Красноярске, Тобольске и Тюмени) – от 20 до 30 тыс. чел., в Омске – 37,4 тыс., Томске и Иркутске – по 52 тыс. чел. Остальные являлись городами лишь по статусу, почти ничем не отличаясь от сельских поселений. В Нарыме, Сургуте, Березове, Верхоленске, например, проживало немногим более 1 тыс. чел.[6]

В начале XX в. на развитие сибирского города уже не оказывало существенного влияния его административное положение как губернского или уездного центра. Особенностью урбанизации Сибири в этот период стало значительное воздействие на этот процесс бурно развивавшегося железнодорожного транспорта. Об этом говорит тот факт, что около 80% городского населения сибирского региона сосредотачивалось в городах, расположенных на железнодорожных магистралях. В связи со строительством Транссибирской магистрали возникали новые городские поселения, такие как Новониколаевск, Тайга, Татарск и др. Наиболее благоприятные перспективы были у тех городов, которые находились на

[4] Там же. С. 94–95.

[5] *Зверев В.А.* Население // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II. С. 435.

[6] *Пронин В.И.* Городское и сельское население Сибири… С. 93.

пересечении торговых путей, железнодорожных и водных артерий. Сибирская железная дорога с ее парком локомотивов и вагонов, сетью вокзалов и складских помещений явилась совершенно новой и громадной по своим размерам отраслью материального производства в сибирской экономике. Постройка железной дороги дала толчок к дальнейшему развитию капиталистической промышленности, вызвала к жизни новые отрасли производства, связала Сибирь и другие части страны в единое целое, облегчила народные переселения в Сибирь, изменила направление торговых путей, внесла большие изменения в организацию торговли. В ходе эксплуатации дороги и обслуживающих ее предприятий сформировался новый крупный отряд пролетариата – железнодорожники, численно увеличился отряд горняков, возрос приток специалистов из Европейской России. Дорога стала значительным градообразующим фактором.

Омск, Новониколаевск, Чита, Красноярск наиболее ярко демонстрировали выгоды своего географического положения, став многонаселенными транспортными, торговыми и экономическими центрами, товарораспределителями для своих регионов и частично для других местностей Сибири. В ряду быстрорастущих городов стояли и типичные сельскохозяйственные центры – Барнаул и Курган. Сибирская железная дорога подорвала монопольное положение Иркутска как центра распределения привозных промышленных товаров в Восточной Сибири и Томска, служившего до этого местом склада товаров, отправлявшихся по зимнему тракту в Иркутск. Однако под влиянием экономического подъема их население также быстро росло, превысив в 1910 г. стотысячные значения. Оставшись в стороне от железнодорожного бума, Тобольск, Енисейск, города Иркутской губернии и Забайкальской области, исключая Иркутск и Читу, остановились в росте.

К 1911 г. в Сибири статус города имели 50 центров, динамика численности населения некоторых из них отражена в табл. 1:

Таблица 1. Динамика численности населения городов Сибири в конце XIX – начале XX в. (тыс. чел.)

Город	1897 г.	1911 г.
Омск	37,4	128,1
Иркутск	51,5	126,7
Томск	52,2	111,4
Красноярск	26,7	73,5
Новониколаевск	7,8	63,6
Чита	11,4	74,3
Барнаул	21,1	52,1
Тюмень	29,5	35,3
Якутск	6,5	8,3
Тобольск	20,4	20,7
Енисейск	11,7	12,2

Источники: *Московский А.С., Исупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 145–146; *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 81; Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 409.

Быстрый рост и развитие сибирских городов отметил журнал «Сибирская неделя»: «Восемь крупнейших сибирских городов (Чита, Иркутск, Красноярск, Томск, Новониколаевск, Барнаул, Омск, Тюмень) имели в 1911 г. в совокупности около 650 тыс. жителей, в то время как в 1897 г. в них проживало всего 247 тыс. горожан. Для Сибири городская жизнь имеет большой удельный вес, сибирские города чрезвычайно жизнеспособны и развиваются с изумительной быстротой»[7].

Первая мировая война оказала отрицательное воздействие на динамику численности городского населения Сибири, замедлила темпы его естественного и механического прироста. С 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. городское население сибирского региона возросло всего на 2%. В

[7] Сибирская неделя. 1913. № 11. С. 13–14.

1916 г. в Сибири проживало 1075,5 тыс. горожан из 11 049,7 тыс. общего количества населения, что составляло 9,7%[8].

Вместе с ростом городского населения менялся облик сибирского города. Через города проходили основные пути сообщения и рыночные связи, они служили центрами деловой и культурной жизни. К ним территориально тяготело промышленное производство, эксплуатация копей и рудников.

Начальная стадия индустриализации привела к серьезным изменениям в социальной структуре сибирских городов. Динамика изменения сословного состава населения с 1861 по 1917 г. показывает сокращение целого ряда сословных категорий – дворян и духовенства (более чем в три раза), купцов и почетных граждан (в 2,7 раза) за счет резкого увеличения крестьянства (в 4 раза). Численность военных, являвшихся второй по численности группой среди горожан, на протяжении пореформенного периода сходит на нет. В городах происходил стабильный рост численности основных групп интеллигенции, среди чиновников возрастала доля местных уроженцев, повышался их образовательный уровень. В сословном плане в городском населении преобладали мещане и крестьяне[9].

В Новониколаевске, например, 70% жителей были выходцами из крестьян, второй по численности группой населения являлись мещане, составлявшие к 1912 г. 24% жителей[10]. В Томске, по данным переписи 1897 г., мещане составляли 44,2%, крестьяне – 39,2% городского населения[11]. В состав названных сословий входили представители интеллигенции, ремесленники, мелкие торговцы, кустари, рабочие, служащие. Полученные

[8] Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. I. С. 409.

[9] См.: *Алисов Д.А.* Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX в. Омск, 2001. С. 118–119; *Гончаров Ю.М.* Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в.: сб. науч. тр. Барнаул, 2001. С. 51–54; *Дегальцева Е.А.* Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2005. С. 15–16.

[10] *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н.* Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 122–123.

[11] *Шиловский М.В.* Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. С. 34.

В.А. Скубневским, М.В. Шиловским, Н.М. Дмитриенко, И.А. Коноваловым данные говорят о возрастающем к началу XX в. несоответствии между сословной принадлежностью горожан и их реальным положением в общественной структуре: по данным переписи 1897 г. 2% горожан Томска занималось сельским хозяйством, а к крестьянскому сословию принадлежало 39%[12]. Исследователи отмечали, что в начале XX в. сибирском городе происходил процесс дестратификации – сближение социальных групп и слоев[13], сословное деление становилось анахронизмом, появлялись все новые категории населения, выделявшиеся по профессиональному признаку[14]. Наплыв крестьян-переселенцев тормозил формирование социокультурного пространства поселений и изменений в менталитете горожан. В то же время город выполнял функцию социальной трансформации прибывшего в него крестьянского социума в бессословную категорию граждан, осуществлял вертикальную мобилизацию людей инновационно активных[15].

Состав населения каждого из городов имел свои особенности. В Тобольске, старинном административном центре, был высок процент

---

[12] *Скубневский В.А.* Урбанизационные процессы в Сибири второй половины X1X – начала XX в.: Избранные статьи. Барнаул, 2010; *Дмитриенко Н.М.* Социальная структура населения Бийска в конце XIX — начале XX вв. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 53–54; Она же. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 220–221; *Коновалов И.А.* Изменения в социальной структуре населения Омска в конце XIX — начале XX вв. // Омск. XX век (вехи истории). Омск, 2001. С. 10–11; *Шиловский М.В.* Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX — начала XX в. // Города Сибири в XIII – XX в.; сб. научн. тр. / Отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2001. С. 113–114.

[13] *Дегальцева Е.А.* Образ жизни сибиряков… С. 16.

[14] *Гончаров Ю.М.* Сословный состав городского населения Западной Сибири… С. 54.

[15] Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX в.): кол. моногр. / Отв. ред. *М.В. Шиловский.* Ананьев Д.А., Каменецкий И.П., Кириллов А.К. [и др.] / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2014. С. 207; *Чуркин М.К.* Обратные миграции: опыт системного анализа причин дезадаптации переселенцев в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX – начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения: кол. моногр. / под ред. Т.А. Сабуровой. Омск, 2009. С. 71–113; *Чурки М.К.* Источники по проблеме детерминирующих факторов миграционной мобильности и адаптации крестьянства в переселенческом процессе: опыт нового прочтения и репрезентации // Письменные источники в контексте истории: кол. мон. Омск, 2010.С. 99–117.

чиновничества. Томск – крупнейший административный центр края, где находилось управление Сибирской железной дороги и Западно-Сибирского учебного округа, университет, Технологический институт, Сибирские высшие женские курсы и ряд культурно-просветительных учреждений – отличался обилием служащих, интеллигенции, студенчества. Омск выделялся обилием чиновничьей интеллигенции. Процент служащих (почтово-телеграфных и торгово-промышленных) был высок в Иркутске. Такие города, как Томск, Иркутск, Тюмень, являлись местом сосредоточения представителей крупной и средней буржуазии.

Основную массу городского населения составляли так называемые «средние», демократические слои[16]. Именно средние слои городского населения рассматриваются исследователями в качестве субъекта и носителей кооперативной идеологии и организации[17]. С начала XX в. тенденция численного роста городских средних слоев стала заметной. Их численность в России в 1913 г. составляла 12 млн чел. – примерно 37% городского и 8% всего населения страны[18].

Жизнь в городе была дороже, чем на селе, а в губернских и крупных городах – дороже, чем в уездных и мелких. Несмотря на то, что и заработки в городах были выше, в целом основная масса населения жила скудно. Многие горожане относились по размерам годового оклада к группе бедствующих, фактически эксплуатируемых в своих сферах труда. Средняя заработная плата железнодорожников в 1915–1916 гг. составляла 28–49 руб. в месяц[19], рабочих обрабатывающей промышленности – 23–30 руб.[20], наиболее

---

[16] *Ершов М.Ф.* Социокультурные аспекты общественной службы в городах Зауралья последней трети XIX – начала XX вв. // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность: сб. науч. тр. Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 34–35.

[17] Кооперация Сибири в XX в.: опыт, уроки, перспективы / Отв. ред. *А.А. Николаев*. Новосибирск, 1994. Предисловие. С. 3.

[18] *Порхунов Г.А.* Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 г.). Омск, 1993. С. 31.

[19] *Земеров В.И.* Динамика заработной платы железнодорожников Сибири (1900–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1975. С. 95, 96, 121.

[20] *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991. С. 139.

квалифицированных – машинистов, слесарей, токарей, литейщиков, плотников – от 50 до 145 руб., приказчиков – 25–30 руб.[21] Жалованье учителей начальных школ в Сибири составляло 30–40 руб., гимназий, средних школ и реальных училищ – 62–170 руб. в месяц[22]. Несмотря на номинальный рост, реальная заработная плата в годы Первой мировой войны неуклонно снижалась[23]. Социальные группы, заинтересованные в удешевлении потребляемых товаров и услуг, составляли существенную часть населения городов Сибири.

Рост капиталистически организованных отраслей хозяйства в пореформенные десятилетия неизбежно вел к увеличению армии наемного труда. Характер производства в Сибири (прииски, рудники, каменноугольные копи, металлургические заводы), а также его уровень предполагали в большинстве случаев внегородское размещение крупных предприятий, привязанных к источникам сырья[24]. В 1890-е гг. наметился процесс стягивания промышленности в города, наиболее ярко это отразилось на Тюмени, Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Кургане. К 1895 г. на городских землях находилось около 3/5 предприятий фабрично-заводской промышленности и до 1/3 рабочих. Если к концу XIX в. в городах было сосредоточено не более 1/4 части рабочих и прислуги, то к 1914 г. в полосе железнодорожных линий и в крупных городах находилось уже более половины наемных рабочих Сибири[25].

Степень концентрации рабочих кадров оставалась низкой. В самых крупных промышленных центрах края – Тюмени, Омске, Томске, Иркутске – фабричных и железнодорожных рабочих насчитывалось по несколько сотен

---

[21] *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири… С. 120.

[22] *Порхунов Г.А.* Городские демократические слои населения Сибири… С. 36–37.

[23] Там же. С. 124.

[24] *Скубневский В.А.* Рабочие промышленных сел и поселков Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/1. С. 199–203.

[25] Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 118–119, 300; *Зиновьев В.П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири… С. 112.

человек. Лишь каменноугольные копи и железнодорожные мастерские отличались высокой степенью сосредоточения рабочих. Следствием такого территориального размещения рабочих в Сибири являлась их удаленность от общественной и экономической жизни. Рабочие внегородских промышленных заведений, разъединенные громадными сибирскими расстояниями, по численности, степени концентрации, грамотности, культуре, социальной активности значительно уступали своим собратьям из промышленных центров страны. Низкий жизненный уровень, высокая норма эксплуатации, неизжитая связь с землей – все это влияло на положение рабочих как потребителей, порождало дифференциацию их интересов в сфере потребления, задерживало создание в их среде различных организаций, в том числе потребительских кооперативов.

Процессы индустриализации стимулировали развитие торговли в Сибири. Росла товарность сельского хозяйства, создавался спрос деревни на промышленные изделия, растущее городское население увеличивало спрос на сельскохозяйственные продукты. Долгосрочный кредит и монополия в сочетании с огромными сибирскими расстояниями и разреженностью населения создавали почву для процветания торгово-ростовщической эксплуатации сибирского населения. Оптовая торговля концентрировалась в руках небольшой группы наиболее богатых купцов, установивших монополию в снабжении городских и сельских потребителей.

После сооружения железной дороги в торговле произошли крупные изменения. Сибирский рынок стал более доступным для сбыта продукции как российских, так и заграничных фирм, открывших свои склады, конторы и отделения в городах и селах Сибири. Стремительное увеличение внутрисибирской торговли являлось отличительной чертой развития экономики Сибири после постройки железной дороги. Размер внутренней торговли в Сибири за 1900–1911 гг. почти утроился – вырос с 60 млн до 150

млн руб. в год, а накануне Первой мировой войны составлял 500 млн руб. в год[26].

Существенно изменилась и организация торговли. Падение роли ярмарок и установление торговцами прямых контактов с фирмами Москвы, Петербурга и других городов вело к росту сети постоянных торговых заведений, концентрации торговли в руках крупных торговых домов[27]. Товарищество «А.Ф. Второв и сыновья» в значительной степени монополизировало мануфактурную торговлю в Томской, Иркутской губерниях и Забайкальской области, «Торговый дом И. Стахеева и сыновья» – в Тобольской губернии, компания Гадаловых – в Енисейской губернии. Помимо монополий действовало множество средних и мелких купцов и торговцев. В крупных городах торговля осуществлялась в магазинах и на городских базарах, действовавших круглый год. В частной торговле господствовала продажа потребителям в кредит.

В административном отношении пореформенная Сибирь включала в себя четыре губернии – Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую – и две области – Забайкальскую и Якутскую. Кроме того, к Сибири экономически тяготели северные и северо-восточные уезды Акмолинской (г. Омск и его округ) и Семипалатинской областей (города Петропавловск, Павлодар) Степного края. В области управления в Сибири по сравнению с другими частями страны характерной чертой являлось меньшее применение буржуазных правовых и административных норм и большая административная опека над органами местного городского и сельского самоуправления и всей общественной жизнью. О незавершенном процессе включения Сибири в общероссийское (имперское) пространство свидетельствовал запоздалый и консервативный проект введения на ее территории земского самоуправления[28]. Во главе местной администрации

[26] История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 190; Рабочий класс Сибири… С. 293.

[27] *Зиновьев В П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири… С. 220.

[28] *Худяков В.Н.* Сибирь в системе управления России // Социальные проблемы истории Сибири. Новосибирск, 1995. С. 58–59; *Шиловский М.В.* Основные направления

стояли Иркутский и Степной генерал-губернаторы, томский и тобольский губернаторы, губернские и областные жандармские управления, подчинявшиеся министру внутренних дел. В низовых звеньях власть осуществляли окружные исправники, полицмейстеры, приставы, становые, урядники, городовые.

Городским хозяйством и благоустройством занимались органы городского самоуправления в виде цензовых бессословных городских дум, в состав которых избирались представители предпринимательских и торговых кругов[29]. На основе городового положения 1892 г. самоуправление вводилось в городах с численностью боле 10 тыс. чел. и бюджетом не менее 25 тыс. руб. В остальных городских поселениях действовало самоуправление упрощенного типа – собрания городских уполномоченных из 12–15 чел. с городским головой.

Городские самоуправления в начале XX в. проявили себя как «традиционные центры сосредоточения либеральной оппозиции», которые из-за отсутствия в регионе земских учреждений брали на себя апелляцию по насущным вопросам местной жизни[30]. Они играли ключевую роль в развитии местной торговли, предоставляя муниципальные земли под торговые заведения и упорядочивая их работу, возводя торговые корпуса (в Омске, Новониколаевске, Барнауле и др.). В годы Первой мировой войны городские самоуправления активно применяли меры воздействия на рынок и хозяйственную обстановку в целом, возглавляли возложенное на них правительственным законом от 30 августа 1915 г. дело помощи беженцам,

политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX в.) // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв.: сб. мат. конф. Новосибирск, 2003. С. 41–42.

[29] *Литягина А.В.* Городские думы как представительные организации торгово-промышленных кругов дореволюционной Сибири (по материалам Томской губ.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. Вып. 2: XVIII в. – 1920-е гг. С. 184; История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / *Анкушева К.А.* [и др.] Новосибирск, 2006. С. 280.

[30] *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX - начала XX в. Новосибирск, 1995. Вып. 2: Либералы. С. 43; Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты… С. 223–224.

малоимущим семьям призванных на войну и военнопленным, создавая особые комитеты, ставшие для потребительской кооперации важными рынками сбыта и объектами благотворительности.

Города являлись экономическими и культурно-образовательными центрами, располагая основными элементами социокультурной инфраструктуры. В качестве пережитков сословной системы управления в городах сохранялись сословные общества (мещанские, купеческие), как следствие развития капиталистических отношений учреждались корпоративные и профессиональные сообщества (биржевые комитеты, общественные, военные, железнодорожные, коммерческие собрания и клубы). Возникавшие кооперативы сотрудничали с этими организациями, использовали их помещения для массовых общих собраний своего членского состава. Городские общественные банки, мещанские общества и общества взаимного кредита выступали кредиторами городской потребительской кооперации. В городах действовали редакции газет и журналов. Всего в 1900–1916 гг. в регионе в разное время издавалось 475 газет и журналов, из них 334 имели общественно-политическую направленность, 13 газет имели стаж пять и более лет[31]. Издания местной периодической печати имели специальный раздел, посвященный вопросам кооперативного движения, формировали традицию гласности, необходимую для функционирования гражданского общества, создавали разветвленную корреспондентскую сеть, способствуя интеллектуальному и нравственному воспитанию населения.

Накануне Первой мировой войны в городах Сибири началось введение всеобщего начального образования, в крупных городах действовала разветвленная разноуровневая (среднее, начальное, профессиональное) система образования. Во многих городах имелись театры, публичные аудитории (в 1885 г. сооружен каменный театр в Томске с залом на 1 тыс. зрителей, в 1905 г. театральное здание в Омске, в 1898 г. – двухэтажная

[31] *Шиловский М.В.* Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов… С. 119.

Народная аудитория в Тобольске, в 1901 г. – Народный дом в Барнауле, в 1915 г. – в Бийске), библиотеки, музеи, проводились публичные чтения, развивались книготорговля и книгоиздательство, работало большое количество общественных (просветительных, научных, благотворительных и т.п.) организаций[32]. Воплощая общественную инициативу, они становились формой локальной самоорганизации граждан, способствуя расширению кругозора и «воспитанию гражданского чувства», привлекались кооперативами к совместной культурной работе и служили объектами попечительства.

В качестве региональных столиц выделялись Тобольск, Омск и Томск с его традициями развития науки и высшего образования[33]. В городах была сосредоточена подавляющая часть (более 90%) интеллектуального потенциала Сибири. Наряду с ростом количества образованных людей происходило формирование собственно городской культуры и рационального типа сознания ее носителей с характерным восприятием человека как субъекта своих действий, а окружающего мира как объекта целенаправленного изменения[34].

Исследователи сибирской «городской цивилизации» отмечали, что, несмотря на ее «очаговый» характер и значительную роль государства в ее создании, все большее значение приобретала деятельность складывавшегося гражданского общества в лице городской интеллигенции и передовых слоев торгово-предпринимательских кругов, которые все активнее брали на себя развитие отдельных элементов инфраструктуры культуры в продвижении

---

[32] См.: *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации в Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск, 2002.

[33] *Алисов Д.А.* Культура городов Среднего Прииртышья… С. 121; *Алисов Д.А.* Социально-культурный облик столичных центров Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 67; *Скубневский В.А.* Города России во второй половине XIX века. Барнаул, 2012. С. 57–59.

[34] *Шиловский М.В.* Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов… С. 114–116.

общеевропейских стандартов жизни далеко на Восток[35]. Интеллигенция и средние городские слои становились главным субъектом общественно-политической жизни[36]. Существенное влияние на этот процесс оказывал исключительно региональный фактор – политическая ссылка: за 1906–1917 гг. через Сибирь прошло не менее 39 тыс. осужденных по политическим делам, среди которых 9,3% составляли лица интеллигентных профессий, вносивших весомый вклад в просветительство[37].

В начале XX в. города стали экономическими, управленческими и культурными центрами формирования бессословного модернизированного общества. В них устанавливались тесные контакты внутри больших групп потребителей, связанных многочисленными нитями городской жизни, стрежневые из которых формировали экономическую и социальную структуру набирающих силу урбанизированных центров. Города и городские поселения (железнодорожные и рабочие поселки) становились естественной средой для развития потребительских кооперативов.

2.2. Распространение идей и форм кооперативной самоорганизации в городской среде

Изучение истории создания первых обществ раскрывает процесс постепенного проникновения кооперативных идей в широкие круги населения. Потребительская кооперация в России и Сибири возникла как городская и рабочая, в значительной степени под влиянием западного опыта. Ее развитие происходило одновременно с индустриальным развитием и расширением внутренней торговли[38]. Период второй половины XIX в. до

---

[35] *Алисов Д.А.* Городская цивилизация: этапы становления и развития (опыт научного поиска) // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: мат-лы Всерос. научн.-практ. конф. (Омск, 12-13 ноября 2013 года) / Отв. ред. Д.А. Алисов, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2013. 398 с. С. 6–7.

[36] *Шиловский М.В.* Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов… С. 114.

[37] Там же. С. 122–123.

[38] Данные об увеличении объемов внутренней торговли приведены в кн.: *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1916. С. 25–26.

революции 1905–1907 гг. по мнению классиков историографии отечественной кооперации А.В. Меркулова и М.Л. Хейсина являлся периодом ее зарождения, роста и укрепления. В 1860-е гг. возникали первые единичные потребительные общества. В 1870–1880 гг. кооперативное движение почти стояло на месте, затем очень медленно росло до 1890 г., после чего темп усилился в последнее десятилетие века и особенно после 1900 г.[39]

Одним из дискуссионных является вопрос о начальной вехе потребительского кооперативного движения в Сибири и первом потребительском кооперативе. Ряд авторов, полагая, что зарождение и развитие потребительской кооперации было непосредственно связано с освободительным и революционным движением, начинают отсчет от организаций, созданных в Забайкалье (Чите и Петровском Заводе) декабристами – «Большой артели», открытой 2 марта 1831 г., и «Малой артели» («Общества взаимного вспоможения»), открытой в 1834 г.[40]

Сложившаяся традиция считать «Большую» и «Малую» артели первыми кооперативами не была поддержана большинством исследователей[41]. Версия о несоответствии декабристских «Большой» и «Малой» артелей статусу кооперативных потребительских организаций получила убедительное обоснование в работах Б.В. Иванова, А.А. Николаева и др.[42] А.А. Николаев связал это с также дискуссионным вопросом о соотношении общины и кооперации. Напомнив о таких элементах общины, как замкнутость, принудительность объединения и эгалитарная психология, он показал

[39] *Хейсин М.Л.* Развитие кооперативного движения потребителей в России // Вестник кооперации. 1912. № 5. С. 56–58; *Хейсин М.Л.* К вопросу о ходе развития потребительской кооперации // Вестник кооперации. 1916. № 3. С. 23–24; *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1917. С. 11–12.

[40] *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. Иркутск, 1965. С. 14–16; *Днепровский С.П.* Кооператоры. М., 1968. С. 42–52; *Коряков И.А*. Из истории зарождения кооперативов в Забайкалье (1831–1917 гг.) // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1968. Вып. 2. С. 83.

[41] К ним относятся: Б.В. Иванов, А.А. Николаев, М.В. Гузик, И.Б. Ломакина, Б.С. Старин, Г.М. Запорожченко, А.В. Соболев и др.

[42] *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск, 1975. С. 49.

историческую связь с общиной именно артели, но не кооперации. Именно через артель шел вынос сугубо деревенского образа жизни на урбанизированные слои общества. Артелями именовались как производственно-хозяйственные ячейки, так и творческие объединения декабристов, на устройство, название и устав которых оказала сильное идейное воздействие артельная форма народной жизни. «Артельным принципам организации в локально-замкнутом пространстве при наличии внешней материальной благотворительной поддержки состоятельных семей декабристов было необоснованно придано общекооперативное значение», – отмечал А.А. Николаев[43]. Кооперация в сфере товарного обращения, по его мению, развилась в России в конце XIX – начале XX в. и явилась *принципиально новым* для российской действительности явлением по сравнению с общинно-артельным укладом. «С артелями, которые издавна возникли на Руси, кооперативное движение имеет мало общего», – писал еще в 1909 г. журнал «Вестник кооперации»[44].

Большинство историков связывают историю потребительской кооперации с развитием капиталистических форм хозяйствования и относят начало ее развития к 1860-м гг. В апреле 1864 г. в Сибири начал действовать кооператив рабочих в Забайкалье – недалеко от Читы, в поселке *Петровский Завод* (ныне г. Петровск-Забайкальский). Петрозаводское общество характеризовалось основными чертами потребительского кооператива (действовало на основании устава, принятого волостным сходом, членство обусловливалось внесением доступного пая, работу кооператива контролировала ревизионная комиссия, продажа товара осуществлялась за наличные и всем гражданам, в результате общественной торговли снизились цены, производились отчисления на устройство училища), но первым

[43] *Николаев А.А.* Кооперативное движение в России 10-х – 20-х годов XX в.: современная историографическая ситуация // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 34–35.

[44] Вестник кооперации. 1909. № 1. С. 14.

энтузиастам не хватило опыта кооперативной работы, чтобы выдержать конкуренцию с купцами[45].

Из-за отсутствия утвержденного устава многие исследователи не упоминают Петрозаводский кооператив в числе первых потребительных обществ. Но если учесть, что Кыновское общество потребителей на Урале, возникшее в ноябре 1864 г., долго не имевшее утвержденного устава и работавшее не с паевым капиталом, а с выделенным владельцем завода кредитом, более не считается родоначальником движения, а бесспорно признанные первыми обществами потребителей рочдельского образца Петербургский, Псковский Харьковский, Рижский и Ревельский кооперативы были созданы в 1865–1866 гг.[46], то нельзя не признать, что недолговечная деятельность общественной лавки в *Петровском Заводе* в 1864 г. представляет значительное историческое событие и может рассматриваться в качестве *первого опыта* кооперативного потребительского движения.

Первые в Сибири городские всесословные потребительские кооперативы, чьи *уставы были утверждены* государственной властью были созданы в 1869 г. *в Иркутске* и *Барнауле*. Устав общества потребителей «Сбережение» в Иркутске был утвержден в МВД 13 мая 1869 г., организационное собрание состоялось в помещении Иркутской общественной прогимназии, инициатором выступил чиновник особых поручений при Иркутском генерал-губернаторстве Б.И. Милютин – брат военного министра, учредителями и членами были кандидаты права, купцы, надворные и статские советники и другие представители наиболее обеспеченной части населения. Просуществовав некоторое время, кооператив закрылся. В.Н. Махов писал, что потребительская кооперация не могла развиваться в Сибири с существовавшим в тот период потребительским натуральным хозяйством: «Иркутское "Сбережение"

[45] *Меркулов А.В.* Из ранних попыток потребительской организации в России // Союз потребителей. 1916. № 4. С. 1638.

[46] *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002. С. 125.

погибло, не оставив после себя наследников, а "идея" потребительской кооперации заглохла на длительный ряд лет» [47]. Иркутское общество хорошо известно исследователям[48], в отличие от общества потребителей в Барнауле, упоминавшегося лишь в ранней справочной литературе[49].

Устав общества потребителей в Барнауле, утвержденный 11 октября 1869 г., являлся характерным образцом первых разрабатывавшихся на местах уставов – оригинального законотворчества, в процессе которого происходило закрепление одних норм и отбрасывание других. В статьях барнаульского устава воплотились как кооперативные (невысокий для того времени паевой взнос 10 руб., равноправие при голосовании независимо от количества паев, рассрочка при внесении пая, доступность для каждого делопроизводственных книг, наличие «поверочной комиссии» для наблюдения за ходом дел общества, выборного правления, верховенство общего собрания), так и чуждые кооперации (в статьях о неравноправном членстве, неравном распределении прибыли, торговле в кредит) принципы[50]. После нескольких лет деятельности, как докладывал 8 мая 1874 г. генерал-губернатор Западной Сибири, барнаульское общество потребителей «упразднилось от неумения вести дела, а самое главное, от растраты суммы членами-учредителями»[51].

Первые городские потребительские общества Сибири – иркутское и барнаульское – характеризовались теми же чертами, что и потребительские кооперативы того периода в России: заинтересованность членов (представителей мелкой буржуазии, чиновничества, интеллигенции) более в

---

[47] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 19.

[48] *Баллин Н.П.* Первая памятная книжка русских потребительных обществ. СПб., 1870. С. 47; Список всех потребительных обществ России как действующих, так и закрывшихся на 1 января 1912 г. СПб., 1912. С. 167; *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее исторического развития. Новониколаевск, 1923. С. 11; *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. С. 15.

[49] Список всех потребительных обществ России как действующих, так и закрывшихся на 1 января 1912 г. СПб., 1912. С. 167.

[50] ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8746. Л. 1–19 [Устав общества потребителей в г. Барнауле]

[51] Там же. Л. 19.

накоплении (получении дивиденда), чем в потреблении, высокие паевые взносы (25–100 руб.), малочисленность (50–100 членов), непрочность в хозяйственном отношении, недолговечность. Для кооперативной практики того времени было характерно «незнакомство с кооперативным делом, бесхозяйственность, бесконтрольность правления, плохая постановка счетоводства, равнодушие членов и малодушие их в тяжкие периоды жизни обществ»[52].

В.Н. Махов, говоря об условиях зарождения потребительской кооперации, выделял три момента: 1) наличие самого лавочника, торговца, 2) осознание факта торговой эксплуатации населением, 3) наличие среди населения активных инициаторов[53]. Он считал, что этих условий не было в период существования первых обществ. О «полном отсутствии почвы» для них в городах в 60-е гг. XIX в. писал и С.Н. Прокопович, имея в виду незначительность населения городов и особенно групп рабочих и ремесленников, наиболее нуждающихся в удешевлении потребления[54]. По свидетельству экспертов, в экономике пореформенной России до 1896 г. наблюдалось, хотя и с колебаниями, общее падение цен[55], А.В. Меркулов говорил о «сравнительно дешевой жизни». С одной стороны, связь с великими реформами 1860-х гг., западноевропейскими социалистическими и кооперативными идеями, с другой – «настроения моды, стремление поиграть в общественность» сопутствовали истории возникновения первых потребительных обществ[56]. По мнению В. Зельгейма, «насаждаемая сверху, кооперация не находила экономической почвы в верхних культурных слоях»[57].

---

[52] *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации… С. 13.

[53] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 12.

[54] *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. М., 1913. С. 190.

[55] Прения по вопросу о роли кооперации в борьбе с дороговизной жизни: протокол Собрания III-го отдела 5 декабря 1910 г. // Вестник кооперации. 1911. № 1. С. 141–142 [Из доклада М.И. Туган-Барановского].

[56] *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации… С. 7–8.

[57] Союз потребителей. 1915. № 29. С. 993.

Подобным образом оценивали первые кооперативы и в Сибири. «В основе этих попыток, – писала газета «Алтайское дело», – лежала тогда не самодеятельность членов, а либо благотворительность, либо коммерческие начала, или другие, хотя и доброжелательные, но чуждые духу кооперации побуждения. Кооперативные принципы были в полном пренебрежении»[58].

Первые кратковременные попытки организации потребительных обществ свидетельствовали об интересе к кооперативной идее и начале ее проникновения в российскую социально-экономическую жизнь «сверху», через практику просвещенных, культурных, связанных с городом слоев общества. Ускорившееся развитие капитализма после реформ 1860–1870-х гг. как прямо, так и опосредованно повлияло на процесс роста числа кооперативов, в том числе в демократической среде.

Последующие два десятилетия – 1870–1880-е гг. – А.В. Меркулов считал «ликвидационным» периодом, так как в эти годы городских кооперативов образовывалось гораздо меньше, общество разочаровалось в кооперации и перестало ей интересоваться. Главная роль по числу потребительных обществ и численности их состава перешла к зависимой фабрично-заводской и железнодорожной потребительской кооперации, что ему представлялось упадком движения, так как зависимые от администрации общества имели мало общего с подлинной кооперацией.

М.Л. Хейсин считал применение термина «ликвидационный» неудачным, так как произошла не ликвидация движения потребителей, а сделан важный шаг вперед, когда кооперация была перенесена в рабочую среду, нуждавшуюся в организации потребления. От кооперации отошла лишь та часть общества, которая в ней и не нуждалось[59]. Разногласия авторов периодизации отражали объективный процесс слабого развития свободной и самодеятельной кооперации в городской и рабочей среде при несомненном росте охваченного кооперацией населения. Это были годы контрреформ,

[58] Алтайское дело. 1914. 29 янв.

[59] *Хейсин М.Л.* К вопросу о ходе развития потребительской… С. 27.

неблагоприятные для общественной самодеятельности. Из 290 обществ, зарегистрировавших свои уставы в 1865–1890 гг., к концу этого периода функционировало лишь немногим более одной трети – 96[60].

Нет каких-либо сведений о возникновении в эти годы потребительских кооперативов в Сибири, за исключением попытки создания в 1887 г., вплоть до подачи устава на утверждение в МВД, городского потребительного общества в *Иркутске*, организаторами которого являлись «мещане, ремесленники, городские низы»[61].

Численный рост потребительских кооперативов начался *в 1890-е гг.* – через четверть века после создания первых кооперативных организаций. Именно к этому времени большинство исследователей не без основания относят начало подлинной истории кооперативного движения в стране, хотя до конца века зависимые фабрично-заводские общества численно преобладали над общегражданской городской кооперацией.

Усиление развития городской кооперации в 1890-е гг. явилось и причиной, и следствием работы в 1896 г. в Нижнем Новгороде первого Всероссийского торгово-промышленного *съезда* и его *кооперативного* IV отдела в составе 34 представителей от 28 потребительных обществ. Итогом явилось принятие съездом двух важных документов – проекта положения о союзах кооперативов всех типов (потребительных, ссудо-сберегательных, кустарных) и проекта Нормального устава потребительных обществ.

В 1896 г. при Санкт-Петербургском отделении Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах была создана Постоянная *комиссия* по делам потребительных обществ (впоследствии III отдел), которая стала одним из руководящих центров потребительской кооперации в России. Немалую роль сыграл интерес к кооперации со стороны бюрократических кругов. В Петербурге в середине 1890-х гг.

---

[60] *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. С. 126.

[61] *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. С. 16.

служащими различных ведомств, в том числе МВД, было образовано несколько потребительных обществ.

Встретило сочувствие в правительственных сферах также стремление кооператоров к созданию некоего центра коммерческих операций, оптовых закупок и кооперативной жизни в целом. 16 июня 1898 г. министром внутренних дел было утверждено Положение о *Московском союзе потребительных обществ* (МСПО, с 1917 г. – Центросоюз). 1 ноября 1898 г. в Москве прошел его учредительный съезд, на котором присутствовали представители 18 кооперативных товариществ со всей страны, в том числе из Сибири. Деятельность МСПО была крайне важна для кооперативных организаций России. Бюро союза исполняло координирующие и консультирующие функции, предоставляло необходимую для ведения дел информацию и документацию (устав, членские книжки, бланки), схемы счетоводства и отчетности, инструкции и правила, открывало товарный кредит, осуществляло для потребительных обществ закупки от фирм.

Современники, а вслед за ними исследователи указывали на *голод* 1891 г. и на последовавшее за ним вздорожание жизни, как на важную причину роста потребительских кооперативов в городах и особенно в сельской местности[62]. Кроме того, как считал А.В. Меркулов, причиной являлась волна *общественного подъема*, которая отметила начало 1890-х гг., так как «дороговизна не представляла такого резкого скачка вверх, какой сделала потребительская кооперация»[63]. Большое влияние оказало утверждение министром внутренних дел 13 мая 1897 г. *Нормального устава* потребительных обществ, в основе которого лежал проект, выработанный на Нижегородском съезде. В то же время Нормальный устав, облегчив учреждение обществ, сам по себе являлся не только причиной этого процесса, но и важным следствием напора развернувшегося движения. Темп

[62] Алтайское дело. 1914. 29 янв.; *Дихтяр А.Г.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960. С. 150; *Макерова Н.Я.* История потребительской кооперации в СССР. С. 18.

[63] *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации… С. 49–50.

роста кооперативов за пятилетие 1890–1895 гг., предшествовавшее нормальному уставу, был выше, чем за следующее пятилетие 1896–1900 гг.[64] «Если бы не было Нормального устава, движение все равно усилилось бы, как не мешало отсутствие разрешения союзов в последние годы широко развиться союзному движению», – писал М.Л. Хейсин[65]. Глубинной причиной развития потребительской кооперации являлось дальнейшее усиление темпов капиталистического развития в 1890-е гг., отмеченные в истории России как период ускоренной модернизации и интенсивного развития социально-экономических процессов.

В Сибири ускорение темпов развития капитализма было связано с железнодорожным строительством и усилившейся колонизацией. Начало создания потребительных обществ в Иркутской губернии в 1890-е гг. отметил А.Н. Макеев[66], в Восточной Сибири – в Иркутской и Енисейской губерниях, Забайкальской области – М.В. Гузик[67], в Западной Сибири – В.Н. Махов[68].

С 1890 по 1898 г. в сибирских городах появился целый ряд потребительских кооперативов. В 1890 г. в *Каинске* Томской губернии действовало замкнутое по составу чиновничье общество потребителей. В 1891 г. городской потребительский кооператив был открыт в *Барнауле* Томской губернии, в 1893 г. – в *Бийске* Томской губернии, в 1894 г. – в *Томске*. Образованное в 1895 г. городское общество потребителей в *Красноярске* через два года распалось вследствие того, что товар был разобран в кредит его членами, но успело стать одним из 18 учредителей

[64] *Хейсин М.Л.* Развитие кооперативного движения потребителей в России // Вестник кооперации. 1912. № 5. С. 58.

[65] *Хейсин М.Л.* К вопросу о ходе развития потребительской кооперации. С. 30.

[66] *Макеев А.Н.* Кооперативное движение в Енисейской и Иркутской губерниях: автореф. … канд. ист. наук. Иркутск, 2007. С. 15.

[67] *Гузик М.В.* Становление и развитие кооперации в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. … канд. ист. наук. Иркутск, 2000. С. 14.

[68] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 21.

МСПО[69]. В *Тюмени* Тобольской губернии действовала лавка отделения Общества потребителей служащих и рабочих Пермской железной дороги (1895–1911 гг.), а в 1897 г. открылось городское общество потребителей. К этому же времени относятся сведения о существовании потребительного общества в *Таре* Тобольской губернии[70].

В первой половине 1890-х гг. было организовано потребительное общество в *Тобольске* по инициативе вице-губернатора – статского советника барона К.П. Фредерикса. Потребительская лавка помещалась в здании городской управы, членами являлись чиновники губернского и городского управления. Общие для потребительных обществ этого периода недостатки в организации коммерческой деятельности привели чиновничий кооператив к краху. По общему мнению, своим разорением кооператив был обязан неумелой постановке дела его руководителями вследствие «неспособности чиновников к предпринимательству»[71].

В *Иркутске* в 1896 г. состоялась попытка создания кооператива группой педагогов во главе с учителем гимназии Г.И. Поповым[72]. В 1897 г. открылось потребительное общество в *Якутске*. Устав был утвержден губернатором Якутской области В.Н. Скрипициным 23 марта 1898 г. В списке членов этого всесословного кооператива значились священник, военные чины, чиновники, председательствовал титулярный советник. Кооператив просуществовал непродолжительное время[73].

Потребительное общество почтово-телеграфных чинов в *Чите* было самым долговечным в этот период, действовало с 1898 по 1906 г. и распалось после подавления читинского вооруженного восстания в ходе революции

---

[69] Там же. С. 23; *Пажитнов К.А.* Очерк развития рабочей потребительской кооперации // Архив истории труда в России. Пг., 1924. Кн. 11–12. С. 13.

[70] Список всех потребительных обществ России… С. 166–167; Рабочее движение в Сибири: в 3 т. Томск, 1988. Т. 1. С. 205.

[71] Сибирский листок. 1916. 19 июля.

[72] *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. С. 17.

[73] *Бурнашева Н.И.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920 г.). М., 2009. С. 56.

1905–1907 гг. Устав был утвержден военным губернатором Забайкалья 7 мая 1898 г. Общество обслуживало всех граждан города, имело значительную прибыль, обращая ее, в том числе, на цели культурно-просветительного характера – открытие библиотеки и читальни. В 1905 г. оно находилось под влиянием социал-демократов, один из представителей которых – А.Д. Замошников – являлся его председателем[74]. В 1898 г. в Сибири было создано первое сельское потребительное общество в селе Тесь Минусинского уезда Енисейской губернии. Создание именно этих двух кооперативов – Читинского и Тесинского – имел в виду В.Н. Махов, делая вывод о непрерывно нарастающем росте потребительской кооперации в Сибири с 1898 г.[75] В 1899 г. потребительский кооператив открылся в *Ялуторовске* Тобольской губернии[76].

В конце 1890-х гг. в Сибири получила развитие рабочая кооперация в *зависимой* форме, представленная фабрично-заводскими и железнодорожными кооперативами. В России процесс создания специфической, неизвестной в западноевропейских странах формы зависимых от администрации фабрично-заводских и железнодорожных потребительных обществ, начался в предыдущие два десятилетия 1870–1880-е гг. В Сибири в это время были известны лишь ссудо-сберегательные кассы – начальная и простейшая форма взаимопомощи рабочих – на Гурьевском заводе и Салаирском руднике[77].

Зависимые рабочие кооперативы были созданы в 1897 г. в Алтайском округе Кабинета на *Зыряновском* руднике (пос. Зыряновский Каинского уезда Томской губернии) и в 1898 г. на *Гурьевском* горном заводе (Кузнецкий уезд Томской губернии). Зыряновское общество потребителей рабочих и

---

[74] *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки истории потребительской кооперации Забайкалья. 1831–1950. Чита, 1992. С. 54–55.

[75] *Махов В.* Откуда и как пошла сибирская потребительская кооперация. Новосибирск, 1925. С. 23.

[76] Список всех потребительных обществ России… С. 167.

[77] *Зиновьева В.И.* Первые рабочие организации в Западной Сибири // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 209.

служащих имело утвержденный устав, в период застоя в работе рудника в 1902–1916 гг. оно фактически прекратило свое существование, хотя формально постановления о закрытии не было. Кооперативная торговля возобновилась в 1916 г. В 1897 г. общество насчитывало 15 членов, в 1916 г. – 88 [78]. В общество потребителей на Гурьевском заводе входили 27 служащих и квалифицированных рабочих[79].

Зависимая рабочая и особенно транспортная потребительская кооперация имела значительный удельный вес в сибирском кооперативном движении. Тяжесть материального положения рабочих в Сибири определялась не только размером заработной платы, но и трудностями в приобретении продуктов питания и предметов первой необходимости в рабочих поселках на шахтах, копях и рудниках, мелких разъездах и полустанках. Особенно в организации потребления нуждался так называемый экстерриториальный состав транспортных рабочих – поездные бригады и судовые команды, находившиеся в пути.

В 1899 г. в *Чите* (Забайкальской области) при главных железнодорожных мастерских образовалось крупнейшее Общество потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. Устав был утвержден в 1901 г.[80] Особенностью Забайкальского железнодорожного кооператива являлось деление членов на пайщиков – из числа администрации и высших служащих – и заборщиков, высокий пай 100 руб., огромные дивиденды, которые начислялись лишь пайщикам. Под напором революции 1905 г. было принято решение о начислении дивидендов также и на покупки заборщиков и переводе их в пай, что дало возможность большой группе заборщиков начать формирование своих паев[81].

---

[78] Список всех потребительных обществ России… С. 167; *Зиновьева В.И.* Первые рабочие организации… С. 209; Жизнь Алтая. 1916. 13 мая

[79] ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4219. Л. 2, 18.

[80] РГИА. МВД. Ф. 1288. Оп. 15. Вн. оп. 1. Д. 550 [Дело об утверждении устава Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги].

[81] *Люри Н.* Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги: обзор деятельности за период 1899–1916 года. Иркутск, б.г. С. 29.

На 1 января 1916 г. в обществе насчитывалось свыше 28 тыс. членов[82]. Система продажи товаров в кредит, погашение которого гарантировалась заработной платой рабочих, являлась одной из основ высоких прибылей кооператива. Активная торговая деятельность Забайкальского общества развернулась на обширной территории – от Иркутска до границ Амурской области и Китая по линии железной дороги общей протяженностью 2 тыс. км. Вскоре после основания оно имело 26 магазинов. Общий паевой капитал превышал один миллион рублей. Торговый оборот колебался от 2,3 млн руб. в 1900 г. до 4,5 млн руб. в 1915 г., дав наивысшее значение в 1901 г. – 5,5 млн руб.[83] Размах и значительность Забайкальского кооператива неоднократно делали его объектом исследования историков[84].

«Гигантом на глиняных ногах», «кооперативом в кавычках», «архаичным, полумертвым уродливым предприятием» называл Забайкальский железнодорожный кооператив Н.А. Рожков, считая «корнем всех зол» – «незыблемый устав», который облекал кооперативную работу «в казенную тогу чиновничьего нерадения»[85]. Продажа в кредит, задержка дивидендов заборщикам, высокая наценка на оптовую цену товара, готовый рынок сбыта – все это способствовало быстрому продвижению по пути экономического роста, но не удовлетворяло потребностей наиболее нуждающихся пайщиков – низкооплачиваемых рабочих и служащих.

---

[82] *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. С. 20–22.

[83] Там же. С. 22; *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки истории потребительской кооперации Забайкалья.С. 58; Сибирская жизнь. 1916. 26 нояб.

[84] В.А. Кригер, И.И. Курьян, М.К. Яковенко, И.А. Коряков, Л.Х. Корякова, М.А. Гузик. Результаты их исследований обобщены: *Запорожченко Г.М.* Транспортная потребительская кооперация в Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2007. С. 22–33; Она же. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX века. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск, 2015. С. 87–89.

[85] *Рожков Н.А.* О Забайкальской потребительской кооперации (доклад, прочитанный на заседании Общества изучения Сибири в Томске) // Утро Сибири. 1916. 28 февр.; *Рожков Н.А.* Положение потребительской кооперации по различным губерниям и областям. Забайкальская область //Ежегодник МСПО. 1914 г. М., 1916. С. 33– 34; Сибирская деревня. 1916. № 19–20. С. 37; Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 25.

Второй крупный зависимый железнодорожный кооператив, не упоминавшийся в литературе, Общество потребителей служащих на Сибирской железной дороге с конторой в *Томске* действовал в 1899 – 1908 гг. Торговую деятельность общество открыло с капиталом 8 тыс. руб., образовавшимся от прибылей вагона-лавки, обслуживавшей строителей Средне-Сибирской железной дороги, и работало в крайне тяжелых условиях, особенно на восточном участке дороги: «Большинство станций расположено в совершенно дикой пустынной местности, где немыслимо приобретение на месте самых обычных продуктов и предметов потребления»[86]. На протяжении 1700 верст от станции Обь до Иркутска имелось всего шесть городов на расстоянии один от другого от 166 верст (Ачинск – Красноярск) до 475 верст (Нижнеудинск – Иркутск) и несколько незначительных селений.

Кооператив оборудовал 15 стационарных и две подвижные лавки. В 1905–1906 гг. он насчитывал 7052 члена, обороты достигали 2 млн руб. при наценке 11,3%[87]. Рабочие и мелкие служащие составляли основную массу членов кооператива, но в его деятельности участия не принимали, являясь лишь заборщиками товаров. Правление подчинялось администрации дороги. Крах общества в 1908 г. был обусловлен нерентабельностью широко раскинувшейся сети мелких убыточных торговых пунктов, злоупотреблениями правления и штата, отсутствием демократического контроля, продажей в кредит, нерациональным использованием заемных средств[88].

Зависимые потребительные общества, как отмечали исследователи, «не только не рабочие кооперативы, но и не кооперативы вообще»[89]. Типология зависимых кооперативов как одного из аспектов социальной политики

---

[86] Отчет по операциям Общества потребителей служащих на Сибирской железной дороге за 1901 год. Томск, 1903. С. 2.

[87] Кризис в Обществе потребителей служащих на Сибирской железной дороге // Сибирские вопросы. 1908. № 13. С. 15.

[88] Сибирская жизнь. 1906. 30 марта, 13 апр.; Кризис в Обществе потребителей служащих на Сибирской железной дороге. С. 17; *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX века… С. 89–91.

[89] *Кремнев Г.* Развитие кооперации. Л., 1925. Ч. 1. С. 69.

предпринимателей рассмотрена К.Е. Балдиным и Л.Е. Файном[90]. Вместе с тем нельзя отрицать определенную положительную роль в тех условиях зависимых железнодорожных кооперативов, которые способствовали некоторому снижению розничных цен, развитию в пределах огромной территории своего действия производства и торговли. Н. Люри писал: «Трудно себе представить, каким иным путем, кроме развозки в вагонах-лавках, можно было организовать снабжение потребителей продуктами первой необходимости на разъездах и мелких станциях. Лишь содействие администрации и льготный железнодорожный тариф могли гарантировать от убыточности подобные предприятия»[91].

Начало XX в., включая годы революции (1905–1907 гг.), исследователи кооперации выделяли в отдельный период, мотивируя это следующими причинами. Городские общества потребителей образовывались уже в среде не привилегированных классов, а малообеспеченных обывателей. Бурно развивалась и численно начала преобладать над городской сельская потребительская кооперация. Городские и сельские кооперативы численно преобладали над зависимой фабрично-заводской кооперацией. Появились первые независимые рабочие общества[92]. В этот период появились первые *журналы*, координирующие, освещающие и пропагандирующие потребительскую кооперацию – с 1903 г. начал выходить орган МСПО журнал «Союз потребителей».

В Сибири в эти годы создавались новые общества потребителей, но не столь многочисленные, чтобы составлять отдельный период. В 1903 г. открылось и числилось работавшим до 1910 г. городское всесословное

---

[90] *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века. С. 77–84; *Файн Л.Е.* Российская кооперация… С. 127–128.

[91] *Люри Н.* Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги. С. 39.

[92] *Хейсин М.Л.* Развитие кооперативного движения потребителей в России. С. 60; *Хейсин М.Л.* К вопросу о ходе развития потребительской кооперации. С. 29; *Балабанов М.* История рабочей кооперации в России. Киев, 1923. С. 14; *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века. Иваново, 2006. С. 88–84.

потребительное общество «Самопомощь» в *Омске*[93]. В 1903–1908 гг. действовало потребительное общество в *Бийске* Томской губ. Пайщиками общества являлись 72 чел., держатели одного–двух паев численно преобладали над многопайщиками, что свидетельствовало о сравнительно демократическом составе членов[94].

В 1904 г. в *Чите* Забайкальской области был учрежден первый *независимый* рабочий кооператив железнодорожных рабочих. Кооператив являлся пайщиком МСПО, положил начало кооперативной книжной торговле[95]. В *Чите, Иркутске, Омске* в этот период действовали также замкнутые корпоративные гарнизонные общества.

В 1905 г. было образовано общество потребителей служащих и рабочих на *Судженских* каменноугольных копях, обслуживавших Транссибирскую железнодорожную магистраль. Около трети всего сибирского угля добывали в Томском округе, где с 1897 г. началось активное промышленное освоение Судженских угольных копей Л.А. Михельсона и в 1898 г. – казенных Анжерских копей[96]. Судженские копи находились в 12 верстах от станции Судженка Томской губернии и в значительном удалении от Томска и других городов. Общество потребителей обслуживало работавших на копях 3 тыс. рабочих и 200 служащих. До его открытия на копях действовала лавка разорившегося Общества потребителей служащих Сибирской железной дороги[97].

Судженское общество действовало на Нормальном уставе, закреплявшем пай 10 руб. с рассрочкой, возможность приобретения одним

---

[93] Список всех потребительных обществ России… С. 163.

[94] ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2674. Л. 2–7; Листок объявлений (Бийск). 1910. 28 апр.; Подробно: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация… С. 92–93.

[95] Список всех потребительных обществ России… С. 165; *Коряков И.А. Берсенев Л.Ф.* Общество потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 60 лет со дня основания // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1969 г. Чита, 1969. С. 151.

[96] *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 190.

[97] *Марков В.Н.* Томская губерния // Ежегодник МСПО. М., 1912. Вып. 2: 1912 г. С. 84.

членом до 40 паев, верховенство общего собрания членов[98]. Помещения арендовались у владельца копей. Торговля бакалейными, галантерейными, кожевенными, скобяными, москательными товарами, мясом и печеным хлебом приносила стабильную прибыль[99]. Членами общества были преимущественно рабочие (в январе 1906 г. общество насчитывало 96 членов, в ноябре 1916 г. – 450), но продукты в двух его лавках покупало все население копей. Доля продажи посторонним постоянно увеличивалась. Выступая регулятором цен, судженский кооператив приобретал товары при посредстве союзных организаций, членом которых он являлся, – МСПО, Мариинского торгово-промышленного товарищества кооперативов, Закупсбыта[100].

Судженский кооператив считался одним из самых сильных в Томской губернии. Обслуживая стратегически важный объект – железную дорогу, он был признан работающим на оборону, и кооперативные служащие получили отсрочку от призыва в действующую армию до 1 января 1917 г., что способствовало укреплению кооперативной деятельности. На съезде кооперативов Томской губернии 1–4 марта 1915 г. Судженское общество «с миллионными оборотами и своеобразными запросами» было признано равным по значимости районному кооперативному объединению[101].

Послереволюционные годы в социально-экономическом плане отмечены расстройством народного хозяйства. Сказывались последствия Русско-японской войны 1904–1905 гг., ослабление экономической деятельности населения в связи с аграрным движением в 1905–1906 гг., депрессия в экономике, наступившая вслед за промышленным кризисом 1900–1903 гг.

---

[98] Устав общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона. Томск, 1911. С. 2–9.

[99] См. данные о численности и основынх показателях торговой деятельности общества в 1906–1912 гг. в кн.: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 94.

[100] Годовой отчет общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона за 1914–1915 гг. Мариинск, б.г. С. 1–3.

[101] Протоколы съезда кооперативов Томской губернии 1–4 марта 1915 года. Томск, 1915. С. 18.

Несмотря на то, что социальные завоевания революции способствовали пусть скромному, но вполне осязаемому повышению уровня жизни населения, положение рядовых потребителей ухудшалось, так как цены росли быстрее уровня доходов. Данные о прогрессирующем росте цен на предметы первой необходимости (одежду, обувь, продукты питания, отопление и освещение) и снижении реальной заработной платы в 1905–1913 гг. приводят А.В. Меркулов, Н.Я. Макерова, Я.А. Кистанов, А.Г. Дихтяр, К.Е. Балдин, Л.Е. Файн[102].

На заседании постоянной комиссии по делам потребительных обществ при Санкт-Петербургском отделении Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, преобразованной в 1904 г. в III отдел, в декабре 1910 г. видные экономисты-кооператоры В.Ф. Тотомианц, К.А. Пажитнов, С.Н. Прокопович, М.Л. Хейсин, М.И. Туган-Барановский, Б.Р. Фроммет, А.В. Меркулов и другие обсуждали вопрос о роли кооперации в борьбе с дороговизной жизни. «Жизнь всё дорожает и дорожает!», – таков был общий вывод присутствовавших, отметивших это как общемировое явление нового времени, так как до 1896 г. наблюдалось, хотя и с колебаниями, общее падение цен. По их мнению, повышение уровня цен в России и в мире являлось следствием комплекса причин (изменение условий мирового денежного оборота, выразившееся в расширении кредита и банковского дела, огромный рост городов, вобравших в себя массу сельского населения, рост цен на сельскохозяйственную продукцию, уплотнение железнодорожной сети, приведшее к росту скорости оборота капитала с 1,5 до 5 раз в год, непомерно высокие российские таможенные тарифы)[103].

---

[102] *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации… С. 53–54; *Кистанов Я.А.* Потребительская кооперация СССР: исторический очерк. М., 1951. С. 103; *Макерова Н.Я.* История потребительской кооперации… С. 41; *Дихтяр А.Г.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 48, 58–59; *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России… С. 112–113; *Файн Л.Е.* Российская кооперация… С. 203.

[103] Прения по вопросу о роли кооперации в борьбе с дороговизной жизни: протокол Собрания III-го отдела 5 декабря 1910 г. // Вестник кооперации. 1911. № 1. С. 125, 135, 142.

Мнения выступавших относительно степени важности кооперативной организации потребителей в борьбе с дороговизной разделились в нюансах. В.Ф. Тотомианц и К.А. Пажитнов считали кооперативы «верным и чуть ли не единственным» средством борьбы против дороговизны жизни. С.Н. Прокопович и Б.Р. Фроммет полагали, что в кооперативы объединялась лишь рабочая аристократия, и рабочему классу гораздо больше выгоды принесло бы право на стачки. По мнению М.Л. Хейсина, кооперация являлась средством увеличения покупательной силы населения, но не средством борьбы с дороговизной. М.И. Туган-Барановский, считая, что кооперация не может противостоять общемировому процессу повышения цен, видел ее потенциал в том, чтобы существенно облегчить положение потребителей. Но главное ее значение он усматривал не в материальных выгодах, а в повышении социальной сплоченности борющегося за свои права рабочего класса. А.В. Меркулов указал на то, что кооперация приносит выгоду потребителям самим удешевлением распределительного аппарата, препятствует повышению цен со стороны капиталистов и объединяет гораздо больший круг людей, чем профессиональные союзы. Б.П. Селибер подчеркнул значение потребительской кооперации в городах, приведя в пример швейцарский Базель, где потребительским движением было охвачено 90% населения»[104].

Дискуссия идеологов российского кооперативного движения отражала существовавшую в действительности проблему выбора потребителем наиболее отвечающей его жизненным потребностям формы деятельности по улучшению качества жизни – участие в политической партии, профессиональном союзе или потребительском кооперативе. Признавая за кооперацией важное значение в улучшении экономического положения широких слоев населения города и деревни, ораторы справедливо обращали внимание на то, что самоорганизация потребителя сама по себе не является

---

[104] Там же. С. 136, 138, 140, 143, 145, 152.

панацеей от дороговизны и бедности, обусловленных целым комплексом политических, экономических и социальных реалий российской действительности. Вместе с тем ее роль в избавлении от торгового посредничества бесспорна.

Революция 1905–1907 гг., итогами которой являлось введение демократических свобод, расширила возможности населения для создания кооперативов. Репрессии против партийного подполья и профессиональных союзов делали кооперативные организации более привлекательными. Исследователями отмечено относительное уменьшение в послереволюционные годы числа замкнутых и зависимых кооперативов, рост числа всесословных городских кооперативов[105], а после волны разгромов профессиональных союзов – рабочих кооперативов, количественный рост которых был обратно пропорционален интенсивности открытых выступлений пролетариата[106].

Важным проявлением набиравшего силу и массовость кооперативного движения стал *Первый общекооперативный съезд* в Москве в апреле 1908 г. Необычайно многолюдный, собравший в день открытия до тысячи участников и гостей демократический съезд в самодержавной стране считался триумфом кооперативного движения, замечательным воплощением частной инициативы, самодеятельности и предприимчивости кооперативного сообщества. Съезд зафиксировал общность культурно-общественных задач и специфику хозяйственной деятельности кооперации каждого вида. Важное значение имели его резолюции о необходимости уничтожения торговли в кредит, порядке распределения паев и прибыли, признании некоммерческой природы кооперативных организаций, упорядочении налогообложения,

[105] *Левицкий В.* Общегражданская и рабочая кооперация. М., 1919. С. 79.

[106] *Прийменко А.И.* Потребительская кооперация рабочих Украины в период реакции (1907–1910 гг.) // Рабочий класс Украины в общероссийском революционно-освободительном движении. Киев, 1988. С. 154; .*Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России… С. 142.

кооперативной пропаганде и культурной работе[107]. Эти решения послужили идейным ориентиром и практическим инструментарием в повседневной работе кооператоров города и деревни[108].

1908 год в России воспринимался как «радикальный перелом, рубеж», за которым началось массовое кооперативное движение в городах[109]. На 1908 г. пришелся максимальный рост числа потребительных обществ, после чего он несколько упал из-за определенной насыщенности кооперативами. В это время было основано около половины потребительских кооперативов, действовавших в Европейской России до прихода советской власти. В 1909 г. в документах Департамента полиции подтверждалось «нежелательно широкое развитие в империи кооперативного движения»[110].

В кооперативном движении происходил не только количественный рост, но и качественные изменения: кооперативные «идеалы» уступили место кооперативным «задачам», объединение ради самой идеи единения сменилось стремлением наладить эффективную практическую работу. Кооперативное издание «Наша газета» в 1909 г. отмечало: «Рухнули широкие планы огромных кооперативов в Москве, на Кавказе, Харькове, Екатеринодаре, Иваново-Вознесенске, Екатеринбурге и пр. Вместо этого возник ряд скромных кооперативов… В старом кооперативном мире идет борьба новых демократических принципов со старыми аристократическими и коммерческими»[111].

В Сибири 1908 год отмечен пиковым ростом переселенческого потока – 644777 чел.[112], но по сравнению с Европейской Россией Сибирь в это время

---

[107] Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений в Москве 16–21 апреля 1908 г.: труды, изданные Бюро Московского союза потребительных обществ. М., 1908. С. 319–323.

[108] Союз потребителей. 1908. № 17. С. 326.

[109] Кооперативное движение в России в 1908 г. // Наша газета. 1909. № 196. 3 янв. Газета содержится: ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1908 г. Д. 121. Л. 165.

[110] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1910. Д. 121. Л. 262.

[111] Там же. Схожие оценки представлены в статье: *Торгашев Б.* Кооперативное движение в России. Съезды и областные союзы // Вестник кооперации. 1909. Кн. 1. С. 85.

[112] *Шиловский М.В.* Основные направления политики правительства… С. 38.

еще называли «кооперативной пустыней»[113]. К 1911 г. в регионе действовало 131 потребительное общество из 4767 – общего числа кооперативов Российской империи[114]. В состав МСПО от Сибири в 1911 г. входило семь кооперативов, в том числе Общество потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги (с 1901 г.), Минусинское городское в Енисейской губернии (с 1908 г.), «Труженик» в Барнауле (с 1909 г.) и Судженское общество (с 1910 г.) в Томской губернии[115]. В 1912 г. в Сибири действовало уже вдвое больше по сравнению с предыдущим годом потребительских кооперативов, что видно из табл. 2.

Таблица 2. Число потребительных обществ в сибирских губерниях и областях на 1 января 1912 г.

	Действующие общества	Закрывшиеся общества
Енисейская губ.	50	6
Забайкальская обл.	29	1
Иркутская губ.	20	7
Тобольская губ.	67	6
Томская губ.	107	10
Якутская обл.	–	1
Акмолинская обл.	9	4
Итого:	282	35

Источник: *Меркулов А.В.* Рост и распределение потребительской кооперации в России // Вестник кооперации. 1912. № 4. С. 128.

В городах Сибири в течение четырех лет после революции немногочисленные потребительные общества возникали или продолжали свою деятельность, но практически все они погибли вследствие неудачной хозяйственной деятельности или были закрыты властями по политическим

[113] Союз потребителей. 1915. № 7. С. 185.
[114] Ежегодник МСПО. М., 1911. Вып. 1: 1911 г. С. 9.
[115] Там же. С. 109.

причинам. В *Бийске* городское всесословное общество потребителей, учрежденное в 1903 г., закрылось до 1908 г.[116] Городской потребительский кооператив «Самопомощь» в *Омске,* существовавший с 1903, погиб из-за торговли в кредит до 1910 г.[117].

В 1907 г. открылась кооперативная торговля в *Минусинске*[118]. За 1907–1914 гг. общество потребителей добилось значительных результатов, несмотря на то, что в его деятельности наблюдалось нарушение кооперативных принципов – «стремление получать больше дивиденда, погоня за барышом по примеру частных фирм», присутствовали частые конфликты между членами, правлением и ревизионной комиссией[119].

В 1908 г. была дважды предпринята попытка организации потребительного общества на станции *Тайга* Томской железной дороги. Первую осуществили рабочие железнодорожного депо на деньги из профсоюзной кассы. «Но дело с самого начала было поставлено настолько неумело, что кооператив вскоре закрылся. Профсоюз распался еще раньше», – сообщалось в газете «Сибирская жизнь»[120]. Вскоре другими учредителями кооперативная торговля в Тайге была возобновлена и просуществовала до 1912 г. Особенностью утвержденного губернской властью устава являлся пункт о неограниченном числе паев на одного члена, что способствовало превращению кооператива в источник обогащения нескольких крупных акционеров. Разногласия среди учредителей привели и это общество к краху[121]. Следующее кооперативное начинание в Тайге относилось уже к 1915 г.

В мае 1908 г. был утвержден устав, а в июле 1909 г. открылась лавка общества потребителей «Труженик» в *Тобольске*[122]. На 1 января 1912 г.

---

[116] ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2674. Л. 2–7.
[117] ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 23. Л. 163; Сибирская жизнь. 1915. 11 июля.
[118] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916 г. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 3.
[119] Сибирская деревня. 1915. № 10–11. С. 25.
[120] Сибирская жизнь. 1914. 7 марта.
[121] Объединение. 1916. № 5–6. С. 22–23 [*М-вич В.* Трудное начало].
[122] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1908. Д. 92, ч. 2, лит. А. Л. 2.

общество состояло из 128 членов. Прибыль за 1911 г. в размере 177 руб. с 800 руб. оборотного капитала составила 22% с оборота, чему способствовала успешная работа правления и квалифицированного приказчика. Треть продаж приходилась на долю членов общества и 2/3 – на долю посторонних. В качестве одной из причин низкой покупательной активности членов указывалась торговля за наличные, в то время как многие привыкли покупать в кредит[123]. После 1912 г. деятельность общества прекратилась[124].

В 1908 г. объединились 255 чиновников Тобольского губернского управления, кооператив которых распался в 1914 г. из-за задолженности членов, разобравших товар в кредит[125].

В 1909 г. состоялась попытка возрождения городского всесословного кооператива в *Красноярске* вплоть до утверждения устава, но из-за разногласий среди учредителей и отсутствия средств начинание заглохло[126].

Наиболее долговечным в этот период можно считать образованное в 1909 г. Общество потребителей при Окружной психиатрической больнице в *Томске*, просуществовавшее до 1917 г.[127]

В январе 1908 г. был утвержден устав потребительного общества «Труд» в *Тюмени*[128]. Оно вышло из недр профсоюза приказчиков и имело сначала более скромную задачу организации кооперативной столовой, но потом учредители решили расширить дело и привлечь рабочих тюменских предприятий. В 1909 г. в обществе с паем 5 руб. состояло 277 членов, в том числе 14 женщин[129]. Работавший в Тюмени подпольно комитет РСДРП

---

[123] Отчет Тобольского общества потребителей «Труженик» за 1911 г. Тобольск, 1912. С. 28, 33–34.

[124] ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 100. Л. 1, 307; Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 103–105.

[125] ГАТ. Ф. 154.Оп. 18. Д. 100. Л. 1; Ф. 152. Оп. 23. Д. 195. Л. 7.

[126] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 137.

[127] *Рожков Н.А.* Положение потребительской кооперации по различным губерниям. Забайкальская область // Ежегодник МСПО. М., 1916. Вып. 4. 1914 г. С. 32; Ежегодник Московского союза потребительных обществ. М., 1912. Вып. 2. 1912 г. С. 86.

[128] ГАТ. Ф. 152. Оп. 23. Д. 195. Л. 7, 22.

[129] ГАТ. Ф. 152. Оп. 23. Д. 8. Л. 21; РГИА. Ф. 1288. Оп. 15. Вн. оп. 13. Д. 132. Л. 5–14. Устав общества потребителей «Труд» в г. Тюмени; Союз потребителей. 1908. № 13. С. 226.

оказывал сильное влияние на потребительский кооператив «Труд» и использовал его как материальную базу для своих целей[130]. В 1909 г. в результате ходатайства тобольского губернатора министр внутренних дел закрыл общество «Труд» за «вредную деятельность, противную государственному порядку и общественной безопасности»[131].

В *Барнауле* были образованы легальные рабочие потребительные общества «Свечка» (1907 г.) и «Труженики» (1909 г.). Организатором являлся активный кооперативный деятель Томской губернии Н.Г. Изюмченко – ссыльный, по профессии сапожник, «на лошадях, и пешком исколесивший Мариинский уезд с проповедью идей потребительской кооперации»[132]. Находясь под влиянием барнаульского комитета РСДРП, кооператив «Свечка» отчислял средства для ведения нелегальной работы.

В составе «Тружеников» находились торговые служащие, пимокаты и строительные рабочие. Благодаря успешной торговой деятельности ряды его пайщиков к 1913 г. возросли до 1300 чел. Кооператив имел в городе пять лавок, в том числе мясную, с товарооборотом свыше 200 тыс. руб. в год, столовую, читальню и библиотеку, отчислял средства на культурные цели[133].

Легально действовавшее потребительное общество «Труженики» было тесно связано с барнаульским комитетом РСДРП, предоставляло подпольщикам помещения и значительные средства за счет ограничения выплат дивидендов на паи 1% вместо разрешенных уставом 10%[134]. В сентябре 1912 г. в ходе ликвидации барнаульского подпольного комитета РСДРП 25 чел. подверглись аресту, из которых 21 – являлись членами

---

[130] Деятельность подпольного комитета РСДРП, связанная с кооперативом, описана Д.М. Копыловым. См.: *Копылов Д.М.* Тюменская организация РСДРП в годы столыпинской реакции // Тюменская партийная организация в период строительства социализма и коммунизма. Тюмень, 1969. С. 21–26.

[131] РГИА. Ф. 1288. Оп. 15. Вн. оп. 13. Д. 132. Л. 1–2, 15.

[132] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 19.

[133] *Омич М.* Сибирская кооперация в 1912 г. // Вестник кооперации. 1912. № 6. С. 87; Обская жизнь. 1912. 18 янв., 20 апр.; Вестник кооперации. 1912. № 6. С. 127; Алтайское дело. 1913. 8 янв.; Голос Оби. 1913. 31 янв.

[134] Нелегальную деятельность кооператива подробно исследовали сибирские историки А.П. Толочко, М.М. Валивач, Г.А. Титов, Н.М. Кравец. См. список литературы.

«Тружеников», а восемь из них занимали должности в кооперативе. В январе 1913 г. по ходатайству начальника Томского губернского жандармского управления в МВД общество «Труженики» было закрыто[135].

Характеризуя кооперативы этого периода, Л.Е. Файн писал: «Среди главных причин гибели первых крупных рабочих кооперативов нужно на первое место поставить неумение вести хозяйственную деятельность, отсутствие опыта организации дела в условиях капиталистического хозяйства»[136]. И хотя Барнаульский кооператив «Труженики» был закрыт по политическим причинам, его хозяйственная устойчивость также была невелика. В 1912 г., в отличие от предыдущих лет, члены общества не получили дивиденды, оборотного и запасного капитала общества не хватало на уплату долгов после ликвидации[137].

В мае 1913 г. в Барнауле началась организация нового потребительного общества «Сбережение». По требованию губернатора руководители его опального предшественника туда не допускались. Учреждение следующего потребительского кооператива в городе состоялось лишь в 1915 г.

С 1910 г. началась работа по созданию потребительского кооператива *студентами Томска*. «Нужда томских студентов положительно безвыходная, – сообщалось в газете «Студенческая мысль». – Благодаря значительному наплыву в университет и технологический институт молодежи, для большинства не представляется возможным найти какой-нибудь заработок»[138]. Идея об устройстве студенческого кооператива родилась на собраниях землячеств, где была избрана комиссия по подготовке проекта устава. Распространению кооперативных идей в городе способствовала деятельность известного пропагандиста кооперации леворадикального толка

---

[135] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 5, ч. 82. Л. 40 об., 64, 67.

[136] *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. С. 205.

[137] Союз потребителей. 1913. № 6. С. 151; ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 20, ч. 82, лит. Б. Л. 2–3об.; *Марков В.Н.* Томская губерния // Ежегодник МСПО. М., 1916. Вып. 4: 1914 г. С. 117; *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 106–108.

[138] Студенческая мысль. 1907. 10 дек.

В.А. Поссе, сибирских ученых, специалистов в области политической экономии и права, профессоров Томского университета М.Н. Соболева, Н.Я. Новомбергского, М.И. Боголепова, П.И. Лященко, которые в период учебы и стажировок за границей наблюдали кооперативное строительство в странах Западной Европы[139]. Под их руководством в Нормальный устав были внесены специфические изменения для студенческой среды. Предполагалось, что членами кооператива будут студенты университета, Технологического института и слушательницы высших женских курсов. Одновременно с разработкой устава был проведен благотворительный вечер в пользу будущего кооператива[140].

В устройстве объединенного студенческого кооператива томский губернатор отказал, основываясь на мнении попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева. Начальство опасалось, чтобы подобные общества «из так называемых кооперативных не превратились в социал-демократические»[141]. Положительное решение вопроса о студенческом кооперативе состоялось лишь в 1916 г.[142]

В 1911 г. был учрежден крупный потребительский кооператив служащих и рабочих на *Анжерской* каменноугольной казенной копи в Томской губернии. В отличие от соседнего кооператива на Судженских копях Анжерское общество открылось на измененном для железнодорожных обществ потребления Нормальном уставе и было зависимым от администрации. Торговля началась 1 ноября 1912 г.[143] Кроме работников копей в состав членов общества допускались агенты других служб железной дороги, чины местной полиции и почты, проживавшие на копи, с той

---

[139] Профессора Томского университета: биогр. словарь / Отв. ред. *С.Ф. Фоминых*. Томск, 1996. Вып. 1. С. 43, 156, 179, 238,

[140] Сибирская жизнь. 1915. 20 нояб.

[141] ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2821. Л. 1–12 [Дело об открытии потребительного общества студентов Томского университета]; Вестник студенческой кооперации. 1916. № 4–5. С. 30.

[142] Союз потребителей. 1914. № 9. С. 283; Сибирская жизнь. 1914. 25 марта; 1915. 3 июня, 15, 20, 28 нояб.; 1916. 3 июня.

[143] Устав Общества потребителей служащих и рабочих Анжерской казенной каменноугольной копи Сибирской железной дороги. Томск, 1912. С. 1.

разницей, что они могли быть пайщиками, но правом голоса при выборах не пользовались. Семьи рабочих и служащих копи и остальные жители поселка в кооператив не принимались[144].

Казенный характер общества лишал его членов возможности развивать самодеятельность, общие собрания членов подменялись собраниями уполномоченных, выбранных и контролируемых администрацией копей. В 1913 г. торговый оборот составил 206 380 руб., чистая прибыль – 6800 руб.[145] Слабым местом кооператива являлась продажа в кредит, на которую приходилось до 70% товарооборота[146]. Тем не менее, общество осуществляло значительную хозяйственную деятельность и приносило огромную пользу населению рабочего поселка.

Итак, опыт создания первых потребительских кооперативов в городах Сибири не прошел бесследно. Несмотря на удаленность от центров общественно-экономической жизни центральной России жители рабочего поселка Петровский завод в Забайкалье в 1864 г. выступили пионерами движения потребительской кооперации. Кооператоры в Иркутске и Барнауле в конце 1860-х гг. проделали важную работу по разработке и утверждению уставных документов. Единичные и кратковременные попытки создания обществ потребления на волне общественного подъема в первое пореформенное десятилетие продолжились на качественно новой основе в 1890-е гг. Глубинной причиной развития потребительской кооперации являлось дальнейшее усиление темпов капиталистического развития, рост численности городского населения – ремесленников, рабочих, интеллигенции, чиновничества, служащих, для которых дороговизна была ощутимым явлением. В кооперативы стали вступать не только культурные и состоятельные горожане, но постепенно потянулись и менее обеспеченные слои.

---

[144] РГИА. МВД. Ф. 1288. Оп. 188. 1910. Д. 208. Л. 6.

[145] *Марков В.Н.* Томская губерния // Ежегодник МСПО. М., 1916. Вып. 4: 1914 г. С. 118.

[146] Союз потребителей. 1915. № 32. С. 1156–1157.

Но стартовые позиции для стабильного развития хозяйственной и торговой деятельности оказались недостаточными. Общей характеристикой потребительных обществ была их финансово-хозяйственная слабость, почти все они оказались не жизнеспособными и прекратили свою деятельность. До 1917 г. дожили лишь кооперативы, существовавшие при поддержке управлений железных дорог, горных заводов и других предприятий. Городские всесословные общества еще не создали центров интеграции, собственного производства, культурных учреждений, занимались преимущественно торговой деятельностью, имели высокие паевые взносы, большой процент продажи товаров в кредит, высокие дивиденды на паи.

В то же время проделанная кооператорами 1890-х гг. работа имела важное положительное значение. Приобретался опыт снабжения пайщиков товарами на основе соглашения с торговцами о скидках, организации собственной торговли, хлебопечения, заготовки мяса, организации культурной работы. Выявилась привлекательность потребительской кооперации для населения.

2.3. Повышение роли городских потребительских кооперативов в жизнеобеспечении населения

С 1912 г. в истории городской и рабочей кооперации Сибири начался период массового и устойчивого роста – создания потребительных обществ, переживших революцию и Гражданскую войну вплоть до преобразований советской власти, положивших начало сибирским кооперативным союзам. Действуя в сложных условиях надзора властей, известного недоверия населения и прямого противодействия частного торгового предпринимательства, кооперативы численно росли, развивали хозяйственную деятельность, повышалась их роль в жизнеобеспечении потребителей.

В плане кооперативного строительства выделялась прежде всего *Томская губерния.* По оценкам губернской администрации, кооперативное

движение получило здесь «значительное развитие»[147]. Если в 1904 г. в Томской губернии насчитывалось лишь два потребительных общества, то в 1915 г. – 193, из которых 7 приходилось на долю всесословных городских кооперативов, 2 – служащих в казенных учреждениях, 2 – рабочих при промышленных предприятиях, 182 – сельских. Годовые обороты потребительных обществ колебались в пределах 3,5–300 тыс. руб., общая годовая закупка товара всех обществ превышала 2 млн руб. при оборотном и запасном капитале свыше 200 тыс. руб. и количестве членов около 10 тыс. чел.[148] В середине 1916 г. число кооперативов достигло 225[149]. «Потребительская кооперация вьет гнезда в Западной Сибири», – писал журнал «Союз потребителей»[150]. Томскую губернию называли «гнездом» и «самым плотным кооперативным местом» всей Сибири[151]. Потребительные общества продолжали действовать в Судженске и Анжерске, возникли новые кооперативы – в Мариинске, Новониколаевске, Томске, Барнауле, Боготоле, Нарыме, Тайге, Бийске, Кузнецке, Колывани, Татарске.

Устав городского общества потребителей в *Мариинске* был утвержден 2 марта 1912 г. Подготовка к открытию кооператива началась задолго до этого. Из 11 учредителей девять были выходцами из крестьян и двое – из мещан Томской, Самарской, Вятской, Лифляндской, Пермской губерний и Забайкальской области, проживавших в Мариинске от двух до пяти лет. Кооператив имел пятирублевый пай, общее собрание обладало полномочиями при наличии 1/5 членов, в правлении работали молодые люди 22–32 лет[152].

Общество возникло по следам агитации Н.Т. Изюмченко, проводившейся с целью организации закупочного центра для сельских

---

[147] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167, ч. 82. Л. 2.
[148] Союз потребителей. 1915. № 17–18. С. 540.
[149] Союз потребителей. 1916. № 43. С. 1601.
[150] Союз потребителей. 1915. № 7. С. 185.
[151] *Илимский Д.* Очерки сибирской кооперации: от распыленности к организации // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 145.
[152] ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2816. Л. 7–22.

кооперативов Мариинского уезда. «Городской кооператив сильно подгоняется деревенскими», – писал о Мариинске П.Н. Марков[153]. Именно эта особенность Мариинского городского кооператива – ориентация на обслуживание деревни – обусловила конфликтную ситуацию в первые годы его деятельности, усугубленную личными разногласиями среди руководителей. На базе общества в 1913 г. сложились сразу два параллельных объединения деревенских кооперативов – «Бюро оптовых операций» и «Потребитель». К 1915 г. их конкурирующее противостояние закончилось слиянием в рамках «Мариинского торгово-промышленного товарищества кооперативов»[154].

После разрешения ситуации с объединением уездных обществ в собственный союз городской кооператив с большей эффективностью сосредоточился на обслуживании своего центрального магазина и трех отделений в разных частях города[155]. Торговые обороты составляли 80 тыс. руб. в 1914 г., 200 тыс. руб. в 1916 г. Количество членов к 1915 г. увеличилось до 230 чел., в 1916 г. – превысило 500. Паевой капитал вырос до 3424 руб. Кооператив оказывал регулирующее влияние на цены местного рынка[156].

Мариинское общество было пионером в области организации собственного производства – пекарни и веревочной мастерской[157]. В 1915 г. Уездный комитет по отсрочкам признал его работающим на оборону с отсрочкой для служащих от призыва в действующую армию. Но в первые

---

[153] *Марков П.Н.* Кооперативное движение в Томской губернии // Вестник кооперации. 1912. № 6. С. 121.

[154] *Марков П.* Мариинское товарищество кооперативов // Календарь сибирской кооперации на 1917 г. Томск, 1916. С. 45.

[155] Общественная жизнь в Мариинске // Вопросы Мариинского уезда. Мариинск, 1914. С. 12–13.

[156] Сибирская жизнь. 1915. 26 июля; Союз потребителей. 1915. № 19. С. 603.

[157] Союз потребителей. 1913. № 26. С. 703–704; 1915. № 19. С. 604.

месяцы войны часть служащих была мобилизована, что отрицательно сказалось на торгово-закупочной деятельности[158].

С осени 1911 г. началась организационная работа по созданию потребительских кооперативов в *Новониколаевске* Томской губернии. Молодой растущий Новониколаевск, обязанный своим становлением Транссибирской железной дороге, во второе десятилетие существования стал играть заметную роль во всех областях социально-экономической жизни Сибири. Показателем расширения деловой сферы жизни города являлось зарождение в нем кооперативного движения. В апреле 1912 г. томским губернатором был утвержден устав новониколаевского потребительного общества «Экономия» с паем 3 руб. Организаторами явились «лица из местного интеллигентского общества». Несколько раньше выхлопотало утверждение устава потребительное общество новониколаевского отделения «Союза русского народа», более походившее на акционерное: основной капитал был внесен нескольким членами, в состав не принимались евреи, не обслуживались посторонние, выдавались большие дивиденды[159].

Первым председателем «Экономии» избрали управляющего конторой товарищества «Работник» Ю.Я. Конисского[160]. В 1914 г. кооператив возглавил близкий к эсерам А.К. Скворцов – преподаватель частных уроков, выходец из дворян. В новый состав правления вошли выходцы из крестьян и мещан, по профессии мелкие чиновники и служащие[161]. В 1915 г. председателем «Экономии» стал социал-демократ В.Р. Романов, прибывший в Новониколаевск из Киева.

В городе на 1 января 1912 г. проживало 65 552 жителя, 70% из них были выходцами из крестьян, 24% – мещане. В состав этих сословий входили служащие торговых, мукомольных, фабричных заведений, железной дороги,

---

[158] Сибирская жизнь. 1917. 4 февр.; Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 112-114.

[159] Голос Оби. 1912. 17, 26 апр.

[160] Устав общества потребителей гор. Новониколаевска. Новониколаевск, 1912. С. 4; Голос Оби. 1912. 5 мая; Обская жизнь. 1912. 5 мая.

[161] ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 160. Л. 13, 18–19.

многочисленных контор, чиновники, интеллигенция. К 1914 г. насчитывалось около 10 тыс. наемных рабочих, что составляло 11% городского населения. Из этих категорий населения формировался состав членов «Экономии». Кооператив быстро рос численно, объединяя к концу 1912 г. 630 членов, что вместе с семьями составляло около 2 тыс. чел., или 3% населения Новониколаевска. В 1914 г. кооператив насчитывал 870 членов, в 1916 г. – 1297, в 1918 г. – 11 506 [162].

Социальный состав кооператива «Экономия» известен по результатам анкетирования, проводившегося правлением при приеме новых членов. Данные о членах, вступивших в общество к августу 1912 г., отражены в табл. 3:

Таблица 3. Социальный состав общества потребителей «Экономия» в Новониколаевске по состоянию на август 1912 г.

Род занятий	Количество членов	% к общему числу членов
Железнодорожные служащие	8	2,8
Чиновники и служащие почтово-телеграфного и других ведомств	9	3,1
Учителя, врачи, юристы, лица других свободных профессий	11	4
Приказчики	35	12,3
Служащие городской управы, банков и частных контор	62	22
Кузнецы, столяры, портные, кочегары, машинисты, чернорабочие и служащие на мельницах и лесопилках	156	54,7
Предприниматели, коммерсанты, домовладельцы	14	5
Всего членов	285	100
Всего членов, живущих своим трудом	271	96
Всего членов, живущих на доходы от собственности	14	4

Источник: Обская жизнь. 1912. 1 сент.

[162] Обская жизнь. 1912. 22 апр.; Голос Сибири. 1916. 18 авг.; Сибирская кооперация. 1919. № 1. С. 76

Из 285 членов было 20 женщин. Среди вступивших в 1915–1916 гг. 217 членов торговцев было 21 чел., рабочих – 56, крестьян – 8, конторщиков – 35, машинистов – 13, приказчиков – 13, чиновников – 12, врачей и юристов – 6, учителей – 4, прислуги – 1, т.е. 156 лиц, живущих своим трудом[163]. Представления о социальном составе дают также данные о количестве паев на одного члена, относящиеся к августу 1916 г.: из 1282 членов один пай имели – 736 чел., два – 193, три – 33, четыре – 9, пять – 25 чел.[164] Таким образом, основная масса членов являлась однопайщиками и неполнопайщиками, относилась к мало- и среднеобеспеченным слоям населения. Правление констатировало, что состав общества – «преимущественно демократический».

В 1912 г. «Экономия» вступила в МСПО, открыла бакалейную, мясную и хлебную торговлю в отделениях на Базарной площади, Николаевском проспекте, вокзальной и Закаменской частях города[165]. Открытие торговых отделений требовало настойчивости правления в отношениях с городскими властями, которые отказывались понижать арендную плату или сдавать в аренду помещения, мотивируя это тем, что кооператив своими товарами «загрязнит торговый корпус, предназначенный для чистой публики[166].

Товар приобретался преимущественно на местных рынках в Барнауле, Томске, Омске, Семипалатинске, а также сначала в единичных случаях, затем более планомерно через МСПО – в Москве, Одессе, Астрахани. При начале торговли 80% товарооборота «Экономии» приходилось на долю членов, 20% – на долю посторонних. С открытием новых торговых отделений рынок сбыта за счет посторонних расширился. Проблема заинтересованности населения в кооперации и роста количества пайщиков лежали в основе насущного вопроса об оборотных средствах. Несмотря на то, что торговля шла успешно, и в первое время валовая прибыль составляла 10% к

[163] Голос Сибири. 1916. 18 авг.
[164] Голос Сибири. 1916. 19 авг.
[165] Алтайское дело. 1912. 27 нояб.
[166] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 201. Л. 45; Д. 166. Л. 89; Сибирская жизнь. 1915. 7 апр.; Голос Сибири. 1916. 27 авг.

обороту[167], финансовая неустойчивость являлась характерной чертой кооператива и порождала периодические кризисы в его деятельности.

Особенно тяжелым оказался 1914 г. вследствие затрат на оборудование новых магазинов, недопоставки товаров из-за начавшейся войны, мобилизации сотрудников. Товарооборот в 1914 г. (21690 руб.) почти не вырос по сравнению с 1913 г. (21650 руб.)[168]. В 1915 г. товарооборот увеличился по сравнению с предыдущим годом на 35% и составил 28 615 руб., появилась небольшая прибыль. В ноябре 1916 г. снова последовал денежный кризис, связанный с недостачами по трем торговым отделениям в размере 3 тыс., убыточными операциями по карточной системе с сахаром и мукой, повышением жалованья служащим[169]. В 1916 г. в «Экономии» разрабатывались планы устройства мыловаренного завода, пекарни, кондитерской, из которых реализовалось лишь открытие в декабре 1916 г. сапожной мастерской и кондитерского цеха[170]. Товарооборот достиг 93 тыс. руб.[171] В 1915–1916 гг. «Экономия» заготавливала и поставляла фураж для армии[172].

Кроме городского всесословного потребительского кооператива «Экономия» в Новониколаевске в 1916–1918 гг. были образованы и действовали корпоративные потребительные общества: служащих и рабочих почтово-телеграфного ведомства (321 член), учащихся (1874 члена), Алтайской копи (271 член), Омской железной дороги (3285 членов), городских работников (718 членов), «Свобода», «Культура», «Дом польский», «Холодильник», «Пробуждение», «Сила», «Бережливость», объединившиеся в апреле 1918 г. в Союз городских кооперативов

[167] Голос Оби. 1913. 5 февр.

[168] Алтайское дело. 1914. 18 июня.

[169] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 35; Голос Сибири. 1916. 18, 19 авг., 19, 29 нояб.

[170] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 92; Объединение. 1917. № 15–16.

[171] Голос Сибири. 1916. 18 авг.

[172] Сибирская жизнь. 1915. 12 нояб.; 1916. 9 нояб.; Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Проблемы формирования и развития низовой сети потребительской кооперации в городах Сибири в начале XX в.: новониколаевский кооператив «Экономия» // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 5–6. С. 3–10

г. Новониколаевска, который включал 32 986 членов и обслуживал около 160 тыс. чел. населения[173].

С 1912 г. началась организация городского всесословного общества потребителей «Деятель» в *Томске.* В списке учредителей значились чиновники, потомственные почетные граждане, ряд лиц из мещан и крестьян. 11 июля 1912 г. был утвержден устав кооператива с паем 5 руб. В состав правления вошли чиновники и служащие томских заведений, представители интеллигенции. В 1914 г. общество возглавлял статский советник И.В. Богомолов[174], в 1915 г. – П.Ю. Терру, в 1916 г. – известный сибирский этнограф и общественный деятель, заведующий статистикой Томского округа путей сообщения В.И. Анучин, затем – Н.С. Васильев. В правлении и ревизионной комиссии работали известные в Сибири кооперативные деятели Д.И. Голенищев-Кутузов (писавший под псевдонимом Дм. Илимский) и П.Н. Стечкин[175].

Свыше половины пайщиков кооператива в 1913–1916 гг. – крестьяне и мещане, около 20% которых состояли на государственной службе, около 25% представляли собой мелких собственников, около 10% занимались свободными профессиями, около 40% являлись рабочими. Из 1944 членов общества к 1917 г. крестьян насчитывалось 744 чел., горожан – 998 чел. (мещан – 487, «граждан» – 259, чиновников – 252, разночинцев – 48), представителей духовенства – 95 чел., дворян – 127, купцов – 12 [176]. Таким образом, большинство членского состава относились к небогатой части городского населения – чиновничеству, интеллигенции, рабочим, заинтересованным в потребительской организации.

Торговля началась в марте 1913 г. с паевым капиталом 400 руб. при финансовой помощи томского общества взаимного кредита[177]. На 1 января 1914 г. паевой капитал кооператива с 243 членами едва превышал 700 руб.

---

[173] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 303. Л. 8.
[174] Памятная книжка Томской губернии на 1914 г. Томск, 1914. С. 104.
[175] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 452. Л. 20, 28, 43, 51, 62.
[176] По материалам: ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 14/2,15/3.
[177] Союз потребителей. 1915. № 15. С. 471.

Незначительный товарооборот в 1913 г. не дал обществу прибыли. В единственной лавке работали двое служащих. За первый год работы «Деятеля» было проведено пять общих собраний и 56 заседаний правления[178].

С самого начала бедность кооператива поставила его в зависимость от местного рынка закупок и условий товарного кредита томских купцов-оптовиков, что сужало возможности приобретения хороших и дешевых товаров[179]. Неопытность правления, отсутствие умения просчитывать рентабельность торговли периодически приводила к провалам в хозяйственной деятельности. Так, из-за запутанности счетоводства не сразу обнаружилась убыточность отдаленной от Томска на 35 верст лавки в Самусьском затоне. Впоследствии торговое отделение здесь было закрыто с сохранением кооперативной основы, на которой в сентябре 1916 г. выросло потребительное общество рабочих Самусьского затона «Труд»[180].

Правление состава 1914–1915 гг. расширило деятельность небольшого кооператива с одной бакалейной лавкой до масштабов солидного предприятия с семью отделениями, мясной, рыбной и хлебной торговлей. Вместе с тем убытки (в том числе и от операций с деревенскими кооперативами) и недостачи, выявлявшиеся почти в каждой лавке, были постоянными спутниками торговых операций «Деятеля»[181]. В начале 1916 г. склад по обслуживанию деревни был передан образованному при активном участии «Деятеля» союзу потребительных обществ Томского и Кузнецкого уездов «Томский кооператор», в состав правления которого перешли два члена правления «Деятеля» – В.И. Анучин и В.И. Кириллов.

---

[178] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 1–9 [Отчет общества потребителей «Деятель» за 1913 г.]

[179] Там же. Л. 14/2.

[180] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 173. Л. 1–8. [Дело Томской казенной палаты по обществу потребителей «Труд» в Самусьском затоне Петропавловской вол. Томского уезда].

[181] По материалам: Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год. Томск, 1916. С. 1–44; Годичное собрание общества потребителей «Деятель» // Сибирская жизнь. 1915. 18 июня; 1916. 12 мая.

По итогам 1915 г. руководство общества подверглось всесторонней критике в ряде выступлений на общих собраниях, правление во главе с П.Ю. Терру сложило с себя полномочия[182]. 1915 г. закончился с убытком, который вместе с недостачами и растратами составил 5200 руб., что превышало сумму паевого капитала, из которого по уставу надлежало этот убыток возместить[183]. Объективное положение, в котором оказался «Деятель» к 1916 г., указывало на серьезные упущения в руководстве, несмотря на которые он продолжал расти и развиваться. К концу 1916 г. общество насчитывало 1957 членов, паевой капитал вырос до 7853 руб. При этом отмечалось, что для действительной борьбы с дороговизной общество должно располагать оборотным капиталом в 15 тыс. руб., чтобы закупать товары из первых рук и в крупных размерах[184].

Новый состав руководителей «Деятеля» под председательством В.И. Анучина, а затем Н.С. Васильева и с участием А.Ф. Иванова и Д.И. Голенищева-Кутузова принял меры к тому, чтобы упрочить его материальное положение. Были приглашены на работу опытные бухгалтер и товаровед, приведена в порядок финансовая документация. В целях повышения финансовой устойчивости и расширения торговых операций «Деятель» вступил в МСПО и товарищество «Томский кооператор», осуществляя через них половину своего ежемесячного товарооборота, начал кредитоваться в МНБ.

Пекарня «Деятеля» сделала оборот 45 960 руб. и дала чистой прибыли 3555 руб. Товарооборот за 1916 г. вдвое превысил оборот предыдущего года и выразился в сумме 438 тыс. руб. И все же полученная от целого ряда предприятий (магазины, пекарня, завод фруктовых вод, рыбная торговля) прибыль не позволила закончить операционный год с положительным балансом. В отчетном докладе за 1916 г. констатировалось, что «убытки либо

[182] Утро Сибири. 1916. 5, 12 мая, 24 июля; Союз потребителей. 1915. № 31. С. 1117.

[183] Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год… С. 34; ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 7. Л. 16/5.

[184] Сибирская жизнь. 1916. 23 июня.

перешли от прошлых лет, либо коренятся в решениях старого правления, вся деятельность которого, по сути, была убыточной»[185]. К 1 января 1917 г. паевой капитал достиг 9820 руб. Закончился 1917 г. небывалой прибылью – 33 116 руб., которая, однако, была сочтена нежелательной из-за ненормально высоких наценок, поднявшихся с 12 до 27%[186].

Цены в лавках «Деятеля» совпадали с установленными томскими властями твердыми ценами на такие основные продукты, как печеный хлеб, масло, рыба, яйца. В общество поступали многочисленные заявления от жителей Томска с просьбой открыть кооперативные магазины в разных частях города, что говорило о важности кооперативной торговли. Правление отмечало, что «если кооператив и не дал всем членам дивиденда, то все же незаметно, но твердо сберегал каждому до 50 руб. в год»[187].

В конце 1916 г. в *Томске* образовались потребительские кооперативы в среде студентов и преподавателей. В сентябре 1916 г. по инициативе профессора П.И. Лященко открылось общество потребителей преподавателей и служащих Томского университета, получившее субсидию из казны по 5 руб. на пайщика согласно положению Совета министров от 17 января 1915 г о поддержке кооперативов служащих в правительственных учреждениях. Устав общества был утвержден 29 ноября 1916 г., в общество с паем 10 руб. записались 379 чел. Кроме преподавательского состава лавка обслуживала студентов и посторонних[188].

В декабре 1916 г. ректор Томского университета и томская администрация одобрили «ввиду наблюдающейся повсеместной дороговизны» очередное прошение студентов-универсантов об открытии потребительского кооператива. 18 декабря 1916 г. министр внутренних дел утвердил проект устава студентов Томского университета[189].

---

[185] Отчет Томского общества потребителей «Деятель» за 1916 год. Л. 19/12.

[186] *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 120–125.

[187] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 15/3, 22/17.

[188] РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 414. Л. 1–27; Утро Сибири. 1916. 4 окт.

[189] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 91. Л. 1–18.

В 1917 г. томский «Деятель» инициировал создание в городе, где действовало 16 потребительных обществ, объединенного закупочного бюро, которое работало до 1918 г., а затем было преобразовано в «Союз городских обществ потребителей г. Томска». В союз, кроме «Деятеля», вошли общества потребителей служащих правительственных и общественных учреждений, университета, Технологического института, Министерства народного просвещения, служащих и рабочих Томского округа путей сообщения, арестантского исправительного отделения, Кольчугинской железной дороги, Водного округа, акцизного управления, Кузнецких каменноугольных копей, почтово-телеграфного округа и др.[190] Из всех кооперативных организаций Томска «Деятель» оставался крупнейшим и единственным всесословным общегородским потребительным обществом с широким демократическим составом, насчитывая в своих рядах на 1 декабря 1919 г. 11 382 члена[191].

10 апреля 1914 г. открыл свою деятельность независимый рабочий кооператив железнодорожных рабочих и служащих «Работник» на станции *Боготол* Сибирской железной дороги. «Кооперативная торговля началась при ничтожном основном капитале и двух десятках пайщиков», – писал корреспондент журнала «Объединение»[192]. Через год в «Работнике» состояло уже 250 членов, торговый оборот составил 40 тыс. руб., чистой прибыли было получено 3400 руб. при наценке на оптовую цену товара 10%[193]. В декабре 1915 г. число членов достигло 600 чел. Годовой оборот в 1916 г. составил 250 тыс. руб., прибыль – 16 905 руб. Общество являлось членом Мариинского торгово-промышленного товарищества кооперативов[194].

В 1914 г. началась работа по созданию городского всесословного потребительного общества в *Нарыме* Тогурского уезда Томской губернии,

[190] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 539. Л. 1.
[191] Там же. Д. 327. Л. 103.
[192] Объединение. 1915. № 31. С. 16.
[193] Сибирская жизнь. 1915. 30 мая; Объединение. 1915. № 31. С. 16.
[194] Сибирская жизнь. 1916. 9 дек.

учрежденного группой старожилов-мещан во главе с городским старостой. 11 февраля 1915 г. был утвержден устав кооператива с паем 5 руб.[195]

В обществе состояло 46 членов с паевым капиталом 1 тыс. руб. Два члена имели по 15 паев, многие члены – по нескольку. Купив дом, они сдавали его обществу на льготных условиях. Пайщики, являвшиеся членами мещанского общества, перевели оттуда свои паи в кооператив с целью усиления паевого каптала, т.к. товарами необходимо было запасаться до конца навигации[196]. Торговля открылась в ноябре 1915 г. Местная пресса писала, что кооперативная лавка начала функционировать в чрезвычайно трудное время, при взвинченных ценах, отсутствии на рынке многих товаров, в момент полной оторванности края от Томска – главного поставщика продуктов для Нарымского края. «Но все же открытие лавки даже в такое глухое время произвело огромное впечатление на местных жителей, особенно на торговцев»[197]. Ежедневная выручка составляла 40–50 руб. Посторонние клиенты численно преобладали над членами за счет проживавших в городе и окрестностях нескольких сотен ссыльных, которые, не имея возможности входить в число членов кооператива, почти все являлись его покупателями.

К концу 1915 г. в обществе состояло 65 членов с паевым капиталом 1300 руб. Был получен кредит от мещанского общества в размере 900 руб. на три года под 5% годовых. Закупки производились с помощью томского кооператива «Деятель» и товарищества «Томский кооператор», которым нарымский кооператив в свою очередь продавал продукцию местного рыбного промысла и дрова[198].

Первый операционный год был закончен «блестяще». На 1 ноября 1916 г. в обществе числилось 125 членов с паевым капиталом 2610 руб. Оборот составил 17 578 руб. Членам было продано товаров на 6333 руб.,

[195] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 227. Л. 1, 4, 6–12, 25.
[196] Сибирская жизнь. 1915. 6 сент.; 9 окт.
[197] Сибирская жизнь. 1915. 8 дек.
[198] Голос Сибири. 1916. 3 сент.

посторонним – на 7705 руб. Чистая прибыль составила 1069 руб. После публикации отчета запись в кооператив, в том числе из окрестных деревень, усилилась. Через месяц общество насчитывало более 180 членов с паевым капиталом 3364 руб. Полученная прибыль послужила основой для формирования фонда строительства кооперативного Народного дома. Газета «Сибирская жизнь» отмечала: «Ничто так не отразилось на жизни нарымчан в период войны, как благотворное влияние молодой культурно-экономической организации потребителей»[199].

В *Барнауле* на месте закрытого властями в начале 1913 г. кооператива «Труженики» в 1915 г. возникло новое городское всесословное потребительное общество «Сотрудник». Со временем выполнить требования губернатора о том, чтобы в новое общество не попали руководители «Тружеников», оказалось нетрудно, так как они были арестованы или разъехались. В июне 1915 г. устав барнаульского «Сотрудника» с паем 3 руб. был утвержден губернской администрацией. К концу года кооператив насчитывал 400 членов[200]. Состав общества потребления был по преимуществу демократический, однако большинство в правлении составляли высокооплачиваемые служащие.

Кроме центрального, кооператив открыл Нагорное и Новобазарное торговые отделения на окраинах, населенных рабочими. В начале 1916 г. число членов увеличилось до 2 тыс. чел., в июле – до 3315 чел., паевой капитал в течение года возрос до 11 257 руб. Обороты превышали полмиллиона рублей, валовая прибыль составляла 33 541 руб.[201] Кооператив организовал производство сушек и карамели, закупал у артелей уезда молочные продукты и мед, семя конопли для переработки на масло, приобрел мельницу на паях с другими предпринимателями с правом преимущественного помола зерна.

---

[199] Сибирская жизнь. 1916. 25 нояб.
[200] Жизнь Алтая. 1915. 17 апр., 9 июня; Союз потребителей. 1916. № 6. С. 222.
[201] Голос Сибири. 1916. 14 июля.

Общество вступило в образовавшийся после раскола в Сибирском союзе маслодельных артелей Алтайский союз кооперативов и через него – в МСПО, приобрел акции МНБ[202]. Городская дума не удовлетворила ходатайство кооператива о выделении бесплатного участка земли под магазин, но открыло кредит в городском банке, отмененный, впрочем, губернатором. Мещанское общество предоставило кооперативу беспроцентную ссуду и бесплатные помещения для конторы и магазина[203].

1916 г. был закончен с убытком 950 руб. Нестабильную хозяйственную деятельность осложняли частые конфликты в правлении, где столкнулись «интересы правящих классов и демократии», непримиримые споры на многочисленных и бурных общих собраниях[204]. Раздираемый внутренними противоречиями, кооператив выполнял важную функцию обеспечения населения предметами первой необходимости продуктами по доступным ценам. Совместно с городской продовольственной комиссией и кооперативными союзами он добывал товары, продавал по корточкам дефицитные продукты. Городской голова В.Я. Бирюков высказывался о кооперативе как об организации, «объединяющей самодеятельнейшую часть населения, внушающей глубокое уважение и почтение»[205]. К 1919 г. число членов «Сотрудника» выросло до 6215 чел., годовой торговый оборот превзошел 20 млн руб.[206]

В 1915 г. продолжились попытки создания кооператива на станции *Тайга* Томской железной дороги. Рабочими и служащими железнодорожного депо было создано потребительное общество «Труд», первые шаги которого были встречены всеобщим недоверием, вызванным гибелью предыдущих начинаний. «Каждый ехидно говорил: "Чтоб получилось то же, что и в прежней потребиловке? Нет уж, благодарим покорно, у нас лишних денег

[202] Жизнь. Алтая. 1916. 19, 24 авг.
[203] Жизнь Алтая. 1915. 5 сент.
[204] Жизнь Алтая. 1916. 17 авг.; Голос Сибири. 1916. 6 нояб.
[205] Жизнь Алтая. 1916. 5 июля.
[206] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 22.

нет, чтобы бросать их в огонь"»[207]. Колоссальное сопротивление кооператоры преодолели, обратившись за помощью в томский «Деятель», который дал необходимую литературу и советы. После проведения агитационной работы в июле 1915 г. организаторы сплотили 120 чел., собрали около 4 тыс. руб. паевого капитала. 23 сентября 1915 г. томский губернатор утвердил устав рабочего кооператива, 11 октября началась торговля.

Учредители тайгинского общества потребителей «Труд» характеризовались как «группа наиболее сознательных рабочих, отдававших свой недолгий досуг кооперативному делу». Газета «Голос Сибири» писала: «Кооператив прочно стоит на ногах и притягивает к себе не только материальные средства, но и все живое, что есть в Тайге»[208].

Открытие общества сразу остановило рост цен на местном рынке[209]. Торговый оборот за 1915–1916 гг. составил 143 548 руб.[210] «Это был крупный успех, – отмечали кооператоры, – так как общество планировало сделать оборот всего в 36 000 руб. Ряд крупных торговцев ликвидировались, и кооператив «Труд» остался чуть ли не единственным распорядителем продуктов в Тайге»[211]. Паевой капитал за год увеличился до 5234 руб., оборотный капитал пополнялся за счет займов и кредитов. Товары продавались за наличный расчет, небольшая сумма кредита в размере 2948 руб. была предоставлена казенным и общественным учреждениям. Чистая прибыль составила 13 422 руб. Значительные суммы были потрачены на культурные и благотворительные цели[212].

Тайгинский кооператив пользовался большими симпатиями населения, представители которого отмечали: «Общество это, на гроши начавшее работу

---

[207] Объединение. 1916. № 5–6. С. 23.
[208] Голос Сибири. 1916. 3 дек.
[209] Сибирская жизнь. 1916. 3 дек.
[210] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Л. 4.
[211] Голос Сибири. 1916. 3 дек.
[212] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Л. 23; Отчет Общества потребителей «Труд» за 1918 г. г. Тайга Томской губ. Б.м., 1919. С. 37; Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 131–134.

при поддержке Мариинского товарищества кооперативов, быстро окрепло и в данное время является у нас единственным общественным учреждением, работающим в области снабжения населения продовольствием по сравнительно недорогим ценам, не забывающее при этом и работу в культурной области»[213].

В 1915 г. продолжилось кооперативное строительство в *Бийске* Томской губернии. В обстановке роста цен и бестоварья были учреждены сразу два потребительских кооператива – «Общая польза», объединявшая бийскую «малоимущую демократию», и «Бийский кооператив», включавший в число 628 членов много местных предпринимателей, торговцев и купцов. Различия присутствовали и в ассортименте их магазинов. Кооператив «Общая польза» торговал бакалейными товарами массового спроса, «Бийский кооператив» – преимущественно мясными продуктами[214]. В целях обеспечения потребителей всем набором продуктов и концентрации закупочных средств с самого начала своей деятельности кооперативы вели переговоры об объединении[215]. Итогом слияния явилось городское всесословное общество потребителей «Бийский кооператив». К 1919 г. общество выросло численно, объединив более 5 тыс. членов. Паевой капитал вырос до 51 479 руб. при 10-рублевом пае, торговые обороты превысили 2 млн руб. Основными товарами продолжали оставаться мясо и колбасы, имелось колбасное производство и маслозавод. Наращиванию оборотных средств способствовали вкладные операции со всеми жителями города[216].

В *Кузнецке* Томской губернии городское всесословное общество потребителей приступило к деятельности 12 июля 1915 г. при 99 членах и 3072 руб. паевого капитала. Кооперативная торговля началась с октября[217]. Осенью 1916 г. в кузнецком кооперативе насчитывалось более 600 членов с

---

[213] Сибирская жизнь. 1916. 3 дек.

[214] Жизнь Алтая. 1916. 15, 26 июля.

[215] Голос Сибири. 1916. 30 дек.

[216] Бийский кооператив. 1919. № 11. С. 4; ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 327. Л. 106; *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 134.

[217] Сибирская жизнь. 1915. 4 дек.

паевым капиталом более 8 тыс. руб. Этому способствовало исчезновение с городских базаров муки, ставшей объектом спекуляции после установления на нее твердых цен[218]. Местное кредитное товарищество, также проводившее закупочные операции, в отличие от потребительного общества, по уставу могло распределять продукты только среди своих членов.

Работу осложняли нехватка оборотных средств, инертность членского состава, неопытность в коммерческих делах. Правление в течение года переизбиралось четыре раза, с декабря 1916 г. труд членов правления оплачивался. Несмотря на сложность поставленных задач, результаты первого года работы местной прессой были оценены как «блестящие». Кооперативная лавка совершила товарооборот на 70 949 руб., большая часть – 40 363 руб. – поступила в кассу от членов кооператива, остальное – от посторонних покупателей. Чистая прибыль составила 4700 руб.[219] К 1 января 1917 г. число членов кооператива увеличилось до 844 чел., паевой капитал составлял 14 847 руб., чистая прибыль – 7670 руб.[220]

1 декабря 1915 г. открылось общество потребителей «Сбережение» в *Колывани* Томской губернии. Общество объединяло 167 членов, в том числе 18 женщин, имело одну лавку. Находясь на расстоянии 40 верст от железной дороги, общество выполняло важную работу по снабжению населения города в период продовольственного кризиса[221].

В апреле 1916 г. получило разрешение на открытие от губернской администрации городское общество потребителей в *Татарске* Каинского уезда Томской губернии. Утверждение устава состоялось 25 апреля, торговля развернулась в августе 1916 г. До конца года общество привлекло около одной тысячи пайщиков с паевым капиталом 9095 руб.[222] Торговый оборот к

[218] Голос Сибири. 1916. 11 окт.
[219] Сибирская жизнь. 1916. 29 нояб.
[220] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 10. Д. 7. Л. 235.
[221] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 94. Л. 1, 4.
[222] ГАТО. Ф. 196. Оп. 40. Д. 2. Л. 1, 6.

началу 1917 г. выразился в сумме 75 800 руб. Валовой прибыли было получено 8200 руб., чистой – 3164 руб.[223]

В начале второго десятилетия XX в. активно развивалось кооперативное движение в городах Восточной Сибири. В 1913 г. в *Енисейской* губернии насчитывался один городской кооператив, в 1914 г. – 2, в 1915 г. – 2, в январе 1916 г. – 6 [224]. Городские всесословные общества потребителей действовали в Красноярске, Минусинске, Ачинске, Енисейске, Канске.

В 1913 г. начало свою деятельность городское всесословное общество потребителей «Самодеятельность» в *Красноярске.* Инициаторами его создания выступили политические ссыльные[225] Во главе кооператива стояли видные социал-демократы Н.Л. Мещеряков, И.Г. Волков, С.М. Бальбатов, Л.Я. Буткевич, А.В. Байкалов, М.И. Фрумкин, эсер Е. Пославский[226]. 17 февраля 1913 г. состоялось учредительное собрание, 9 сентября открылась торговля. Параллельно применялась скидочная система соглашений с 14 магазинами города.

В момент открытия торговли в обществе с пятирублевым паем состояло 320 членов с паевым капиталом 1500 руб. Членов, внесших неполный пай, в кооперативе на 1 января 1916 г. насчитывалось 556 чел. (25,8% всего состава), имеющих полный пай – 894 чел. (41,5%), имеющих более одного пая – 662 чел. (30,8%). Подавляющее большинство членов имели один или полтора пая[227].

Число членов кооператива росло в основном за счет рабочих и служащих Красноярска. В сентябре 1913 г. в обществе насчитывалось 120 членов, в январе 1914 г. – 587, в декабре 1914 г. – 797, в 1915 г. – 1361, в январе 1916 г. – 2152. Усиленный приток членов наблюдался во второй

---

[223] Сибирская жизнь. 1917. 8 февр.

[224] Союз потребителей. 1916. № 5. С. 503.

[225] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167, ч. 25. Л. 43.

[226] *Плотников Ю.П.* Из истории борьбы Красноярских большевиков за легальные опорные пункты партийной работы (рабочий кооператив «Самодеятельность») // Из истории Красноярской партийной организации. Красноярск. 1971. Вып. 3. С. 71.

[227] Отчет Красноярского общества потребителей» Самодеятельность» за 1915 год. Красноярск, 1916. С. 3.

половине 1915 г., когда особенно резко почувствовалась нехватка продовольствия[228]. Капитал общества увеличился до 13 061 р. 61 к. Если на 1 января 1915 г. на каждого члена приходилось капитала 4 р. 62 к., то на 1 января 1916 г. – уже 6 р. 7 к., что говорило о финансовом укреплении кооператива[229]. В середине 1916 г. в обществе числилось более 2500 членов[230], на 1 января 1917 г. – 2601, к концу года – 2797 с паевым капиталом 14 602 р. 69 к.[231]

1913–1914 гг. для «Самодеятельности» были временем борьбы за существование, в 1915 г. торговая деятельность развернулась широко. Общество открыло несколько лавок в центре и в рабочих слободах[232]. Всего за первый операционный год было продано товаров на 138 191 руб., из них членам – на 51 727 руб., посторонним (не считая сельские общества и городские учреждения) на 50 545 руб.[233] В 1915 г. товарооборот составил 165 тыс. руб., в 1916 г. – полумиллионные значения[234].

Прибыль за 1913–1914 гг. выразилась в сумме 2931 р. 35 к., за 1915 г. – 5696 руб., за 1916 г. – 3090 руб. Большая часть прибыли была получена от собственной торговли, от скидок комиссионеров общество получило лишь 23,5% прибыли[235]. Членам выдавалось не более 1% премии на забор, независимо от общей суммы полученной прибыли, остальная ее часть отчислялась в неделимые фонды и на культурные цели»[236].

В годы Первой мировой войны «Самодеятельность» проводила большую работу по снабжению населения предметами первой необходимости по доступным ценам в сотрудничестве с местным городским

---

[228] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 3, 12, 14.

[229] Самодеятельность потребителя. 1916. № 4–6. С. 14.

[230] Сибирская деревня. 1916. № 9–10. С. 31.

[231] Бухгалтерский отчет и пояснительная записка за 1917 г. Общество потребителей «Самодеятельность» г. Красноярска. Красноярск, 1918. С. 7; Самодеятельность потребителя. 1917. № 3. С. 14.

[232] Сибирская жизнь. 1916. 2 авг.

[233] Общество потребителей «Самодеятельность» // Сибирская деревня. 1915. № 5. С. 16–19.

[234] Сибирская жизнь. 1916. 2 авг.; Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 10.

[235] Самодеятельность потребителя. 1916. № 4–6. С. 15.

[236] Бухгалтерский отчет и пояснительная записка за 1917 г. С. 35.

самоуправлением, помогая населению пережить сахарные, мучные, мясные и т.п. кризисы. Общество уделяло большое внимание культурной работе, вопросам кооперативного союзного строительства в Енисейской губернии, предприняло организацию медицинского обслуживания[237].

К 1919 г. в рядах «Самодеятельности» насчитывалось 7 тыс. чел., общество имело 6 лавок, центральный склад, сапожную мастерскую. Торговые обороты возросли до 7 млн руб.[238]

Кроме всесословного кооператива в Красноярске в январе 1917 г. открылось корпоративное общество потребления чиновников правительственных учреждений Енисейской губернии. К 1919 г. число членов казенного чиновничьего кооператива составляло 1139 чел., паевой капитал – 3772 руб., годовой оборот – 1 369 103 руб.[239]

В 1913 г. начал работу потребительский кооператив рабочих и служащих «Трудовая копейка» с 10-рублевым паем в селе *Иланском* Канского уезда Енисейской губернии[240]. Торговля открылась 9 февраля 1914 г. Вербовка первых членов, которых набралось 97 чел., проходила с большим трудом. Появление кооператива было встречено неприветливо местным населением и враждебно – купцами и торговцами[241]. Но результаты торговли превзошли все ожидания[242]. К концу 1914 г. общество объединяло 144 члена с паевым капиталом 1149 руб. Торговый оборот составил 15 392 руб., совершенный практически поровну с членами и посторонними покупателями, чистая прибыль – 321 руб.[243] Общество являлось членом

[237] Сибирский врач. 1916. № 43–44. С. 19.

[238] Труженик. 1919. № 4. С. 4–5. Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 136-141.

[239] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 26; Сибирская жизнь. 1917. 12 янв.

[240] Сибирская деревня. 1913. № 3. С. 20.

[241] Объединение. 1915. № 1. С. 17.

[242] Союз потребителей. 1915. № 13. С. 388.

[243] Сибирская жизнь. 1915. 24 окт.; Союз потребителей. 1915. № 12. С. 354.

МСПО. На 1 января 1916 г. в нем состояло 393 члена. Оборот выразился в сумме 37 358 руб.[244]

В октябре 1915 г. началась деятельность городского всесословного общества потребителей в *Ачинске* Енисейской губернии. Быстрое увеличение числа членов показывало, насколько назрела необходимость в общественно-торговой организации[245]. В начале 1916 г. общество насчитывало 258 членов с паевым капиталом 1750 руб. Городская управа предоставила ссуду и бесплатное помещение для торговли[246]. За три первых месяца торговли – оборот составил 34 527 руб.[247]

Ачинское общество вступило в МСПО и Енисейский губернский союз кооперативов, быстро подвигаясь по пути экономического роста. Всего со 2 октября 1915 г. по 1 января 1917 г. оно совершило товарооборот на сумму 1 285 261 руб. На 1 января 1917 г. в кооперативе насчитывалось 450 членов с паевым капиталом 4384 руб., на 1 января 1918 г. – 1116 членов с паевым капиталом 10 015 руб. Чистая прибыль в 1916 г. составила 11 144 руб., из которых 4532 руб. были отчислены на культурные цели. Из прибыли 1917 г., равной 17 349 руб., на культурную деятельность отчислили 10 тыс. руб.[248] Из четырех торговых отделений общество обслуживало половину населения города. К 1919 г. в обществе состояло 3410 членов с паевым капиталом 56 318 руб. и годовым оборотом 1 570 808 руб.[249]

В 1914–1915 гг. активизировалась работа городского всесословного потребительного общества, существовавшего с июня 1908 г. в *Минусинске* Енисейской губернии. Кооперативная работа в городе и уезде была связана с деятельностью ссыльных, во главе которых стоял М.И. Хачатуров[250].

---

[244] Объединение. 1916. № 8. С. 19–20. Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 141–143.

[245] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 25–26; Союз потребителей. 1915. № 33. С. 1195.

[246] Сибирская жизнь. 1915. 6 дек.

[247] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 29–30.

[248] Народное дело. 1918. № 46. С. 2.

[249] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. Д. 488. Л. 26.

[250] ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопр-во. 1916. Д. 20, ч. 9. Л. 1–2.

Жандармы указывали, что в составе кооператива преобладали «неимущие, не цензовые, демократические группы населения, в том числе радикальная интеллигенция». В то же время из шести членов правления все являлись местными торговцами[251]. Членами кооператива состояли городское самоуправление и пожарное общество[252].

На 1 января 1915 г. в обществе состояло 490 членов с паевым капиталом 10 120 руб. В дополнение к оборотному капиталу использовались вклады пайщиков в размере 9208 руб. под 6% годовых. Кооператив вступил в МСПО, кредитовался в МНБ[253]. В целях увеличения паевого капитала в 1915 г. размер паевого взноса был поднят с 5 до 10 руб.

В 1914 г. кооператив продал товаров на 96 794 руб., большую часть которых на сумму 67 323 руб. приобрели посторонние покупатели. Чистая прибыль составила 905 руб.[254] Особенно быстро раскупался сахар и сельскохозяйственный инвентарь. По скидочной системе соглашений с местными мясоторговцами была организована торговля мясом, осенью 1916 г. открылась хлебопекарня[255].

На выборах гласных в городскую думу в ноябре 1916 г. Минусинское общество потребителей выдвигало депутатов, активно способствовавших развитию кооперации «как самая сильная и самая популярная среди городского населения организация, которая берет на себя роль некоторого рода партии, выступая от имени демократических масс»[256].

В феврале 1915 г. было учреждено потребительное общество в *Канске* Енисейской губернии с паем 10 руб. Торговая деятельность началась 27 августа 1915 г., обеспечив быстрый приток членов[257]. К концу 1916 г. число членов достигло 320 чел. В состав кооператива вошло городское

---

[251] ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопр-во. Оп. 1916. Д. 20, ч. 9. Л. 1; «Самодеятельность». 1915. № 4–5. С. 21.

[252] Союз потребителей. 1915. № 23. С. 785; Сибирская деревня. 1915. № 4. С. 16.

[253] Сибирская деревня. 1915. № 5. С. 18–19.

[254] Сибирская деревня. 1915. № 22. С. 20.

[255] Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 22.

[256] Сибирская жизнь. 1916. 11 нояб.

[257] Сибирская деревня. 1915. № 6. С. 18.

самоуправление с 20 паями[258]. Общество вступило в МСПО, Енисейский губернский союз и Мариинское товарищество кооперативов, покупая через них основную массу товаров. Оборот за первые четыре месяца торговли составил 21 тыс. руб. вместо запланированных 10 тыс. руб., чистая прибыль – 390 руб. Кооператив завоевал симпатии населения своей работой по снабжению города в период продовольственного кризиса[259].

Характерный недостаток работы канского кооператива заключался в отсутствии специалиста-бухгалтера[260]. В 1917 г. бухгалтерия была признана настолько запутанной, что пришлось осуществлять перевыборы правления и приглашать из Енисейского губернского союза инструктора для проведения ревизии дел общества. По мнению членов кооператива, следствием безграмотного счетоводства и неправильного ведения документации явились убытки как в торговле, так и в собственном колбасном и хлебобулочном производстве, недостачи по кассе «и целый ряд беспорядков внутреннего характера, доходящих до безобразия»[261]. К 1919 г. Канское общество потребителей превратилось в крупную кооперативную организацию, объединявшую более двух тысяч членов с паевым капиталом 24 301 руб. и годовым оборотом 805 805 руб.[262]

В 1915 г. был учрежден городской всесословный кооператив «Самопомощь» в *Енисейске* Енисейской губернии. Инициатором его создания явилось местное общество приказчиков, на собрании которого 5 июля 1915 г. был выработан устав общества потребителей с паем 5 руб. и избрана комиссия для представления устава к утверждению[263]. В состав членов входили мещане, ремесленники, приказчики и представители местной интеллигенции[264].

---

[258] Союз потребителей. 1915. № 33. С. 785.
[259] Самодеятельность потребителя. 1916. № 3. С. 15.
[260] Народное дело. 1918. № 37–38. С. 8.
[261] Там же. С. 9.
[262] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 26.
[263] Самодеятельность. 1915. № 4–5. С. 20.
[264] Сибирская жизнь. 1915. 6 сент.

Общество открыло торговлю в октябре 1915 г. сразу вслед за Плодбищенским сельским кооперативом – одним из старейших в Енисейском уезде. Потребительская кооперация уезда была значительно молода и к декабрю 1916 г. насчитывала не более 20 обществ, лишь в 17-ти из них начались торговые операции[265]. Развитие потребительской кооперации в Енисейском уезде происходило под влиянием политических ссыльных, входивших в состав членов и служащих енисейской «Самопомощи»[266].

С целью закупки товаров до окончания навигации правление безуспешно обращалось в енисейскую городскую думу за ссудой из имеющегося у города продовольственного капитала[267]. Несмотря на это, торговые операции общества расширялись с каждым днем, росли показатели товарооборота[268]. В июне 1916 г. оно объединяло более 700 чел., в августе – 943, что составляло примерно 12% жителей города[269]. Результаты торговой деятельности были признаны «блестящими», особенно с учетом низкой наценки на товары, составлявшей в среднем 8,35%. За девять месяцев было продано товаров на 88 тыс. руб., прибыль составила около 2450 руб. По решению общего собрания дивиденд на руки не выдавался, прибыль отчислили на культурную работу, покупку паев в Енисейском губернском товариществе кооперативов и акций МНБ[270].

Совместно с городскими властями и Енисейским губернским товариществом кооперативов «Самопомощь» планировала и осуществляла операции по обеспечению города сахаром, мукой и другими дефицитными продуктами в период бестоварья[271], снабжению и объединению кооперативных организаций уезда[272].

---

[265] Голос Сибири. 1916. 9 дек.
[266] Народное дело. 1918. № 37–38. С. 4.
[267] Сибирская деревня. 1915. № 16–17. С. 37; Сибирская жизнь. 1917. 3 янв.
[268] Сибирская жизнь. 1916. 7 июня.
[269] Сибирская жизнь. 1916. 25 нояб.
[270] Голос Сибири. 1916. 8 сент.
[271] Сибирская жизнь. 1916. 10 июня, 14 авг.
[272] Голос Сибири. 1916. 9 дек.

В *Якутской области* потребительское движение продолжилось в деятельности учрежденного в ноябре 1911 г. «Общества потребителей-обывателей г. *Якутска*» в составе 46 пайщиков из числа жителей города и пригородного села Мархa. В 1914 г. выпускник Якутского реального училища, счетовод и переводчик Якутского окружного суда К.О. Гаврилов инициировал создание городского общества потребителей «Экономия», которое заменило общество потребителей-обывателей. В 1916 г. количество членов «Экономии» выросло до 1408 чел., паевой капитал составлял 15 525 руб. В 1917 г. численность кооператива достигла 4155 чел., капитал – 160 047 руб. В 1913–1916 гг. городские потребительские кооперативы были созданы в центрах округов – *Олекминске* и *Вилюйске,* являясь первоначально отделениями потребительного общества в Якутске[273].

В начале второго десятилетия XX в. активизировалось кооперативное потребительское движение в городах *Забайкальской области*. В 1911 г. в Забайкалье насчитывалось 7 потребительских кооперативов, в 1914 г. – 99, в 1915 г. – 126, в 1917 г. – 298. В 1916 г. из 222 кооперативов 6 действовали в городах[274]. В документах Департамента полиции МВД отмечалось, что кооперативное движение в Забайкальской области чрезвычайно популярно, центром его в западном Забайкалье является Верхнеудинск, в восточном – Чита. Подчеркивалась связь кооперативов этих городов между собой, с Иркутском и Москвой, указывалось на политически ангажированный состав руководителей[275]. Среди городских кооперативных организаций выделялись «Экономия» в Верхнеудинске, «Трудовой союз» и «Эконом» в Чите, действовал рабочий кооператив на станции Слюдянка Забайкальской железной дороги.

---

[273] *Бурнашева Н.И.* Первые шаги в становлении кооперации в Якутии (1870-е гг. – 1917 г.) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы II Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 43–44.

[274] *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки истории потребительской кооперации Забайкалья. С. 271; Вестник кооперации. 1916. № 7. С. 91.

[275] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1916. Д. 21, ч. 9. Л. 1.

В 1913 г. в *Верхнеудинске* Забайкальской области (ныне Улан-Удэ) было учреждено городское всесословное общество потребителей «Экономия» с паем 5 руб. Устав был утвержден 19 февраля 1913 г. В общество входили мелкие служащие, приказчики, конторщики, учителя, большое количество рабочих-железнодорожников, потребительные общества из окрестных деревень, благодаря настоянию которых оно фактически и было создано[276].

Успешно действовавший кооператив «Экономия» находился в центре внимания подпольной организации социал-демократов[277]. Председателем избрали видного социал-демократа И.А. Пятидесятникова. Инициатором создания кооператива считалось местное общество приказчиков, возглавляемое И.А. Пятидесятниковым ранее[278].

Торговля открылась 15 сентября 1913 г. при паевом капитале 1822 руб. и 457 членах[279]. Вскоре в обществе состояло 485 членов с 2545 руб. паевого капитала, действовали два торговых отделения – в арендованном помещении торгового дома «Федоров и Гершевич» и в Нагорной части города. На основе соглашений с частными торговцами была организована мясная и аптечная торговля[280].

В 1914 г. обе лавки кооператива произвели товарооборот в размере 93 906 руб. Чистая прибыль за 1914 г. составила 756 р. Дивиденд на руки не выдавался, причислялся к паям или отчислялся на культурные цели[281].

В январе 1915 г. в обществе состояло 780 членов с паевым капиталом 4482 руб., товаров продали на 133 130 руб. с умеренной средней наценкой 10% и чистой прибылью 81 руб. Небольшая прибыль объяснялась трудностями с получением кредита, незначительным притоком паевых

---

[276] Союз потребителей. 1913 № 10. С. 276; № 13. С. 334.

[277] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 12.

[278] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 16, ч. 1. Л. 55; Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 149–152.

[279] Иркутский кооператор. 1916. № 11. С. 8.

[280] *Ломакина И.Б., Старин Б.С.* Кооперация в Забайкалье: исторический опыт (60-е годы XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2000. С. 115.

[281] *Угрюмов Н.* Верхнеудинское (Забайкальской обл.) общество потребителей «Экономия» // Объединение. 1915. № 7. С. 13–14.

взносов из-за большого количества неплательщиков, неустойчивостью товарного рынка, значительных ассигнований на выплату мобилизационного пособия служащим общества, призванным на войну[282].

К 1 января 1916 г. число членов общества увеличилось до 934 чел., паевой капитал – до 5657 руб. Товарооборот превысил 200 тыс. руб.[283] В 1916 г. общество сыграло исключительно важную роль в снабжении населения мукой, сахаром, мясом и другими продуктами первой необходимости[284]. К концу 1916 г. в кооперативе насчитывалось более 2300 чел.[285] Открылась третья лавка в городских предместьях за р. Удой, в отделениях общества началась специализированная галантерейная, кожевенная, обувная, мануфактурная торговля. В правлении появились три оплачиваемых должности бухгалтера, товароведа и ответственного за культурный сектор. Магазины обслуживались 18 служащими[286].

Чистая прибыль в 1916 г. составила 797 руб. Правление отмечало: «Прибыль хорошая, но не в ней дело. Главное – кооператив боролся со спекулятивным подъемом цен и не мог собрать больше прибыли. Как только в его лавках заканчивался какой-либо товар, на него сразу же повышались цены в 2–3 раза у верхнеудинских купцов»[287]. Благодаря своевременной организации кооператорами мясной торговли и колбасного производства Верхнеудинск не переживал острого мясного кризиса[288].

В последующие годы кооператив развил крупную торгово-хозяйственную деятельность: помимо сети торговых отделений из 12 магазинов в городе и пригородах, он имел агентства за границей – в Маймачене и Урге (Монголия), в Тяньзине, Харбине и Шанхае (Китай); развивал собственное производство (крупчатовальцевая мельница,

[282] Союз потребителей. 1915. № 20. С. 645.
[283] Иркутский кооператор. 1916. № 11. С. 9.
[284] Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 24.
[285] Кооперативное слово. 1916. № 4. С. 11.
[286] Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 8.
[287] Кооперативное слово. 1916. № 4. С. 11.
[288] Кооперативное слово. 1917. № 9–10. С. 29; № 11. С. 15.

кожевенно-хромовый, мыловаренный, лесопильный заводы, лесосека, рыбоконсервный завод на Байкале, молочная ферма и свиноферма в Верхнеудинске), вел широкую культурную работу, располагал собственной лечебницей[289].

В кооперативном центре восточного Забайкалья – *Чите* – было создано несколько кооперативных потребительских организаций – «Трудовой союз», «Эконом», «Большеостровское общество потребителей», «Дровосек», кооперативная столовая.

«Трудовой союз», или кооператив на Дальнем вокзале (в предместье Читы), по составу являлся преимущественно рабочим. Он возник на базе главных железнодорожных мастерских, расположенных в поселке Чита, где проживало свыше 3 тыс. рабочих-железнодорожников. Главным идейным организатором являлся социал-демократ, депутат III Государственной думы А.А. Войлошников[290]. Кооператив был создан при наличии крупного стационарного магазина и вагона-лавки общества потребителей Забайкальской железной дороги. Дороговизна и недоброкачественность продуктов, кабальный кредит у частных торговцев, недовольство организацией казенного железнодорожного потребительного общества являлись причинами его организации[291].

Устав был утвержден 25 октября 1913 г., торговая деятельность началась 11 января 1914 г.[292] В январе 1914 г. кооператив насчитывал 300 членов с 2 тыс. руб. паевого капитала[293]. В истечение первого года торговли численность пайщиков увеличилась до 600 чел., паевой капитал – до 5 тыс. руб., товарооборот превысил 100 тыс. руб. 75% продаж приходилось на долю

---

[289] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 147; *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. С. 37–38.

[290] *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки истории потребительской кооперации Забайкалья. С. 66–67; *Коряков И.А., Берсенев Л.Ф.* Из истории рабочих кооперативов // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1968. Вып. 2. С. 148.

[291] *Рожков Н.А.* Положение потребительской кооперации по различным губерниям… С. 35.

[292] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 26. Л. 36–42.

[293] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 5, ч. 27, лит. Б. Л. 44 об.

пайщиков. Торговля велась за наличные, в кредит было продано на незначительную сумму – 9049 руб. Валовая прибыль составила 12 780 руб., наценка не превышала 12,5%. Чистая прибыль выразилась в сумме 1116 руб., т.е. 1,9% от стоимости проданных товаров. Половину прибыли направили в фонд создании Народного дома и библиотеки. Остальные средства были оставлены «в деле», по рукам не разбирались[294]. Н.А. Рожков называл «Трудовой союз» «передовым, лучшим потребительным обществом во всей Забайкальской области»[295].

Тяжелое продовольственное положение в Чите явилось одной из причин быстрого численного роста «Трудового союза». В ноябре 1916 г. кооператив насчитывал 930 пайщиков. Он приобрел свой дом, два магазина, где работали 13 служащих, собственное пастбище, организовал убой скота и мясную торговлю. Кооператив являлся держателем паев МСПО, Областного кооперативного союза, общества взаимного кредита, сберегательной кассы. Прибыль за 1916 г. выразилась в сумме 1245 руб., паевой капитал возрос до 13 954 руб.[296]

В 1917 г. кооператив объединял более 2 тыс. членов, в 1919 г. – 2397[297]. «Трудовой союз» играл важную роль в снабжении своих членов и населения города в период продовольственного кризиса в годы Первой мировой войны, активно занимался культурной деятельностью, участвовал в организации областного товарищества кооперативов, в правление которого перешли И.Н. Росляков и С.П. Маркин[298].

В октябре 1914 г. в Чите было открыто городское всесословное потребительное общество «Эконом». Устав был утвержден 23 октября 1914 г. «Эконом» являлся проектом правления созданного годом ранее Забайкальского торгово-промышленного товарищества кооперативов и его

---

[294] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, л. Б. Л. 29.

[295] *Рожков Н.А.* Положение потребительской кооперации по различным губерниям… С. 35–36.

[296] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 26. Л. 36–42.

[297] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 18.

[298] Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская… С. 153–156.

председателя А.А. Войлошникова, считавших ненормальной ситуацию с отсутствием своего городского всесословного общества потребителей в центре областного кооперативного движения, каким являлась Чита[299].

Торговые операции «Эконом» открыл 14 декабря 1914 г. На момент учреждения общество объединило 368 членов с паевым капиталом 2450 руб.[300] За 1915 г. был произведен товарооборот на сумму 335 тыс. руб. На 1 января 1916 г. в обществе состояло 1072 члена с паевым капиталом 11 480 руб.[301] В арендованных помещениях в Центральной и Нагорной частях города действовали два бакалейно-гастрономических и мясных магазина, для работы в которых были наняты 20 служащих. В период продовольственного кризиса показатели торговой деятельности «Экономa» были впечатляющими. К концу 1916 г. число пайщиков возросло до 2300 чел., паевой капитал – до 22 678 руб. и включал кроме паевых взносов вклады под проценты от членов на сумму 5955 руб. и прочих лиц – на сумму 1507 руб. Торговый оборот был произведен в размере 467 604 руб. Из них членам было продано товаров на 275 118 руб. (или 60%). Валовая прибыль составила 63 847 руб.[302] К 1919 г. «Эконом» имел в своем составе более 5 тыс. членов[303].

Правление «Экономa» уделяло большое внимание культурной работе, организовало книжную торговлю[304], собственное производство – кожевенный завод и паровую мельницу[305].

В октябре 1914 г. на окраине Читы открылся потребительский кооператив, объединивший рабочих лесопильных и кожевенных заводов на Большом острове. Большеостровский кооператив возник по инициативе и при участии социал-демократов и насчитывал 97 членов[306], к 1919 г. – 863[307].

---

[299] Союз потребителей. 1915. № 24. С. 826.
[300] Союз потребителей. 1917. № 1. С. 30.
[301] Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 22.
[302] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 26. Л. 129–130.
[303] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 18.
[304] Кооперативное слово. 1916. № 5. С. 24.
[305] ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопр-во. 1915. Д. 158. Л. 39.
[306] *Коряков И.А., Берсенев Л.Ф.* Из истории рабочих кооперативов. С. 150; Кооперативное слово. 1916. № 2. С. 11; ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 42. Л. 151.

Несколько позже в Чите открылись еще два потребительских кооператива. В октябре 1916 г. по примеру Петрограда, Москвы, Костромы и Казани в Чите была организована кооперативная столовая, основанная на нормальном уставе потребительных обществ[308]. В этом же году для борьбы с дровяным кризисом был учрежден потребительский кооператив «Дровосек», поставлявший пайщикам дрова при помощи артели лесорубов[309].

В 1915 г. начал деятельность независимый рабочий кооператив в поселке *Слюдянка* Забайкальской области. Кооператив был создан железнодорожными рабочими депо и мастерских, недовольными казенными порядками в Обществе потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. Показателем остроты продовольственного вопроса в поселке являлось принятое, несмотря на возражение пристава, решение схода местных жителей о реквизиции сахара и муки в частных лавках и передаче этих товаров в Слюдянский кооператив[310]. Социал-демократическое подполье рассматривало его как главное средство поддержки рабочих во время забастовок[311]. Кооператив проводил успешную торговую деятельность, приобрел собственное помещение, развивал бакалейную, мучную и мясную торговлю, принуждая местных торговцев считались с его ценами. Валовая прибыль за 1915 г. оставила 22 тыс. руб.[312] Часть прибыли была использована на приобретение кинематографа[313]. Местная пресса подчеркивала важную роль кооператива в местной общественной и культурной жизни: «Как и все возникающие в настоящий момент общества он начал работу, располагая самыми незначительными средствами, казалось, отцветет, не успев

---

[307] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 18.
[308] Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 23.
[309] Кооперативная жизнь. 1916. № 23–24. С. 1092.
[310] ГАРФ. Ф .102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 100, лит. Б. Л. 21 об.
[311] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 27, лит. Б. Л. 13, 18, 24; 1916. Д. 5, ч. 100, лит. Б. Л. 12–13 об., 17 об., 20 об., 21 об., 22 об.
[312] Там же. Л. 24 об.
[313] Кооперативное дело. 1917. № 3–4. С. 19–20.

расцвести. Но вышло иначе <…> кооператив усиленно развивал свою деятельность, становясь центром внимания всего поселка»[314].

Развитие потребительской кооперации в *Иркутской губернии* было вызвано продовольственными затруднениями военного времени. Но и до войны в крае остро стояла проблема снабжения предметами первой необходимости. После закрытия навигации и устранения конкуренции заезжих купцов-иркутян с их плавучими магазинами-пакгаузами местные купцы повышали цены. Во время войны все это обострилось. «Купцы-иркутяне ликвидировали торговлю из-за бестоварья и по деревням и улусам пошел стон от безбожно взвинченных цен, – писал корреспондент журнала «Вестник кооперативных союзов». – Население искало выход и немаловажную роль сыграли ссыльные "политики". Потребиловки стали заводиться даже в самых глухих таежных поселениях и улусах, одна деревня заражала своим примером другую, и скоро губерния покрылась густой сетью потребительных обществ»[315].

Полицейские власти констатировали: «в Иркутской губернии замечается небывалый рост кооперативного движения, во главе которого стояли почти исключительно политические поселенцы»[316]. Потребительские кооперативы действовали в Иркутске и Нижнеудинске. Инициатива кооперативного строительства в губернии принадлежала независимому рабочему потребительскому кооперативу в *Черемхово*.

Рабочее население Черемховского угольного района в Балаганском уезде Иркутской губернии страдало от эксплуатации как копейских лавок, принадлежавших управлению копей, так и местных торговцев. Доклад иркутского губернатора министру внутренних дел в 1912 г. по поводу забастовок в Черемховском районе свидетельствовал о серьезных

[314] Известия Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 14.

[315] Вестник кооперативных союзов. 1917. № 1. С. 54.

[316] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1917. Д. 9, ч. 27, лит. Б. Л. 5.

недостатках в организации снабжения копейских рабочих[317]. Черемхово являлось большим торговым селом, около которого были расположены почти все каменноугольные копи района. Рабочие копей П.К. Щелкунова и товарищества «В.А. Рассушин и К°», расположенных здесь, мотивировали свою деятельность по организации кооперативной торговли тем, что местные торговцы отпускают им продукты плохого качества по высокой цене[318].

В 1912 г. в Черемхово было создано потребительное общество, в состав которого вошли рабочие угольных копей, служащие железнодорожной станции, сельское население. Устав был утвержден иркутским губернатором 5 декабря 1911 г., первое общее собрание состоялось 1 апреля 1912 г. В начале деятельности в обществе состояло 38 членов с 716 руб. паевого капитала. Правлению приходилось приложить неимоверные усилия для сбора необходимых для начала торговли средств, ходить по домам, убеждать[319].

В ноябре 1912 г. общество перешло от скидочной системы к продаже закупленных на местном рынке и в Иркутске товаров, несмотря на возражения противников торговли при столь скудном паевом капитале. К 1913 г. лавка начала приносить прибыль. Важным следствием явилось приобретение в собственность арендованного помещения, в котором расположились контора, магазин и библиотека.

В 1915 г. в черемховском кооперативе состояло 120 членов (рабочих, крестьян, служащих) с паевым капиталом 3 тыс. руб. С мая по декабрь 1915 г. наблюдался уверенный рост ежемесячных оборотов – с 1585 до 2397 руб., годовой оборот составил 20 021 руб. Однако первый операционный год общества был закончен с дефицитом, который во многом был обусловлен

[317] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 144. Л. 141 об., 148.
[318] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 144. Л. 147.
[319] Союз потребителей. 1915. № 19. С. 605.

неблагоприятными обстоятельствами, связанными с недостатком опыта, неквалифицированными кадрами, кражами и недостачами[320].

Особенностью черемховского общества являлась торговля в кредит, допускавшаяся для каждого члена в размере 40% от внесенного паевого капитала. Объяснялось это наличием в составе многочисленной группы пайщиков, которые осуществляли покупки по ордерам, выдававшимся администрацией копей вместо денежной формы зарплаты. Организуя систему кредита, руководители общества пошли навстречу пожеланиям рабочих, решивших кредитоваться не в купеческих лавках, а в кооперативной[321]. Условия кредитования сохраняли независимость общества от управления копей в коммерческих операциях.

В 1918 г. общество объединяло 1900 членов, в 1919 г. – 5 тыс. членов, из которых более 3,5 тыс. чел. приходилось на рабочее население копей, около 1 тыс. чел. – на сельское население, остальные принадлежали к нерабочему населению. Главной проблемой общества при десятирублевом пае оставался недостаток оборотного капитала, вследствие чего правление прибегало займам у частных лиц[322].

В Нижнеудинском уезде Иркутской губернии пионерами кооперативного потребительского движения были два общества – Нижнеудинское и Братское. Последнее возникло в мае 1915 г. в самом глухом уголке уезда в среднем течении Ангары в с. Братском стараниями деятелей местного кредитного товарищества и группы крестьян, объединяло 50 членов, собравших 1 тыс. руб. паевого капитала[323].

Работа по созданию городского всесословного потребительного общества в *Нижнеудинске* с паем 10 руб. началась в 1913 г. Устав был

---

[320] Отчет Черемховского общества потребителей села Черемхово Иркутской губернии, Балаганского уезда за I операционный год (с 22 декабря 1912 г. по 9 июня 1914 г.). Иркутск, 1914. С. 18.

[321] ГАРФ. Ф. 102. 1912. Д. 144. Л. 147 об.

[322] Труженик. 1919. № 4. С. 4–5.

[323] Объединение. 1915. № 1. С. 13.

утвержден 28 августа 1913 г. Учредительное собрание состоялось 24 ноября 1913 г., открытие торговли – 8 июля 1914 г.[324]

«Нижнеудинск – большая станция Сибирской железной дороги. Здесь меняются поездные бригады, поэтому сосредоточилось около тысячи служащих и рабочих-железнодорожников, в основном квалифицированных, с высокими заработками. Они обзавелись здесь домами, огородами, пашнями. Вот этот-то элемент и составляет большинство членов общества», – сообщали из Нижнеудинска[325]. При открытии в кооператив вступило 103 члена с паевым капиталом 1162 руб., через три месяца – 128 членов с паевым капиталом 1313 руб.

Через две недели после открытия кооператива началась Первая мировая война. В городе были введены твердые цены на важнейшие продукты, при этом минимальные таксированные цены совпадали с ценами в потребительном обществе. Престиж общества неуклонно поднимался, оно росло численно и успешно развивалось[326]. «Несмотря на застой в торговле, – отмечал корреспондент журнала «Союз потребителей», – лавка торгует с прибылью, за три месяца прибыль составила 186 руб. 26 коп. Для торговца это мелочь, но для общественной лавки, которая торгует дешевле и берет не более 7–8% наценки, такая прибыль может вызвать энтузиазм»[327]. По решению общего собрания дивиденды направлялись на усиление оборотного капитала и культурные цели.

К концу 1916 г. нижнеудинское общество потребителей объединяло 881 чел. с паевым капиталом 8512 руб., 654 чел. вступили в его состав в течение 1916 г. Товарооборот возрос до 297 557 руб., из них членам продано на 47 864 руб., посторонним покупателям значительно больше – на 248 768 руб. Это объяснялось тем, что с 1915 г. кооператив снабжал товарами некоторые

[324] Союз потребителей. 1917. 1917. № 19. С. 41.
[325] Союз потребителей. 1915. № 5. С. 118.
[326] Сибирская жизнь. 1915. 27 авг.
[327] Союз потребителей. 1915. № 5. С. 119.

уездные сельские общества потребителей. Валовой прибыли было получено 25 567 руб., чистой – 9204 руб.[328]

Кооператив оборудовал три торговых отделения в разных частях города, приобрел помещение для конторы, открыл хлебопекарню и сапожную мастерскую. Штат служащих насчитывал 23 чел., 10 рабочих были заняты в хлебопечном и сапожном производстве[329].

В 1917 г. численный состав увеличился до 1200 чел. с паевым капиталом 12 тыс. руб. Открылся четвертый магазин с мануфактурным отделением. После закрытия магазинов Щелкунова и Метелева, торгового дома «В.Я. Варшавский с сыновьями» кооператив являлся самым крупным торговым предприятием Нижнеудинска, совершая почти миллионные обороты[330].

Активно включились в движение потребительской кооперации жители *Иркутска.* Непосредственной причиной развития потребительской кооперации в городе называлась «больно ударившая по потребительским спинам продовольственная разруха»[331]. Широкие слои населения приняли участие в двух городских всесословных обществах потребителей – «Труженик» и «Кооператор».

В конце 1915 г. иркутским генерал-губернатором был утвержден устав кооператива «Труженик» с паем 10 руб.[332] 7 февраля 1916 г. в помещении городской управы состоялось «многолюдное и бурное» учредительное собрание кооператива в присутствии 228 чел. Среди записавшихся значились служащие общественных и частных учреждений, учителя, чиновники, домовладельцы, представители свободных профессий, незначительное число приказчиков и рабочих, собравшие около 2 тыс. руб. паевых взносов[333]. В марте 1916 г. в «Труженике» состояло 450 членов, в середине года – 800

[328] Союз потребителей. 1917. № 19. С. 41–42.
[329] Иркутский кооператор. 1916. № 3–4. С. 9.
[330] Союз потребителей. 1917. № 19. С. 42.
[331] Сибирь. 1917. 21 янв.
[332] Сибирская жизнь. 1915. 31 дек.; Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 16.
[333] Иркутский кооператор. 1916. № 2. С. 15. № 3–4. С. 15.

членов с паевым капиталом более 6 тыс. руб.[334] В члены кооператива вступило учительское общество с 10 паями, ссудо-сберегательная касса служащих губернского управления с 20 паями[335].

Кооперативная торговля, открытая в марте 1916 г., развивалась успешно, ежедневный торговый оборот составлял около 600 руб. [336] Штат служащих из 15 чел. обслуживал огромный магазин на Центральном базаре и два торговых отделения в предместье Глазково, три мясные, четыре сахарные и книжную лавки. «Труженик» вступил в МСПО, Иркутское общество взаимного кредита и губернский кооперативный союз[337]. Показателем успешной торговой деятельности являлась динамика роста торговых оборотов. За три последних месяца торговли в 1916 г. торговый оборот был выше, чем за три с половиной предыдущих месяца на 113 086 руб.[338]

В январе 1917 г. кооператив совершил товарооборот на сумму 135 068 руб. На 1 декабря 1917 г. кооператив «Труженик» объединял 4547 членов с паевым капиталом 36 722 руб. Одним из достижений было удовлетворительное, по заключению специальной комиссии экспертов, ведение счетоводства[339]. Так как к кооперативу примкнули многие из проживавших в городе поднадзорных эсеров и социал-демократов, «Труженик» всегда был на подозрении у властей, как многочисленная демократическая организация, подвергаясь обыскам и арестам[340].

Несколько позже, чем «Труженик», в Иркутске возникло потребительное общество «Кооператор», которое первоначально существовало как закрытый кооператив при ссудо-сберегательном товариществе с паевым капиталом 2200 руб. при 10-рублевом пае. По

---

[334] Сибирская жизнь. 1916. 14 июля.
[335] Сибирская жизнь. 1916. 21 авг.
[336] Иркутский кооператор. 1916. № 6. С. 14; № 7. С. 14–15; № 9. С. 18; № 10. С. 16.
[337] Иркутский кооператор. 1916. № 14–15. С. 15.
[338] Сибирь. 1917. 21 янв.; Сибирская жизнь. 1917. 22 янв.
[339] Иркутский кооператор. 1917. № 1–2. С. 27; № 3–4. С. 18.
[340] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 9, ч. 27, лит. Б. Л. 24 об.; Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 21; Утро Сибири. 1916. 15 окт.; Голос Сибири. 1916. 25 окт. Кооперативная жизнь. 1916. № 20. С. 946. Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 165–167.

решению общего собрания 26 июля 1916 г. замкнутое по составу общество превратилось в городское всесословное общество потребителей «Кооператор»[341].

Численность общества и торговые обороты быстро росли. Если в июле 1916 г. «Кооператор» объединял 227 членов, то в октябре – 2144 члена с паевым капиталом 21 612 руб. С 15 апреля по 1 октября 1916 г. торговый оборот составил 358 399 руб. В январе 1917 г. в обществе состояло 2500 членов, товарооборот выразился в сумме 89 398 руб. Половину товарных поступлений «Кооператора» составляли мука и сахар, заготовленные городским самоуправлением. Положение общества на рынке упрочилось также благодаря предоставленному МНБ вексельному и товарному кредиту[342]. «Кооператор» имел пять торговых отделений в разных частях города, столовую, книжный киоск. Предполагалось создание на базе столовой кооперативного клуба для всех, заинтересованных в кооперации[343].

Характеризуя деятельность двух городских обществ потребления «Труженик» и «Кооператор», местная пресса отмечала: «Кооперативы начали свою деятельность при очень неблагоприятных условиях. Собственные капиталы были очень малы, кредита не было, к тому же это время совпало с полным расстройством транспорта. Однако все эти трудности наши кооперативы преодолели и сейчас занимают не последнее место на иркутском рынке»[344]. В марте 1917 г. состоялось слияние двух обществ в единый потребительский кооператив «Труженик-Кооператор[345].

Развитие кооперативного движения в *Тобольской* губернии происходило на фоне застойных явлений в экономической жизни – экономического упадка после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., неурожаев, падения

[341] Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 16; № 8. С. 14; № 14–15. С. 12–13; Голос Сибири. 1916. 18 авг.

[342] Сибирская жизнь. 1917. 22 янв.

[343] Иркутский кооператор. 1917. № 3–4. С. 18.

[344] Сибирь. 1917. 21 янв.

[345] Иркутский кооператор. 1917. № 9–10. С. 23; Труженик. 1920. № 2. С. 23–24.

торговли[346]. Начальник губернского жандармского управления отмечал, что потребительских обществ в Тобольской губернии больше, чем других кооперативных организаций[347]. Всесословные городские кооперативы действовали в Тобольске, Тюмени, Кургане, Сургуте, Ялуторовске.

Наиболее раннее кооперативное начинание состоялось в *Сургуте*. Устав сургутского общества потребителей «Север» был утвержден 16 декабря 1913 г., торговля началась с 1914 г.[348] Первоначально кооператив насчитывал 45 пайщиков. В 1918 г. в обществе состояли 244 члена с паевым капиталом 4439 руб. Прибыль за 1917 г. составляла 18 751 руб.[349]

В сентябре 1914 г. началась деятельность общества потребителей с паем 3 руб. в *Кургане* Тобольской губернии[350]. В 1915 г. в обществе состояло 242 члена, действовало три лавки. Курганский кооператив вступил в МСПО, кредитовался в МНБ[351]. В июле 1915 г. Городская дума выделила обществу кредит в размере 20 тыс. руб., одобренный Тобольским губернатором[352].

Результаты обследования, проведенного городской управой, показывали, что общество играло положительную роль в городе. Лавки его являлись регулятором цен местного рынка на продукты первой необходимости. Число членов выросло с 600 в 1915 г. до 1500 в 1916 г. Торговые обороты увеличились соответственно с 150 до 250 тыс. Часть прибыли по решению общего собрания отчислялась на культурные цели – создание Народного дома и выписку кооперативной литературы[353]. В 1917 г. собственные капиталы общества выражались в сумме 78 128 руб.,

---

[346] Алтайское дело. 1914. 23 янв.

[347] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 4-е делопр-во. Оп. 257. 1907–1914. Д. 166. Л. 60.

[348] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 43. Л. 26.

[349] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 4-е делопр-во. Оп. 257. 1907–1914. Д. 166. Л. 60; ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 43. Л. 26; *Аксарин В.В.* Кооперация на Севере Западной Сибири: история становления и развития в 1917–1940 годах. Тобольск, 2009. С. 25.

[350] Союз потребителей. 1915. № 13. С. 288.

[351] Сибирская жизнь. 1915. 8 мая.

[352] Союз потребителей. 1915. № 21. С. 677.

[353] Кооперативная жизнь. 1916. № 19. С. 23.

действовали пять магазинов[354]. К 1919 г. число членов составляло 3579 чел., собственные капиталы – 235 тыс. руб., товарные обороты – 2 672 043 руб.[355]

В октябре 1915 г. началась работа по созданию городского всесословного общества потребителей «Самосознание» с паем 10 руб. в *Тобольске*. Устав был утвержден 7 октября 1915 г.[356] Главой правления избрали председателя общего присутствия Тобольской казенной палаты С.Ф. Раева[357], с апреля 1916 г. – прибывшего в Тобольск в 1913 г. из Оренбурга ветеринарного врача А.Н. Чеботарева[358].

Торговую деятельность «Самосознание» открыло 24 марта 1916 г. Помещение для торговли кооператоры арендовали в центральной части города в каменном доме общественного управления и купеческом обществе. Первое время ограниченные партии товара, приобретенные в долг, продавались только пайщикам. Для усиления оборотного капитала кооператив принимал вклады населения, вступил в Тобольское кредитное товарищество, кредитовался в МНБ[359].

В марте 1916 г. кооператив объединял 270 членов, к 1 декабря – 1440, в том числе 400 чел. иногородних[360]. Общество начало свою деятельность с месячным оборотом в размере 5 тыс. руб., в сентябре 1916 г. товарооборот превысил 20 тыс., в декабре – 30 тыс. руб. За полгода в кассу кооператива поступило 1700 руб. чистой прибыли. С сентября 1916 г., когда продовольственная комиссия городской думы передала обществу для реализации дефицитные продукты, лавки «Самосознания» открылись для посторонних[361].

Вместе с оборотами общества росла его популярность в городе. Члены «Самосознания» заявляли, что со времени открытия операций общества они

---

[354] ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 248. Л. 3.
[355] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 12.
[356] Сибирский листок. 1915. 17, 19, 24, 26 нояб.
[357] Сибирский листок. 1916. 3 янв.
[358] ТФ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 26. Л. 341 об.
[359] Сибирский листок. 1916. 22 марта, 19 апр.
[360] Сибирский листок. 1916. 20 марта, 29 сент., 13 дек.
[361] Сибирский листок. 1916. 1 сент., 4, 13 окт., 29 нояб.

уже оправдали свой десятирублевый паевой взнос разницей в ценах на товары, купленные ими в потребительской лавке, по сравнению с тем, что пришлось бы заплатить частному торговцу[362]. На 1 января 1917 г. в обществе состояло 1508 членов с паевым капиталом 14 195 руб. Чистая прибыль за 1916 г. составила 7234 руб.[363] В конторе, магазинах, складах и леднике общества работали 22 служащих. На очередь были поставлены вопросы об организации колбасного производства, маслодельного завода, открытии столовой, кооперативного клуба[364]. Часть прибыли отчислялась в культурный фонд, дивиденды по рукам не разбирались[365]. К 1919 г. в обществе состояло 2200 членов с собственным капиталом 84 500 руб. и торговым оборотом 2,7 млн руб.[366]

В апреле 1916 г. в *Тюмени* Тобольской губернии открылось потребительное общество «Пчела»[367]. В числе избранных в правление и ревизионную комиссию оказались лица, привлекавшиеся к суду по делу о ликвидации тюменского подпольного комитета РСДРП в 1909 г.: присяжный поверенный Б.П. Вальбер, С.И. Морозов, крестьянин Вятской губернии С.А. Новоселов и тобольский мещанин М.Б. Глузман. Членами кооператива «Пчела» являлись рабочие завода Машарова, электростанции, пароходства, служащие торговых предприятий[368].

Торговые операции начались 14 июля 1916 г. В ноябре в обществе состояло 1480 членов с паевым капиталом 9484 руб. Товарооборот за четыре месяца торговли выразился в сумме 59 957 руб. Общество имело 10 тыс. руб. денежного и тысячу рублей товарного кредита от городского самоуправления[369].

---

[362] Сибирский листок. 1916. 8 сент.
[363] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 43. Лл. 221–222.
[364] Сибирский листок. 1916. 8 дек.
[365] ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 204. Л. 7.
[366] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 9.
[367] ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. 1915. Д. 167, ч. 80. Л. 27 об.
[368] Там же. Л. 24 об.–26.
[369] Голос Сибири. 1916. 3 дек.

В октябре 1916 г. было создано потребительное общество с паем 10 руб. в *Ялуторовске* Тобольской губернии. Членами состояли жители города и окрестных деревень[370].

В годы войны началось движение потребительской кооперации в городах *Акмолинской* области. В мае 1915 г. было учреждено Городское всесословное общество потребителей с паем 3 руб. в *Омске.* Учредителями являлись гласные городской думы, которая, по мнению жандармских чинов, была оппозиционно настроена против администрации[371]. Председателем общества избрали социал-демократа меньшевика А.Н. Гладышева.

В июне 1915 г. общество имело в своем составе 340 членов, к концу 1915 г. – 746[372]. Указывалось, что вступившая в его ряды «толпа горожан и горожанок принадлежала к самым разным слоям населения»[373]. В сентябре 1915 г. в общество вступило 500 чел. из Омского сельскохозяйственного училища и Омская городская дума с 30, а впоследствии – 500 паями[374]. В октябре в состав кооператива с целью закупки продовольствия для малоимущих записался городской богадельный комитет с 10 паями[375].

С первых дней установились прочные связи кооператива с Омским отделением Московского общества сельского хозяйства, производились совместные закупки. При начале торговли паевой капитал не превышал 2 тыс. руб.[376] Ходатайство кооператива о ссуде в городскую думу не было удовлетворено[377].

Торговые операции начались успешно. За октябрь 1915 г. лавка на Казачьем базаре продала товаров на 11 584 руб., в ноябре – 20 314. Особенно оживленно шла продажа по субботам, когда рабочие получали недельный заработок. В среднем из магазина общества продавалось товаров на 600 руб.

---

[370] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 45. Л. 207.
[371] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 652. Л. 8, 25.
[372] ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопр-во. 1915. Д. 17. Л. 9.
[373] Голос Сибири. 1916. 25 авг.
[374] ИАОО. Ф. 30. Оп. Д. 32. Л. 11.
[375] Омский вестник. 1915. 29 сент. (12 окт.), 7 (20) окт.
[376] Омский вестник. 1915. 4 (17) авг., 4 (17) сент.
[377] ИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.; Омский вестник. 1915. 5 (16) нояб.

в день, ежедневно его посещали до 600 чел. – главным образом рабочие и беднота. В ноябре 1915 г. открылась вторая лавка на Тарской улице. В магазины общества за товаром обращались Локтинское, Тюкалинское и другие потребительские кооперативы Омского района[378].

18 ноября 1915 г. начала работу собственная хлебопекарня, выпекавшая до 120 пуд. хлеба и пряников. Сбыт продукции был обеспечен растущим спросом на печеный хлеб в центре города и на окраинах, заказами общественных и казенных учреждений – школ, больниц, богадельни, комитетов по призрению семей запасных и беженцев. Учреждениям товар продавался в кредит. Оплата труда рабочих кооперативной хлебопекарни была в полтора раза выше, чем в частных заведениях[379].

В декабре 1915 г. в обществе состояло 750 членов в результате вступления в его состав ежемесячно от 43 до 116 чел. Обе лавки посещались «громадным» количеством покупателей, ежедневная выручка составляла от 400 до 1000 руб. Валовая прибыль за 1915 г. составила 9310 руб., чистая – 3070 руб.[380] В феврале 1916 г. открылось третье торговое отделение, склад, ряд маленьких лавочек на окраинах города для продажи печеного хлеба и обоз для развозки товаров. Разрабатывались проекты вегетарианской столовой, чайной, кофейни, книжной торговли, библиотеки[381]. На общем собрании 6 марта 1916 г. А.Н. Гладышев акцентировал внимание на том, что с августа 1915 г. паевой капитал обернулся 25 раз, в то время как обращение капитала редко превышало 9–10 раз в год[382].

В апреле 1916 г. начальник Омского жандармского управления докладывал в губернскую администрацию: «В Омске общество потребителей стало на твердые ноги: три лавки торгуют прекрасно и на днях

[378] Омский вестник. 1915. 4 (17), 17 (30) сент., 7 (20) окт., 2 (15) дек.
[379] Омский вестник. 1915. 17 (30) сент., 9 (22) дек.; Союз потребителей. 1915. № 36. С. 1278; Омский телеграф. 1916. 14, 27 мая.
[380] Степной край. 1916. 19 янв.
[381] Степной край. 1916. 12 февр.
[382] Омский телеграф. 1916. 8 марта.

предполагается открыть четвертую»[383]. 3 мая 1916 г. на заседании городской думы был рассмотрен и положительно решен вопрос о предоставлении кооперативу кредита[384].

В августе 1916 г. усилился приток новых членов – «сахарных» кооператоров, в день записывалось по 100–150 чел. с ежедневным пополнением паевого капитала на 500 руб. В сентябре 1916 г. общество приняло в свои ряды 117 рабочих завода С.Х. Рандрупа[385]. Товарооборот за 1916 г. составил 551 тыс. руб. против сметного значения в 400 тыс. руб., валовая прибыль – 63 тыс. руб.[386] В 1917 г. общество объединяло 3,8 тыс. чел.[387] Паевой капитал выражался в сумме 18 114 руб. Общество имело шесть лавок, хлебопекарню, издавало однодневную газету «Лучи», организовало кооперативный клуб со знаменитыми кооперативными четвергами[388].

Одновременно в Омске успешно действовали и другие потребительские организации. В 1915 г. открылось общество потребителей «Труд», созданное служащими и рабочими омских железнодорожных мастерских[389].

В 1915 г. по примеру Томской торговой школы в Омске был образован школьный потребительский кооператив при коммерческом училище и городской торговой школе, закупавший для учащихся продовольствие и учебники[390].

27 марта 1916 г. в помещении главной конторы сельскохозяйственных складов состоялось учредительное собрание общества потребителей служащих в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Кооператив имел замкнутый корпоративный характер и состоял из обеспеченных служащих министерства и организаций переселенческого

---

[383] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 10.

[384] ИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 32. Л. 5, 5 об., 11, 11 об. Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Потребительская кооперация Сибири… С. 174–179.

[385] Голос Сибири. 1916. 7 сент.

[386] Омский телеграф. 1916. 25 дек.; ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 83 об.

[387] *Толочко А.П., Плотников А.Е., Родионов Ю.П., Зиновьев В.П.* Общественное движение в Омске. 1895 – февраль 1917 г. Томск, 1996. С. 158.

[388] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 48. Л. 1–2 об.

[389] Омский вестник. 1915. 20 (31) окт.

[390] Омский вестник. 1915. 9 (22) авг.

ведомства[391]. В ноябре 1916 г. общество объединяло 460 членов с паевым капиталом 12 900 руб. и получило за три месяца торговли 10 тыс. руб. чистой прибыли[392]. На 1 января 1918 г. в обществе состояло 814 членов с паевым капиталом 141 661 руб., что составляло в среднем 174 руб. на одного члена[393].

17 ноября 1916 г. на Атаманской улице в Омске был открыт и с первого дня делал хорошие обороты магазин общества потребителей Сибирского казачьего войска. Полицейские чины отмечали, что по сравнению с лавкой общества потребителей служащих Министерства земледелия «казачья лавка обставлена значительно скромнее, товаром беднее, но все в ней значительно дешевле»[394].

30 января 1916 г. в Слободском форштадте Омска открыло потребительскую лавку мещанское общество[395]. В 1916 г. началась деятельность Новоомского кооператива и общества потребителей служащих Омского почтово-телеграфного ведомства[396]. В марте 1916 г. по инициативе и под председательством бывшего члена I Государственной думы Т.В. Алексеева было основано потребительное общество на станции Называевская Омской железной дороги[397].

Городские потребительские кооперативы существовали также в Петропавловске Акмолинской области, Семипалатинске и Павлодаре Семипалатинской области. В обществе потребителей *Петропавловска* к 1919 г. состояло 1452 члена с 30 862 руб. паевого капитала, годовой оборот составлял 3,5 млн руб.[398]

---

[391] Омский вестник. 1916. 6 апр.
[392] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 10, 46 об., 55 об., 83 об.
[393] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 48. Л. 67; Д. 52. Л. 2.
[394] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 83 об.
[395] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 28; Степной край. 1916. 4 февр.; Омский телеграф. 1916. 17 дек.
[396] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 76 об.; Омский телеграф. 1916. 15 мая.
[397] Омский телеграф. 1916. 18 марта.
[398] ИАОО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 14; Иркутский кооператор. 1916. № 12. С. 14.

Городское всесословное потребительное общество в *Семипалатинске* возникло в 1914 г. при наличии 168 членов с паевым капиталом 965 руб.[399] К 1919 г. оно насчитывало 10 тыс. членов с паевым капиталом 77 641 руб. и годовым оборотом до 10 млн руб., имело 12 магазинов, дрожжевой завод, хлебопекарню, библиотеку[400].

Подчеркивая значимость кооперативных организаций в общественно-экономической жизни Акмолинской области, начальник Омского жандармского управления в рапорте губернатору писал, что интенсивная деятельность потребительской кооперации «дает самые хорошие результаты» и «является основой сохранения общественного порядка»[401].

В 1914–1917 гг. в Сибири в обстановке продовольственного кризиса активно возникали потребительские кооперативы в среде *рабочих* при заводах, копях, рудниках.

В 1914 г. был организован потребительский кооператив горнозаводских рабочих Петровского завода Кабинета в Забайкалье[402], в августе 1915 г. – кооператив «Шахтер» на Черновских копях под Читой[403], отделение «Шахтера» на Комаровских копях Первого Читинского углепромышленного товарищества[404], в 1915 г. – кооператив рабочих в Нерчинске. К началу 1919 г. он имел в своем составе 1378 членов с паевым капиталом 68 570 руб., одну лавку, в которой в 1918 г. было продано товаров на 1 304 866 руб. Кооператив обслуживал 1/3 часть жителей города. Чистая прибыль составила 9985 руб., из которых 5 тыс. руб. было отчислено на культурную деятельность. Общество являлось пайщиком Забайкальского областного союза кооперативов и Нерчинского товарищества кооперативов, имело акции МНБ на сумму 7725 руб.[405]

---

[399] Голос Сибири. 1916. 21 авг.

[400] Труженик. 1919. № 5. С. 6.

[401] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 17, 26.

[402] *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. С. 11–12.

[403] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 172–174.

[404] *Коряков И.А., Берсенев Л.Ф.* Из истории рабочих кооперативов. С. 151.

[405] Труженик. 1919. № 7–8. С. 7.

С августа 1916 г. действовал независимый рабочий кооператив «Наше будущее» на Николаевских заводах в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии. На 1 ноября 1916 г. в нем состояло 100 членов с паевым капиталом 1 тыс. руб. и товарооборотом 7 тыс. руб.[406]. В начале 1917 г. был создан рабочий потребительский кооператив «Наше будущее» на Арбагарских копях в Забайкалье[407].

В годы войны активизировалась деятельность *зависимых* рабочих потребительских кооперативов. В 1916 г. под руководством представителя Русской горно-промышленной корпорации, арендовавшей у Кабинета Зыряновский рудник, Э.Д. Макдермота возродилось потребительное общество на Зыряновском руднике Змеиногорского уезда Томской губернии[408].

В селе Кольчугино Кузнецкого уезда Томской губернии действовало зависимое общество потребителей, открытое при Кольчугинском руднике Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей. По уставу оно объединяло только рабочих и служащих, а также высшую администрацию копей, но не обслуживало остальных жителей села Кольчугино. Часть рабочих вступила в сельское Кольчугинское общество потребителей[409].

При поддержке администрации действовали потребительские лавки и производились периодические закупки продовольствия для рабочих на Кемеровской копи, Гурьевском заводе, Риддерском руднике, золотых приисках в Кузнецком уезде[410].

Активно развивалась потребительская кооперация среди работников *транспорта*. В 1916 г. рабочие-речники Самусьского затона в Томске отделились от всесословного городского кооператива «Деятель» и

---

[406] Голос Сибири. 1916. 25 нояб.

[407] *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. С. 28.

[408] Жизнь Алтая. 1916. 22 июля.

[409] Обский кооператор. 1916. № 2–3. С. 21.

[410] ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопр-во. 1912. Д. 144. Л. 141 об.; Жизнь Алтая. 1916. 13 мая, 22, 29 июля; Голос Сибири. 1916. 25 нояб.

организовали собственное потребительное общество «Труд» в составе 459 членов. В декабре 1916 г. в Красноярске был организован потребительский кооператив всех служащих и рабочих казенных судоходных предприятий бассейна р. Енисей «Судосоюз». К 1919 г. число членов кооператива выросло до 525 чел., паевой капитал достиг 19 тыс. руб., годовой оборот – 1380 тыс. руб.[411] В 1916 г. открылся независимый кооператив рабочих железнодорожников на станции Мысовская Забайкальской железной дороги[412]. К 1919 г. он имел в своем составе 1200 членов с паевым капиталом 30 тыс. руб. В январе 1917 г. учредили свои потребительские кооперативы матросы-речники в Омске и железнодорожники на станции Топки Томской железной дороги[413].

Для снабжения в период войны стратегически важного разряда населения – работников транспорта – власть использовала сначала ведомственные продовольственные комитеты, а затем, наблюдая успехи потребительской кооперации, перешла к прямому поощрению создания кооперативных организаций.

В 1915 г. Сибирская железная дорога была разделена на Томскую железную дорогу с управлением в Томске и Омскую железную дорогу с управлением в Омске[414]. С октября 1915 г. на станциях и участках Томской железной дороги создавались продовольственные комитеты. Используя правительственные субсидии и собранные с железнодорожников деньги они закупали продовольствие по более дешевым из-за льготного провоза ценам. Однако казенные продовольственные комитеты были малоэффективны и подвергались критике со стороны потребителей[415].

---

[411] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 26; Сибирская жизнь. 1916. 17 дек.

[412] Труженик. 1919. № 6. С. 7.

[413] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 173. Л. 6; Сибирская жизнь. 1916. 17 дек.; Утро Сибири. 1917. 5 февр.; *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 178–179.

[414] *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири. С. 96.

[415] Голос Сибири. 1916. 23 сент., 26 нояб.

С конца 1915 г. администрация Томской и Омской железных дорог инициировала создание железнодорожных обществ потребителей. В соответствии с положением Совета министров «О добавочном довольствии чинов правительственной службы по случаю вздорожания жизни» на организацию железнодорожных обществ потребителей выдавались ссуды общим объемом 4 млн руб. на определенных условиях (пай не менее пяти руб., продажа за наличные)[416]. В течение 1916 г. линейными служащими Томской железной дороги был учрежден независимый замкнутый по составу потребительский кооператив с паем 10 руб.[417]. Омские железнодорожники присоединились к Обществу потребителей Пермской железной дороги[418].

Казенная опека получала низкую оценку современников. На основании множества фактов кооператоры делали вывод о том, что «ни сферы из Петрограда, ни попечение ставших во главе продовольствия железнодорожных администраторов не могут смягчить тяжесть продовольственного положения. Путь к этому один – общественная самодеятельность потребителя»[419].

Таким образом, ускорившееся развитие капитализма после реформ 1860–1870-х гг., связанное в Сибири с железнодорожным строительством и усилением крестьянской колонизации, как прямо, так и опосредованно повлияло на процесс развития потребительской кооперации.

В городских условиях развитие потребительской кооперации являлось наиболее важным в силу большей оторванности горожан от производства необходимых предметов потребления. Сложившаяся система розничной торговли не удовлетворяла горожан, поэтому в начале XX в. потребительская кооперация превратилась в средство улучшения качества их снабжения продуктами и предметами первой необходимости. Потребительская кооперация постепенно занимала экономическую нишу розничной торговли

[416] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 458. Л. 1–3.
[417] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 458. Л. 6.
[418] РГИА. Ф. 1288. МВД. Оп. 15. 1915. Д. 163. Л. 28; Голос Сибири. 1916. 26 нояб.
[419] Голос Сибири. 1916. 22 дек.

и была в целом поддержана правительственными учреждениями и городской общественностью.

Обнаруживалась непосредственная связь социально-экономических процессов, подъемов общественной активности, ухудшения положения потребителей с развитием потребительской кооперации. Однако, фактический рост численности кооперативов в городах не коррелировался непосредственно с этапами революционных выступлений. Устойчивое и непрерывное развитие сибирской городской потребительской кооперации началось с 1912 г.

Первая мировая война явилась мощным катализатором кооперативного движения, резко актуализировав его непосредственные причины – дороговизну и бестоварье. Сибирская кооперация демонстрировала самые высокие темпы прироста новых потребительных обществ в Российской империи. На 1 января 1917 г. в Сибири насчитывалось около 1 тыс. потребительских кооперативов из 5 тыс. кооперативов всех видов с 500 тыс. членами. С учетом членов семей кооператоров они обслуживали 2 млн чел. или 22% населения[420].

В целом в городских поселениях Сибири в дореволюционный период было образовано более 110 потребительских кооперативов[421]. В процентном отношении доля городских обществ по сравнению с сельскими в общем количестве потребительских кооперативов Сибири была невелика и постоянно снижалась – с 5,2%, в 1912 г. до 1,6% в 1917 г.[422], что объяснялось большим количеством учрежденных в деревнях мелких потребительских кооперативов. Но по численности, размаху деятельности, величине оборотов городские кооперативы заметно превосходили сельские. В 1916 г. в среднем по России в сельских обществах было 242 члена, в городских всесословных –

---

[420] Известия Общества потребителей Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 11.

[421] *Запорожченко Г.М.* Городская и рабочая потребительская кооперация в Сибири. 1864–1917 гг. / Отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск, 2004. С. 243–258 [Хроника создания потребительных обществ].

[422] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 101.

1429. В Сибири в мелких городах кооперативы насчитывали от 450 до 1 тыс. членов, в крупных – до 3,3 тыс. Вместе с членами семей пайщиков с потребительскими кооперативами было связано до трети горожан, обороты на одно общество достигали полумиллиона рублей в год[423]. Доля участия городского населения в потребительской кооперации к 1916 г. заметно увеличилась, приблизившись к общероссийскому уровню.

На разных этапах действовали разные группы причин для развития городской потребительской кооперации. До обострения хозяйственного кризиса в 1915 г. кооперативы концентрировались на развитии общественной торговли с целью противодействия эксплуатации со стороны торгового посредника. Немаловажную роль играло желание приобщиться к общественной работе и культурной жизни. С 1916 г. непосредственными причинами учреждения кооперативов являлись дороговизна и бестоварье. Источники подтверждают прямую взаимосвязь между ростом рыночных цен и численным ростом кооперативов. Большое значение для Сибири, особенно Восточной, имела конструктивная деятельность политических ссыльных, среди которых оказалось много инициативных организаторов кооперативного движения.

Рост кооперации в том или ином регионе напрямую зависел от эффективности протекавших там модернизационных процессов, а также от отношения губернской власти, особенностей географического положения территории (удаленность от транспортных путей, зависимость от сезонного состояния водных путей), специфики торгово-экономической ориентации, предприимчивости самих кооператоров и др.

Сибирская кооперация воспроизводила структуру и формы кооперативного движения в Европейской России и была представлена городскими всесословными, замкнутыми корпоративными, зависимыми и независимыми рабочими и транспортными (железнодорожными и водными) потребительными обществами. В центре формирования городской

[423] См.: Приложение 4. (С. 488).

кооперативной сети находились всесословные и рабочие потребительные общества, вокруг которых создавались обособленные по составу корпоративные потребительские организации работников различных ведомств, преподавателей, студентов, железнодорожников. На общем фоне раздробленности проявлялась тенденция к объединению, слиянию однородных кооперативов в одном городе и вступлению больших групп потребителей (коллективов предприятий, общественных организаций, городского самоуправления) в городские всесословные общества вместо образования отдельных кооперативных организаций.

Всесословные и рабочие потребительские кооперативы были наиболее многочисленными и вносили существенный вклад в жизнеобеспечение горожан, расширяя сеть кооперативных лавок и распространяя ее на городские окраины. Посредством кооперативной торговли пайщикам и населению города и окрестных деревень реализовывались по доступным ценам товары, заготовленные на местных и иногородних рынках, а также продукция кооперативного хлебобулочного, кондитерского, колбасного, мыловаренного, пошивочного и др. производства.

Глава 3. Условия и основные направления развития кооперативной самодеятельности

3.1. Кооперативное законодательство и уставы как правовая основа социальной активности населения

Административно-правовая система Российской империи существенным образом определяла возможности реализации кооперацией своего экономического и социально-культурного потенциала, активизации общественной активности населения.

Деятельность потребительской кооперации проходила на основе положений устава, норм законодательства и концепции Рочдейла[1]. Рочдельские принципы предполагали добровольность и общедоступность, образование капиталов для открытия и деятельности кооперативного торгового предприятия путем внесения паев, оплачиваемых небольшими процентами, продажу товаров за наличные деньги, а не в кредит, по среднерыночной цене, хорошего качества, точной мерой и точным весом, распределение прибыли между пайщиками пропорционально сумме закупок, а не по величине паев, участие всех членов в делах общества, самодеятельность, демократическое самоуправление[2].

В какой степени дореволюционное право и общественно-политические условия способствовали реализации потребительными обществами рочдельских принципов добровольности, общедоступности и самостоятельности, ведению эффективной хозяйственной деятельности?

Порядок учреждения кооперативов. Особенностью отечественной правовой традиции являлось стремление государства к строгой регламентации кооперативной организации, что проявилось в разрешительном (концессионном) порядке учреждения кооперативов, в

[1] Прототипом российских потребительных обществ было образованное в 1844 г. в Рочдейле, небольшом промышленном городке Северного Ланкашира близ Манчестера в Великобритании, общества потребителей «Рочдельские справедливые пионеры». Принципы функционирования этого общества легли в основу потребительской кооперации всего мира.

[2] *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России… С. 51.

ведомственном контроле со стороны отдельных министерств, отсутствии единого правового поля – кооперативного закона, подобно принятым в Европейских странах[3]. Разрешительный порядок учреждения потребительных обществ несколько смягчался наличием Нормального устава 1897 г., но имел ряд недостатков: учредители полностью зависели от усмотрения губернатора, полагавшегося в своем мнении на полицейские власти, которые давали заключения о благонадежности учредителей и необходимости данной потребительской организации[4].

Известный деятель сибирской кооперации А.В. Байкалов в докладе о местных особенностях утверждения потребительных обществ, прочитанном в Красноярском комитете содействия кооперации, показал, что практика губернаторских запросов в низшие звенья власти с предоставлением: 1) сведений о том, насколько необходимо открытие потребительного общества, 2) списка членов-учредителей и членов-пайщиков с указанием о несудимости, 3) сведений о величине паевого капитала еще неоткрытого общества – противоречила пунктам Нормального устава и тормозила развитие кооперации. Фактически право разрешения от высшей губернской администрации передавалось в руки приставов и крестьянских начальников, а через них – в руки старост и писарей[5].

Сбор сведений о политической благонадежности и мнения чиновников о целесообразности учреждения кооперативов в том или ином месте приводили к длительным проволочкам в утверждении уставов, как в случае с кооперативом в Тайге[6], Нарыме[7], студенческим кооперативом в Томске.

Примером учредительной компании служила организация общества потребителей в Тобольске. 14 ноября 1915 г. в Народной аудитории Тобольска состоялось первое собрание желающих организовать

---

[3] *Корелин А.П.* К проблеме адаптации западного кооперативного опыта в дореволюционной России // Кооперация: страницы истории. М., 1999. С. 104.

[4] Союз потребителей. 1915. № 23. С. 766.

[5] *Байкалов А.В.* Тормозы кооперации // Союз потребителей. 1916. № 18. С. 621.

[6] Сибирская жизнь. 1915. 29 авг.

[7] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 227. Л. 6, 10.

потребительное общество, на котором присутствовало около 100 чел. Члены организационной комиссии читали доклады об истории возникновения обществ потребителей в Тобольске в прежние годы, о целях и задачах кооперации, разъясняли важнейшие пункты устава, вели запись членов, прием членских взносов, продавали экземпляры устава, раздавали листовки МСПО. Собрание длилось два с половиной часа. В члены общества вступило 118 чел., 53 из них внесли паевые. В целях более близкого знакомства членов друг с другом, выбора руководителей, вербовки новых членов и сбора средств было принято решение о проведении через неделю второго собрания. На втором собрании общество потребителей обрело название – «Самосознание». Присутствовавшие 43 члена общества обсуждали основные пункты устава. Собрание решило торговать только за наличный расчет, посторонним покупателям в виде опыта не продавать товары в течение первых двух месяцев, придерживаться умеренных наценок и прибыли не выше 10%. На третьем собрании 29 ноября обсуждение пунктов устава завершилось. На четвертом собрании 3 января 1916 г. присутствовавшие 78 членов избрали правление и ревизионную комиссию[8].

Таким образом, все важные вопросы устава и деятельности общества были обсуждены в ходе четырех общих собраний и поставлены на голосование. Организационная компания учредителей «Самодеятельности» получила освещение в местной печати. Этот пример демонстрирует, что утвердившийся в России концессионный способ учреждения кооперативов, несмотря на свои недостатки, в целом обеспечивал реализацию права каждого желающего на вступление в кооператив осознанно и самостоятельно, а не на принятие его какой-либо инстанцией.

Цели и состав обществ потребления. В § 1 Нормального устава формулировалась цель потребительного общества – «доставление своим членам по возможно дешевой цене или умеренным рыночным ценам различных предметов потребления и домашнего обихода и предоставление

[8] Сибирский листок. 1915. 17, 19, 24, 26 нояб.

возможности из прибылей от операций общества делать сбережения»[9]. Для этой цели обществам разрешалось открывать склады и торговые заведения, заключать договоры о поставках предметов потребления, приобретать собственность, участвовать в различных коммерческих предприятиях (§ 2).

Число физических и юридических лиц, которые могли быть членами данного потребительного общества, не ограничивалось нормами (§ 12). Это лица обоего пола, всех сословий и званий, кроме учащихся учебных заведений (их кооперативы регистрировались соответствующими ведомствами) и военнослужащих нижних чинов (для них предусматривались лишь корпоративные потребительные общества), а также общественные организации, школы и другие учреждения[10]. На основании решения учредительного собрания каждый кооператив определял свой состав членов и вносил это в § 12 устава. Уставы потребительных обществ государственных чиновников, железнодорожных и телеграфных служащих утверждались в МВД[11].

Уставы *железнодорожных* обществ образовывались в каждом конкретном случае на основе Нормального, с изменениями, которые обуславливались обширным районом действия общества и требованиями железнодорожной администрации[12]. Примером являлось учрежденное в 1911 г. общество потребителей служащих и рабочих Анжерской каменноугольной казенной копи в Томской губернии. По уставу полноправными членами общества были только работники копей. Вместо общего собрания членов действовало собрание уполномоченных в составе 12 чел., выбираемых из 500 членов на основе голосования по запискам. Выборами ограничивалось всё участие рядовых членов в жизни кооператива.

---

[9] Нормальный устав потребительных обществ, утвержденный 13 мая 1897 г. // Кооперация: страницы истории / под ред. *Н.К. Фигуровской*: в 3 т. М., 2011. Т. 1. Ч. 2. С. 78.

[10] РГИА. Ф. 1288. Оп. 15. Вн. оп. 13. Д. 132. Л. 14–15; ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 227. Л. 4.

[11] Восточная заря. 1910. 2 марта.

[12] *Меркулов А.В.* Как организовать и вести потребительное общество. С. 20–21.

Председатель собрания назначался начальником дороги на каждое собрание из числа уполномоченных. Правление и ревизионная комиссия наполовину состояла из назначенцев. Следствием такого устройства кооператива были неосведомленность рабочих о кооперативной работе, падение интереса к ней и отсутствие самодеятельности[13].

В Обществе потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги начальник дороги не только председательствовал на общих собраниях, но и имел право замещать треть состава правления общества, совета общества, часть собрания уполномоченных, утверждать или не утверждать постановления собрания[14]. Результатом подобного устройства было разочарование рядовых потребителей в своем кооперативе, называвшем его «грабиловкой», «обираловкой», «теребиловкой»[15].

Для Сибири, края политической ссылки, актуальной была возможность участия в кооперации *ссыльных*. В ст. 22 Положения о полицейском надзоре говорилось, что «лица поднадзорные не могли быть учредителями, представителями и членами в частных обществах и компаниях»[16]. Согласно Нормальному уставу ссыльные как лица, подвергшиеся ограничению прав по суду, принимались в члены обществ потребителей только «в местностях, предназначенных для их водворения на жительство» (§ 12, прим. 2). Полицейская власть в Сибири, находясь под давлением центральных ведомств, сурово обходилась с политссыльными, удаляла их из состава кооперативов, запрещала присутствовать на собраниях и съездах. С обострением продовольственного положения в годы Первой мировой войны правительственные круги стали относиться к участию ссыльных в кооперации более лояльно, что отразилось в циркуляре министра внутренних дел 1915 г., циркуляре председателя Совета министров Б.В. Штюрмера от 25 апреля 1916 г. и приложенной к нему «Временной инструкции о

[13] РГИА. МВД. Ф. 1288. Оп. 188. 1910 г. Д. 208 [Устав Общества потребителей служащих и рабочих на Анжерской каменноугольной казенной копи].

[14] Голос Сибири. 1916. 30 нояб.

[15] Утро Сибири. 1909. 21 нояб.

[16] ГАТ. Ф. 152. Оп. 23. Д. 8. Л. 8.

полицейском надзоре по наблюдению за политическими ссыльными[17]. Поэтому в каждом конкретном случае вопрос по поводу ссыльных решался в зависимости от настроя местной администрации и решимости ссыльных отстаивать свои права в высших инстанциях, которые, как правило, давали благоприятный исход делу[18]. Несмотря на запретительные меры местных властей, участие ссыльных в потребительской кооперации в качестве как членов, так и кооперативных работников было распространенным явлением, особенно в Восточной Сибири[19].

Кооперативные принципы общедоступности и добровольности подразумевали не только право вступления, но и свободного выхода из общества потребителей, что регулировалось §§ 22–23 устава.

Репортаж о судебном разбирательстве по поводу выдачи паев члену общества потребителей в Иркутске в июне 1914 г., помещенный в газете «Алтайское дело», наглядно демонстрировал правоприменительную практику в ситуации конфликта между требованием устава и пайщиком, который хотел изъять из кооператива свои паи. В соответствии с § 58 устава споры по делам общества между членами и правлением решались общим судебным порядком. Исковое заявление члена иркутского потребительского кооператива Юхневича сводилось к тому, что правление уговорило его стать пайщиком кооператива, а через некоторое время, когда он из опасений, что общество разорится и закроется, хотел выйти из него и забрать свои паи, правление их не выдало. Суд признал деятельность правления общества законной на том основании, что, во-первых, вербовка членов являлась обязанностью правления, во-вторых, в соответствии с § 22 устава паи выбывающим членам выдавались лишь после утверждения годового отчета.

[17] Союз потребителей. 1916. № 42. С. 1587.

[18] Об инцидентах с ссыльными в Нарыме: Сибирская жизнь. 1915. 8 дек.; Иркутской губернии: Союз потребителей. 1917. № 7. С. 26; Красноярске, Иркутске, Чите, Енисейске: Положение ссыльных в потребительных обществах // Союз потребителей. 1916. № 42. С. 1587; Верхнеудинске: Сибирские записки. 1916. № 3. С. 162; Минусинске: Кооперативная жизнь. 1916. № 8. С. 388. Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 220–224.

[19] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916 г. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 43.

При этом суд не входил в детали того, что, по мнению истца, «дела общества находились в ужасном состоянии»[20].

В части финансового положения общества, которое истец, возможно, небезосновательно считал опасным для своих сбережений, закон признавал потребительский кооператив автономным в своей деятельности субъектом права и не видел повода для вмешательства органов власти. Согласно уставу (§ 28, прим.) ревизия дел общества потребителей могла быть произведена по распоряжению губернатора или градоначальника лишь в случае получения ими сведений о беспорядках в обществе или нарушениях устава.

Примером является долгая история внутренних трений в обществе потребителей Мариинска, вызвавшая ряд заявлений от недовольных членов в адрес Томской губернской администрации и Министерства торговли и промышленности[21]. На поступившее в министерство в марте 1916 г. ходатайство от членов мариинского кооператива о проведении правительственной ревизии дел, балансов и капиталов был дан отрицательный ответ, в котором разъяснялось, что министерство «не имеет законного права ревизовать потребительные общества»[22].

Если внутренние конфликты в потребительных обществах не являлись законным основанием для вмешательства властей, то отступления от Нормального устава являлись прецедентом для осуществления властью надзорных функций.

Так, нарушение одного из пунктов устава томским обществом потребителей «Деятель» было замечено администрацией Томской губернии. Первоначально в 1913 г. общество установило вступительную плату в размере 5 руб. вместо разрешенных Нормальным уставом 3 руб. Томский губернатор потребовал понизить ее и вынес кооперативу через томского полицмейстера предупреждение, после чего плата была понижена до 1 руб.[23]

---

[20] Алтайское дело. 1914. 18 июня.
[21] *Савчук Ф.* Темные силы // Сибирская жизнь. 1916. 20 апр.
[22] РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 332. Л. 4.
[23] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 452. Л. 52.

Так же отреагировал томский губернатор и на анонимное письмо о внеуставной деятельности правления «Деятеля». Члена правления ссыльнопоселенца Т.Е. Минычева, который «занимался только пропагандой и смущал народ», было приказано уволить из органов управления кооператива. Кроме этого, губернатором было приказано внести вопрос о растрате средств правлением «Деятеля», поднятый в жалобе анонимщиков, в повестку дня ближайшего общего собрания с предоставлением в губернскую администрацию протокола[24].

Таким образом, юридическая сила положений Нормального устава, утверждающих кооперативные принципы добровольности, общедоступности и автономности в целом поддерживалась действиями судебной системы, местной и центральной властью.

Налогообложение. Согласно § 4 устава потребительное общество подчинялось общим правилам Российской империи, касающимся торговых заведений. Часть наиболее крупных обществ потребителей (109 из 1450 имевшихся в стране, например, в 1906 г.) облагалась налогом с капитала[25]. Остальные платили лишь промысловый налог на основании «Положения о государственном промысловом налоге» 1898 г. как торговые заведения, продающие товар потребителям и мелким торговцам, с оборотом от 50 до 300 тыс. руб. в год наряду с магазинами, трактирами, аптеками, книжными киосками, различными агентствами, конторами и элеваторами[26].

Кооператоры с самого начала выступали против обложения промысловым налогом, настаивая на том, что доходы потребительных обществ не имеют характера капиталистической прибыли. Однако в принятом в 1915 г. законопроекте о прогрессивном подоходном налоге, потребительские кооперативы обязывались к его уплате, независимо от того, с кем торговали – только с членами или посторонними. При этом они были поставлены в неравное положение по сравнению с учреждениями мелкого

[24] Там же. Л. 2–3, 9.
[25] *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 68.
[26] Там же. С. 66.

кредита и закупочными кооперативами, которые совершенно освобождались от налога, так как по уставу обслуживали только своих членов[27]. «Непостижимой и нелогичной несправедливостью» считали потребкооператоры взимание с них подоходного налога в тех случаях, когда они продавали только членам, и настаивали на уплате налога лишь с той части операций, которая осуществлялась с посторонними покупателями[28]. Таким образом, в вопросе о налогообложении дореволюционное законодательство было далеко от понимания сути и интересов кооперации.

Одним из принципов рочдельской системы кооперативной торговли была *продажа за наличные*. Практически все кооперативы вносили в § 3 устава решение общего собрания о торговле за наличный расчет[29]. Но, как отмечал И.В. Емельянов, кооператоры никогда не относились к рочдельскому правилу «вести бизнес за наличный расчет», как к священной догме, систематически нарушая его, причем наиболее часто это делали потребительские кооперативы[30]. Например, в тайгинском «Труде» из суммы за проданные в 1915–1916 гг. товары в размере 143 548 руб. – 2948 руб. приходилось на продажу в долг[31]. Томский «Деятель» в 1915 г. продал в долг на сумму 42 825 руб., что составляло около 1/5 части товарооборота и т.д. По данным В.Н. Махова доля продажи в кредит в городских кооперативах доходила до 34,6% от общего оборота[32].

Торговля в кредит была опасна появлением «безнадежных» долгов, распыляла средства кооператива, приводила к финансовым кризисам. Так, в новониколаевской «Экономии» в августе 1915 г. после списания очередной

---

[27] *Меркулов А.В.* Закон о подоходном налоге и кооперация // Вестник кооперации. 1915. № 7. С. 99.

[28] *Меркулов А.В.* МСПО в 1915 г. // Союз потребителей. 1915. № 1. С. 18.

[29] Объединение. 1915. № 24. С. 17; Голос Оби. 1912. 9 мая; Сибирская деревня. 1915. № 5. С. 16; Сибирская жизнь. 1915. 11 июля.

[30] *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации… С. 196.

[31] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Л. 6 [Отчет обществ потребителей «Труд» в г. Тайга Томской губернии за время с 11 октября 1915 г. по 1 января 1917 г.].

[32] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 106. Необходимо иметь в виду, что в этом среднем показателе большая часть приходилась на долю огромного Забайкальского кооператива, который тысячи своих пайщиков обслуживал преимущественно в кредит.

суммы в качестве безнадежного долга общее собрание приняло решение отпускать в кредит только казенным и общественным учреждениям – школам, больницам, богадельне, пожарной станции, гарнизону и т.п. под ручательство их администрации. Это предпринималось для расширения рынка сбыта и увеличения оборотных средств. С частными покупателями торговля велась преимущественно за наличный расчет[33].

Продажа в кредит, широко практиковавшая в зависимых обществах с ордерной системой выдачи зарплаты, в конечном итоге искажала роль потребительного общества. Примером может служить кооператив на Анжерской копи. Когда в его лавке не было в продаже ржаного хлеба, рабочие в отсутствие денег ловили у потребительской лавки состоятельных покупателей, просили их брать в кооперативе товар в кредит по книжке, деньги же отдать им на покупку хлеба на базаре[34].

Таким образом, вопрос о торговле в кредит оборачивался проблемой поддержания покупательной способности пайщиков. В соответствии с распространенным взглядом на кооперацию как на организацию, прежде всего, малообеспеченных слоев населения кооперативы организовывали безопасную продажу в кредит как систему социальной поддержки.

Так, в тобольском кооперативе «Труженик» в 1911 г., чтобы привлечь небогатых членов в потребительскую лавку, общее собрание разрешило им покупать в кредит на ту сумму, которая будет внесена ими в кассу общества свыше одного пая[35]. На собрании в новониколаевской «Экономии» 1 июля 1912 г. было решено торговать только за наличный расчет, а для малоимущих членов, не имевших возможности покупать за наличные, учредить особый кредитный фонд или кассу взаимопомощи[36]. В Красноярске кооператив «Самодеятельность» образовал при обществе специальный кредитный фонд

[33] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 37 [Протокол общего собрания общества потребителей г. Новониколаевска «Экономия» от 24 января 1916 г.].

[34] Объединение. 1915. № 24. С. 17.

[35] Отчет общества потребителей «Труженик» в г. Тобольске за 1911 г. Тобольск, 1912. С. 22–23.

[36] Обская жизнь. 1912. 4 июля.

для помощи нуждающимся членам. В рабочем кооперативе Самусьского Затона в Томске по решению общего собрания также создали кредитный фонд для бедных, собрав достаточную для него сумму по подписному листу[37].

§§ 6–11 Нормального устава регулировали финансовую сторону деятельности кооператива. Средства общества потребителей состояли из оборотного и запасного капитала. *Оборотный* капитал образовывался из вступительной платы, членских паев и займов и служил для торговых операций и повседневных расходов общества.

В соответствии с § 3 устава член общества вносил *вступительную плату* в размере 50 коп. – 3 руб. и *пай* в размере 3–10 руб. с правом рассрочки до 6 мес. На пай начислялся процент от прибыли (дивиденд), выбывающим членам паи возвращались. На вступительную плату дивиденд не начислялся, она не возвращалась, а зачислялась в оборотный капитал

§ 14 относил вопрос о максимальном количестве паев на одного человека на усмотрение общего собрания и предоставлял учредителям право автономного выбора наилучшей социально-экономической цели своего предприятия. Неограниченное число паев на одного пайщика приближало потребительное общество к типу акционерного, рассчитанного на максимальное получение прибыли на затраченный капитал. В сибирских кооперативах число паев на одного члена обычно ограничивалось десятью.

Что касается величины паевых взносов, то в 1912–1916 гг. пай 3 руб. был установлены в кооперативах Барнаула («Сотрудник»), Новониколаевска («Экономия»), Кургана, Омска, пай 5 руб. – в кооперативах Мариинска, Томска («Деятель»), Красноярска («Самодеятельность»), пай 10 руб. – в кооперативах Нарыма, Бийска («Бийский кооператив»), станции Иланская («Трудовая копейка»), Канска, Нижнеудинска, Иркутска («Труженик» и «Кооператор»), Тобольска («Самосознание»), Ялуторовска.

[37] Сибирская деревня. 1916. № 9–10. С. 31; Голос Сибири. 1916. 9 нояб.

Высокие, доходившие до 100 руб., паевые взносы были в прошлом. Объем паевых накоплений должен был увеличиваться за счет роста числа пайщиков. На деле процесс паенакопления задерживался наличием в обществах значительного числа неполнопайщиков.

В иркутском «Труженике» в сентябре 1913 г. из 550 членов только 139 сделали паевые взносы (61 чел. – полные, 78 чел. – неполные), собрав 1525 руб. паевого капитала[38]. В городском кооперативе Ачинска в 1916 г. из 258 членов пай оплатили только 202, собрав 1750 руб. паевого капитала, остальные ограничились вступительной платой[39]. В верхнеудинской «Экономии» в 1915 г. из 780 членов 130 не внесли и 80 оплатили паи не полностью, за что получили письменные просьбы правления об оплате и предупреждения об исключении[40]. В 1915 г. в томском «Деятеле» из 420 членов 129 не имели пая, около 100 являлись неполнопайщиками[41]. В Городском обществе потребителей Омска в августе 1915 г. из 411 членов паи внесли лишь 185, в сентябре из 480 членов пайщиками стали лишь 330, остальные не спешили, ожидая первых результатов торговли, которая началась при паевом капитале 2 тыс. руб. В тобольском «Самосознании» в марте 1916 г. из 270 членов 20 чел. внесли полные паи, 70 – только вступительную плату, что заставило правление начать торговлю в долг. В новониколаевской «Экономии» в 1913 г. насчитывалось 700 руб. долга по оплате паев. В 1916 г. из 1282 членов 229 не оплатили полностью свой пай, некоторые пребывали только с внесенной в 1912 г. вступительной платой, большинство членского состава – 736 членов, или 57,4% – оплатили лишь по одному паю[42]. В красноярской «Самодеятельности» из 2797 членов на начало 1917 г. 552 (19,86%) являлись неполнопайщиками[43].

---

[38] Сибирская неделя. 1913. № 2. С. 23–24.

[39] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 29.

[40] Союз потребителей. 1915. № 10. С. 275.

[41] Союз потребителей. 1915. № 15. С. 472.

[42] Алтайское дело. 1913. 8 окт.; Голос Сибири. 1916. 19 авг.

[43] Потребительное общество «Самодеятельность», г. Красноярск. Бухгалтерский отчет и объяснительная записка за 1917 г. Красноярск, 1917. С. 7.

Таким образом, основная масса кооператоров владела одним–двумя паями, в обществах было значительное число неполнопайщиков и неплательщиков, что приводило к недостатку паевых накоплений.

В отличие от оборотного капитала, основу которого составляли членские взносы и паи, *запасной* капитал образовывался из ежегодных отчислений от прибылей общества в размере до 10%, выручаемых от продажи уставов и членских книжек сумм, дробей копеек, отбрасываемых при распределении, прибыли, процентов на суммы запасного капитала, случайных поступлений. Запасной капитал не использовался на пополнение оборотных средств и расходовался по решению общего собрания исключительно для восполнения убытков (§ 11).

Проект Нормального устава, выработанный на торгово-промышленном съезде в 1896 г. в Нижнем Новгороде, разрешал заимствования из запасного капитала на усиление оборотного. Но получивший утверждение Нормальный устав не разрешал этого, обрекая потребительные общества, по выражению С.Н. Прокоповича, «на постоянную бедность и бессилие»[44].

При незначительности паевых накоплений и неприкосновенности запасного капитала в процессе торговой деятельности особую остроту приобретал вопрос о привлечении заемных денежных средств. Порядок *привлечения дополнительных средств* определялся примечанием к § 7, которое устанавливало общую сумму долговых обязательств общества не выше суммы вступительных взносов и паевого капитала: 3+10=13 руб. на одного члена[45]. Таким образом, потребительное общество должно было оперировать оборотным капиталом в размере 13+13=26 руб. на одного члена, что являлось недостаточным даже для мирного времени. В годы войны в условиях ненормального рынка общество при недостатке средств не могло своевременно делать больших товарных запасов, выходить за пределы

[44] *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. М., 1913. С. 165–166.
[45] Нормальный устав потребительных обществ… С. 79.

местного рынка закупок и вести эффективную торгово-закупочную деятельность.

Сибирские потребительные общества начинали торговлю с паевым капиталом, едва превышавшим 1–3 тыс. руб., при полном отсутствии кредитов, иногда в долг. В тобольском «Труженике» в 1911 г. паевой капитал составлял всего 864 руб. «Кредита у общества нет, денег тоже. Правление рисковало своими личными деньгами», – отмечалось в годовом отчете[46]. В 1916 г. тобольское «Самосознание», начало торговлю на взятую в долг тысячу рублей. Члены учрежденного в мае 1916 г. железнодорожного кооператива на станции Слюдянка Забайкальской железной дороги писали, что, «как и все возникающие в настоящий момент общества, оно начало работу, располагая самыми незначительными средствами»[47]. Нарымский кооператив, начав торговлю с мизерными средствами, не успел произвести достаточное количество закупок до окончания навигации. Мариинский городской кооператив начал торговлю с паевым капиталом 1355 руб., красноярская «Самодеятельность» – 1500, нижнеудинский кооператив – 1000, читинский «Трудовой союз» – 1616, томский «Деятель» – 719 руб. При этом для открытия торговли, например, новониколаевской «Экономии» была необходима сумма 3460 руб.: 2500 руб. – на покупку товаров, 560 – на оборудование лавки, 300 – на ежемесячные расходы по торговле, 100 руб. – на внесение паев в МСПО, что давало право на торговый кредит и выписку товаров от производителя[48].

Особенно остро ощущался недостаток оборотных средств во второй год войны. Так, в 1915 г. кооператоры томского «Деятеля» с оборотным капиталом всего 1537 руб., не получив ссуду от городской думы, с целью сбора средств отменили продажу товаров в кредит, повысили процент на добровольные вклады, собирали средства среди знакомых, использовали

[46] Отчет Тобольского потребительного общества «Труженик» за 1911 г. 3-ий год. Тобольск, 1912 г. С. 32.

[47] Известия Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 14.

[48] Обская жизнь. 1912. 14 июня.

займы из банка под залог имевшихся в запасе товаров[49]. Правление Судженского кооператива в 1915 г. из-за недостатка денежных средств воздерживалось от закупок или закупало наполовину[50]. В отчете правления красноярского кооператива «Самодеятельность» за 1915 г. говорилось, что падение ценности рубля и расстройство транспорта, повлекшее снижение скорости оборота капиталов с 4–6 до 2 раз в год, еще более усугубили проблему «катастрофической нехватки денежных средств»[51]. В Омске в сентябре 1915 г. правление Городского кооператива не выполнило решение общего собрания об открытии двух новых торговых отделений из-за недостатка капитала[52].

Несмотря на то, что паевые капиталы обществ выросли до нескольких тысяч и даже десятков тысяч руб., они не соответствовали торговым оборотам, исчислявшимся сотнями тысяч. В российской кооперации в целом рост паевого капитала отставал от роста торговых оборотов, составляя в 1916 г. лишь 7% от оборотных средств, а в 1918 г. – лишь 4,6%. Относительное уменьшение паевого капитала в обществах подтверждалось размером паевого капитала на одного члена: в 1913 г. на одного члена приходился 21 руб. паевого капитала, в 1916 г. – 17, в 1917 г. – 15 руб.[53] В результате российская кооперация привлекала посторонние средства, по объему в 8–10 раз превышавшие собственные[54].

В сибирской кооперации также происходило постепенное сокращение относительной величины собственных капиталов. По данным В.Н. Махова, в 1915 г. собственные капиталы в городских и рабочих кооперативов

---

[49] Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. Операционный год 3-ий. Томск, 1916. С. 2–3.

[50] Годовой отчет Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях за 1914–1915 гг. Мариинск, б.г. С. 2.

[51] Красноярское общество потребителей «Самодеятельность». Годовой отчет за 1918 год. Б.м., б.г. С. 23-24.

[52] Омский вестник. 1915. 17 (30) сент.

[53] Союз потребителей. 1919. № 1–2. С. 13.

[54] *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002. С. 259.

составляли 57,54%, в 1916 г. – 35,40, в 1917 г. – 28,65% от всех средств, имевшихся в их распоряжении.

Параллельно с этим шел процесс увеличения займов и кредитов, составлявших в 1915 г. 31,51% всех оборотных средств кооперативов, 1916 г. – 57,31, 1917 г. – 65,98%. Коммерческая деятельность кооперативов все в большей степени зависела от банков и банковского товарного и вексельного кредита, доступ к которому в годы войны значительно сократился. Стремясь уберечься от финансового кризиса, потребительская кооперация восполняла дефицит оборотных средств за счет повышения наценок на оптовую цену товаров при розничной продаже. «Здесь коренится зародыш будущего финансового кризиса системы потребительской кооперации, – писал В. Махов, – к которому она начала подходить в 1918 г. и в который полностью вступила в 1919 г. Место, освобождаемое сокращающимся значением долгов третьим лицам (т.е. банковского кредита*), занимают в 1918 г. прибыли и наценки»[55].

Итак, *банковский кредит* являлся важным источником функционирования потребительской кооперации. Он практиковался в виде вексельного кредита под оптовые закупки и товарного кредита.

Основным источником товарного кредита для потребительской кооперации выступал МСПО. В 1915 г. из 100 млн руб. оборотных средств МСПО 30 млн составил банковский кредит и 60 млн – товарный кредит от фирм, производивших необходимые кооперации товары[56]. Товарный кредит (консигнация) представлял собой особую форму продажи товаров, при которой владелец товаров отправлял их посреднику для продажи на определенных условиях с последующей оплатой. Товарный кредит являлся наиболее распространенной формой использования потребительскими кооперативами дополнительных средств и занимал в оборотном капитале городских всесословных обществ более 60%, рабочих – более 90%.

---

* Уточнение автора дис.

[55] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 107.

[56] Там же. С. 264.

Право на товарный кредит давала покупка паев МСПО. Так, новониколаевская «Экономия» и томский «Деятель» после приобретения в МСПО двух паев по 50 руб. получили право пользоваться товарным кредитом на 500 руб. Членами МСПО являлись практически все сибирские кооперативы, в то же время закупки через Московский союз не занимали главного места в их товарообороте.

Крупным событием в кооперативной жизни было создание в марте 1911 г. кредитного центра всех видов кооперации в России – Московского Народного банка (МНБ). До открытия сибирского отделения банка кооперативы поддерживали тесную связь с Новониколаевским комиссионерством МНБ[57]. Председатель открывшегося в Новониколаевске в 1916 г. отделения МНБ А. Витте отмечал, что их проценты ниже, чем в частных банках, и вся деятельность «направлена в сторону удовлетворения, учитывая переживаемое время, нужд потребительской кооперации, хотя не забыты также оптовый сбыт и производственный кредит»[58]. Кроме товарного и денежного кредитов МНБ выделял потребительским кооперативам специальный кредит на развитие кооперативного производства[59].

А.В. Меркулов предупреждал, что не надо особенно надеяться на то, что МНБ будет ссужать потребительные общества вследствие их слабой кредитоспособности[60]. Но как отмечал впоследствии Д.И. Голенищев-Кутузов, в Сибири через Новониколаевское отделение было размещено акций МНБ больше, чем в других регионах страны – 12 403 из 40 тыс. акций, за ней шли Московская область с 12 167 акциями, Украина с 4947 акциями, Поволжье с 2645 акциями, Урал и Север с 2286 акциями[61].

---

[57] *Илимский Дм. (Голенищев-Кутузов Д.И.)*. Централизованные областники // Кооперативная жизнь. 1916. № 15–16. С. 729.

[58] Сибирская жизнь. 1916. 27 мая.

[59] Голос Сибирь. 1916. 13 сент.

[60] *Меркулов А.В.* Как организовать и вести потребительное общество. С. 107.

[61] *Илимский Д. (Голенищев-Кутузов Д.И.)*. Московский народный банк в 1917 г. // Союз потребителей. 1918. № 3–4. С. 22–24.

Кооперативы кредитовались также в частных банках и фирмах, у оптовых торговцев, в качестве источников финансирования использовали городские общественные банки, общества взаимного кредита, городские корпорации.

Так, в активах городского общества потребителей в Нарыме первоначально не значились акции МНБ. Находясь «на отшибе», оно вело закупки через томский кооператив «Деятель» и товарищество «Томский кооператор», а средства получало от местного мещанского общества[62]. Томскому «Деятелю» сначала предоставляло ссуды общество взаимного кредита, приобретение впоследствии акций МНБ на 500 руб. дало кооперативу возможность использовать банковский кредит – 100 тыс. руб. товарного и 15 тыс. руб. вексельного[63]. Иркутский «Труженик» вступил в местное общество взаимного кредита с паевым взносом 500 руб., что позволяло ему пользоваться кредитом в этой организации[64].

Барнаульский «Сотрудник» до августа 1916 г. брал денежные ссуды у местного мещанского общества. Вследствие того, что ссуживание обставлялось неприемлемыми условиям, которые ограничивали свободу действий правления, кооператоры обратились в МНБ, где им была предоставлена возможность получения 10 тыс. вексельного и 50 тыс. товарного кредита[65]. Читинский «Трудовой союз» имел паи и кредитовался в МСПО, Областном кооперативном союзе, в обществе взаимного кредита, сберегательной кассе[66].

Иркутский «Кооператор» в 1916 г. имел в МНБ 25 тыс. руб. вексельного и 50 тыс. руб. товарного кредита, паи в обществе взаимного кредита[67]. На 540 руб. приобрел акций МНБ рабочий кооператив «Труд» в Тайге. В МНБ кредитовались потребительные общества Омска, Кургана, Минусинска,

[62] Сибирская жизнь. 1917. 28 февр.
[63] Сибирская жизнь. 1916. 12 мая.
[64] Иркутский кооператор. 1916. № 14–15. С. 15.
[65] Жизнь Алтая. 1915. 5 сент.
[66] Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 23.
[67] Сибирская жизнь. 1917. 22 янв.

Енисейска и других городов. В годы войны потребительные общества получали также ссуды от городских самоуправлений из сумм, выделенных правительством на продовольственное дело.

Получение кредитов затруднялось отсутствием четкой проработки в Нормальном уставе и юридической практике того времени вопроса о *правилах, размерах и гарантиях кредитования* потребительных обществ. О трудностях в получении кредита писало, например, правление томского «Деятеля»: «Трудно найти кредит у местных оптовиков, они встречали с иронией или отпускали в кредит на 15–20 руб.»[68]. Выводы о бесформенности и неясности законодательства в вопросе о гарантиях возвращения ссуды сделал Я. Коцонис на примере кредитной кооперации. Он писал об отсутствии в российской практике начала XX в. имущественного залога, какого-либо четкого механизма и в целом об отсутствии системных механизмов ответственности, которые могли бы использоваться, чтобы брать и возвращать ссуды, что порождало необходимость прямого, произвольного вмешательства извне со стороны государственных институтов[69].

Имея в основном демократический состав членов, потребительные общества являлись в глазах представителей предпринимательских кругов ненадежным рынком для ведения бизнеса. Это подтверждалось, например, итогами обсуждения вопросов охраны торгового кредита на частном совещании крупных торговых фирм и местных банков в Омске в 1914 г. Несмотря на то, что большинство участников признавало развитие кооперативного движения полезным и желательным, полагая, что фабриканту совершенно безразлично, кто будет распределять предметы его производства – крупный торговец или крупный кооператор, вопрос о работе с кооперативами собрание затруднилось решить и оставило открытым[70].

---

[68] Союз потребителей. 1915. № 15. С. 470.

[69] *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России в 1861–1914 гг. / пер. с англ. М., 2006. С. 40, 220, 267.

[70] Союз потребителей. 1914. № 13. С. 386.

Вопрос о гарантиях возвращения кредита, об ответственности членов кооператива по делам общества являлся одним из наиболее сложных для кооперативного законодательства даже в Западной Европе, так как трудно было примирить потребительные общества и кредиторов. В идеале кооператив должен вести дело на собственные средства, т.к. банк не может рисковать средствами вкладчиков, вкладывая их без гарантии возврата. В Нормальном уставе ответственность общества потребителей по долгам ограничивалась принадлежавшим ему движимым и недвижимым имуществом и капиталами (§ 59). Пайщик в случае убытков отвечал только принадлежащим ему паевым капиталом и сверх того ни личной ответственности, ни какому-либо обязательному платежу по делам общества не подвергался (§ 18)[71]. Кредиторы могли предъявлять иски только к кооперативу, а не к его отдельным членам. Если учесть, что большинство членов кооперации являлись держателями одного–двух паев, то ясно, что это не могло быть гарантией возврата несравнимо больших по объему заимствованных кооперативами денежных средств.

Наглядным отражением ситуации служит пример кооператива в Кургане. В 1915 г. тобольским губернатором было утверждено постановление Курганской городской думы о разрешении потребительному обществу кредита в городском общественном банке в размере 20 тыс. руб. Однако банк потребовал список членов с указанием их имущественной состоятельности. Правление дало разъяснение, в котором говорилось, что имущественная состоятельность членов общества потребителей (торговых и железнодорожных рабочих и служащих), не может являться гарантией возвращения кредита: «Нужны иные формы гарантии кредита, так как поиски имущественной состоятельности отдельных членов потребительного общества могут свестись к похоронам самого вопроса о кредите»[72].

[71] Нормальный устав потребительных обществ… С. 80, 84.
[72] Союз потребителей. 1915. № 21. С. 677.

Так как для получения ссуды или кредита в городском общественном банке необходимо было согласие банка и постановление городской думы, утвержденное губернатором, то вопрос о гарантиях мог быть остро поставлен в плоскости не только экономической, но и политической. Так, после истории с закрытием барнаульского кооператива «Труженики» томский губернатор приостановил решение городской думы о кредитовании его преемника – барнаульского кооператива «Сотрудник» из-за сомнения в политической благонадежности руководителей[73].

Примером решения вопроса о кредитовании являлось дело по выдаче ссуды Городскому обществу потребителей в Омске. Омское общество потребителей, стремясь усилить оборотные средства, в ноябре 1915 г. подало властям ходатайство о кредите, которое не было удовлетворено. Вскоре, 3 мая 1916 г. на заседании городской думы было рассмотрено очередное ходатайство кооператива о ссуде. Как подошло городское общественное самоуправление к решению вопроса о гарантиях ее возврата?

Для определения кредитоспособности кооператива были изучены его деятельность и отчеты. В докладе гласных указывалось, что общество потребителей не является замкнутой организацией, магазины и пекарня обслуживают не только пайщиков, но всех желающих на одинаковых условиях, существует постановление общего собрания о распределении прибыли на заборный рубль между всеми покупателями, операции идут успешно и общество играет значительную роль в деле понижения цен на продукты первой необходимости[74].

В докладе председателя городской продовольственной комиссии В.И. Пантелеева указывалось на успешную деятельность кооператива по распределению через свои лавки с небольшой наценкой заготовленных комиссией продуктов первой необходимости, подчеркивалось, что кооператив не имеет достаточных оборотных средств для борьбы с

[73] Союз потребителей. 1916. № 6. С. 222.
[74] ИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

повышением цен на дефицитные товары, в то время как состояние его счетов на 1 марта 1916 г. позволяет кредитоваться не менее чем на 10 тыс. руб. Гласный Г.П. Дроздов отметил, что общество придерживалось правила продажи за наличные, что могло считаться надежной гарантией своевременного возврата ссуды и уплаты процентов.

Признав необходимость оказания финансовой помощи обществу, которое преследовало аналогичные с городом цели, городская дума наметила для этого два пути: во-первых, вступление в члены-пайщики общества с приобретением 500 паев, во-вторых, выдачу искомой ссуды 10 тыс. руб.

Рассматривая юридическую возможность и условия кредитования, гласные решили проигнорировать § 7 устава об ответственности общества по долговым обязательствам лишь в сумме паевого капитала и вступительной платы, ссылаясь на исключительно важную роль потребительских кооперативов в условиях военного времени. На крайний случай, при невозможности выдать денежную ссуду, был предусмотрен товарный кредит из городских заготовок, т.к. размеры товарного кредита, как установила многолетняя практика, уставом не ограничивались. Несмотря на то, что один из членов городской управы М.В. Скручаев остался при особом мнении – что общество потребителей не может гарантировать возврат ссуды и нельзя идти на риск, предоставляя ему деньги, вопрос был решен положительно. Для наблюдения за использованием полученной ссуды в состав ревизионной комиссии кооператива был введен представитель городской думы Л.Я. Райзер[75].

Таким образом, постановление городской думы Омска являлось примером кредитования потребительного общества на основании норм законодательства с использованием в качестве гарантии обеспечения кредита фактора личного доверия. Личное доверие гласных основывалось на прогнозируемой прибыльности общества и возможности контроля. Такие формы гарантии – личное доверие и так называемая «трудоспособность

[75] ИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–5 об., 11–11 об.

заемщика» – за неимением другого законодательного обеспечения практиковались во всей российской кооперации[76].

Одним из источников денежных средств для потребительской кооперации служила кредитная кооперация. Кредитные кооперативы имели законную возможность ссужать деньгами потребительские организации лишь в том случае, если последние становились их членами[77], что давало практическую заинтересованность в слиянии двух ветвей кооперативного движения. Потребительские и кредитные общества широко практиковали взаимное членство. Так, потребительский кооператив «Трудовая копейка» на станции Иланская Енисейской губернии вступил в члены местного кредитного товарищества и получил от него кредит 2 тыс. руб.[78] В целях увеличения оборотного капитала вступил в члены кредитного товарищества тобольский кооператив «Самосознание»[79]. В Шинявское кредитное товарищество в Томской губернии вступили членами потребительные общества всего района, получая ссуды и пользуясь построенной товариществом мельницей[80].

Для усиления оборотных средств потребительные общества использовали возможность, предоставляемую Нормальным уставом, принимать от населения денежные вклады с обязательством давать на них не менее 6% годовых, что соответствовало учетной банковской ставке. В 1915–1916 гг. в кооперативах проводились кампании по увеличению оборотных средств под лозунгом «сделать все возможное для увеличения паев, привлечения новых членов, увеличения вкладов».

В Омске срочные вклады принимались из 8% годовых, бессрочные – из 7%, в тобольском «Самосознании» – из 5% годовых, в новониколаевской «Экономии» пайщики давали обществу в том числе и беспроцентные

[76] См.: *Мерль Ш.* Кооперативное движение в царской России… С. 75.
[77] Кооперативная жизнь. 1916. № 11–12. С. 561.
[78] Сибирская деревня. 1915. № 1. С. 22.
[79] Сибирский листок. 1916. 19 апр.
[80] Союз потребителей. 1913. № 6. С. 151.

ссуды[81]. В обществе потребителей Минусинска на 1 января 1915 г. 490 членов собрали 10 120 руб. паевого капитала и 9208 руб. вкладов под 6% годовых[82]. В читинском «Экономе» в 1916 г. 2300 пайщиков собрали 22 678 руб. паевого капитала, вкладов от членов на сумму 5955 руб. и прочих лиц – на сумму 1507 руб.[83] Денежные вклады в отличие от паев выдавались вкладчикам по окончанию срока депозита независимо от утверждения годового отчета. По подсчетам А.П. Корелина, вклады и займы составляли около 70% всех средств в сельских, 50% – в городских и 30% – в рабочих кооперативах[84].

Для достижения своей цели – «доставления своим членам различных предметов потребления» – кооперативы производили закупку товаров и продажу их в магазинах, открытых, как правило, для широкой публики. Рочдельское правило продажи товаров по среднерыночной цене было закреплено в § 1 устава – продажа «по возможно дешевой цене или по умеренным рыночным ценам»[85]. Последовательная политика в области *ценообразования* являлась одной из важнейших характеристик значения кооперативов для жизнеобеспечения населения.

И.В. Емельянов указывал, что рочдельское правило продажи по среднерыночным ценам являлось лишь практическим советом и рекомендацией, не имевшей универсального характера. Весь его практический смысл состоял в том, чтобы сохранить финансовую стабильность торгового предприятия[86]. В европейской кооперации господствовала политика среднерыночных цен, способствовавшая наращиванию оборотного капитала[87]. А.Г. Дихтяр отмечал, что российские потребительские кооперативы торговали, как правило, по среднерыночным

[81] Голос Сибири. 1916. 19 авг.
[82] Сибирская деревня. 1915. № 5. С. 18–19.
[83] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 26. Л. 129–130.
[84] *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 236.
[85] Нормальный устав потребительных обществ… С. 78.
[86] *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. С. 195.
[87] *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. С. 164.

ценам, но в некоторых обществах торговля велась по себестоимости с небольшой добавкой, т.е. по ценам ниже среднерыночных[88].

Кооперативная продажная цена составлялась из оптовой цены товара и наценки. Данные о наценках в городских и рабочих кооперативах Сибири в 1914–1916 гг. показывают, что минимальной была наценка в нижнеудинском кооперативе – 7–8%, максимальной – в томском «Деятеле» 27%[89]. Если учесть, что в частной торговле наценка была не ниже 28%, то ясно, что в кооперативах наценка была на более низком уровне. Средняя величина торговых наценок в сибирских городских кооперативах в 1915 г. составляла 19,5%, 1916 г. – 18,0, в 1917 г. – 13,6, в 1918 г. – 16,6%[90].

Данные о кооперативных ценах за 1914–1916 гг. показывают, что они были ниже базарных с разницей до 80%. Открытие потребительских лавок сразу же вызывало понижение цен в частной торговле, но и после этого разница в цене на товары массового спроса составляла от 2 до 20 коп.[91]

Таким образом, в сибирской городской кооперации цены были в большинстве случаев ниже среднерыночных. Принцип низких цен

---

[88] *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 154.

[89] См. сведения из: Отчет по операциям общества потребителей служащих на Сибирской железной дороге за 1901 г. Томск, 1903. С. 9; ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 51. Д. 173. Л. 6; ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 204. Л. 7; Союз потребителей. 1915. № 5. С. 118–119; № 3. С. 15; Ежегодник МСПО. 1914 г. М., 1916. Вып. 4. С. 118; Сибирь. 1917. 24 янв.; Голос Сибири. 1916. 8 сент., 30 нояб., 3 дек.; Омский телеграф. 1916. 3 марта; Сибирская жизнь. 1916. 9 дек.; Утро Сибири. 1916. 28 февр.; Самодеятельность потребителя. 1916. № 3. С. 15; *Плотников Ю.П.* Из истории борьбы красноярских большевиков за легальные опорные пункты партийной работы (рабочий кооператив «Самодеятельность») // Из истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1971. Вып. 3. С. 99. Данные обобщены в кн.: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 247–248.

[90] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 108.

[91] См. сведения из: Протоколы съезда кооперативов Томской губернии 1–4 марта 1915 г. Томск, 1915. С. 15; Голос Сибири. 1916. 21 окт., 16 нояб.; Жизнь Алтая. 1916. 27 авг.; Сибирская жизнь. 1915. 4 дек.; 1916. 25, 29 нояб.; ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 28; Утро Сибири. 1917. 2 февр.; Омский вестник. 1915. 17 сент.; Сибирь. 1917. 24 янв.; Союз потребителей. 1914. № 21–22. С. 653–654; 1915. № 21. С. 677; № 32. С. 1156–1157; № 36. С. 1275; № 5. С. 118–119; 1916. № 3. С. 15; Кооперативная жизнь. 1916. № 19. С. 23; Сибирская жизнь. 1916. 25 нояб.; Сибирская жизнь. 1915. 27 авг.; Иркутский кооператор. 1916. № 5. С. 24; Голос Сибири. 1916. 22 дек.; Вестник кооперации. 1916. № 7. С. 89. Данные обобщены в кн.: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 242–244.

дополнялся скидкой на цену товаров, продаваемых в кредит муниципальным учреждениям[92]. В целях борьбы со спекулятивным подъемом цен кооперативы сознательно ограничивались умеренной прибылью, выступая регулятором цен на местном рынке[93]. Торговля по ценам ниже среднерыночных применялась как особая мера самопомощи в условиях военного времени, когда принцип торговли по среднерыночным ценам отторгался массовым кооперативным сознанием. Характерна реакция пайщиков на повышение цен в конце 1915 г. в кооперативе Ачинска: «Кооперативы не должны торговать обязательно дешевле среднерыночных цен, но это положение относится к мирному времени, а не к настоящему, когда потребитель вот-вот закричит: "Караул, ребята!"»[94].

Возникало противоречие между потребителями, которые хотели купить подешевле, и правлением, которое преследовало коммерческую выгоду, обеспечивая финансовую устойчивость кооператива. Разрешение этого противоречия лежало на путях расширения и укрепления кооперативных организаций, повышения эффективности торгово-закупочной деятельности. Как отметил один из членов новониколаевской «Экономии», подписавшийся «Старый железнодорожник»: «Если продукты в «Экономии» дешевле, чем в частных или бюрократических лавках, таких как железнодорожный продовольственный комитет, то это достигается путем упорной, кропотливой кооперативной самодеятельности, и напрасно некоторые кидаются в потребительскую лавку и не вступают в члены»[95].

Порядок распределения прибыли. Вопрос о кооперативной прибыли являлся одним из основных в определении кооперативной идентичности. И.В. Емельянов называл проблему экономической природы дивидендов, выплачиваемых на паи в кооперативах рочдельского образца центральной и

[92] ГАТО. Ф. 96. Оп. 7. Д. 86. Л. 6.
[93] См.: Кооперативное слово. 1916. № 4. С. 11; Степной край. 1916. 4 февр.
[94] Сибирская жизнь. 1915. 6 дек.
[95] Голос Сибири. 1916. 22 дек.

ключевой[96]. Он доказал, что в кооперативах, обслуживавших только своих членов, кооперативный доход являлся не капиталистической прибылью, а формой окончательного расчета с клиентами. Но с расширением круга покупателей за счет посторонних возникали возможности для предпринимательской капиталистической прибыли[97].

Кооператоры начала XX в. различали эти явления. Так, красноярские кооператоры отмечали, что прибыль в потребительном обществе образуется из двух источников: от переплат членов и переплат посторонних покупателей. Первую часть они называли сбережением, прибыль же от постороннего покупателя считали «барышом»[98]. Осознание необходимости различных подходов к учету и распределению этих двух источников кооперативной прибыли не сразу внедрилось в российскую кооперативную практику.

Вопрос о прибыли обсуждался на Первом кооперативном съезде в апреле 1908 г. в Москве. Заседание с докладом по этому вопросу В.Н. Зельгейма выделялось «наибольшим оживлением и страстностью»[99]. Основные положения доклада сводились к тому, что пайщики имеют право только на свои сбережения, и присваивать себе переплаты не-членов кооперативы не должны, иначе кооперация превратится в торгашество. Но и после съезда многие общества продолжали по-прежнему удерживать прибыль от посторонних.

Чтобы порядок распределения прибыли стимулировал активное участие пайщиков в процессе паенакопления, покупательскую активность и вовлечение новых членов, принципиальное значение имело соотношение двух ее частей – 1) поощряющей денежные вложения в кооперацию (дивиденд на паевой рубль), 2) поощряющей активное участие в хозяйственной деятельности общества (премия на закупки товаров, «на

[96] *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. С. 90.

[97] Там же. С. 90–97.

[98] Самодеятельность потребителя. 1917. № 1–2. С. 23.

[99] *Семенов С.* Работа потребительской секции // Союз потребителей. 1908. № 17. С. 322.

заборный рубль»). Первая – усиливала кооператив (дивиденд причислялся к паям, увеличивая паевой капитал), вторая – покупательную способность членов (премию на забор пайщики обращали в новые покупки).

Устав (§ 55–57) при распределении прибыли рекомендовал поощрять потребителя, прежде всего, как заборщика товаров, а не акционера-вкладчика. Вознаграждать забор, а не пай. На пай начислять лишь рыночный процент. На основании положений устава и теоретических разработок кооперативных деятелей предлагалась следующая схема распределения прибыли в кооперативах:

– 10% – в запасной капитал, пока не накопится запасной капитал, равный паевому,

– в дивиденд на паи начислять не 10%, разрешенные уставом, а 5–6%, стремясь к понижению этой нормы,

– 15% – на кооперативную пропаганду, в просветительский фонд,

– 10% – на вознаграждение членам правления, если они работают бесплатно,

– остальное разделить между членами пропорционально суммам их покупок, но часть, причитающуюся не-членам, отчислить в какой-либо общеполезный фонд или причислить к их будущим паям.

– прибыль, распределенную между членами, на руки лучше всего не выдавать, а причислять, насколько это возможно, к паевым взносам[100].

Такое распределение прибыли оставляло в кооперативах без всяких жертв со стороны членов денежные средства, в которых кооперативы крайне нуждались, и также без всяких жертв со стороны посторонних покупателей предоставляло последним возможность формировать паи и становиться членами потребительного общества.

Данные о распределении прибыли в сибирских кооперативах позволяют сделать вывод о том, что оно в целом соответствовало этим требованиям. Все общества производили обязательные отчисления 10% от прибыли в запасной

[100] *Меркулов А.В.* Как организовать и вести потребительное общество… С. 93.

капитал, делали отчисления в фонды приобретения недвижимого имущества, оплаты труда и материальной поддержки служащих, вознаграждения правления, на культурные и благотворительные цели.

Процент премии на забор составлял 1–2%, редко 3%, дивиденд колебался от 0,9% до 6–8%, не достигая разрешенных уставом 10%. Наиболее часто встречавшийся размер дивиденда составлял 6%, что соответствовало текущей банковской учетной ставке. Процент премии на закупки устанавливался ниже, чем процент дивиденда, но в денежном выражении сумма премии на забор превосходила сумму дивидендов[101].

Например, в красноярской «Самодеятельности» в 1915 г. по решению общего собрания 10% из прибыли, равной 2931 руб., отчислили в запасной капитал, что составило 254 руб., 6% начислили на каждый рубль полного пая, что составило 172 руб., 1% – на заборный рубль членам (517 руб.), 1% – на заборный рубль посторонним (505 руб.), 100 руб. – в неделимый капитал, остальное – на культурные и благотворительные цели[102].

В период войны наметилась тенденция уменьшения всех видов выплат из прибыли в целях сохранения финансовой жизнеспособности и социального развития кооперативной организации. На основании решений общих собраний причитающиеся пайщикам выплаты полностью или

---

[101] См. сведения из: Отчет Тобольского общества потребителей «Труженик» за 1911 г. Тобольск, 1912. С. 33; Годовой отчет Общества потребителей служащих и рабочих на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона за 1911 г. Томск, 1912. С. 34; Голос Оби. 1912. 5 мая; Сибирская деревня. 1915. № 14–15. С. 43; 1916. № 9–10. С. 31; Бухгалтерский отчет и пояснительная записка за 1917 г. Общество потребителей «Самодеятельность» г. Красноярска. Красноярск, 1918. С. 35; ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 173. Л. 6 [Протокол общего собрания членов общества потребителей «Труд» Самусьского затона г. Томска от 26 февраля 1917 г.]; Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 22; Голос Сибири. 1916. 8 сент.; Объединение. 1915. № 7. С. 13–14; Сибирская жизнь. 1915. 24 окт.; Союз потребителей. 1915. № 12. С. 354; ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, л. Б. Л. 29; Союз потребителей. 1915. № 5. С. 119; ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 204. Л. 7; Омский телеграф. 1916. 24 мая; Омский телеграф. 1916. 1 июня; ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Л. 17, 23. Сведения обобщены в кн.: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 252-256.

[102] Сибирская деревня. 1915. № 14–15. С. 43; 1916. № 9–10. С. 31; Бухгалтерский отчет и пояснительная записка за 1917 г. Общество потребителей «Самодеятельность» г. Красноярска. Красноярск, 1918. С. 35.

частично не выдавались на руки, оставлялись «в деле»[103]. Очевидно, что на это влияла обстановка военного времени, заставлявшая кооперативы идти по пути максимального накопления средств для торговых операций. Прекращение выплат не убавляло привлекательности потребительской кооперации в глазах населения в условиях роста цен и бестоварья, когда экономическое преимущество потребительных обществ определялось не высотой дивиденда, а фактом наличия в них продуктов первой необходимости.

Важным вопросом при распределении прибыли являлось распоряжение той ее частью, которая поступала от обслуживания посторонних покупателей, т.к. с ними потребительные общества совершали более половины товарооборота[104].

В Сибири традиции обращения с этой частью прибыли были заложены еще в 1912 г. барнаульским кооперативом «Труженики», в котором прибыль от посторонних не делилась между членами, а зачислялась в культурный фонд[105]. Впоследствии так же поступало большинство обществ. Сумма прибыли, поступавшая от продажи товаров не-членам, учитывалась и по решению общих собраний на руки не выдавалась, а отчислялась в культурные фонды или поступала на формирования паев потенциальных членов, что отражало требования § 55 и § 57 Нормального устава. Для того чтобы практически осуществлять учет закупок членов и посторонних, вводились специальные талоны, как например, в кооперативах Новониколаевска, Томска, Омска, Барнаула, Тобольска[106].

---

[103] Кооперативное слово. 1916. № 5. С. 3.

[104] *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 154; *Кистанов Я.А.* Потребительская кооперация в СССР (Исторический очерк). М., 1951. С. 11.

[105] Ежегодник МСПО. М., 1912. Вып. 2. С. 84.

[106] Сибирская жизнь. 1915. 30 апр.; Жизнь Алтая. 1916. 15 янв.; Голос Сибири. 1916. 18 авг.

Таким образом, кооперативные рочдельские принципы распределения прибыли преимущественно пропорционально закупкам, оплаты паев небольшим процентом, отказ от присвоения прибыли, получаемой от посторонних, отчетливо прослеживались в практике городских и рабочих потребительских кооперативов Сибири. Тем самым сознательно преодолевались тенденции псевдокооперативного вырождения и превращения кооператива в результате операций с внешней клиентурой в капиталистическое предприятие.

Эффективность хозяйственной деятельности. В теории кооперативная организация была совершеннее частнокапиталистической фирмы. Потребительное общество имело определенный круг покупателей-пайщиков, потребности которых были более или менее известны и однородны. Преимущество давало соблюдение рочдельских принципов (верный вес, верная мера, доброкачественность товара, среднерыночные цены, продажа за наличные, правильное распределение прибыли). Уровень издержек в кооперативной торговле был ниже, чем в частной. Торговые расходы первичных кооперативов в системе МСПО составили в 1912 г. 11,5% с оборота, а в частнокапиталистической торговле колебались по отдельным видам товаров от 2,8 до 68%[107].

Однако это не лишало риска предпринимательскую деятельность кооператива, зависящую от величины капитала и умения организовать дело. Высоко оценивая эффективность экономической деятельности городской потребительской кооперации в Сибири, В.Н. Махов писал, что представляя ничтожную величину по числу имеющихся кооперативов, она давала совершенно иную картину по величине своих оборотов, по своему хозяйственному размаху, по числу объединяемых членов и по постановке кооперативного дела: «Как общее правило надо признать, что городские и рабочие кооперативы были гораздо более мощные, чем даже крупнейшие

[107] *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. С. 154.

сельские потребительные общества»[108]. Городские кооперативы, имевшие рынок «под боком», отличались лучшей организацией своих рабочих аппаратов, их более отчетливой и быстрой работой, они быстрее оборачивали капитал и держали вне оборота очень незначительное количество средств.

В 1917–1918 гг. с появлением карликовых обществ качественный уровень их рабочих аппаратов понизился, обороты замедлились, на балансах стало больше удерживаться средств, находящихся в бездействии, в результате чего городские общества потребителей довольно близко подошли в отношении делового качества их аппаратов к уровню мало инициативных сельских потребительских кооперативов. Очевидно, что значительную роль в снижении качественного уровня городских потребительных обществ играли общие условия товарного рынка: товарный голод, расстройство транспорта[109].

Главной статьей расходов и в сельских, и в городских кооперативах являлась оплата труда служебного персонала. В городских и рабочих обществах больше, чем в сельских, производились расходы на культурные цели, оплату налогов, упаковочного материала и т.п. «Это являлось, – писал В.Н. Махов, – естественным выводом из характера городских и рабочих кооперативов как таких хозяйственных механизмов, которые были организованы лучше, чем сельские общества потребителей, а равно и выводом из большей величины их оборотов»[110]. Он отмечал, что торговые обороты городских и рабочих потребительных обществ намного превосходили обороты сельской кооперации, и предполагал, что «незначительные по числу своему городские и рабочие кооперативы участвовали в общем торговом обороте сибирской потребительской

[108] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 102.
[109] Там же. С. 102–105.
[110] Там же. С. 110.

кооперации не менее, чем в размере 30%»[111]. Общий товарооборот сибирской потребительской кооперации к 1917 г. превышал 20 млн руб.[112]

Недостатки в деятельности городских и рабочих кооперативов сводились к тем же чертам, что и в отсталой деревенской кооперации (нехватка оборотных средств, специальных торговых знаний и навыков, слабая бухгалтерия, отсутствие планомерной и целесообразной закупки товаров и их хранения, зависимость от местного рынка, злоупотребления со стороны служащих), но в городах как центрах деловой и культурной жизни было больше возможностей для их преодоления.

Рассмотрев узловые характеристики деятельности потребительных обществ на основе Нормального устава, необходимо отметить, что он вызывал различные оценки специалистов. Одни считали, что требования устава, составленные для стомиллионного населения, живущего в разных экономических и культурных условиях, отставали от требований местной жизни[113], что у потребительской кооперации, которая действует на основе самообеспечения, не требуя от государства поддержки, ресурсов, благ, а только свободы действий, Нормальный устав отбирал главное – «автономность и независимость в средствах»[114].

В целом же признавалось, что, несмотря на недостатки, Нормальный устав 1897 г. давал возможность в достаточной мере широко применять рочдельские принципы[115]. Проект нового устава, выработанный в недрах МВД в предвоенные годы, получил гораздо более негативную оценку кооперативного сообщества. Подчинение потребительской кооперации МВД

---

[111] Там же. С. 105. Данные подтверждаются нашими подсчетами в Приложении 4. С. 490.

[112] Известия Общества потребителей Забайкальской железной дороги. 1917.№ 2. С. 11.

[113] *Войцеховский С.Ф.* Кооперативное законодательство. М., 1912. С. 57.

[114] *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. С. 164.

[115] *Меркулов А.В.* Исторический очерк развития потребительской кооперации в России. М., 1917. С. 52; *Файн Л.Е.* Российская кооперация. С. 256.

кооператоры вообще считали «фактом глубоко прискорбным, который в течение долгого ряда лет имел тяжкое влияние на ее развитие»[116].

В новом уставе усиливался усмотрительно-разрешительный порядок и зависимость потребительных обществ от местных властей, исчезло право на культурную деятельность, требовалось губернаторское утверждение решения общества о распределении прибылей т.п. Новый устав, «через все параграфы которого красною нитью проходило стремление сузить, сократить, лишить одухотворяющего начала, отдать под надзор», мог нанести потребительской кооперации «тяжелый, если не смертельный удар»[117].

За годы войны отношение правительства к кооперации, прежде всего потребительской, изменилось на «явно благожелательное», приветствовалась ее «крупная роль в борьбе с дороговизной»[118]. По постановлению Совета министров потребительская кооперация была передана в конце 1915 г. из ведения МВД в ведение Министерства торговли и промышленности, находившееся под управлением князя В.Н. Шаховского, который был намерен принять меры к реорганизации кооперативного дела в России. Вместо прежнего концессионного порядка учреждения предполагалось установить явочный порядок регистрации потребительных обществ и их союзов в уездных земских управах и губернаторских канцеляриях. При министерстве планировалось учредить Комитет по делам потребительных обществ. Идеи Шаховского обсуждались и были одобрены на заседании Совета министров 10 июля 1915 г.[119]

Реакция на эти планы была неоднозначной. Кооперативные идеологи увидели грозившие кооперативному движению гораздо бóльшие, чем раньше, надзор, регламентацию и опеку[120]. Кроме тщательного наблюдения

---

[116] Вестник кооперации. 1915. № 7. С. 37.

[117] *Меркулов А.В.* Чем грозит потребительской кооперации проект нового Нормального устава // Вестник кооперации. 1911. № 1. С. 21, 31.

[118] Правительственный вестник. 1916. № 73; Кооперативная жизнь. 1916. № 13–14. С. 665; Сибирская жизнь. 1916. 25 апр.

[119] *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение… С. 301.

[120] Вестник кооперации. 1915. № 7. С. 39.

со стороны нового органа они опасались предлагавшегося широкого финансирования потребительской кооперации, как в случае с кредитной, и указывали, что «потребительное общество – довольно сложное и связанное с немалым риском дело, могущее быть успешным лишь при сплоченности и подлинной самодеятельности членов»[121].

В то же время специфика российской кооперации, испытывавшей постоянный дефицит капиталов, оставляла поле для дискуссии по этому вопросу. В докладе Первому кооперативному съезду в 1908 г. В.Ф. Тотомианц говорил: «Бюрократия, оставьте нас в покое!», – и призывал кооператоров отказаться от государственного финансирования, которое могло превратить кооперативы в казенное попечительство о бедных. Ему возражал кооператор и экономист эсер А.А. Николаев, считавший, что трудовой народ имеет право на то, чтобы правительство оказывало ему путем законодательства и путем экономической политики всяческую поддержку»[122].

Несмотря на происшедшие в годы войны благоприятные перемены в отношении правительства к кооперации, законодательство осталось прежним. Оно не стало свободней, но и не воплотились более негативные сценарии.

Итак, в городских и рабочих потребительных обществах дореволюционного периода, несмотря на то, что они действовали в противоречивых и сложных административно-правовых и социально-экономических условиях, были ясно различимы основные черты кооперативной идентичности. Нормы законодательства и Нормальный устав в целом являлись реальной основой практической реализации рочдельских принципов добровольности, общедоступности и автономности. Это проявлялось в возможности осознанного, в целом свободного, массового

[121] Вестник кооперации. 1915. № 7. С. 41.

[122] См. основной доклад В.Ф. Тотомианца в кн.: Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений в Москве 16–21 апреля 1908 г. / Труды, изданные Бюро Московского союза потребительных обществ. М., 1908.; *Николаев А.А.* Теория и практика кооперативного движения. М., 1909. Т. 2. С. 208.

вступления населения в кооперативы, организации эффективной торговой деятельности, правильном распределении прибыли.

О соответствии сибирской городской кооперации основным критериям потребительных обществ рочдельского типа как некоммерческих организаций, рассчитанных на самопомощь, а не на извлечение прибыли, свидетельствовали невысокие паевые взносы (3–10 руб.) и размеры дивидендов (0,9–8% на паевой рубль). Наиболее распространенный размер дивиденда составлял 6%, что не превышало текущую банковскую учетную ставку. Подавляющее число кооператоров владели одним–двумя паями. Распределение прибыли происходило преимущественно пропорционально активному участию в операциях кооператива – по закупкам товаров. В годы войны усилилась тенденция отчисления прибыли от посторонних и части дивидендов пайщиков на общественные и культурные цели. Общества постепенно отказывались от торговли в кредит, одновременно организуя систему кредита для групп малообеспеченных пайщиков. Наценки при розничной торговле колебались от 7% до 27%, что позволяло конкурировать с частной торговлей и устанавливать цены в большинстве случаев ниже среднерыночных. Принцип низких цен дополнялся скидкой на цену товаров, продаваемых в кредит муниципальным учреждениям.

Существенным изъяном дореволюционного права являлось отсутствие явочного порядка открытия и судебного порядка закрытия потребительных обществ, возможность административного произвола. Действовали известные ограничения членства в отношении отдельных категорий граждан – учащихся, военных, железнодорожников, служащих правительственных учреждений, политических ссыльных. Наименьшую правовую обеспеченность получили вопросы, связанные с налогообложением и порядком привлечения кооперативами дополнительных финансовых средств в городских общественных и частных банках. Кредитование городских кооперативов происходило в основном через Московский Народный банк и кредитные кооперативные союзы. Отличительная черта кооперативов

заключалась в незначительности собственных капиталов и отсутствии финансовой самодостаточности.

3.2. Развитие кооперативной демократии и самодеятельности пайщиков

«Основная черта всякой кооперативной организации – самодеятельность и автономность», – подчеркивали кооперативные идеологи[123]. Не случайно первый номер журнала «Союз потребителей» в январе 1903 г. открывался программной статьей И.Х. Озерова, где освещались «двоякого рода выгоды от кооперации – экономические и духовные», а затем прямо заявлялось, что кооперация – прежде всего «школа общественной жизни». В кооперативе, по мнению автора, люди группировались около общего дела, учились совместно действовать, думать, привыкать к уважению мнения противника, что было очень важно, особенно при бедной российской общественности[124]. Я. Коцонис указывал на то, что кооперативы были важны не своей многочисленностью, а тем, что они стояли в ряду немногих пореформенных институтов, сознательно создававшихся для вовлечения в совместную работу представителей всех сословий[125].

Как практически реализовывались кооперативные принципы самодеятельности и демократического самоуправления?

Внутренний механизм функционирования потребительской кооперации, обеспечивающий ее способность к самоорганизации, самодеятельности и саморегулированию нашел выражение в рочдельских правилах верховенства общего собрания, коллегиальности управления выборными органами, равноправного голосования пайщиков, независимо от числа паев, безусловного нейтралитета кооператива в политических и религиозных вопросах. Эти принципы закреплялись в статьях двух разделов Нормального

---

[123] *Шапиро И.А.* Для чего потребительным обществам объединяться в союзы. Пг., 1915. С. 24.

[124] Значение кооперации в экономической и общественной жизни // Кооперация: страницы истории / под ред. Н.К. Фигуровской: в 3 т. М., 1998. Т. 1, кн. 2. С. 336.

[125] *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. С. 32.

устава: 1) «об управлении делами общества», 2) «правах и обязанностях его правления». Содержание статей позволяло выстроить организационную структуру потребительного общества и реализовать ее главную функцию – обеспечение координации и контроля.

Основой функционирования потребительных обществ являлось коллективное руководство его деятельностью, осуществлявшееся действительными членами на *общих собраниях* (§ 25 устава). Общие собрания подразделялись на текущие, отчетные и чрезвычайные. Возможностью созыва чрезвычайного собрания (группой не менее 1/10 всех членов) обеспечивалось право каждого пайщика принимать участие в делах своего общества. С другой стороны, на пайщиков устав возлагал определенное бремя ответственности за судьбу общества пунктом о том, что никто из членов не вправе без особо уважительных причин отказываться от исполнения возлагаемых на него общим собранием обязанностей (§ 27, примечание).

Самым первым собранием являлось организационное или учредительное. На годовых собраниях заслушивались отчеты, избирались руководящие органы, распределялась прибыль, утверждались сметы. На обычных (текущих) общих собраниях разрешались все вопросы, связанные с финансами, организацией закупочной, торговой, производственной и культурной деятельности, приобретением недвижимости.

О месте и времени каждого собрания правление кооператива обязывалось согласно § 30 устава заранее доводить до сведения начальника местной полиции. К рассмотрению на собрании относились только те вопросы, которые заранее были определены повесткой по предложению правления, ревизионной комиссии, отдельных членов, губернатора или министра внутренних дел. Содержание и выполнение повестки строго контролировалось местной полицейской властью, исключавшей из обсуждения вопросы, выходящие за рамки уставных задач[126].

[126] Союз потребителей. 1917. № 1. С. 29–30; Голос Сибири. 1916. 8 сент.

Характерной чертой общих собраний сибирских потребительных обществ был низкий процент посещаемости их пайщиками. Как правило, в уставах было записано, что для законности собрания необходимо наличие 1/5 или 2/5 всех членов общества. Требование относилось только к членам, проживавшим в месте нахождения правления общества, так как в состав городских кооперативов обычно входило определенное количество иногородних и сельских жителей.

За неимением кворума собрание теряло законную силу и немногие собравшиеся ограничивались проведением частного совещания. Согласно § 32 устава через неделю после несостоявшегося общего собрания назначалось повторное собрание, считавшееся законным при любом количестве членов, но поднимались на нем только те вопросы, которые не получили обсуждения в первый раз. Принципиальные вопросы об исключении членов из общества, расширении коммерческих операций, увеличении или уменьшении оборотного капитала, внесении изменений и дополнений в устав и ликвидации дел требовали не только обязательного наличия кворума, но и большинства – 2/3 при голосовании вместо простого большинства, как при решении всех прочих вопросов (§ 31). В случае равенства голосов принималось мнение, с которым соглашался председатель общества.

Данные о посещаемости и правомочности общих собраний, обобщенные в таблице (*Приложение 5. С. 489),* представляют картину известного кооперативного абсентеизма. Почти половина из созванных в 1912–1916 гг. в 14 сибирских городских кооперативах 75 общих собраний не состоялась из-за отсутствия кворума. Как правило, в начале деятельности кооператива общие собрания посещались активно, затем пайщики начинали «проявлять индифферентность», «забывали» о кооперативе.

Характерным примером затруднений, которое испытывало правление, не имевшее возможности получить законное решение общего собрания по

неотложным вопросам, является случай из деятельности кооператива «Экономия» в Новониколаевске. 11 сентября 1916 г. на общее собрание собралось всего 40 из более чем тысячи членов общества. Председатель общества В.Р. Романов предложил провести частное совещание и обсудить вопрос об открытии пекарни. Докладчик ознакомил собравшихся с вопросом об организации пекарни, поднимавшимся уже не раз. Особую остроту он принял в момент проведения собрания, так как появилась возможность выгодно приобрести оборудованную пекарню с запасом инвентаря и сырья из-за призыва на военную службу ее владельца. В.Р. Романов осветил вопрос о финансовом положении общества, указав на возможность приобрести пекарню в рассрочку. Некоторые члены высказали опасения, что можно не найти рабочих, муки и сахара, другие предлагали купить только пекарню без кондитерской или начать свое дело с маленькой печки. Ответные возражения сводились к тому, что маленькое предприятие не приведет к удовлетворению спроса и снижению цен на хлеб, а при правильной постановке дела рабочие найдутся, в том числе среди военнопленных. Указывалось, что кооперативы пользовались предпочтительным правом на получение сахара по сравнению с частными торговцами. Поскольку вопрос подвергся всестороннему обсуждению и требовал безотлагательного решения, участники совещания приняли следующую резолюцию: «Совещательное собрание членов общества потребителей "Экономия" принимает принципиальное решение об открытии пекарни-кондитерской и поручает правлению изыскать средства для приобретения таковой и доложить общему собранию для окончательного решения».

Состоявшееся через неделю 18 сентября общее собрание открылось при 48 собравшихся уже как законное при любом количестве присутствующих и дало официальное разрешение правлению на приобретение пекарни. После этого правление новониколаевской «Экономии» подало ходатайство в губернскую администрацию об изменении § 31 устава. Общее собрание стало считаться законным при наличии не 2/5, а 1/5 членов, причем если кворума

не оказывалось, то собрание открывалось через час после назначенного времени при любом составе и считалось законным[127]. Практика повторных собраний закончилась.

Признаками правильного ведения общего собрания являлись законность, самоуправление, равноправие, демократизм, компетентность, гласность. Для их достижения требовалось соблюдение регламента, строгое выполнение организационных процедур, направленных на то, чтобы вызвать сознательное и заинтересованное отношение аудитории к решению вопросов. Собрания состояли из обязательных элементов: заслушивание и обсуждение повестки, докладов, текущих вопросов, вынесение решений.

Правление общества потребителей «Самодеятельность» в Красноярске, например, отмечало, что залог успешной деятельности в том, что каждый член общества принимал «действенное участие в общей работе, вносил свои предложения, разбирал, критиковал, оценивал проекты правления»[128]. Придавая исключительную важность деятельности общих собраний в развитии самодеятельности пайщиков, правление «Самодеятельности» разработало специальную инструкцию по их проведению, содержащую 21 параграф.

Общее собрание начиналось под руководством председателя правления, затем для руководства непосредственной работой собрания избирали рабочий президиум. После утверждения повестки по указанным в ней вопросам выступали заранее подготовленные докладчики, некоторые вопросы готовили специально созданные комиссии. Обсуждения (прения) вовлекали в работу всех участников собрания. В отчетах о собраниях, опубликованных в периодической печати, часто сообщалось о возникновении на них «бурных прений», «оживленных обсуждений», «оживленных дебатов», «страстных прений», «горячих споров»,

[127] Голос Сибири. 1916. 13, 20, 28 сент.
[128] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 7.

«заинтересованного отношения», «шумных аплодисментов», «шумных рукоплесканий».

Кооперативы проводили от 2 до 12 общих собраний в год. Учредительные, годичные отчетные и чрезвычайные общие собрания в отличие от текущих привлекали больше членов, отличались более дискуссионным характером проведения, были «многолюдными», «бурными», длились по нескольку часов, заканчиваясь далеко за полночь.

Голосование на общих собраниях было равным независимо от числа паев, но право голоса предоставлялось только действительным членам общества, т.е. тем, кто оплатил хотя бы один паевой взнос. Неполнопайщики права голоса не имели, если в отношении них не было принято специальное решение. Например, кооператоры иркутского «Труженика» на одном из общих собраний в 1916 г., учитывая ухудшение экономического положения членов, в целях развития демократии наделили неполнопайщиков правом голоса досрочно[129].

Для того чтобы у членов сложилось четкое понимание сущности принимаемого решения, резолюции по обсуждаемым вопросам расчленялись на отдельные непротиворечивые смысловые блоки, которые ставились на голосование поочередно. По важным вопросам давалось не только сообщение докладчика, но и заключение ревизионной комиссии, так как согласованная солидарность правления и ревизионной комиссии являлась для пайщиков самым высоким авторитетом. Ход и постановления общего собрания фиксировались в протокольной форме в специальном журнале, протокол по окончании собрания зачитывался вслух и подписывался председателем собрания, секретарем и всеми присутствовавшими членами правления. Сохранившиеся в значительном количестве протоколы показывают, что в целом формальные требования, предъявляемые к проведению и документированию общих собраний, соблюдались.

[129] Иркутский кооператор. 1916. № 14–15. С. 15.

Примером значимости коллективного обсуждения вопросов является общее собрание членов общества потребителей «Экономия» в Новониколаевске 31 января 1916 г. Первым вопросом повестки, обозначенным как «текущие дела», явился важный вопрос об увеличении размера паевого взноса, который по непонятным причинам не был отражен в повестке по существу. Правление внесло предложение об увеличении паевого взноса с 3 до 5 руб. и вступительного взноса – с 50 коп. до 1 руб. После обсуждения на голосование были поставлены три резолюции:

1. «Собрание находит эту меру необходимой, но предлагает правлению поставить этот вопрос на рассмотрение ближайшего собрания, разослав членам повестки с указанием вопроса о повышении пая».

2. «Увеличить паевой взнос до 5 руб. и вступительный до 1 руб.».

3. «Ни в коем случае паевых и вступительных взносов не увеличивать, предложив собравшимся и всем членам общества для усиления его оборотных средств доводить число купленных паев до разрешенных уставом 10 паев».

При голосовании первая резолюция получила «за» 23 голоса, вторая – 47, третья – 29. Таким образом, собрание небольшим перевесом голосов (47 из 91) постановило увеличить пай до 5 руб. и вступительную плату до 1 руб. и подать ходатайство в администрацию о соответствующем изменении § 13 устава кооператива.

После довыборов членов правления и ревизионной комиссии и доклада о положении дел в обществе собрание объявили закрытым в 7 час. вечера. Протокол подписали председатель и секретарь собрания, три члена правления и три члена общества[130].

Это, казалось бы, рядовое собрание имело для общества ощутимые последствия. В течение последующих двух лет пай в «Экономии» повышался еще три раза. В результате в 1918 г. из состава членов свыше 12 тыс. чел. только около 6,5 тыс. имели возможность оплатить полный пай в 25 руб. Это

[130] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 42 об.–44.

означало, что только половина общества представляла собой полноправных членов, которые имели право решающего голоса на собраниях, право покупки товаров и получения установленных скидок. Кроме того, каждый раз с повышением пая приходилось вносить соответствующие изменения в устав. Более правильной являлась концепция паенакопления, при которой сохранялось номинальное значение пая, но увеличивалось число обязательных для оплаты паев при установлении полноправного членства, начиная с одного оплаченного пая.

На такое решение, способствовавшее сохранению и увеличению количества полноправных членов потребительного общества и не требовавшее изменения устава, указал «Экономии» в 1918 г. инструктор Закупсбыта Б.И. Чернавин. Он отмечал, что вынесение одного из кардинальных уставных пунктов на решение общего собрания без предварительного включения в повестку и выбор наименее дальновидного решения свидетельствовали о недостаточной проработке правлением и общим собранием 31 января 1916 г. вопроса о стратегии паенакопления[131]. Правление должно было провести более тщательную подготовку этого вопроса путем создания специальной комиссии для его изучения, и выносить его на общее собрание только с предварительным оповещением членов общества о содержании повестки.

Если общее собрание являлось высшим органом потребительного общества, то исполнительным органом являлось *правление*, которое осуществляло непосредственное руководство делами при помощи штата служащих. По уставу правление избиралось сроком на три года в составе не менее трех членов (§ 36). На практике перевыборы происходили по мере необходимости, с делегированием руководящих полномочий обычно 5–9, в красноярской «Самодеятельности» – 17 лицам.

[131] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 327. Л. 90.

Правление распоряжалось всеми делами и капиталами общества и выполняло широкий круг обязанностей, определявшихся в §§ 42–47. Общее собрание избирало также контролирующий орган – *ревизионную комиссию*, которая наблюдала за законностью действий правления, соблюдением устава, исполнением решений общих собраний, проверяла ведение делопроизводства, счетоводства и отчетности, давала заключения по годовым отчетам, балансам и сметам.

Успех деятельности кооперативной организации во многом зависел от удачно избранного кооперативного актива. В глазах избирателей общественный авторитет кандидатов, их социальный и имущественный статус, опыт управленческой и распорядительной работы свидетельствовали о наличии способностей к руководству кооперативом – осуществлению учета потребностей пайщиков, постановке целей и задач торгово-закупочной деятельности, анализу рынка, ведению коммерческих операций, сопряженных с финансовыми рисками и требующих расчета, дальновидности, осторожности, волевых и ответственных решений.

В рабочих кооперативах, состав которых был практически однородным, в правление входили те же рабочие, может быть, и отличавшиеся от основной массы образованием и имущественным положением, но не настолько, чтобы представлять отдельный социальный слой. Во многих рабочих кооперативах в управляющие органы входили ссыльные и представители интеллигенции как наиболее грамотные и склонные к общественной работе. Так, в тайгинском «Труде» в правлении работали «исключительно рабочие»: «Дни за работой в мастерской, вечера, иногда далее полуночи, в потребиловке за ворохом деловых бумаг и обсуждений»[132].

Во всесословных городских кооперативах в состав руководящих органов избирались преимущественно служащие, чиновники и лица свободных профессий. Так, в обществе потребителей «Деятель» в Томске председателем правления в 1913 г. был избран отставной губернский секретарь

[132] Голос Сибири. 1916. 3 дек.

К.А. Лоскутов, в 1914 г. – статский советник И.В. Богомолов, в 1915 г. – чиновник П.Ю. Терру, в 1916 г. – известный сибирский этнограф и общественный деятель, заведующий статистикой Томского округа путей сообщения В.И. Анучин. В состав правления и ревизионной комиссии в 1913 г. вошли чиновники и служащие из крестьян и мещан, учителя, редактор журнала.

Несмотря на то, что в составе городских обществ находилась значительная прослойка рабочих, особенно железнодорожных, и малообеспеченных горожан, они не были пропорционально представлены в органах управления. Например, на одном из собраний «Экономии» в Новониколаевске 24 января 1916 г. поступило предложение избрать в члены правления представителей рабочих. Так в него вошел рабочий Васильев (инициалы которого даже не попали в протокол), что существенного влияния на состав правления не оказало[133].

Вместе с тем, наличие образования, социального статуса и опыта управленческой деятельности не являлось гарантией успешного выполнения избранными кандидатами функций кооперативных руководителей. В ответах на вопрос анкеты, распространенной правлением томского «Деятеля» среди кооператоров Томской губернии, о препятствиях для нормального развития на ее территории потребительской кооперации, в числе прочего указывалось на «чересчур большую осторожность членов правления обществ в расширении торгового дела, отсутствие в большинстве случаев торгового навыка»[134].

Как и во всякой общественной организации, члены правления работали в кооперативе в свободное от своих основных занятий время, получая по решению общего собрания определенную ежемесячную оплату или вознаграждение из прибылей общества в конце года (§ 41). Интенсивность их труда и самоотдача была высокой. В 1915 г., например, руководители

[133] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 39.

[134] *Сандулов В.И.* Потребительская кооперация в Томской губернии // Союз потребителей. 1915. № 17–18. С. 541.

«Деятеля» провели более 80 только зарегистрированных заседаний правления: «все досуги отдельных членов правления проходили в помещениях общества»[135].

Правления обществ потребителей являлись по-настоящему рабочими органами. Но по мере развития потребительских кооперативов личный характер управления все более вступал в противоречие с потребностями профессионализации и специализации в области кооперативной работы. Введение оплаты для наиболее ответственных должностей переводило членов правления в статус управляющих с общераспорядительными функциями. На должности с высоким уровнем компетентности (бухгалтера, казначея и заведующего торговлей), требующие специальных знаний, кооперативы стали приглашать профессионалов[136].

Жизнедеятельность потребительских кооперативов в большой степени зависела от *активности членского участия.* Характерным для потребительных обществ являлся вывод, сделанный в 1912 г. в отчетном докладе правлением кооператива «Труженик» в Тобольске: «Со стороны членов всякое содействие отсутствует»[137]. О пассивном отношении пайщиков к кооперации писал один из членов кооператива «Деятель» в Томске. Он отметил «равнодушие и нежелание» у лиц прежде всего «интеллигентных профессий и чиновников», по сравнению с рабочими, в том числе и в вопросах оплаты пая[138].

В городах наблюдалось меньше спаянности социума из-за разрушения в результате урбанизации «местного», «соседского» принципа, свойственного общественной жизни деревни. По данным анкетирования, проведенного правлением томского «Деятеля», в качестве причин, задерживавших развитие

---

[135] Томское Общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. Операционный год 3-ий. Томск, 1916. С. 5.

[136] Подробнее: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 284–286.

[137] Отчет общества потребителей «Труженик» в г. Тобольске. 3-ий год. Тобольск, 1912. С. 33.

[138] *К-шин В.* Томское общество потребителей «Деятель» // Союз потребителей. 1915. № 15. С. 471–472.

кооперации, на первое место были поставлены «инертность членов, особенно заметная во всесословных городских обществах, малое знакомство членов с принципами кооперации, желание извлечь как можно больше выгод из кооператива, а ему ничего не дать»[139].

Для привлечения пайщиков к участию в деятельности кооператива создавались *общественные комиссии*, как например, в томском «Деятеле». Комиссии имели право выхода на заседания правления и общие собрания со своими разработками по вопросам «материальных и духовных запросов пайщиков, оказания помощи органам правительственной власти по преодолению бедствий военного времени, помощи беженцам, заготовке дров, устройству второй пекарни, организации поставок товаров от производителя, лекций на кооперативные темы» и др.[140]

В новониколаевской «Экономии» в мае 1912 г., барнаульском обществе потребителей «Сотрудник» в январе 1916 г. и Городском обществе потребителей Омска в мае 1916 г. среди членов распространяли опросные листы для выяснения размеров заработка, статей расхода семейного бюджета, предпочтений в организации досуга и развлечений, участия в жизни общества, пожеланиях и предложениях относительно его деятельности[141]. Подобное анкетирование, а также заведение «Книг жалоб и предложений» для осуществления «обратной связи» с пайщиками и потребителями существовали и в других кооперативах.

По мере увеличения числа торговых отделений кооператоры нашли такую форму развития кооперативной самодеятельности членов как *порайонные комитеты* для наблюдения за работой лавок (чистота, вежливость, единые цены, контроль за распределением дефицитных продуктов). В конце 1916 г. порайонные комитеты были образованы

---

[139] *Сандулов В.И.* Потребительская кооперация в Томской губернии // Союз потребителей. 1915. № 17–18. С. 540.

[140] Сибирская жизнь. 1915. 16 окт.

[141] Жизнь Алтая. 1916. 15 янв.; Омский телеграф. 1916. 3 марта, 3, 18, 27 мая.

в Томском «Деятеле», Новониколаевской «Экономии», кооперативах Красноярска, Иркутска и др.[142]

К участию в кооперации всемерно привлекались женщины. На одном из заседаний «Деятеля» обсуждался вопрос об организации женской кооперативной лиги, где они занимали бы все ответственные должности[143]. Более высокий уровень грамотности и культуры горожанок и прямая заинтересованность в организации потребления обусловили их пребывание в кооперативах в качестве членов и кооперативных работников. Они работали в кооперативной столовой в Чите, в Новониколаевске среди 558 членов «Экономии» в 1912 г. было 22 женщины (4%), среди 158 членов в городском кооперативе «Сбережение» в Колывани в 1915 г. насчитывалось восемь женщин[144]. Женщины работали в составе правлений и культурных комиссий в кооперативах Красноярска, Томска, Тобольска, Омска и др. В действительности доля женщин в кооперативах, по-видимому, была выше, чем позволяют судить находящиеся в нашем распоряжении сведения.

На примере отдельных обществ потребителей проследим *процесс социальной самоорганизации и демократического самоуправления.*

История всесословного городского общества потребителей «Экономия» в *Новониколаевске* началась в мае 1912 г. согласованной, полной энтузиазма работой, присущей новому общественному делу. Многолюдные общие собрания, привлекавшие по сто и более членов, были посвящены обсуждению не только торговой деятельности, но и планов организации библиотеки, книжного магазина, школы для взрослых, кооперативного союза. Однако в ноябре 1912 г. появились признаки разлада в управляющих органах, Ю.Я. Конисский покинул пост председателя[145].

В финансовом отчете за 1913 г. настораживал небольшой дефицит, вызвавший дискуссию о финансовом положении кооператива. Правление

[142] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 29; Голос Сибири. 1916. 7 дек.

[143] Голос Сибири. 1916. 13 дек.

[144] Обская жизнь. 1912. 31 окт.; Голос Сибири. 1916. 18 авг.; ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 94. Л. 4.

[145] Алтайское дело. 1912. 27 нояб.

обязалось закончить год с возмещением убытка и даже с прибылью и небольшими дивидендами, но проблема кооператива была обозначена. Несвоевременная оплата паев приводила к недостаточному накоплению оборотных средств. В то время как на открытие мясной торговли правление просило сдавать дополнительные 1–2 руб., за членами числился долг по оплате паев в размере 700 руб., что приравнивалось к смете по мясной лавке.

В 1914 г. обратили внимание на уменьшение численного состава общества, «падение интереса, безразличие» со стороны членов. Изменилось соотношение между размером продаж членам и посторонним: если в 1913 г. на один рубль покупки членом приходилось 55 коп. покупки посторонним, то в 1914 г. – уже 1 р. 27 к. [146] В целях расширения круга покупателей кооператив стал продавать служащим ряда учреждений – почты, телеграфа и т.п. – товары в кредит. Это привело к тому, что часть средств не возвращалась в оборотные капиталы, превращаясь в задолженности.

На общем собрании по итогам 1914 г. говорилось о бесхозяйственности правления, неумелом подборе сотрудников, хаосе в счетоводстве и делопроизводстве[147]. Руководители общества объясняли, что для выведения кооператива на путь дивиденда число покупателей необходимо увеличить вдвое, а достигнуть этого можно лишь при активном участии самих членов.

Но в 1915 г. активность членского состава не повысилась. Общие собрания открывались как вторичные при наличии двух десятков участников из почти тысячного состава[148]. Однако общий экономический результат деятельности правления был положительным. Избранному в 1915 г. новому правлению во главе с председателем В.Р. Романовым удалось закончить 1915 г. без убытков, с небольшой прибылью[149].

В сентябре 1916 г. состав правления снова обновился. После покупки собственной пекарни возникли проекты организации мыловаренного

---

[146] Алтайское дело. 1914. 18 июня.

[147] *Юдин Н.* Недостаток средств // Объединение. 1916. № 14. С. 18.

[148] См., например: ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 30–31 об. [Протокол общего собрания общества потребителей «Экономия» г. Новониколаевска от 11 июля 1915 г.].

[149] Там же. Л. 35 об.

производства. Во время обсуждения этого вопроса на общем собрании один из его участников высказал сомнение в успехе этого предприятия при столь пассивном отношении членов общества к делам кооператива[150]. Планы мыловаренного производства «Экономия» не осуществила из-за нехватки средств и трудностей с приобретением сырья, но начали работать обувная мастерская и кондитерский цех.

Экономический кризис в обществе был преодолен, и хотя в конце 1916 г. последовал новый, популярность и значение «Экономии» в социально-экономической жизни Новониколаевска значительно возросли в результате эффективной деятельности кооператива по снабжению населения важнейшими продуктами в условиях продовольственного кризиса. На общем собрании членов «Экономии» 27 ноября 1916 г. наблюдалась совсем другая картина, чем год назад. Оно было объявлено «выдающимся как по количеству, так и по составу присутствовавших». В отчете о собрании, опубликованном в газете «Голос Сибири», говорилось: «Зал был полон публики, явились новые лица, выступали не только присяжные ораторы, но и ораторы из народа. Было также значительное количество женщин»[151].

Председатель правления «Экономии» В.Р. Романов доложил собранию, что с перенесением центрального магазина на Новониколаевский проспект началась оживленная торговля, за покупками приходили члены, которые до этого магазины общества не посещали. В 1916 г. в общество вступило наибольшее число членов – примерно 1/5 от численного состава 1297 чел., торговые обороты выросли в 2–2,5 раза. Правление поделилось планами восстановления кооперативной торговли в Закаменке, о чем давно ходатайствовали малообеспеченные жители этой городской окраины. После обсуждения текущих торговых дел собрание ознакомилось с докладом об организации в обществе культурного отдела, вызвавшим «оживленный обмен мнениями». Один из бывших членов правления «Экономии»

[150] Голос Сибири. 1916. 28 сент.
[151] Голос Сибири. 1916. 29 нояб.

предоставил для организации Закаменского отделения беспроцентную ссуду и выделил помещение в своем доме для библиотеки. Этот кооперативный работник, и раньше выручавший общество ссудами, мотивировал свое спонсорство «желанием содействовать делу кооперации и просвещения окраинной бедноты в память о погибшем на войне сыне»[152].

Таким образом, в истории потребительного общества «Экономия» в Новониколаевске выделялись первое в 1912 г. и последнее в 1916 г. собрания, отмеченные активным и заинтересованным участием пайщиков и их сплоченностью на основе общих интересов, между которыми лежала полоса тяжелых кризисов, преодоленных под руководством постоянно обновляемого состава правления.

История городского всесословного общества потребителей «Деятель» в *Томске* была отмечена значительными противоречиями и конфликтами между пайщиками, правлением и ревизионной комиссией. Со времени своего возникновения в 1913 г. кооператив превратился в крупную торговую организацию, имел семь торговых отделений и успешно работавшую пекарню. В 1913–1915 гг. обороты ежегодно увеличивались, превысив в 1916 г. 200 тыс. руб. Однако функционирование общества постоянно осложнялось дефицитом оборотных средств и нехваткой квалифицированных кадров. Отсутствие опыта торгово-закупочной деятельности у работавшего на общественных началах правления приводили к недостатку контроля над деятельностью торговых отделений и их штата, кражам и недостачам. В ноябре 1916 г. в канцелярию томского губернатора поступила анонимная жалоба на систематические растраты в кооперативе.

Недостаток оборотных средств в «Деятеле» являлся следствием незначительности паевого капитала, длительного невыполнения решения общего собрания о кредитовании в МНБ, широкой практики продажи в кредит, от которой отказались только в 1915 г., неудачных разорительных

[152] Голос Сибири. 1916. 3 дек.

операций по снабжению товарами сельских потребительных обществ, которые «Деятель» производил до создания районного союза «Томский кооператор». Закупая товары у местных оптовых фирм на тех же условиях, что и частные торговцы, кооператив с трудом удерживал цены на уровне среднерыночных. Эпизодическая прибыль от операций в 1914–1916 гг. шла на погашение убытков[153].

Равнодушное и пассивное отношение рядовых членов к кооперативной работе сменялось приливами интереса лишь в периоды отчетных компаний. Так, общее собрание 23 апреля 1915 г. с представлением и обсуждением отчета правления за 1914 г. привлекло значительное количество членов, оставив, по мнению присутствовавших, «отрадное впечатление» и отличившись «серьезным и самым внимательным отношением к делу»[154].

Констатируя факт быстрого и успешного развития кооператива, члены общества в то же время на общих собраниях и в периодической печати подвергали деятельность правления серьезной критике. «Между правлением и членами нашего общества нет никаких связующих нитей, – писал один из кооператоров в журнал «Союз потребителей». – Правление живет какой-то своей особой "начальственной" жизнью, а рядовые члены – своими будничными интересами». Это не значит, что последние не интересуются делами общества, не тянутся к кооперативному образованию. Но «господам членам правления» некогда заниматься такими «утопическими» вопросами, у них есть дела гораздо «важнее и серьезнее»: они заняты борьбой с ревизионной комиссией и служащими. «Не лезь не в свое дело, мы лучше знаем» или «Когда будете членами правления, тогда и заводите свои порядки» отвечали они, предлагая приходящим на заседания правления

[153] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 1–9 [Отчет общества потребителей «Деятель» за 1913 г.]; Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 год. Томск, 1916. С. 1–44.

[154] Сибирская жизнь. 1915. 25 апр.

членам общества «не обременять» их своими речами. Такие ненормальные взаимоотношения парализовали всякую инициативу[155].

Описание проблем кооперативного самоуправления в обществе потребителей «Деятель» автор завершил призывами к правлению не отгораживаться от членов, открыть самые широкие двери для желающих участвовать в его заседаниях. Пусть даже иной оратор «обременит» правление своей речью, но это «школа», где каждый кооператор учится представлять свои предложения кратко и ясно[156].

Ряд столкновений правления с ревизионной комиссией и служащими побудили членов ревизионной комиссии требовать созыва чрезвычайного общего собрания, которое состоялось 13 сентября 1915 г. в помещении городской управы в присутствии 87 членов из 426. Повестка включала семь вопросов, одним из которых был вопрос о праве членов общества присутствовать на заседаниях правления с совещательным голосом. На собрании конфликт правления и ревизионной комиссии проявился в полной мере. Ревизионная комиссия добивалась права на участие в более широком круге деятельности, присутствия на всех заседаниях правления в духе инструкции МСПО от 27 октября 1913 г. Правление же считало, что со стороны некоторых членов ревизионной комиссии проявлялись злоупотребления своим правом совещательного голоса и ораторскими способностями. Их стремление настаивать на своем мнении «создавало путаницу и мешало работе», и правление желало бы видеть подобных членов ревизионной комиссии на своих заседаниях только по приглашению. По теме высказались 14 ораторов. Дискуссия о правах членов ревизионной комиссии была отмечена явным конфликтом личностей: в ревизионной комиссии состояли политически активные Д.И. Голенищев-Кутузов и П.Н. Стечкин, правление возглавлял чиновник П.Ю. Терру.

---

[155] Михайлов В. Из жизни Томского общества потребителей «Деятель» // Союз потребителей. 1915. № 31. С. 1115–1116.

[156] Там же. С. 1118.

Каждая из сторон представила на голосование свои варианты резолюций. В чем состояла суть конфликта? Устав предоставлял членам общества право присутствия на заседаниях правления с совещательным голосом только после принятия решения об этом на общем собрании (§ 48). В отношении присутствия членов ревизионной комиссии устав не высказывался. Ее деятельности был посвящен только один § 53, дававший очень широкие полномочия по проверке деятельности правления, но ничего не говоривший конкретно о праве присутствия на его заседаниях. Ознаменовалось окончание споров принятием резолюции оппозиционной правлению группы во главе с Д.И. Голенищевым-Кутузовым. Резолюция разрешала присутствовать с правом совещательного голоса членам ревизионной комиссии на всех заседаниях правления, а членам общества и служащим – на открытых заседаниях правления[157].

Критика правления продолжилась на состоявшемся 1 мая 1916 г. частном совещании в присутствии около 100 членов под председательством В.И. Анучина. «Оживленные прения» разгорелись по вопросу о борьбе кооператива с дороговизной. Ораторы указывали на «дефекты» в работе правления, «бессилие в установлении более или менее сносных цен». Речи докладчиков с призывами были встречены «шумными аплодисментами»[158].

На отчетном годовом собрании 8 мая 1916 г. под председательством В.И. Анучина в присутствии 150 членов приводились цифры быстрого роста членского состава и оборотов «Деятеля» в 1915 г. «Результаты работы правления, может быть и неумелой, вылились, однако, в нечто реальное», – подчеркивалось в отчете правления за 1915 г.[159] Но выступившая с заключением по годовому отчету ревизионная комиссия дала обстоятельный разбор деятельности руководства, акцентируя внимание на огромных, превышающих паевой капитал «безнадежных» долгах. Общее собрание

[157] Протокол общего собрания от 13 сентября 1915 г. // Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 25–26.

[158] Объединение. 1916. № 10. С. 18; Сибирская жизнь. 1916. 5 мая.

[159] Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 5.

установило, что приведенные ревизионной комиссией цифры дефицита верны, и утвердило их. Деятельность правления в очередной раз была подвергнута всесторонней критике в произведших большое впечатление на собравшихся выступлениях В.И. Анучина, Н.С. Васильева, Е.В. Захарова, А.Ф. Иванова и др.

В их докладах рисовалась «безотрадная картина существования общества, близкого к чрезвычайному собранию по ликвидации», «общества почти умиравшего». Отмечалось, что правление «бесцеремонно обращалось с подотчетными суммами», не сделало ни одной попытки понижения цен, которые в целом были не ниже рыночных. В то время как правление две трети своего времени уделяло обслуживанию сельских кооперативов, дела в городских лавках шли из рук вон плохо. Они содержалась в антисанитарном состоянии, служащие недобросовестно относились к своим обязанностям, были замечены в грубом поведении и пьянстве. Правление не сумело установить конструктивных отношений с городской продовольственной комиссией. Отгородившись от общества, правление совершенно не интересовалось, как члены общества живут, на общих собраниях оно не давало исчерпывающих ответов на волновавшие пайщиков вопросы[160].

Социал-демократ большевистского направления А.Ф. Иванов рассмотрел деятельность правления с точки зрения социальных задач кооперации и охарактеризовал ее как чуждую кооперативным задачам. Правление обвинялось не в каких-либо сознательных злоупотреблениях, а в «недостаточно общественном и кооперативном воспитании», следовании принципам частных предпринимателей. «Если торговые операции общества ведутся так, что оно бессильно сгладить остроту дороговизны, то какой смысл существования самого кооператива? Организован он не для того, чтобы получать дивиденды. Задача общества – облегчить борьбу за существование», – таковы были основные тезисы выступавшего[161].

[160] Союз потребителей. 1915. № 31. С. 1117; Утро Сибири. 1916. 5, 12 мая, 24 июля.
[161] Сибирская жизнь. 1916. 12 мая.

Ораторы один за другим выдвигали вопрос о доверии к правлению. Прения продолжались четыре часа. Речи отдельных членов правления успеха не имели, так как не содержали комплексных и согласованных ответов на высказанные претензии. Большинством голосов против одного и девяти воздержавшихся собрание постановило утвердить тщательно проверенный ревизионной комиссией финансовый отчет, считать объяснения правления неудовлетворительными, вынести ему за допущенные в работе «дефекты», порицание, и предложить будущему правлению выяснить конкретных лиц, виновных в этих дефектах[162]. Как ни жестока была критика правления, собрание не могло не принять во внимание крайне тяжелые условия его работы: ограниченность в средствах, бестоварье и хаотичность рынка, срыв поставок торговыми фирмами-конкурентами, недоброжелательное поведение городского самоуправления[163].

Итогом противостояния членов общества и его руководителей явилось вынесение правлению общим собранием по итогам 1915 г. недоверие, в результате чего члены правления сложили с себя полномочия, а П.Ю. Терру покинул пост председателя. В новый состав правления избрали В.И. Анучина (97 голосов), А.Ф. Иванова (94), Н.С. Васильева (91), Д.И. Голенищева-Кутузова (78) и др.

Драматическая напряженность работы общего собрания выявила большую степень вовлеченности его участников в достижение консенсуса. Несмотря на полную конфликтов внутреннюю жизнь, «Деятель» продолжал успешно развиваться и 1917 г. закончил с небывалой прибылью. После утверждения отчета за 1916 г. на общем собрании 28 мая 1917 г. был обновлен состав правления и сформирована специальная комиссия по расследованию деятельности прежнего руководства[164].

---

[162] Там же.

[163] Там же.

[164] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Л. 29, 51 [Отчет Общества потребителей «Деятель» в г. Томске за 1916 г.].

В 1916 г. разгорелся конфликт в руководстве общества потребителей «Сотрудник» в *Барнауле*. Начав деятельность во второй половине 1915 г., «Сотрудник» превратился в один из крупнейших городских кооперативов Сибири, объединив в своих рядах к февралю 1916 г. 2500, а к июлю – 3315 членов.

В правлении «Сотрудника» состояли представители преимущественно обеспеченных слоев населения. С первых дней существования общество бесплатно пользовалось предоставленным барнаульским кредитным товариществом помещением, а также денежными ссудами и известным покровительством отдельных лиц из городской продовольственной комиссии. Правление не вело культурной работы, случайное пожертвование на нее составило всего 8 руб. На общие собрания редко приходило более ста членов. Газета «Голос Сибири» с присущих ей социал-демократических позиций осуждала деятельность руководства «Сотрудника» за «делячество» – «деловой», «коммерческий» подход к кооперативной работе в ущерб «общественной стороне»: правление «чуждалось идейных принципов» и опиралось на сплоченную группу в 15–20 чел., объединившуюся на платформе «деловой работы». При этом были справедливо подмечены проблемы кооператива, связанные с групповщиной в управлении, отсутствием самодеятельности пайщиков, демократизма и гласности во внутренней жизни[165].

На общем собрании «Сотрудника» 5 июля 1916 г. в присутствии более 100 членов обсуждался доклад о текущем положении дел в кооперативе. Несмотря на впечатляющие цифры экономического роста, на собрании прозвучала критика в адрес руководителей. После того, как один из членов общества А.В. Спекторский поинтересовался, какой процент забора товаров приходился на членов, и выяснилось, что подобные подсчеты не проводились, собрание указало правлению на необходимость организации системы учета того, в какой мере кооператив обслуживает пайщиков и

[165] Голос Сибири. 1916. 21 сент.

посторонних, т.к. это упиралось в вопрос о правильном распределении прибыли. Затем обсуждался вопрос о некомпетентных действиях членов правления при закупке муки и строительстве новой Нагорной лавки, испорченных отношениях с городской продовольственной комиссией.

Одним из центральных в повестке был пункт «об открытии дверей». 24 марта этот вопрос уже обсуждался на общем собрании, которое решило: двери заседания правлений закрыты до специального решения об этом общего собрания. Взгляды большинства членов правления сводились к тому, что кооперативные руководители достаточно подготовлены и в помощи рядовых пайщиков не нуждаются, посторонние лица будут только мешать их деятельности, особенно при обсуждении вопросов, содержащих коммерческую тайну.

На текущем собрании доклад по этому вопросу представил имевший особое мнение член правления Н.К. Колобов, который считал закрытые двери заседаний правления мерой некооперативной и недемократичной. Его выступление было поддержано А.В. Спекторским, который дал исчерпывающую критику политики закрытых дверей, после чего общее собрание единодушно приняло резолюцию о допущении на заседания правления с правом совещательного голоса как членов общества, так и служащих[166].

На общем собрании 10 июля 1916 г. в состав правления избрали меньшевика А.В. Спекторского, А.Н. Новикова и Селезнева, которые называли себя представителями демократических слоев населения. Но обновленный состав правления проработал всего три недели. На заседании правления 1 июля 1916 г. при выяснении причин недостачи товаров в магазинах «Сотрудника» А.В. Спекторский и его группа предложили обследовать всю деятельность управляющих органов кооператива. Получив отпор большинства, они заявили о выходе из состава правления и намерении представить на ближайшем общем собрании свои «уничтожающие

[166] Жизнь Алтая. 1916. 5 июля.

разоблачения»[167]. В своем заявлении оппозиционеры писали, что вышли из состава правления, так как составляли там численное меньшинство и не хотели отвечать за политику, проводимую кооперативными деятелями, зависящими от «милости кредиторов» из торговых и административных кругов[168].

Состоявшееся 14 августа общее собрание «Сотрудника» привлекло значительное число участников и отличалось «бурным характером» благодаря выступлениям покинувших правление членов и их единомышленников. Особого накала атмосфера противостояния достигла во время выступления А.В. Спекторского. Сущность его речи сводилась к тому, что «демократическое меньшинство» в правлении ни в одном вопросе не могло найти контакта с остальными членами правления. Общество потребителей «Сотрудник» основано не на кооперативных основаниях, а на «благоволении американских дядюшек» из кредитного товарищества и других организаций, которые могут дать ему средства, могут отнять их в любую минуту. А.В. Спекторский критиковал правление, состоящее из представителей имущих классов, за некооперативный подход к делу и торгашеский уклон деятельности. Поводом и объективной основой для обструкции являлось неустойчивое финансовое положение кооператива и ряд провалов в коммерческой деятельности.

После его выступления возникли продолжительные прения, носившие «бурный и отвлеченный» характер, после чего Спекторский, Новиков и Селезнев покинули собрание под знаки одобрения. Вместо них в правление были избраны другие лица[169].

Вышедшие из правления не собирались сдаваться. На общем собрании «Сотрудника» 30 октября 1916 г. группа А.В. Спекторского была, по мнению присутствовавших, «госпожой положения». Из доклада правления о текущих делах выяснилось, что совершавший полумиллионные обороты кооператив

[167] Жизнь Алтая. 1916. 4 авг.
[168] Голос Сибири. 1916. 21 сент.
[169] Жизнь Алтая. 1916. 17 авг.; Голос Сибири. 1916. 20 авг.

заканчивал год с большим убытком. Доклад правления подвергся исчерпывающей критике, которая разделялась подавляющим большинством участников собрания. Много говорилось о беспорядочном состоянии финансовой отчетности. В первую очередь указывалось на тот факт, что правление представило три цифровых отчета, противоречивших друг другу и вводивших членов общества в заблуждение относительно реального финансового положения кооператива. Более того, говорилось о «неудовлетворительном финансовом состоянии "Сотрудника", ведущем его к гибели».

Правление обвинялось в нарушении норм устава, невыполнении решений общих собраний. Оно плохо ориентировалось в ситуации продовольственного кризиса и не наладило взаимовыгодных отношений с городской продовольственной комиссией. В результате общество, преследуя лишь интересы коммерческой выгоды, неудовлетворительно выполняло первоочередные задачи снабжения продуктами первой необходимости своих членов и населения города[170].

Перейдя на личности, оппозиционеры обвинили члена правления Д.К. Михалева в том, что он держался за место председателя правления кооператива только потому, чтобы избежать призыва в действующую армию. Член правления Н.В. Григорьев служил в пароходстве Мельниковой и, работая в правлении «Сотрудника», соблюдал интересы своей хозяйки.

Закончились выступления оппозиции призывами А.В. Спекторского к членам правления «Уйдите!» и к участникам собрания – «Общество в опасности! Спасайте общество от правления!». Принятая большинством голосов резолюция подводила итоги по основным пунктам критики деятельности правления. Кроме того, была избрана комиссия с приглашением специалиста-эксперта из Алтайского союза кооперативов для проверки всех счетов общества[171].

[170] Голос Сибири. 1916. 6 нояб.
[171] Жизнь Алтая. 1916. 1 нояб.

После этого знаменательного общего собрания, закончившегося назначением ревизии дел общества, в местной газете «Жизнь Алтая» было опубликовано по крайней мере три письма, как с выражением моральной поддержки раскритикованному правлению, так и с признанием справедливости заявлений группы Спекторского[172].

Полная конфликтов внутренняя жизнь была характерна и для городского кооператива в *Мариинске* Томской губернии. Причины этого в известной степени коренились в неоднородном социальном составе общества и чрезмерном увлечении обслуживанием сельских потребительных обществ в ущерб городским потребителям. В начальный период деятельности среди членов кооператива сложилась группа купцов и торговцев – его явных недоброжелателей и прямых конкурентов, которые постоянно выражали свое недовольство деятельностью правления, используя мариинскую и томскую прессу, обращаясь с заявлениями в администрацию, где, в частности, указывали на присутствие в правлении поднадзорных лиц и на то, что без ведома остальных членов общества часть денег расходовалась «на пропаганду».

По предложению томского губернатора, в 1913–1916 гг. было проведено три чрезвычайных общих собрания членов мариинского кооператива, на которых разбирались жалобы недоброжелателей, проверялась правильность отчетов руководства за предыдущие годы. Правление сумело отвести от себя все обвинения и обеспечить поддержку членов общества, добившись исключения из кооператива нескольких купцов.

Однако страсти не улеглись. «Нечто уродливое происходит сейчас в нашем обществе потребителей. Выяснилось крайне запутанное материальное положение общества, убыточность всех его предприятий, огромная задолженность и другие недостатки. Со всей остротой встал вопрос о его дальнейшем существовании», – писали члены мариинского кооператива в

[172] Жизнь Алтая. 1916. 2, 3, 6 нояб.

июне 1916 г. в газету «Сибирская жизнь»[173]. Когда финансовый упадок стал очевиден, правление обратилось за поддержкой в Мариинское торгово-промышленное товарищество кооперативов, совместно с которым выработало систему мер по спасению общества.

Одним из проявлений кризиса общества явились волнения служащих. Весной 1916 г. они обратились в правление с просьбой о прибавке жалованья в связи с растущей дороговизной. На очередном общем собрании было решено удовлетворить их просьбу, однако правление отказалось выполнять это постановление, ссылаясь на тяжелое финансовое положение. Служащие прекратили работу и 25 мая подали заявление, в котором объясняли мотивы своего ухода из общества[174]. Вскоре в правление общества поступило «Заявление 54-х», в котором члены общества требовали выполнения постановления общего собрания от 17 апреля 1916 г. об увеличении жалованья служащим в связи с дороговизной.

О кризисных явлениях свидетельствовало также публичное обращение членов общества к правлению с открытым письмом, опубликованном 23 декабря 1915 г. в газете «Утро Сибири». В письме указывалось на серьезные недостатки в работе руководства. «Обществу грозит опасность от правления, – писали пайщики. – Всю работу оно сосредоточило в своих руках, не допускает к ней никого, к общим собраниям обращается только за кредитом да разрешением возникших споров и еще ни разу не предоставило требуемых уставом исчерпывающих отчетов о своей деятельности, ограничиваясь лишь балансом, в котором большинство ничего не понимает»[175].

Претензии, предъявляемые правлению, сводились к следующим актуальным для членов общества вопросам. Почему в 1915 г. «ходили по рукам» два разных баланса, откуда взялись слухи о подложном балансе? Верно ли, что общество потребителей убыточно и прибыль выведена в

[173] Сибирская жизнь. 1916. 23 июня.
[174] Сибирская жизнь. 1916. 23 июня.
[175] Утро Сибири. 1915. 23 дек.

балансе фиктивно? Почему общество терпит убытки? Ведь торговля ведется по ценам частных торговцев, а иногда и дороже, а торговцы за 1914 г. хорошо нажились. Может быть, штат слишком велик или производятся лишние расходы? Чем вызвано закрытие пекарни и почему она давала убыток? Не от того ли, что штат ее служащих был раздут, дела велись безобразно, а теперь она перешла к бывшему владельцу и дела идут хорошо? Запасной капитал действительно израсходован или хранится в Государственном банке в процентных бумагах? Какое отношение к делам общества имеют частые поездки одного из членов правления, и за чей счет он ездит? Принимаются ли служащие с залогом, как это положено с точки зрения финансовой безопасности общества? Всегда ли выгодно приобретаются товары или случаются неоправданные переплаты? Почему частные торговцы выгодно закупили в Новониколаевске вагоны соли, а общество – нет?

Открытое письмо, указывавшее на факты некомпетентности и бесконтрольности правления, заканчивалось требованием созыва чрезвычайного общего собрания для обсуждения указанных вопросов. Письмо подписали 40 из 300 членов общества, что составляло чуть более 1/10 членского состава. С учетом того, что 100 членов не проживали в Мариинске, эти 40 подписантов как раз составляли 1/5 часть от 200 членов, постоянно живущих в городе, т.е. необходимый кворум.

Видимо, требования членов общества были небезосновательны, потому что правление так и не представило ревизионной комиссии и общему собранию отчет и баланс за 1915 г., что являлось нарушением устава и прямо говорило о неблагополучии в кооперативе. На состоявшемся в сентябре 1916 г. многолюдном общем собрании решили полностью сменить состав правления и обязать новых руководителей на следующем общем собрании представить к обсуждению отчет за 1915 г. и смету на 1916 г., а также рассмотреть «Заявление 54-х»[176].

[176] Сибирская жизнь. 1916. 25 сент.

Особенностью кризисной ситуации в обществе потребителей Мариинска являлось то, что она вышла за его пределы. Не полагаясь на внутренний механизм регулирования, обе стороны обращались за поддержкой к авторитетным структурам – губернаторской власти, Мариинскому кооперативному союзу, в Министерство торговли и промышленности, которое отказало кооператорам в ходатайстве о ревизии, ссылаясь на то, что не имело законного права ревизовать потребительные общества[177].

В Городском обществе потребителей в *Омске,* отличавшемся сплоченностью и стабильностью внутренней жизни, взаимоотношения рядовых пайщиков и правления также несколько раз существенно обострялись. На собрании 17 января 1916 г., проходившем в присутствии 146 членов из 746 в зале общественного собрания одним из центральных в повестке являлся вопрос об «открытых дверях», обсуждение которого сопровождалось «шумными прениями». Выступавшие ораторы признавали недопустимыми обнаружившиеся факты выдворения членов ревизионной комиссии с заседаний правления. В принятой резолюции говорилось о том, что заседания правления могут быть открытыми, куда члены общества допускаются с правом совещательного голоса по приглашению правления, и закрытыми, на которые они не допускались. Члены ревизионной комиссии имели право присутствовать на всех заседаниях правления с совещательным голосом. Таким образом, вопрос об «открытых дверях» был решен положительно. По результатам отчетного года собрание постановило выразить правлению благодарность с пожеланием не превышать своих полномочий. В целом констатировалось, что правление не нарушало устава, всегда обращалось к санкции общего собрания.

Несмотря на высокую оценку деятельности, правление омского кооператива не избежало критики со стороны членов общества. Например,

[177] *Савчук Ф.* Темные силы // Сибирская жизнь. 1916. 20 апр.; РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 332. Л. 4.

отмечался факт закупки одним из членов правления без ведома своих коллег партии товара на 10 тыс. руб. в то время как он имел полномочия закупать только на 500 руб. Товар он приобрел у крупной торговой фирмы, хотя политика кооператива состояла в закупках у товаропроизводителей. Оратор предложил поднять вопрос о доверии правлению. После обсуждения инцидента общее собрание не поддержало эту идею, и вопрос о доверии правлению сняли с повестки дня[178].

Вопросы об «открытых дверях» и доверии правлению ставились и в других обществах потребления. В 1916 г. в «Экономии» в *Верхнеудинске* обсуждался вопрос о разрешении членам потребительного общества посещать заседания правления с совещательным голосом[179].

В *Иркутске* на чрезвычайном общем собрании «Кооператора» 20 ноября 1916 г. в присутствии 180 членов из 2144 против правления выступила «резкая оппозиция с обвинениями в том, что оно работало без системы и оснований, стараясь лишь во всем конкурировать с деятельностью кооператива "Труженик"»[180].

В рабочем кооперативе «Труд» в *Тайге* на общем собрании 30 марта 1917 г. постановили назначить специальную комиссию для проверки слухов о допущенных правлением под руководством председателя М.Ф. Яворского и ревизионной комиссией нарушениях[181].

В *Минусинске* недовольство членов общества потребителей было вызвано, наоборот, действиями не правления, а ревизионной комиссии, которая представила общему собранию доклад с обвинениями правления и заведующего магазином в серьезных упущениях и злоупотреблениях. Собрание назначило комиссию по расследованию. Когда выяснилось, что в деятельности правления были отдельные недостатки, но злоупотреблений не обнаружилось, возмущенные поведением ревизионной комиссии члены

[178] Омский вестник. 1915. 22 дек. (3 янв.); Степной край. 1916. 16 янв., 6 марта.
[179] Иркутский кооператор. 1916. № 11. С. 9.
[180] Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 29.
[181] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Л. 23 [Выписка из книги протоколов общего собрания общества потребителей «Труд» в Тайге от 30 марта 1917 г.].

общества защищали правление на общем собрании, а обвинители вынуждены были прибегнуть к услугам местной газеты «Енисейская мысль», которая характеризовалась как «притон всяческих сплетней»[182].

Общество потребителей в *Канске* Енисейской губернии с самого начала отличалось низким уровнем компетентности правления, особенно в организации счетоводства. «Итог четырехлетней работы кооператива – ревизия», – указывали члены общества. На общем собрании 19 августа 1918 г. они приняли решение о коренной реорганизации постановки дела и отдаче под суд членов правления и ревизионной комиссии прежнего состава, обвиняя их в сознательной бездеятельности и преднамеренном развале дела. Неудачный выбор правления и ревизионной комиссии, отсутствие опытного бухгалтера кооператоры считали одной из важнейших причин глубокого кризиса в обществе[183].

Резкой критике подверглось в местной и кооперативной печати руководство общества потребителей в *Ачинске* Енисейской губернии. Члены общества упрекали правление за «торгашеские некооперативные приемы ведения торговой деятельности» и неколлегиальность в управлении. Они считали, что их кооператив напоминает не общественно-демократическую организацию, построенную на началах равноправия и широкой гласности, а простое торговое предприятие, управляемое несколькими лицами по своему усмотрению. На кооператив указывали лишь вывеска и стопка номеров журнала «Самодеятельность». Не было известно, где и когда собираются члены правления, какие вопросы они решают. «Правление и члены почти ничем не связаны – одни только покупают, а другие управляют. Но куда и по какому пути идет общество – потребитель не знает. Он даже начинает уже разочаровываться в потребиловке и сетовать на нее за дороговизну», –

[182] Сибирская жизнь. 1913. 20 дек.
[183] Народное дело. 1918. № 37–38. С. 10–12.

писали члены общества потребителей Ачинска в начале 1916 г. в журнал «Самодеятельность потребителя»[184].

В обществе потребителей «Трудовая копейка» на станции *Иланская* в Енисейской губернии также обозначился конфликт между правлением и пайщиками. На общем собрании 20 марта 1916 г. правление предложило из прибыли за 1915 г. в размере 2400 руб., после распределения ее соответствующим требованию устава образом, отчислить 65 руб. на выписку журнала «Объединение», 100 руб. – на просветительные цели, 200 руб. – в культурный фонд, 25 руб. – в фонд организации кооперативного института Сибири, 25 руб. – обществу сельского хозяйства, 500 руб. – в неделимый фонд.

Это вызвало возражения значительной части присутствовавших – служащих железной дороги. В результате бурного обсуждения собрание утвердило новый порядок распределения прибыли. Отчисления на культурные мероприятия, в неделимый капитал и дополнительное вознаграждение служащих были существенно урезаны, а процент дивиденда увеличен вдвое. Собравшиеся разделились на сторонников и противников правления, которое предложило развивать общественные функции кооператива. Правление получило упреки в том, что установило себе высокие оклады, «растаскивает» прибыль по разным статьям, «трубит» о просвещении вместо того, чтобы в такое критическое время заботиться о сбережении членов.

Драматичная борьба оппозиционных группировок закончилась демонстративным уходом с собрания главных действующих лиц. Она имела социальную подоплеку. Конторщики выступали против засилья «богатых» в правлении, которые «выкачивают из кооператива деньги, прикрываясь просвещением», и предлагали назначить в правление на условиях

[184] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 25.

процентного вознаграждения управленцев-специалистов, которые бы развивали торговлю и обеспечивали членов продуктами и сбережениями[185].

Проблема взаимного доверия между кооперативным активом и рядовыми пайщиками волновала наиболее дальновидных руководителей, обеспокоенных наплывом в период продовольственного кризиса большого числа кооператоров-поневоле. Так, руководители общества потребителей «Самопомощь» в *Енисейске*, членами которого состояло 12% населения города, говорили об огромной ответственности, которую налагал на них быстрый численный рост общества. Сознавая, что их внимание во все большей мере должно было концентрироваться на правильной организации не только торговой деятельности, но и внутренней жизни – внедрении гласности, коллегиальности, демократизма – они отмечали, что кооператив должен выступать перед лицом потребителя именно как «организация общественная», разъясняя всем, почему в его деятельности встречаются те или иные недостатки, какие меры оно принимает для их устранения[186].

В некоторых кооперативах консенсус между пайщиками и правлением достигался без драматических перипетий. Не были замечены конфликты в городском всесословном обществе потребителей «Самосознание» в *Тобольске*. Правление под председательством ветеринарного врача А.Н. Чеботарева успешно руководило его деятельностью с начала основания в ноябре 1915 г. Когда в связи с изменившейся в феврале 1917 г. общественно-политической ситуацией правление в полном составе подало в отставку, общее собрание ее не приняло, переизбрав кооперативный актив в прежнем составе на новый срок, что говорило о глубоком доверии.

Примером спаянности и сплоченности членского состава являлось рабочее общество потребителей на *Черемховских* угольных копях Иркутской губернии. Значительные убытки по торговле, связанные с недостатком опыта и квалифицированных кадров, кражами и недостачами, не стали предметом

[185] Объединение. 1916. № 8. С. 19.
[186] Сибирская жизнь. 1916. 25 нояб.

раздоров между обществом и правлением. В 1914 г. ключевым в жизни общества событием явилось приобретение в собственность арендованного помещения. На общем собрании для покупки дома был основан специальный фонд из дополнительных паевых взносов, большая часть которых была сразу же внесена. «Этот факт важен не столько с материальной стороны, – отмечало правление, – сколько со стороны внутренней, моральной, неопровержимым образом послужившей доказательством тесного единения общества с правлением, этим общество выразило правлению свое полное доверие, так необходимое ему для дальнейшей работы»[187].

Правление видело главный эффект создания потребительного общества именно в объединении населения для решения насущных жизненных задач. В отчетном докладе о деятельности черемховского кооператива в 1912–1914 гг. отмечалось: «Отрешась на минуту от всех коммерческих соображений, нужно признать за обществом высокую культурную миссию, выразившуюся для начала в единении разрозненных сил. А что это единение есть, хотя бы и на прозаической почве – потребности удовлетворения требования желудка, видно из состава членов общества к концу операционного года»[188]. В составе общества кроме численно преобладавших рабочих находились представители разных социальных слоев – служащие, врачи, инженеры, предприниматель, купец, священник. В состав органов управления среди прочих были избраны три женщины. Только за один 1914 г. правление провело 78 заседаний, рассмотрев 320 вопросов.

Рассмотренные факты раскрывают многообразие повестки общих собраний, неформальный характер процесса обсуждения и принятия решений, указывают на отличие демократического самоуправления во всесословных и независимых рабочих кооперативах от его имитации в казенных кооперативных организациях. Последние учреждались «даже без

[187] Отчет Черемховского общества потребителей села Черемхово Иркутской губернии, Балаганского уезда за I операционный год (с 22 декабря 1912 г. по 9 июня 1914 г.). Иркутск, 1914. С. 16.

[188] Там же. С. 18.

чтения устава», как например, видно из отчета об учредительном собрании по организации потребительского кооператива чиновников всех правительственных учреждений Енисейской губернии под руководством иркутского вице-губернатора А.С. Римского-Корсакова[189].

Это контрастирует с описанием общего собрания в железнодорожном поселке на станции *Иланская* Енисейской губернии. Если на начальном этапе деятельности потребительского кооператива жители поселка характеризовались как «неподвижная и недоверчивая масса»[190], то после этого собрания отмечалось, что они «отнеслись вполне сознательно к поставленным вопросам и подвергли их детальному обсуждению, вникая во все мелочи, были горячие споры, но не было бессмысленных, пьяных выкриков, столь обычных на сельских сходах»[191].

Одним из важных аспектов демократического самоуправления являлась политика по отношению к *кооперативным служащим.* Штат служащих являлся третьим элементом системы функционирования потребительного общества кроме общего собрания и управляющих органов в лице правления и ревизионной комиссии. Служащие (все нанимаемые кооперативами лица для выполнения работы как умственного, так и физического характера – бухгалтеры, счетоводы, кассиры, товароведы, продавцы, рабочие складов, магазинов, обозов, кооперативных производственных предприятий, посыльные) не являлись членами кооператива, и их участие в кооперативной работе основывалось на найме.

В разных обществах насчитывалось от 3 до 70 служащих. При найме с них удерживались залоги во избежание злоупотреблений. В некоторых обществах, как, например, в иркутском «Кооператоре», общее собрание высказалось за то, чтобы не брать залоги со служащих, так как это не соответствует духу демократической организации[192].

---

[189] Сибирская жизнь. 1917. 12 янв.
[190] Объединение. 1915. № 1. С. 17.
[191] Сибирская деревня. 1915. № 1. С. 22.
[192] Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 29.

Положение служащих, оплата и условия их труда являлись мерилом «кооперативности» потребительских организаций. Эксплуатация служащих рассматривалась наряду с присвоением прибыли от посторонних как один из факторов капиталистического перерождении потребительского кооператива. Газета «Голос Сибири» писала: «Дух и смысл кооперации требуют, чтобы чистая прибыль кооператива не отдавала запахом пота служащих, чтобы материальное и духовное положение его работников было неизмеримо лучше, чем в капиталистических учреждениях»[193].

При найме кооперативным служащим предлагались условия труда, аналогичные тем, что существовали в частных торговых предприятиях. По данным А.П. Толочко, продолжительность рабочего дня в торговых заведениях большинства городов Сибири была установлена 9–11, иногда 12 часов в сутки. Около 94% торговых служащих в Западной Сибири не были осведомлены о необходимости заключения письменных договоров[194].

В кооперативах порой практиковались даже более низкие нормы защиты труда. Например, при организации томского «Деятеля» оклады служащих были ниже, чем в частной торговле. Ходатайства служащих о нормировке рабочего дня были безуспешны. Доходило до того, что полиция напоминала обществу об обязательном постановление губернской администрации по поводу необходимости обеденного перерыва для служащих. Правление «Деятеля» признавалось, что получало так много упреков от служащих в эксплуатации их труда, что «даже хотелось бросить дело» [195].

Факты эксплуатации труда служащих были повсеместным явлением[196]. Со временем благодаря пропагандистской деятельности кооперативных

---

[193] Голос Сибири. 1916. 20 окт.

[194] *Толочко А.П.* Движение торговых служащих Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 190.

[195] Союз потребителей. 1915. № 31. С. 1118, Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 32.

[196] См.: Союз потребителей. 1915. № 31. С. 1118, Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 32; Голос Сибири. 1916. 8 сент.; Кооперативное слово. 1916. № 2. С. 26; Голос Сибири. 1916. 20 сент., 29 нояб.

идеологов и МСПО в потребительных обществах Сибири положению служащих стали уделять значительно больше внимания. Этому способствовал широкий резонанс в кооперативной среде, вызванный конфликтом со служащими в Мариинске. Факты этого дела обсуждались на собраниях, делегаты приезжали в Мариинск для выяснения положения дел на месте, публиковали свои отзывы в печати[197]. Положение кооперативных служащих становилось обязательным пунктом повесток общих собраний. Вектор изменения политики по отношению к служащим состоял в улучшении условий труда, причем не только текущего положения, но и в сравнении с частными торговыми предприятиями, увеличении оплаты труда, сокращении продолжительности рабочего дня, предоставлении обеденного перерыва, организации пенсионных и медицинских фондов, заключении коллективных договоров, обеспечении прав и личного достоинства.

В томском «Деятеле» в 1915 г. торговый день в лавках сократился с 14 до 10 часов с двухчасовым перерывом на обед. Рабочий день конторских служащих длился 6 часов в сутки. Оклады удвоились и могли конкурировать с окладами в частных фирмах. При лавках имелись жилые помещения для заведующих. К Рождеству служащие получили дополнительное вознаграждение[198].

В течение 1916 г. решения в отношении служащих о сокращении рабочего дня, установлении обеденного перерыва, повышении оплаты труда, выдаче зарплаты семьям служащих, призванных на войну (как это практиковалось в частных фирмах), формировании фондов медицинского обслуживания и пенсионных касс были приняты в кооперативах Барнаула, Верхнеудинска, Енисейска, Омска, Новониколаевска, Красноярска и др.[199]

---

[197] Сибирская жизнь. 1916. 5 июля.

[198] Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 5.

[199] См. сведения из: Жизнь Алтая. 1916. 5, 27 июля; Иркутский кооператор. 1916. № 12. С. 20; Сибирская жизнь. 1916. 7 июня; Омский вестник. 4 (17) авг. 1915; Голос Сибири. 1916. 11 окт.; Сибирская жизнь. 1915. 24 мая, 22 авг., 9 дек.; Самодеятельность потребителя. 1916. № 4–6. С. 14, 17. Сведения обобщены в кн.: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 314–318.

В кооперативах создавались «согласительные» (арбитражные) комиссии из представителей служащих и правления, ведению которых подлежали прием и увольнение, выработка условий найма и внутреннего распорядка, разбор конфликтов и недоразумений[200], подготавливался перевод штата служащих на условия работы по коллективному договору. Так, в Иркутске служащие «Кооператора» в январе 1917 г. на собственном собрании обсудили вопрос о коллективном договоре, согласительных комиссиях и пенсионной кассе с отчислением 5% от заработка и 5% из прибылей общества[201]. Подобные собрания служащих прошли в иркутском «Труженике», кооперативах Читы, Красноярска, Новониколаевска, Омска, Барнаула и др. городов. Вопрос о введении согласительных комиссий в практику сибирских кооперативов широко обсуждался на заседаниях товарной комиссии Закупсбыта при участии Д.И. Голенищева-Кутузова[202].

В целом, развиваясь в русле указаний и разработок МСПО, вопросы регулирования положения служащих в сибирских кооперативах были еще слабо упорядочены и находились на начальной стадии продвижения[203].

Таким образом, в потребительских кооперативах устанавливались тесные контакты между большими группами горожан. На месте патриархального «местного», «соседского» принципа, свойственного общественной жизни деревни, в городских кооперативах возникала иная общественная среда и новая ментальность, связанная с развитием самодеятельности на основе свободного осознанного выбора. В основе развития самодеятельности пайщиков, демократического самоуправления и контроля лежали положения Нормального устава о верховенстве общего собрания, двоецентрии правления и ревизионной комиссии, выборности,

[200] Сибирская жизнь. 1916. 18 дек.

[201] Иркутский кооператор. 1917. № 1–2. С. 27; Сибирская жизнь. 1917. 13 янв.

[202] Союз потребителей. 1915. № 31. С. 1116; Сибирь. 1917. 13 янв.; Голос Сибири. 1916. 20 сент.; Сибирская жизнь. 1916. 18 дек.; Кооперативное слово. 1916. № 2. С. 10.

[203] *Кириллов В.* Общие черты положения кооперативных служащих в Сибири // Голос Сибири. 1916. 14 сент.

отчетности и сменяемости управляющих органов, равноправии независимо от числа паев.

Социальная интеграция и развитие демократического самоуправления в кооперативах происходили постепенно, нередко драматическим образом с острыми конфликтами, борьбой группировок и личностей. В рабочих обществах потребителей с более однородным социальным составом наблюдалась более высокая степень солидарности и доверия между рядовыми пайщиками и кооперативным активом. Во всесословных кооперативах имущественные и социальные различия среди членов в совокупности с принадлежностью подавляющего большинства управленцев к социально благополучным слоям населения, оказывали дезинтегрирующее влияние на кооперативный коллектив.

Реализацию непосредственных кооперативных задач затруднял приток в годы войны большого числа «кооператоров поневоле» в качестве пайщиков, а в качестве служащих – различных дельцов от торгового мира. Это негативно отразилось на поведении рядовых кооператоров и уровне менеджмента. Среди пайщиков наблюдались абсентеизм, равнодушие, пассивность, низкий уровень членского участия. В аппарате управления – тенденции к групповщине и авторитарному стилю руководства. Почти половина из созванных в 1912–1916 гг. в 14 сибирских городских кооперативах 75 общих собраний не состоялась из-за отсутствия кворума, что заставило некоторые кооперативы понизить уставные нормы представительства. Противоречивость настроений и риторики кооперативной аудитории выражалась в критике и делегитимации имущественно состоятельных членов кооперативного актива и представителей частного торгового предпринимательства, коммерческих («деловых», «торгашеских», «барышнических») методов ведения кооперативной торговли, что не исключало стремления пайщиков к прибыли и существенным дивидендам. Спонтанный, естественный антикапитализм потребителей в немалой степени поддерживался пропагандистской кооперативной литературой и активной

деятельностью в кооперации представителей радикальных политических партий.

Последовательное применение на практике положений устава способствовало сплочению кооперативных организаций, преодолению сословного, территориального и коммуникативного разобщения. Кооперативы становились своеобразными школами общественной жизни, где вырабатывались навыки ведения диалога и дискуссии, формировались мотивации к участию в общественной работе. Текущие и острые проблемы кооперативной работы находили каналы выхода в публичное пространство. Проводилось от двух до 12 общих собраний в год, наивысшая активность наблюдалась в период отчетных кампаний. Общим собраниям были присущи многообразие повестки, неформальный характер процесса обсуждения и регламентированная процедура принятия решений, что отличало их от имитации самоуправления в казенных потребительских организациях. На общих собраниях пайщики обсуждали вопросы кооперативной политики и практики, доклады управляющих органов, производили выборы и оценку деятельности руководителей, добивались ратификации политики «открытых дверей» заседаний правления. В годы войны широко обсуждались вопросы осознанности членства, развития кооперативной демократии, культурной работы, положения кооперативных служащих, значимости кооперативных организаций для города и общества в целом. Кроме общих собраний активность и самодеятельность пайщиков развивалась в организованных внутри кооперативов общественных комиссиях (культурно-просветительных, лавочных и т.п.) и культурных мероприятиях.

Кооперативы периодически переживали кризисы, связанные с недостатком финансов, провалами коммерческих операций, ошибками в управлении, отсутствием опытных кадров бухгалтеров и товароведов, дестабилизацией рынка. Конструктивными последствиями внутренних кризисов и конфликтов являлось привлечение внимания к кооперативным проблемам со стороны пайщиков, кооперативной общественности, прессы,

власти. Это, в свою очередь, содействовало осмыслению кооперативного опыта, росту активности членского состава и посещаемости общих собраний, формированию на них атмосферы заинтересованности и энтузиазма, расширению круга ораторов. Стабилизирующими факторами в потребительских кооперативах, способствовавшими поиску консенсуса и созданию атмосферы успеха «общего дела», являлись эффективная коммерческая деятельность и авторитет руководителей. Одновременно с постоянным обновлением состава кооперативного актива и наймом на ответственные должности в правления профессионально подготовленных специалистов торгового дела, сформировалась когорта известных в Сибири кооперативных работников с большим стажем (Д.И. Голенищев-Кутузов, А.Н. Гладышев, П.Н. Марков, А.Н. Чеботарев, А.В. Байкалов, И.А. Ловцов, А.К. Скворцов, В.Р. Романов и др.).

Всесословные и рабочие независимые кооперативы имели наибольшее значение с точки зрения развития гражданской инициативы и самодеятельности в сложившейся к 1917 г. системе первичных потребительских кооперативных организаций. В отличие от казенных кооперативов они создавались и действовали без какого-либо участия «сверху», самостоятельно развивая свой организационно-хозяйственный потенциал. Участие в самоуправляющихся кооперативных организациях давало большим группам городского и рабочего населения возможность осознания и реализации своих экономических, общественных и духовных интересов, укрепляло социальные связи, формировало положительные тренды и культуру социального действия.

3.3. Участие кооперации в решении продовольственной проблемы в годы Первой мировой войны

Социально-экономический кризис, разразившийся в годы войны, являлся составной частью общенационального кризиса Российской империи и оказал существенное влияние на такое важное общественно-экономическое движение, каким являлась потребительская кооперация.

Вопрос о влиянии войны на экономику Сибири изучен такими историками, как З.Т. Тагаров, Л.М. Горюшкин, Н.А. Свешников, В.А. Скубневский, Г.Х. Рабинович, В.И. Пронин, Г.А. Бочанова, М.В. Шиловский, В.П. Зиновьев, И.А. Еремин. Тема отражена в фундаментальных трудах «История Сибири», «История рабочего класса и крестьянства Сибири». Отмеченное всеми историками позитивное влияние военного времени на экономику Сибири в 1914–1915 гг. оказалось кратковременным вследствие разрушения связей сибирской промышленности, торговли и промыслов с рынками Европейской России и европейских стран. Хорошие урожаи хлебов, введение сухого закона, военные заказы развивали торговлю и промышленность и способствовали стабилизации благосостояния населения в первые месяцы войны. Дефицит рабочих рук в связи с мобилизациями, недостаток привозных товаров и денежного кредита действовали в обратном направлении[204]. В итоге к 1916 г. в сибирских губерниях налицо были кризисные явления в экономике, выражавшиеся в росте цен и нехватке важнейших продуктов.

Характеризуя общие условия, в которых действовала сибирская экономика, журнал «Сибирские записки» отмечал, что Сибирь как потребитель привозных товаров и производитель сырья оказалась целиком во власти бедствий войны, к которым относились расстройство транспорта,

[204] *Зиновьев В.П.* Состояние экономики Томской губернии в период Первой мировой войны по материалам справки Томской губернской казенной палаты // Сибирь и войны XIX–XX веков: тез. всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 12, 15–16.

бестоварье, сокращение кредита, спекуляция, колебания цен, потеря привычных рынков, недостаток рук в сельском хозяйстве и транспорте[205].

Чрезмерное увеличение нагрузки на транспортную систему, по мнению кооператоров, лежало в основе продовольственного кризиса, вызывая задержки с подвозом товаров, что особенно ощущалось в удаленной от промышленных центров Сибири[206].

По данным МСПО, рост цен в 1916 г. в Сибири в сравнении со страной в целом выражался в следующих показателях, представленных в табл. 4.

Таблица 4. Рост цен на продукты и предметы потребления в России и Сибири в 1916 г. по сравнению с довоенным временем (%)

Продукты	Россия (по разным регионам)	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
Сахар	2–50	32	27
Соль	50–85	12	85
Мыло	10–145	135	145
Керосин	19–169	49	75
Мука ржаная	36–85	37	85
Крупа	32–69	38	69
Гречка	10–81	10	81
Пшено	25–126	36	126
Мясо	55–252	85	55
Масло	112–267	131	112

Источник: Союз потребителей. 1917. № 8. С. 5–7.

Статистика МСПО показывала, что продовольственный кризис сильнее всего затронул Юго-Западный край Российской империи, слабее всего – Западную Сибирь. В Восточной Сибири, так как она являлась потребляющей

[205] Сибирские записки. 1916. № 1. С. 140.
[206] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 3–4.

по хлебным продуктам, показатели роста цен на муку и крупы были наивысшими по стране. МСПО констатировал, что поступления товаров из центра в сибирский регион с каждым днем сокращались. Данные исследователей также говорят о росте цен на предметы первой необходимости и падении жизненного уровня сибирского населения вследствие сокращения на рынке товарной массы. З.Т. Тагаров отмечал, что у шахтеров Черемховского угольного района в Иркутской губернии заработная плата увеличилась лишь в два раза, а цены – в три–пять раз[207]. Приведенные В.П. Зиновьевым данные о ценах на продукты в Томской губернии в середине 1916 г. наглядно демонстрируют их существенный рост в 2–4 раза по сравнению с довоенными показателями[208]. Особенно быстро цены начали расти во второй половине 1915 г. после галицийского разгрома российской армии, когда стало ясно, что необходимо готовиться ко второй зимней военной компании.

В донесениях и докладах губернских властей в департамент полиции за 1915–1916 гг. сообщалось о напряженной атмосфере в городах Сибири в связи с дороговизной и нехваткой товаров, продовольственных беспорядках и опасности возникновения погромов, возмущении населения произволом торговцев и бездействием городских властей. Отмечалась нехватка в городах запасов важнейших продуктов – муки, мяса, сахара, крупы, дров и т.п.[209].

В правительственных законах от 17 августа и 27 ноября 1915 г. были заложены основы регулирования хозяйственной жизни России путем установления твердых цен (таксирования) и запрета на вывоз хлеба и других важных продуктов из ряда губерний[210]. 30 июня 1916 г. вошел в силу закон о «мясопустных» днях – «О мерах по сокращению потребления населением

---

[207] *Тагаров З.Т.* Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутск, 1959. С. 36.

[208] *Зиновьев В.П.* Состояние экономики Томской губернии… С. 16.

[209] См. сведения из: ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1916. Д. 23, ч. 3. Л. 1; ДПОО. 1916. Д. 20, ч. 27, лит. Б. Л. 11 об.; 1915. Д. 167, ч. 80. Л. 22, 4 об.; ч. 2. Л. 6 об.; ч. 25. Л. 18, 24–24 об.; ч. 27. Л. 20 об.–21; ч. 82. Л. 16 об.; ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 3. Сведения обобщены в кн.: *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири… С. 326–330.

[210] ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 7. Л. 9–11.

мяса», в соответствии с которым убой скота, за исключением кур, допускался в количестве, определяемом общественными городскими самоуправлениями. Однако, применяемые без определенного плана и согласований, эти постановления в большой степени только расстроили хозяйственную жизнь, усилив спекуляцию. В условиях действительной нехватки продуктов таксировка вела лишь к дефициту[211].

Например, в Чите весной 1916 г. вынуждены были отменить таксы, которые оказались слишком низкими, и все их воздействие на продовольственное положение проявилось в исчезновении ряда продуктов с местного рынка[212]. В Омске введение мясопустных дней вызвало заметное повышение цен на все остальные продукты[213]. В Чите, Верхнеудинске введение запрета на мясо обрекало население на «голодовку» вследствие незначительного развития огородничества, недостатка рыбы[214].

На муниципальном уровне борьба с продовольственным кризисом стала обязанностью созданных в 1915–1916 гг. при городских самоуправлениях продовольственных комиссий, состоящих из 7–15 чел. – гласных городских дум и представителей кооперативных, общественных и биржевых организаций с правом совещательного голоса. Продкомиссиям поручалась организация с помощью казенных средств закупки продуктов первой необходимости и продажа их населению городов по заготовительной цене. Муниципальные заготовки сдержали резкое повышение цен, однако продкомиссии, представленные в основном цензовыми элементами, были далеки от настойчивой борьбы с дороговизной. Их деятельность почти везде оценивалась негативно, отмечалось отсутствие инициативы,

[211] История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / *Анкушева К.А.* [и др.] Новосибирск, 2006. С. 260.

[212] Союз потребителей. 1916. № 20. С. 636.

[213] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 41; Д. 652. Л. 71.

[214] ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 73. Л. 17–18, 20–20 об.

некомпетентность, лоббирование интересов торговых кругов, недоброжелательное отношение к кооперативам[215].

Население искало спасение в потребительских кооперативах. Начавшаяся в 1914 г. война и мобилизация в армию приостановили на короткое время рост кооперативов, но дороговизна и продовольственные затруднения побуждали население вступать на путь самоорганизации в области потребления. А.В. Меркулов, опираясь на статистику МСПО, отмечал, что начиная примерно со второй половины 1915 г. новые потребительные общества «посыпались как из рога изобилия, особенно в городах»[216]. В стране число потребительных обществ за годы войны удвоилось, в Сибири выросло более чем в два раза. На 1 января 1914 г. в России насчитывалось 10 080 потребительных обществ, в середине 1916 г. – 13596, в начале 1917 г. – не менее 20 тыс.[217] В Сибири соответственно 366, 782 и 1000[218]. В условиях постепенного самоустранения с 1916 г. частной торговли с рынка розничной торговли предметами первой необходимости кооперативы остались почти единственными источниками продуктов в городах и сельской местности. Так, правление новониколаевской «Экономии» отмечало, что в 1916 г. «с сокращением частной торговли общество вынуждено было почти одно удовлетворять все население города»[219]. О резком повышении доли участия «Самодеятельности» в розничной торговле в Красноярске свидетельствовал факт повышения запланированного в смете товарооборота на 1916 г. с 280 тыс. руб. до 550[220].

В странах Европы, так или иначе затронутых войной, кооперация выполняла одну и ту же мирную работу. В 1914 г. журнал «Вестник

---

[215] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 2–3; Голос Сибири. 1916. 6 сент.; Кооперативное слово. 1916. № 2. С. 11, 26; Сибирская жизнь. 1916. 16 сент.; ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 201. Л. 19 об.; ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 237. Л. 2 об.

[216] *Меркулов А.В.* Потребительская кооперация в 1917 г. // Союз потребителей. 1918. № 1–2. С. 10.

[217] Там же.

[218] Вестник кооперации. 1917. № 2–3. С. 89; Известия Общества потребителей Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 11.

[219] Объединение 1917. № 15–16. С. 20.

[220] Самодеятельность потребителя. 1917. № 1–2. С. 10.

кооперации» опубликовал напечатанные органом швейцарской кооперации заповеди кооператора на время войны, смысл которых заключался в том, чтобы «каждый потребительский кооператив стал в своем округе центром хозяйственной и общественной деятельности»[221].

А.В. Лубков отмечал, что деятели российской кооперации одними из первых выдвинули программу мобилизации народного хозяйства, призывая к участию в ней общества в целом, опередив в этой инициативе оппозиционные круги торгово-промышленной буржуазии[222]. На совещании по экономическим вопросам, созванном в Москве 11–13 июля 1915 г. главным комитетом Всероссийского союза городов, член бюро МСПО В.Н. Зельгейм представил план деятельности Центрального кооперативного комитета (ЦКК), учрежденного 1 августа 1915 г., который включал организацию кооперативных комитетов снизу для снабжения армии и городов предметами первой необходимости, борьбы с дороговизной и организации экономической жизни страны. Предполагалась целая система мер и тесное сотрудничество кооперативных комитетов с городскими и земскими союзами, поддержка хозяйств мобилизованных воинов, помощь беженцам – приют, пожертвования, трудоустройство[223]. В августе 1915 г. обращение ЦКК было опубликовано в сибирской кооперативной печати[224].

В октябре 1915 г. важная роль кооперации в преодолении продовольственного кризиса была подчеркнута на Съезде представителей городов Восточной Сибири в Иркутске. В резолюциях съезда говорилось о необходимости перехода с помощью кооперативов от таксировки продуктов к широким муниципальным заготовкам. Съезд констатировал реальные перспективы самообеспечения Сибири всеми продуктами, за исключением

---

[221] *Щеглова Л.* Кооперация за границей и война // Вестник кооперации. 1914. № 6–7. С. 37.

[222] *Лубков А.В.* Кооперативная модель обновления России: дореволюционный опыт // Модели общественного развития России: проекты и авторы. Вторая половина XIX – XX в. М., 2006. С. 146.

[223] Сибирская деревня. 1915. № 14–15. С. 16–17.

[224] Там же. С. 14–15.

сахара, силами местной власти и кооперативов[225]. Подобные решения были приняты на совещании городов и кооперативов в Омске[226]. Оба съезда требовали предоставления избранным в городские продовольственные комиссии делегатам от кооперативов права *решающего голоса* как инструмента действительного участия в решении продовольственных проблем.

Потенциальные возможности потребительской кооперации заинтересовали ведомства, связанные с обеспечением военных и тыловых потребностей. В 1914 г. министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской писал о необходимости «комбинированной работы общественных и государственных сил»[227]. Весной–летом 1915 г. Министерство торговли и промышленности инициировало обсуждение вопроса о более эффективном привлечении к решению проблем обеспечения продовольствием армии и тыла потребительных обществ[228].

О кооперации говорили много восторженных слов: она виделась «ярким организующим элементом среди хаоса и развала»[229], кооперативные «батальоны» представлялись последним якорем спасения в обстановке общей растерянности и дезорганизации[230]. Однако, кооперативные деятели не были склонны переоценивать значение потребительской кооперации в решении продовольственного вопроса в условиях военного времени.

«Кооперация не призвана решать этот вопрос вопросов, полное восстановление хозяйственной жизни лежит не в плоскости кооперативных достижений», – писал журнал «Вестник кооперативных союзов»[231]. М.Л. Хейсин предупреждал: «Мы должны крайне осторожно брать на себя ту

---

[225] Сибирские записки. 1916. № 3. С. 171–172.

[226] Союз потребителей. 1915. № 20. С. 638.

[227] *Фроммет Б.* Война и культурно-общественные задачи кооперации // Вестник кооперации. 1914. № 6. С. 27.

[228] *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение… С. 299.

[229] *Меркулов А.В.* Потребительская кооперация в 1917 г. С. 15.

[230] *Илимский Д.* Очерки кооперации в Сибири. От распыленности к организации // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 144.

[231] Вестник кооперативных союзов. 1917. № 1. С. 56.

задачу, которая взваливается на кооперацию – всё продовольственное дело, огромные казенные ссуды, контроль ведомств. Кооперация и продовольствие – не одно и то же, нельзя их отождествлять»[232]. Несмотря на впечатляющие параметры численного роста, потребительные общества из всех других видов кооперации характеризовались как менее всего обеспеченные средствами, страдающие «разрозненностью, непрактичностью, слабым развитием сознательности»[233].

Красноярский журнал «Самодеятельность потребителя» отмечал: «Потребитель видит только спекуляцию и считает, что создание кооператива – выход. Но этого недостаточно. Должны измениться общие условия. Кооперация не может сделать чуда в таком хаосе»[234]. Кооператоры считали, что для преодоления хозяйственного кризиса необходимы реформы всей политической и хозяйственной системы – введение широкого избирательного права, земского самоуправления в Сибири.

В чем состояла действительная *экономическая и общественная роль* потребительских кооперативов в Сибири в годы войны?

В условиях роста спекуляции кооперативы удерживали цены на дефицитные продукты на более низком, чем в частной торговле, уровне. «Очень многие потребительные общества имели запасы муки и долго еще продавали ее и другие предметы первой необходимости по довоенным ценам, сбивая наглость частных торговцев», – писал о потребительской кооперации Енисейской губернии корреспондент журнала «Сибирская деревня»[235].

В деятельности потребительских кооперативов появилась новая составляющая. Они начали заботиться о снабжении не только своих членов, но и всего населения, вмешиваться в хозяйственную жизнь города, уезда,

---

[232] *Хейсин М.Л.* Жизнь и направления кооперации. Железнодорожная кооперация // Вестник кооперации. 1918. № 5–6. С. 122.

[233] *Меркулов А.В.* Кооперативное движение и война // Вестник кооперации. 1914. № 6–7. С. 135–136.

[234] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 3–4.

[235] Сибирская деревня. 1914. № 22. С. 22.

губернии в целом, что было важно в Сибири при отсутствии земства, разрозненности населения, удаленности от промышленных центров. В ходе выполнения этих новых более широких задач кооперативы устанавливали *сотрудничество с муниципальными структурами*. Проведение необходимых хозяйственных мер, возлагавшихся государством в годы войны на городские самоуправления как проводников государственной политики[236], было невозможно без использования приспособленного торгового аппарата и опыта кооперации. Факты материальной поддержки кооперативов со стороны города и установления «дружеских отношений» отмечались как «новое явление»[237]. На съезде городских голов Енисейской губернии в июле 1915 г. о сотрудничестве с потребительскими кооперативами говорилось как о приоритетном направлении по сравнению с устройством городских лавок[238]. Начальник Омского жандармского управления в 1915 г., инструктируя свой штат, также указывал на необходимость взаимодействия с кооперацией, подчеркивал важную роль кооперативов в борьбе с «базарным вздутием цен» и предписывал поощрять их деятельность[239].

К 1916 г. о сотрудничестве кооперативов с городскими самоуправлениями стали сообщать, за исключением отдельных случаев, как о практике, принявшей массовый характер[240], в том числе в городах Сибири – Чите, Иркутске, Красноярске, Томске и др.[241]

В 1915–1916 гг. из Государственного казначейства на закупку продовольствия городским думам Красноярска, Канска, Томска, Иркутска, Тюмени, Омска, Тобольска, Барнаула, Кургана, Ачинска, Мариинска были

---

[236] История общественного самоуправления в Сибири… С. 269. О том, что борьба с дороговизной входила в сферу деятельности городских дум см.: *Нардова В.А*. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в.: власть и общество. СПб., 2014. С. 308-309, 320.

[237] Союз потребителей. 1916. № 1. С. 6–18.

[238] Союз потребителей. 1915. № 20. С. 638.

[239] Сибирская жизнь. 1915. 16 окт.; ИАОО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 88. Л. 26.

[240] *Николаев В.* Городское дело в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 124.

[241] Вестник кооперации. 1916. № 1. С. 84.

выданы займы[242]. Получая государственную помощь, города ссуживали часть денежных средств кооперативам на расширение торгово-закупочных операций. Так, в 1915–1916 гг. городские думы предоставили: потребительному обществу в Кургане 20 тыс. руб. кредита, Мариинскому Торгово-промышленному товариществу кооперативов ссуду в 25 тыс. руб. со вступлением в его члены и внесением 25 паев, «Сотруднику» в Барнауле – 10 тыс. руб., потребительному обществу в Нерчинске Забайкальской области – беспроцентную ссуду, «Общей пользе» в Бийске – ссуду 5 тыс. руб., кооперативу в Ачинске – ссуду 5 тыс. руб. и бесплатное помещение, «Самопомощи» в Енисейске – ссуду 5 тыс. руб., «Самодеятельности» в Красноярске – товарный кредит 15 тыс. руб., кооперативу в Омске – ссуду 10 тыс. руб. со вступлением в члены кооператива и внесением 500 паев[243].

Городские власти открывали склады для снабжения населения через торговую сеть потребительных обществ, последним предоставлялся кредит в городских банках, гарантировался кредит у торгово-производительных фирм, предоставлялись льготы на торговые помещения, содействие в получении нарядов на вагоны, городские муниципалитеты вступали в кооперативы и вносили паи с целью закупки продуктов для городских учреждений. При тесном сотрудничестве городских продорганов и кооперативов стала возможной организация справедливого распределения наиболее дефицитных продуктов по карточкам в периоды сахарных, мучных, мясных и т.п. кризисов.

В каждом конкретном городе наблюдалась различная степень эффективности сотрудничества кооператоров и муниципальных властей, определяемая характером сложившихся между ними отношений и особенностями местных экономических условий.

Одной из первых кооперативных организаций, поднявших вопрос о совместных действиях с городским общественным самоуправлением, было

---

[242] ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–37.

[243] *Николаев В.* Городское дело в Сибири. С. 122–123.

потребительное общество «Экономия» в *Верхнеудинске* Забайкальской области. В апреле 1915 г. общее собрание кооператива поручило правлению войти в переговоры с городской думой и информировать как членов, так и жителей города о его ходе посредством созыва публичных собраний. Правление обратилась в думу с ходатайством о выдаче ссуды 20 тыс. руб., предлагая безвозмездно свой труд по закупке продуктов и продаже их населению по заготовительной цене, требуя от города лишь возмещение расходов по операциям в размере 5% от заготовительной стоимости.

«Если бы мы, – говорили кооператоры, – были сильны и обладали средствами, достаточными для выписки нескольких вагонов крупы, соли, овса, сахара, спичек и т.п., то не стали бы с подобным ходатайством обращаться в думу»[244]. Городская дума рассмотрела предложения кооператива на экстренном заседании и нашла их приемлемыми, но в выдаче ссуды отказала, мотивируя это отсутствием средств. После неудачи с получением денег в думе правление кооператива также безуспешно пыталось получить ссуду в мещанском обществе и местном отделении Государственного банка. Тогда оно обратилось к собственным членам с призывом об увеличении паевых взносов и вкладных операций и установило тесные контакты с Прибайкальским товариществом кооперативов для получения товарного кредита.

Процесс сотрудничества кооператива и городского общественного самоуправления был полон взаимного недоверия. Весной 1916 г. при городской думе была создана продовольственная комиссия, состоящая из шести гласных и шести кооператоров, внесших в ее работу «систему и план текущих закупок»[245]. Недовольство местных торговцев конкуренцией кооператива на рынке привело к тому, что в комиссию кооптировали нескольких лиц из торговых кругов с правом решающего голоса для создания численного перевеса при голосовании. Распределение для реализации

[244] Союз потребителей. 1915. № 10. С. 275; № 20. С. 645.
[245] Утро Сибири. 1917. 2 февр.

заготовленных городом продуктов происходило преимущественно в пользу частных торговцев в обход кооператива и без занесения соответствующих постановлений в книгу протоколов. Лишенные фактической возможности влиять на продовольственную ситуацию представители кооператива вышли из состава комиссии, потребовав созыва продовольственного комитета с широким народным представительством и действительными полномочиями[246].

В 1916 г., когда Верхнеудинск переживал разгар продовольственного кризиса, лавки «Экономии» были единственным местом в городе, где можно было приобрести сахар и муку, к ним стояли огромные «хвосты» очередей. Пытаясь найти способ более равномерного и справедливого распределения ограниченного запаса продуктов среди населения, кооператоры Верхнеудинска решили по примеру других городов применить карточную систему. С целью ее осуществления представители «Экономии» прежде всего добились переизбрания продовольственной комиссии. В созданную в августе 1916 г. новую комиссию вошли кроме гласных по три представителя от Забайкальского товарищества кооперативов и «Экономии»[247].

Обстановка, в которой кооператоры осуществляли свою деятельность характеризуется репортажами из Верхнеудинска в журнал «Союз потребителей», рисующими «отчаянные картины безысходной нужды и нищеты, таящихся в лачугах городских окраин»[248]. Почти два месяца кооператоры ждали утверждения карточной системы в городской думе. При введении карточек обнаружилось, что городская управа точно не знает, сколько в Верхнеудинске жителей. 21 октября 1916 г. правление «Экономии» организовало однодневную перепись населения переписчиками-добровольцами, мобилизовав для этой общественной работы около ста

[246] Кооперативное слово. 1917. № 6–7. С. 13.
[247] Союз потребителей». 1916. № 39. С. 1476.
[248] Там же. С. 1477.

человек из учителей, учащихся, служащих, рабочих, приказчиков без участия гласных[249].

Торгуя дефицитными продуктами в периоды сахарного, мучного и мясного кризисов, «Экономия» практически не получала прибыли и совместно с Прибайкальским товариществом кооперативов оплачивала все расходы по оплате закупок, в то время как городское самоуправление, «не затратило ни рубля». «Цензовая и малоподвижная Городская дума ничего не делает», – отмечал корреспондент журнала «Кооперативное слово»[250].

Большое значение имела организация кооперативной торговли мясом по таксированным ценам. Отмечалось, что город не испытывал острого мясного кризиса лишь благодаря своевременному открытию кооперативных мясных отделений. В конце 1916 г. кооператив приступил к организации собственного колбасного производства. Продукция колбасной мастерской появилась в продаже в начале февраля 1917 г. по ценам ниже базарных и хорошего качества[251]. Частные торговцы пытались получить право реализации колбасной продукции кооператива через свои магазины, но «Экономия» продавала ее только в своих лавках и через Прибайкальское товарищество сельским кооперативам.

Благодаря деятельности общества потребителей «Экономия» верхнеудинский рынок насыщался товарами. Товарооборот кооператива по трем торговым отделениям в 1916 г. превысил 200 тыс. руб.[252] Кроме колбасной работали кондитерская, сушечная, сапожная мастерские, пекарня, портновское ателье[253].

«Экономия» проявляла инициативу не только в хозяйственной, но и общественной жизни. На общем собрании 5 апреля 1915 г. обсуждался вопрос о вреде пьянства. При поддержке общества попечения о народном

---

[249] Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 25.
[250] Кооперативное слово. 1916. № 6–7. С. 19; № 8. С. 11.
[251] Иркутский кооператор. 1917. № 9–10. С. 29.
[252] Иркутский кооператор. 1916. № 11. С. 9.
[253] *Ломакина И.Б., Старин Б.С.* Кооперация в Забайкалье: исторический опыт (60-е годы XIX – февраль 1917). Улан-Удэ, 2000. С. 116.

образовании, общества взаимопомощи торговых служащих и Прибайкальского кооперативного товарищества ходатайство кооператива по этому вопросу увенчалось успехом. Городская дума большинством голосов постановила «навсегда прекратить продажу в Верхнеудинске спиртных напитков»[254].

В *Тобольске* потребительное общество «Самосознание» также явилось инициатором сотрудничества с городским общественным самоуправлением. В состав городской продкомиссии в качестве представителя от кооператива входил его председатель А.Н. Чеботарев[255]. В марте 1916 г. правление кооператива, руководствуясь постановлением общего собрания, разработало два плана продовольственной кампании.

Малый план был рассчитан только на снабжение членов общества «Самосознание» и требовал для своего осуществления капитал 30 тыс. руб. Большой план предполагал затраты в размере 60 тыс. руб. и был создан с учетом охвата 1/10 населения города и жителей ближайших деревень при условии обслуживания остальной части горожан частными торговцами. Было подсчитано количество муки, крупы, сахара, соли, спичек и проч. с учетом длительности торгового оборота в течение трех месяцев. Детально разработанные планы продовольственных кампаний кооператоры представили в городскую думу вместе с ходатайством о предоставлении денежной ссуды 25 тыс. руб. для обеспечения участия «Самосознания» в их осуществлении.

Дума, рассмотрев эти предложения спустя три с лишним месяца, отнеслась к ним «не только формально, но даже враждебно». В ссуде было отказано по формальным причинам отсутствия гарантии возврата денежных средств, хотя гласные даже не ставили вопрос на обсуждение. На предложение общества продавать заготовленные городом продукты также не

[254] Объединение. 1915. № 7. С. 14.
[255] Сибирский листок. 1916. 19 апр.

последовало положительного ответа, так как дума сочла комиссионные проценты слишком высокими[256].

Тем временем городские лавки еще не были открыты, в частной торговле процветала спекуляция. Тобольск переживал мясной кризис, торговцы отказывались продавать мясо. Полицейские протоколы, составленные на спекулянтов, придерживавших мясо, не способствовали возвращению его на прилавки для продажи по твердой цене. Лишь в октябре 1916 г. после долгих дебатов городские власти Тобольска пошли на сотрудничество с кооператорами, постановив торговать заготовленными городом продуктами через магазины «Самосознания». Это решение способствовало переходу кооператива от обслуживания только своих членов к продаже всему населению сахара, крупы, муки и масла по карточкам[257].

В октябре 1916 г. состоялось совместное заседание городской продкомиссии и правления «Самосознания» по координации действий. Вопрос о равномерном распределении заготовленных продуктов между городскими лавками и кооперативными вызвал «страстные дебаты». Кооперативу нужны были товары, чтобы накопить капитал для открытия лавки в Нагорной части города, город же хотел оправдать свои затраты на открытие городских лавок. Город предполагал продавать 3/4 всех заготовленных продуктов, а кооперативу отдать 1/4. Однако кооператив претендовал на 1/3 часть товаров. «Самосознание» при численности свыше тысячи членов и с учетом семи человек домочадцев и прислуги в среднем на каждого кооператора, обслуживало из своих магазинов более 7 тыс. чел., что составляло около трети жителей Тобольска[258]. Несмотря на это, город отказал кооперативу в повышении нормы продажи товаров, лишив кооператив доходов на открытие нового торгового отделения, а жителей Нагорной части

[256] Сибирский листок. 1916. 20 марта, 19 июля, 4 окт.
[257] Сибирский листок. 1916. 29 сент., 4, 13 окт., 29 нояб.
[258] Сибирский листок. 1916. 29 сент.

– надежды на открытие вообще какой-либо общественной торговли, так как город открывать там свою лавку не собирался[259].

Кроме общего плана продовольственной кампании кооператив предложил городу план мясной торговли, который состоял в том, чтобы городское самоуправление осуществляло заготовку мороженого мяса на зимний период, а кооператив удовлетворял текущие потребности в мясе, приобретая его с помощью сельских кооперативов и торгуя в арендованном у города магазине[260].

На общем собрании 13 декабря 1916 г. слушался доклад о совместной с городом продовольственной кампании, «полный жалоб на несочувственное отношение городской думы к начинаниям кооператива». Тем не менее, в планах дальнейшей борьбы кооператива с продовольственным кризисом значилось развитие мясной торговли, организация колбасного производства, маслодельного завода и столовой[261].

В *Тайге* Томской губернии обществом потребителей «Труд» также был составлен план продовольственной кампании в масштабах города. Кооператив бесплатно предлагал свои магазины и штат служащих для продажи заготовленных городским самоуправлением продуктов, обещая определять величину наценки совместно с гласными. Городская дума отвергла продовольственный план кооператива, отдав предпочтение предложениям местных торговцев[262].

В конце лета 1916 г., когда в Тайге ощущался сахарный кризис и напряженная ситуация с другими продуктами, городское самоуправление оказалось бессильным противостоять частным торговцам в их стремлении сосредоточить в своих руках торговлю предметами первой необходимости. «Наши торгаши крепко держат в руках городское самоуправление, – писали из Тайги в газету «Голос Сибири». – Рабочие хотели получить сахар,

[259] Сибирский листок. 1916. 25 окт.
[260] Сибирский листок. 1916. 20 нояб., 8 дек.
[261] Сибирский листок. 1916. 13 дек.
[262] Сибирская жизнь. 1916. 3 дек.

который прибыл в вагонах, прямо из рук городского управления и собрали деньги. Городской голова согласен, но торговцы – против. Дело застопорилось. Также плохо с мясом, мукой, хлебом. Городское самоуправление бессильно что-либо предпринять при скудости бюджета. Остается одна надежда – на местный кооператив»[263].

Постепенно ряд крупных торговцев в Тайге ликвидировали свои дела, и кооператив «Труд» осталось крупнейшим и чуть ли не единственным распорядителем продуктов в городе. Производя закупки совместно с Мариинским торгово-промышленным товариществом кооперативов, томским «Деятелем», Анжерским и Судженским кооперативами, он продал населению в 1916 г. товаров на 143 548 руб. вместо запланированных в смете 36 тыс. руб.[264] Рост оборотов свидетельствовал о значительной роли кооператива в снабжении населения.

В *Новониколаевске* вопрос о совместной деятельности городского самоуправления и общества потребителей «Экономия» был поставлен в первые дни войны на заседании городской управы 20 августа 1914 г. Наличие потребительских кооперативов гласные признали «лучшим регулирующим цены средством», но не решились передать им дело обеспечения населения продовольствием, чтобы не лишать этой возможности частных торговцев[265].

На заседании 15 сентября 1915 г. городская дума констатировала, что дороговизна приняла характер глубокого социального явления, и более внимательно рассмотрела предложение «Экономии» о передаче продовольственного дела в руки кооперации. Представители кооператива вошли в состав городской продкомиссии, биржевого и военно-промышленного комитетов.

Первоначально продкомиссия проявляла определенную активность, регулируя цены на хлеб с помощью открытия городской хлебопекарни,

[263] Сибирская жизнь. 1916. 2 сент.; Голос Сибири. 1916. 6 сент.
[264] Голос Сибири. 1916. 3 дек.
[265] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 135. Л. 7 об.–8.

заготавливая и продавая населению по низким ценам соль, сахар, мясо. «Но когда после Пасхи городские продукты закончились, цены поползли верх», – отмечалось в докладе гласных о проверке ее деятельности[266]. Работавшая под председательством городского головы без представителей общественности в составе исключительно предпринимателей, комиссия не могла соответствовать своему назначению. При проверке ее деятельности выявились факты срыва поставок продовольствия в пользу входящих в нее торговцев.

11 ноября 1916 г. под давлением общественности дума приняла решение о преобразовании комиссии в продовольственный комитет с широким представительством общественных, профсоюзных и кооперативных организаций и ходатайствовала перед губернатором о предоставлении комиссии права контроля над торговлей и производством предметов первой необходимости вплоть до обследования коммерческих тайн. В состав продовольственного комитета вошли семь гласных, два представителя от кооперативов, три – от населения из разных частей города. Общее собрание «Экономии», приняв во внимание, что комитет с таким ограниченным составом не сможет улучшить продовольственную ситуацию в городе, решило своего представителя не посылать, от действий комитета дистанцироваться. Главное внимание предлагалось сосредоточить на усилении собственной торгово-закупочной деятельности[267].

Огромная роль потребительного общества «Экономия» проявилась в периоды мучного и сахарного кризисов. Городская операция по заготовке муки для продажи населению ослаблялась действиями мукомолов, входивших в состав продовольственной комиссии. Они были заинтересованы в установлении в Новониколаевске как можно более высоких цен на муку, чтобы в случае таксировки не потерять прибыль. Гласные из предпринимателей неоднократно перекупали намеченную городом к покупке

[266] Там же. Д. 201. Л. 19.
[267] Голос Сибири. 1916. 15, 20, 23 нояб.

муку, обрекая на бестоварье городские магазины. Продавая муку кооперативам, они в интересах выгоды требовали приобретать все сорта, а не только третий, что для кооперативных магазинов, рассчитанных на демократическую публику, было разорительно[268].

Правление «Экономии» приложило большие усилия к поиску возможностей пополнения иссякающих запасов муки. Поскольку на заседания городской управы, где обсуждались вопросы о снабжении города мукой и другими продуктами, его представители не приглашались, правление обратилось через биржевой комитет к местным мукомолам. Наконец, 29 октября 1916 г. состоялось совещание проезжавшего через Новониколаевск заместителя уполномоченного Особого совещания по продовольствию в Томской губернии, городского головы, полицмейстера, представителей биржевого комитета и «Экономия», на котором было согласовано решение о предоставлении кооперативу по пять вагонов муки для продажи населению ежемесячно[269]. Корреспондент газеты «Сибирская жизнь» писал: «Смело можно сказать, что если в нашем городе не было до сих пор такой большой неурядицы с мукой, как это было в Томске, так это благодаря "Экономии"»[270].

В период сахарного кризиса, спровоцированный как недостатком подвоза, так и спекуляцией[271]. Городская управа совместно с общественными организациями ввела нормированное снабжение сахаром, что, однако, не предотвратило «сахарного бунта» 9 ноября 1916 г. – трагедии, которая горячо обсуждалась на собрании «Экономии»[272]. Кооператив продавал сахар по карточкам наряду с городскими общественными лавками и «Обществом потребителей Союза русского народа». При этом он не только не получал прибыли, но и терпел убытки. Комиссионное вознаграждение, получаемое от городской продкомиссии, было ниже установленных МСПО норм потерь при

[268] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 201. Л. 19 об.
[269] Голос Сибири. 1916. 30 окт.
[270] Сибирская жизнь. 1916. 9 нояб.
[271] Сибирская жизнь. 1915. 21 окт.
[272] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20, ч. 25. Л. 26.

провесе. При этом городская управа получала чистого дохода 50 коп. с пуда. После ряда ходатайств сумма возмещения потерь кооператива при розничной реализации сахара была повышена, что дало возможность закончить сахарную операцию. В магазинах и лавках «Экономии» сахар получили 45 233 чел., в городских лавках – 43 581, в обществе потребителей «Союза русского народа» – 18 424 чел.[273]

Кооперативная торговля приобретала все большее значение для жителей города. Если раньше дневная выручка Вокзального отделения «Экономии» составляла 150–200 руб., то в декабре 1916 г. – 300–400, оборот Центрального отделения доходил до 1500 руб. в день[274]. Для пополнения ассортимента товаров кооператив прилагал неимоверные усилия. Несмотря на это, бестоварье заставляло ограничивать продажу ряда товаров посторонним.

В конце 1916 г. гласные городской думы констатировали, что «к кооперативным организациям перешла почти вся торговля, они, надо думать, возьмут в свои руки и производство»[275]. Отмечалась необходимость развития таких организаций, как кооператив «Экономия», который удовлетворял продовольственные нужды не только своих членов, но всего населения города и вел борьбу с возрастающей дороговизной на предметы первой необходимости[276]. Тем не менее, сами кооператоры оценивали отношение местных властей к кооперативу, как «определенно-отрицательное»[277].

Лишь к концу 1916 г. думой было удовлетворено ходатайство о снижении арендной платы для торговых помещений «Экономии». Вопрос о предоставлении ссуды из государственной дотации на борьбу с дороговизной многократно откладывался из-за отсутствия гарантии возврата. На заседании биржевого комитета выяснилось, что торговые фирмы, считая кооперацию явлением временным, охотнее отпускали товар, особенно большими

[273] Голос Сибири. 1916. 3, 20, 28 сент., 13, 30 окт.
[274] Голос Сибири. 1916. 9 дек.
[275] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 221. Л. 23.
[276] Там же. Л. 41, 45.
[277] Голос Сибири. 1916. 28 сент.

партиями, частным торговцам, с которыми надеялись сохранить партнерские отношения и после войны[278].

Уездный комитет по отсрочкам от призыва в действующую армию не признал «Экономию» организацией, работавшей на оборону, как кооперативы Омска, Красноярска, Томска, Анжерска, Судженска и других городов. Мобилизация кооперативных работников грозила развалом всей работы общества. В посланной в Петроград протестной телеграмме кооператоры просили о временной отсрочке хотя бы для руководства[279].

Потребительное общество «Экономия» наряду с другими кооперативными организациями Новониколаевска (союзом кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, Закупсбытом, товариществом «Обский кооператор», Союзом сибирских маслодельных артелей и Обским обществом сельского хозяйства) явилось инициатором и организатором совещания представителей кооперативов Западной Сибири в Новониколаевске 27–28 ноября 1916 г. с участием 38 делегатов.

Совещание обсуждало продовольственное положение в стране и Сибирском регионе. Отметив «расстройство, хаос и путаницу» в хозяйственной жизни, делегаты высказались за необходимость выработки плана ее урегулирования на основе формирования правительства народного доверия. В резолюциях были намечены меры по преодолению продовольственного кризиса: учет, заготовка и передача для распределения всех продуктов продовольственным комитетам, избранным от волостного до губернского уровня при участии всего населения, общественным организациям и кооперативам; осуществление тесного общения с населением, принятие экстренных мер к увеличению посевных площадей, сохранение твердых цен и в интересах крестьян распространение твердых цен на все предметы массового крестьянского потребления и орудия производства сельского хозяйства. Закончилось совещание решением о

[278] Голос Сибири. 1916. 3, 22 дек.
[279] Сибирская жизнь. 1916. 9 нояб.; Голос Сибири. 1916. 30 окт., 4 нояб.

созыве в январе 1917 г. в Томске Всесибирского кооперативного съезда. Резолюции совещания были отправлены по телеграфу в Петроград членам Государственной думы А.Ф. Керенскому, Н.С. Чхеидзе, В.Н. Некрасову и члену Государственного совета Е.Л. Зубашеву[280].

В *Томске* инициатором активных действий по преодолению продовольственного кризиса являлось общество потребителей «Деятель». На общем собрании 30 апреля 1915 г. члены кооператива приняли постановление о совместных действиях со всеми организациями, борющимися с дороговизной[281]. Правление кооператива напомнило городской думе о постановлениях Омского съезда, обязывавших города Западной Сибири принять решительные меры по борьбе с дороговизной, и предложило избрать городскую продкомиссию, В наказе делегатам от кооператива содержались пункты о выяснении наличия продуктов на местном рынке, урегулировании их подвоза к Томску, нормировке цен, обеспечении гласности[282].

Однако отношений кооператива с продкомиссией не сложилось[283]. Активная позиция в продкомиссии даже нанесла ему определенный вред, так как вызвала недовольство местных торгово-промышленных кругов. Мукомольные фирмы разорвали с «Деятелем» соглашения о поставках муки, и он был вынужден приобретать муку через перепродавцов[284], а партия закупленного обществом сахара была неожиданно реквизирована местной администрацией.

Ответственность за провал сотрудничества возлагалась на правление кооператива состава 1915 г.: продкомиссия города натолкнулась на

---

[280] ГАРФ. Ф. 102 ДПОО. 1916. Д. 16, ч. 82. Л. 1–3об. [Донесение начальника Томского губернского жандармского управления директору Департамента полиции о совещании представителей кооперативов Западной Сибири в Новониколаевске]. См. полный текст в кн.: Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.): сб. документов. Новосибирск, 2012. С. 116–120.

[281] Протокол общего собрания общества потребителей «Деятель» от 30 апреля 1915 г. // Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 21.

[282] Самодеятельность. 1915. № 4–5. С. 9.

[283] Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 6.

[284] Сибирская деревня. 1915. № 10–11. С. 28.

«инертность заправил общества», показавших себя «заурядными скупщиками, презревшими кооперативные и социальные идеи»[285]. Новый состав правления делегировал в ее состав В.И. Анучина и А.Ф. Иванова и добился большего успеха. В 1916 г. кооператив периодически получал от города для продажи крупу, сахар и муку[286].

Вопрос о борьбе с продовольственным кризисом неоднократно обсуждался на общих собраниях «Деятеля». Основные проблемы были связаны с недостатком оборотных средств и зависимостью от местного рынка закупок. В крайне сложных условиях кооператив обеспечивал пайщиков и население города предметами первой необходимости благодаря работе семи торговых отделений. В момент мучного кризиса правление обратилось к городу за ссудой для оборудования пекарни. Вопрос о ссуде, не получив полной поддержки гласных, был решен отрицательно.

Деятельность кооперативной пекарни была крайне важна для Томска, так как после введения твердой цены на муку, качество продукции частных пекарен ухудшилось, уменьшился объем производства, в городе же, особенно с появлением беженцев, возрастала необходимость в печеном хлебе. Кооперативный хлеб продавался на 1–4 коп. дешевле, чем в частной торговле, дав чистой прибыли 1764 руб. Успешный опыт работы пекарни «Деятеля» показал, что и при твердых ценах на муку кооперативное хлебопечение могло рассчитывать на прибыль[287].

В связи с сахарным кризисом летом 1916 г. по инициативе «Деятеля» были введены карточки. Город был поделен на шесть районов по числу кооперативных лавок. В каждом районе жители избрали комитет, который наблюдал за правильным распределением сахара. Эти меры были ответом на действия спекулянтов – наемных лиц частных торговцев, скупавших сахар в

[285] Утро Сибири. 1916. 5 мая.

[286] Союз потребителей. 1916. № 27. С. 946; Сибирская жизнь. 1916. 14 мая, 16 июня, 18 нояб.

[287] Союз потребителей. 1915. № 23. С. 786.

кооперативных лавках мелкими партиями для перепродажи[288]. Активное участие «Деятель» принимал в организации снабжения населения по карточкам мукой. В октябре 1916 г. представитель кооператива вошел в состав особого мукомольного бюро наряду с делегатами биржевого комитета и мукомолами Томска, Барнаула и Новониколаевска[289].

После Февральской революции, когда на место городских самоуправлений в продовольственном деле встали продовольственные комитеты, богатый кооперативными силами Томск дал много опытных работников для избранного в марте 1917 г. на Продовольственном съезде губернского продовольственного комитета. В его состав вошли председатель западносибирского сельскохозяйственного общества профессор Томского университета П.И. Лященко, товарищ председателя районного союза «Томский кооператор» В.И. Анучин, председатель районного союза «Обский кооператор» А.К. Скворцов, член правления общества потребителей «Деятель» Н.С. Васильев, член правления Томского общества потребителей Министерства земледелия Ф.Р. Дульский[290].

В *Мариинске* городское общество потребителей с началом войны проводило работу по снабжению населения предметами первой необходимости, преодолевая сопротивление местных властей. Уездный кооперативный съезд, созванный в середине 1915 г. для обсуждения задач по спасению села, лишившегося рабочих рук в связи с мобилизацией, не был разрешен полицейскими властями. Не сразу сложились отношения кооператива с местным городским самоуправлением. «Враждебное отношение» к делегатам кооператива на заседаниях продкомиссии кооператоры объясняли «классовым составом» думы[291]. Лишь в апреле

[288] Сибирская жизнь. 1916. 16 июня.
[289] Голос Сибири. 1916. 30 окт.
[290] Утро Сибири. 1917. 18 марта; Сибирская жизнь. 1917. 18 марта.
[291] Кооперативная жизнь. 1915. № 17–18. С. 150.

1916 г. городское самоуправление постановило выдать кооперативу ссуду 25 тыс. руб. и вступило в его члены с внесением 10 паев[292].

Летом 1916 г. город переживал сахарный кризис[293]. К городской лавке выстроились длинные очереди. Кооператив начал продавать заготовленный городом сахар по карточкам. Горожане сразу же отметили «благотворные последствия этой меры»: очереди исчезли, а расход сахара сократился в четыре раза, так как карточная система уничтожила поползновения заготовить впрок. «Через два месяца не осталось среди "отцов города" ни одного противника сотрудничества с кооператорами», – писали из Мариинска[294]. После сахарной операции, показавшей эффективность отлаженного торгового механизма кооперации, кооператив совместно с городом заготавливал и распределял другие дефицитные продукты.

Особенностью продовольственного кризиса в *Нарыме* была зависимость местного рынка от навигации, что требовало запасаться товарами, главным из которых была мука, осенью на весь зимний период. Молодое потребительное общество, не успевшее в силу ограниченности оборотного капитала осенью 1915 г. сделать значительные товарные запасы, зимой в условиях прекращения судоходства с большим трудом заполняло продуктами прилавки своих магазинов. Местные торговцы придерживали муку до весны – периода наивысших цен – и неохотно продавали ее, особенно членам потребительного общества, говоря, что у них есть своя лавка.

Думая, как прокормить до навигации «более трех тысяч ртов города и окрестных деревень», кооператоры направили городским властям записку с предложением о создании в городе запасов муки [295]. На призыв кооператива к совместным действиям в продовольственной кампании откликнулось мещанское общество. Имея большие запасы муки, оно частями поставляло ее

[292] *Николаев В.* Городское дело в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 124.
[292] Сибирская жизнь. 1916. 14 июля.
[293] Сибирская жизнь. 1916. 14 июля.
[294] Сибирская жизнь. 1917. 4 февр.
[295] Сибирская жизнь. 1917. 28 февр.

в кооператив для продажи на условиях периодической оплаты. Наличие муки в мещанском обществе и продажа ее в кооперативном магазине сдерживали спекулятивные колебания цен на муку и хлеб на местном рынке.

В 1916 г., когда в Нарыме стало известно о введении в Томске карточек на муку, кооператив при поддержке общественности снова поставил перед городом вопрос о мучной операции. После этого городское самоуправление «расшевелилось» и «на последние копейки из городского запасного капитала» приступило к заготовкам муки. Правление кооператива совместно с мещанским старостой организовало подворное обследование запасов муки для выяснения ее необходимого количества с учетом всех жителей города при 20-фунтовой выдаче на руки вплоть до весны[296].

Поставки для кооперативов Нарыма и его окрестностей муки, сахара и других важнейших продуктов производилось районным товариществом «Томский кооператор». Полученная осенью 1916 г. партия ржаной муки, которая вместе с доставкой обошлась в 1,43 руб. за пуд, продавалась нарымским кооперативом по решению общего собрания себе в убыток – по 1,40 руб. за пуд, чтобы предотвратить спекуляцию торговцев[297]. Корреспондент газеты «Сибирская жизнь» отмечал: «С первых же дней нарымское общество потребителей, единственное из кооперативов Северного края более или менее окрепшее к началу продовольственного кризиса, должно было взяться за заготовку муки. Только благодаря ему цены на муку в крае не были взвинчены»[298].

Исключительная роль кооператива в организации продовольственного дела в городе была очевидна. Как и везде активность кооператоров вызывала недовольство местных предпринимательских кругов, противодействие которых кооперативу в «городских сферах» из закулисного превратилось в «демонстративное»[299].

---

[296] Утро Сибири. 1917. 7 февр.
[297] Союз потребителей. 1915. № 36. С. 1275; Сибирская жизнь. 1915. 9, 19 дек.
[298] Сибирская жизнь. 1917. 9 февр.
[299] Союз потребителей. 1915. № 36. С. 1275.

В *Барнауле* инициатива совместных действий в продовольственной кампании исходила от потребительного общества «Сотрудник». Отношения между кооперативом и городским самоуправлением разделились на два периода. В 1915 г., когда во главе городской продкомиссии стоял гласный Т.П. Гончаров, был разработан план продовольственной компании в духе постановлений съезда Союза городов о взаимном сотрудничестве общественных сил. Он состоял в том, чтобы товары закупались продкомиссией совместно с кооперативом и продавались всему населению через кооперативную торговую сеть. Ожидаемая городом правительственная ссуда позволяла надеяться на проведение широкой операции по заготовке муки, так как ее недостаток ощущался особенно остро.

В 1916 г. во главе продкомиссии встал городской голова В.Я. Бирюков, который заявил, что «намерен организовать продовольственную помощь населению как доходное дело, на здоровых коммерческих основаниях». Избранные в состав комиссии купцы и торговцы – торговые конкуренты «Сотрудника» – оттеснили его представителей от реальной деятельности[300].

Опираясь на собственные средства, кооператив прилагал значительные усилия для снабжения своих магазинов товарами в периоды мучного, сахарного и других кризисов. «Сотрудник» приобретал муку и важнейшие товары при помощи местных кредитных товариществ. Часть товарного запаса восполнялась городскими заготовками. В феврале 1916 г. обществу потребителей наряду с частными торговцами городская управа передала для продажи населению 5 тыс. пуд. сахара, в ноябре – около трети из полученных городом 8,5 тыс. пуд. муки[301].

В *Бийске* общество потребителей «Общая польза» проводило торгово-заготовительную деятельность в интересах малообеспеченного населения, тяжесть положения которого усугублялась законом о «мясопустных днях». После установления в городе нормы заготовок в 500 голов крупного рогатого

[300] Жизнь. Алтая. 1916. 5 июля.

[301] Жизнь Алтая. 1916. 30 янв., 7 сент., 13 окт., 2 нояб., 2 дек.; Голос Сибири. 1916. 12, 19 окт.; Сибирский листок. 1916. 25 февр.

скота в день, беднякам мяса на рынке не доставалось из-за того, что состоятельные потребители закупали его впрок на все четыре мясопустных дня в неделю. В сентябре 1916 г. в разгар мясного кризиса кооператив организовал продажу мяса по карточкам[302].

В *Кургане* между кооператорами и местным самоуправлением сложилось тесное сотрудничество. В мае 1915 г. на заседании городской думы было решено в продовольственной политике опереться на общество потребителей. Преодолевая сопротивление части гласных, дума разрешила ему кредитоваться в городском общественном банке[303]. После отказа банка из-за отсутствия гарантий возврата заемных средств[304], дума поручила управе совместно с банком выработать наиболее льготные условия кредитования кооператива, а также содействовать его ходатайствам о погрузке и отправке товаров по железной дороге[305].

Проведенное по поручению городской управы обследование выявило важную роль кооператива как регулятора цены на предметы первой необходимости. С открытием в июле 1915 г. третьей лавки его значение в снабжении населения еще более увеличилось[306]. Общество потребителей стало закупочным центром для кооперативов и артельных потребительских лавок всего Курганского района[307].

В *Омске* инициатива совместной работы с муниципальными структурами исходила от Городского общества потребителей и его председателя А.Н. Гладышева. В октябре 1915 г. правление общества обратилось в городское самоуправление с просьбой о включении в состав продкомиссии своих представителей[308]. Но сотрудничество кооператоров с городом установилось не сразу. В ноябре 1915 г. кооператив аннулировал

[302] Сибирская жизнь. 1916. 16 сент.
[303] Сибирская жизнь. 1915. 19 мая.
[304] Союз потребителей. 1915. № 21. С. 677.
[305] Самодеятельность. 1915. № 4–5. С. 9.
[306] Сибирская жизнь. 1915. 4 июля.
[307] Союз потребителей. 1915. № 13. С. 388.
[308] Омский вестник. 1915. 17 (29) окт.

невыгодную сделку по получению от продкомиссии муки и стал закупать ее самостоятельно. Несмотря на отказ большинства мукомольных фирм от заключенных ранее контрактов, кооператив находил новых поставщиков[309]. Мука приобреталась в больших количествах для реализации населению, в том числе по карточкам, и для работы пекарни.

Ходатайство кооператива о кредите в 10 тыс. руб. и гарантии товарного кредита у фирм в размере 25 тыс. руб., поданное в городскую думу в ноябре 1915 г., не было удовлетворено[310]. Лишь в мае 1916 г. городская дума выдала обществу потребителей кредит 10 тыс. руб. и вступила в него с 500 паями.

Успешная работа четырех торговых отделений кооператива подверглась испытанию на прочность в периоды сахарных, мучных и других кризисов. В августе 1916 г., когда в обществе закончился сахар и торговля «затухла», жители получали сахар только из городских лавок, стоя по 3–4 часа в очереди[311]. Из полученной обществом потребителей от города десятитысячной ссуды 6 тыс. руб. было потрачено на приобретение сахара[312]. Льготные условия покупки сахара в кооперативных магазинах позволили кооперативу увеличить состав до 2500 чел. и обеспечить приток паевого капитала.

Трудности с заготовкой товаров не остановили рост оборотов: доход от торговли за июль 1916 г. составил 70 тыс. руб., за октябрь – 77 тыс. руб.[313] Годовой оборот приблизился к полумиллиону[314]. По наблюдениям городских властей городское население «наполовину покупало все в потребительных лавках», перед которыми в часы обеденного перерыва «скапливалась толпа, ожидающая открытия»[315].

---

[309] Омский вестник. 1915. 17 (30) нояб.
[310] ИАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.; Омский вестник. 1915. 3 (16) нояб.
[311] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 36 об.
[312] Иркутский кооператор. 1916. № 10. С. 20.
[313] Омский телеграф. 1916. 12 нояб.
[314] Омский телеграф. 1916. 25 дек.; ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 83 об.
[315] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 41.

В ноябре 1916 г. в кооперативе началось формирование инвестиционных фондов для совместной со всеми потребительными обществами Омска организации собственного производства – конфетного, мыловаренного и колбасного[316].

В *Семипалатинске* в конце лета 1916 г. сахар продавался только в кооперативных лавках местного потребительного общества по карточкам[317].

В *Красноярске* инициатива борьбы с продовольственным кризисом принадлежала обществу потребителей «Самодеятельность». В апреле 1915 г. правление общества представило в городскую думу докладную записку по вопросу борьбы с дороговизной. С целью расширения торгово-закупочных операций общество ходатайствовало перед городским самоуправлением о предоставлении беспроцентной ссуды 10 тыс. руб. и гарантии торгового кредита у фирм до 25 тыс. руб., выделении бесплатного складского помещения для товаров, нарядов на вагоны, закупке товаров для городских учреждений в магазинах «Самодеятельности», приглашении представителей общества в комиссию по нормировке цен, устройстве городских пекарен, мясной лавки и дровяного склада[318].

Продкомиссия поддержала предложения кооператива только после переизбрания, но городская дума не торопилась утверждать ее решения. Дума считала, что беспроцентная ссуда поставит кооператив в более выгодные условия по сравнению с торговцами, что приведет к «сбиванию цен» и дисбалансу на местном рынке. Только после того, как члены продкомиссии в знак протеста заявили о своей отставке, гласные думы постановили открыть «Самодеятельности» кредит 15 тыс. руб. и выделить

[316] Омский телеграф. 1916. 16 нояб., 7 дек.
[317] Голос Сибири. 1916. 21 авг.
[318] Союз потребителей. 1915. № 14. С. 418.

100 тыс. руб. на заготовку продовольствия для реализации в городских и кооперативных магазинах[319].

В конце октября 1915 г., когда выяснились значительные масштабы неурожая зерновых практически на всей территории Енисейской губернии, кооператоры представили в городскую думу вторую докладную записку, где ходатайствовали о выделении 700 тыс. руб. на заготовку зерновых и мяса. Городская дума признала обоснованность доводов представителей «Самодеятельности» и выделила 300 тыс. руб. на закупку городом зерновых и 100 тыс. руб. на заготовку мяса.

В конце декабря 1915 г. главой продкомиссии избрали члена городской управы Вихрева, представлявшего интересы купеческой части думы[320]. Его деятельность кооператоры подвергли острой критике: городские общественные магазины торговали по рыночным ценам, закупка продуктов и их подвоз производились медленно, несвоевременно, дорого, «мимоходом и спустя рукава» из-за отсутствия прямой заинтересованности у членов продкомиссии. «Малоимущие слои благодаря дороговизне живут впроголодь, – писали кооператоры в журнал «Самодеятельность потребителя». – В городских думах заседают имущие слои населения, для которых продовольственный вопрос – дело десятое. Они голода не чувствуют»[321].

Весной 1916 г. в Красноярске констатировали полный развал деятельности продкомиссии. По примеру других городов под давлением общественности городская дума приняла постановление о создании продовольственного комитета, состоявшего из представителей думы, «Самодеятельности», профсоюзов и общественных организаций,

[319] Сибирская деревня. 1915. № 6. С. 18; Объединение. 1915. № 12. С. 21; Сибирская жизнь. 1915. 3 сент.

[320] *Борисович Л.* Продовольственный вопрос в Красноярске и общество потребителей «Самодеятельность» // Союз потребителей. 1916. № 3–4. С. 112–113.

[321] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 1–2.

деятельность которого осуществлялась под руководством Союза городов Восточной Сибири[322].

В своей торгово-закупочной деятельности «Самодеятельность» осуществляла практическое выполнение решений продкома «о борьбе с надвигающимся голодом», заготавливая и продавая по карточкам сахар, муку, крупу и другие продукты первой необходимости. Кооперативная пресса отмечала: «Большую долю распределения продуктов по норме берет на себя это общество [323].

В разных частях города действовали четыре торговых отделения «Самодеятельности» и хлебопекарня. Кооператив пользовался «живейшими симпатиями» населения Красноярска. В разгар сахарного и мучного кризисов на одном из общих собраний в январе 1917 г. произошли «страстные прения» по перспективам продовольственного вопроса, так как часть членов требовала обособления продовольствия – продажи только своим членам. Собрание постановило продолжать политику обслуживания всех покупателей, насколько это будут позволять товарные запасы[324].

В начале 1917 г. «Самодеятельность» совместно с кредитными товариществами разработала план закупки муки, помола на частных мельницах и продажи через кооперативную торговую сеть[325]. Совместно с товариществом кооперативов Енисейской губернии кооператив приступил к организации собственного конфетного и мыловаренного производства[326].

В *Енисейске* Енисейской губернии, зависящем в хозяйственной жизни от навигации, в центре продовольственной кампании стояло общество потребителей «Самопомощь». Три представителя кооператива вошли в состав городской продкомиссии.

[322] Самодеятельность потребителя. 1916. № 4–5–6. С. 3.
[323] Кооперативное дело 1917. № 1. С. 12–13.
[324] Сибирская жизнь. 1917. 17 янв.
[325] Сибирская жизнь. 1917. 5 янв.
[326] Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 22.

Совместно с городскими властями «Самопомощь» осуществляла операции по снабжению города сахаром, мукой и другими продуктами[327]. Главные трудности кооператива были связаны с недостатком товаров и оборотных средств. В августе 1915 г. только что возникшее потребительное общество обратилось с ходатайством в городскую думу о беспроцентной ссуде на расширение торгово-закупочных операций, оставшееся без ответа[328].

Торговцы требовали от губернских властей повышения таксы на хлеб, торгуя прошлогодними запасами. Так как у города не было ни средств, ни собственных продовольственных запасов, чтобы заставить их придерживаться установленных цен, то с целью наполнения рынка товарами местная администрация постоянно повышала твердые цены. Кооператив приобретал товары для своих магазинов, опираясь на аппарат кооперативных союзов.

Летом 1916 г. в разгар сахарного кризиса на губернском совещании по продовольственному делу по предложению товарищества кооперативов Енисейской губернии было решено весь поступавший в губернию сахар передавать для продажи обществу потребителей «Самопомощь» и другим кооперативам. С целью получения средств для закупки сахара кооператив в 1916 г. направил ходатайство в городскую думу об открытии товарного кредита на 20 тыс. руб. «Но дума тянет дело», – констатировали кооператоры[329].

К концу 1916 г. продовольственная разруха усилилась, запасов муки не было ни в городе, ни в уезде. Кооператоры Енисейска отмечали: «Запасы потребительного общества иссякают, хотя их было заготовлено в четыре раза больше, чем в прошлом году. Торговцы ведут самую бесшабашную спекуляцию»[330]. На «бурном и оживленном» уездном кооперативном совещании с участием «Самопомощи» были приняты решения о том, чтобы

[327] Сибирская жизнь. 1916. 10 июня; Сибирская жизнь. 1916. 14 авг.
[328] Сибирская деревня. 1915. № 16–17. С. 37.
[329] Сибирская жизнь. 1916. 14 авг.
[330] Сибирская жизнь. 1917. 3 янв.

провести немедленный учет всех запасов имевшегося в городе продовольствия (хлеба, картошки и др.), ускорить подвоз товаров, реквизировать важнейшие продукты у частных торговцев, ввести карточную систему на все предметы первой необходимости для распределения их через кооперативы. Телеграммы с изложением необходимых экстренных мер по решению совещания были отправлены министру земледелия, а копии – членам Государственной думы Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенскому, енисейскому губернатору и губернскому товариществу кооперативов[331].

Кооператоры *Канска* Енисейской губернии констатировали «благожелательное» отношение городского самоуправления к кооперативу. В 1915 г. городская дума приняла постановление о передаче обществу потребителей из правительственной субсидии на продовольственное дело 20 тыс. руб. для расширения торгово-закупочной деятельности[332]. Руководители и служащие кооператива получили отсрочку от призыва[333].

В *Иркутске* в центре продовольственной компании стояли кооперативы «Труженик», «Кооператор» и потребительное общество ссудо-сберегательного товарищества. В первые месяцы войны правление «Труженика» объявило, что пока имеет запасы продуктов, цены поднимать не будет[334]. «Труженик» начал свою торговую деятельность с продажи закупленного городским самоуправлением сахара. Сахарная операция представляла для кооператива серьезную работу, так как в условиях «сахарного голода» 150 пуд. сахара было реализовано в розницу мелкими партиями по 5 фунтов в одни руки[335]. В сахарной операции активно участвовало также общество потребителей ссудо-сберегательного товарищества. Потребители отмечали, что при продаже городского сахара в его лавках, несмотря на огромное количество покупателей, соблюдался образцовый порядок благодаря системе отдельных дверей для входа и

[331] Сибирская жизнь. 1917. 31 янв.
[332] Союз потребителей. 1915. № 23. С. 785.
[333] Сибирская жизнь. 1916. 16 сент.
[334] Союз потребителей. 1914. № 21–22. С. 653.
[335] Иркутский кооператор. 1916. № 6. С. 14; № 7. С. 14–15; № 9. С. 18; № 10. С. 16.

выхода. Торговля была настолько интенсивной, что сахара хватало лишь на два–три часа работы, торговые обороты достигали до тысячи руб. в день[336].

Кроме сахара «Труженик» продавал с минимальной наценкой муку, масло и мясо из городских и собственных заготовок[337]. В июле–августе 1916 г. кооператив ходатайствовал перед городским самоуправлением о введении при их продаже карточек[338]. При содействии городских властей кооператоры выработали план мясной операции. Уполномоченный Особого совещания по продовольственному делу поставлял мясо на скотобойню, а вывоз, хранение и торговлю осуществлял «Труженик»[339]. В результате в кооперативной торговле было реализовано населению 865 голов крупного рогатого скота. Мясо продавалось со средней наценкой 10,27%, дешевле местной таксы на этот продукт на 1 коп. за фунт. Кооперативные мясные лавки принуждали частных мясоторговцев понижать цены на 10–15 коп. за фунт[340].

Общество потребителей «Кооператор» снабжало жителей Иркутска товарами из пяти торговых отделений, принимало участие в городской сахарной и мучной операции. Например, в январе 1917 г. кооператив получил от городской управы для реализации муку и сахар на сумму 51 033 руб., что составило 59% его товарных поступлений за месяц[341].

Признавая, что городское самоуправление сделало определенные шаги по организации муниципальной торговли овсом, мукой, сахаром, мясом, иркутские кооператоры не считали его способным регулировать цены на предметы первой необходимости[342]. На чрезвычайном общем собрании «Кооператора» 20 ноября 1916 г., где обсуждался вопрос о принципах сотрудничества с городским самоуправлением, выступления ораторов

---

[336] Иркутский кооператор. 1916. № 13. С. 18.
[337] Там же.
[338] Голос Сибири. 1916. 20 авг.
[339] Иркутский кооператор. 1916. № 14–15. С. 15.
[340] Иркутский кооператор. 1916. № 19–20. С. 19; № 21–22. С. 29; Голос Сибири. 1916. 20 авг.; Сибирь. 1917. 24 янв.
[341] Иркутский кооператор. 1916. № 3–4. С. 18.
[342] Самодеятельность. 1915. № 4–5. С. 9.

сводились к тому, что для демократической кооперативной организации пользоваться «услугами и подачками» администрации – это позор, кооперация в кавычках. Вновь избранному составу правления поступил зафиксированный в резолюциях наказ о том, чтобы, участвуя в силу необходимости в работе городской продкомиссии, придерживаться собственной линии поведения, оповещая о ней широкие круги общественности[343].

На общем собрании «Труженика» в октябре 1916 г. говорилось о незаинтересованности городской продкомиссии в привлечении в свой состав представителей широких кругов населения и в реальной борьбе с продовольственным кризисом. Принятая резолюция призывала к созданию особого продовольственного органа с широким народным представительством для организации закупок предметов первой необходимости и справедливого распределения их среди населения.

В различных районах Иркутска проходили многолюдные собрания горожан по продовольственному вопросу. Ораторы критиковали деятельность городской продкомиссии, пытались выяснить действительные причины дороговизны и методы борьбы с ней. Интерес к продовольственным собраниям, привлекавшим по 150 и более участников, распространялся на широкие круги городского населения. Но вмешательство полиции, ограничение свободы слова и аресты ораторов, происходившие практически на каждом из них, лишали эту форму самоорганизации потребителей смысла и эффективности[344].

Чита позже других сибирских городов испытала тяжесть продовольственного кризиса. Находясь в центре скотоводческого района, город был обеспечен мясом, хлебный и сахарный кризисы проявились здесь позже и не так остро, как в других городах. Масштабы надвигавшейся продовольственной разрухи стали ясны осенью 1916 г., когда в городе стал

[343] Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 29.
[344] Сибирская жизнь. 1916. 6 дек.; Кооперативное слово. 1916. № 2. С. 19.

ощущаться острый недостаток мяса, сахара, муки и даже дров, хотя он стоял в окружении тайги[345].

В конце 1916 г. городское самоуправление ожидало правительственную ссуду на продовольственное дело, использовать которую намеревались как торговцы, так и различные общественные силы: 1) городская продкомиссия, 2) действовавший под эгидой Союза городов Восточной Сибири продовольственный комитет, 3) созданная специально для распоряжения ссудой комиссия из представителей комитета и кооперативов, в которой кооперативам сначала предоставили право решающего голоса, а затем только совещательного[346].

По этому поводу из Читы сообщали, что пока местные власти и общественные деятели придумывали для кооператоров такие формы фиктивного представительства, которые лишили бы их всякого действительного влияния на распоряжение ожидаемой правительственной ссудой, фактически борьбу с дороговизной и бестоварьем вели только кооперативы.

Кооперативные магазины единственные в городе не повышали цены, пока имели запасы[347]. В наиболее критические периоды полного отсутствия в городе таких важнейших продуктов, как мука, сахар, мясо и масло, члены потребительных обществ приобретали их в ограниченном количестве по карточкам. Вследствие этого численность «Трудового союза» в короткий срок приблизилась к 2 тыс. чел., «Экономa» – превысила 2,3 тыс. чел. В Чите существовало пять кооперативов с числом членов около 4 тыс., которые вместе с членами семей составляли 1/3 часть 60–тысячного населения города[348].

Вопросы, связанные с активным участием городских потребительских кооперативов в борьбе с продовольственным кризисом, обсуждались на

[345] Голос Сибири. 1916. 11 окт.

[346] Кооперативное слово. 1916. № 3. С. 3; Голос Сибири. 1916. 25 авг., 7 окт.

[347] *Неволин Я.* Дороговизна и кооперация // Вестник кооперации. 1915. № 3. С. 87.

[348] *Преображенский Е.* Продовольственный вопрос в Забайкалье и кооперативы // Союз потребителей. 1916. № 39. С. 1478.

частном совещании представителей городских кооперативов Омска, Красноярска, Тюмени, Новониколаевска и Барнаула, устроенном 17 августа 1916 г. в Новониколаевске после завершения работы II Совещания Комиссии сибирских кооперативов по закупкам и сбыту при Новониколаевском отделении МНБ.

В резолюциях констатировалось «враждебное» отношение большинства гласных городских дум к представительству демократических слоев населения в продкомиссиях и «бессилие» последних в разрешении продовольственных проблем. Отметив, что представительство кооперативов в продкомиссиях носило случайный и недейственный характер, совещание призвало кооператоров пользоваться в них только правом совещательного голоса, чтобы не брать на себя ответственность за продовольственную политику имущих классов[349].

Причину подобного положения кооператоры видели в цензовом составе городских дум. М. Омич отмечал взаимную отчужденность и враждебность в отношениях городских властей и кооперации, городская кооперация не знала благоприятствующей поддержки со стороны городских самоуправлений, как это, например, имело место в Бельгии, Швеции, Англии, Швейцарии, Норвегии и др. Он писал: «На Всероссийском съезде представителей городов 11–13 июля 1915 г. муниципальные и кооперативные деятели пытались взаимно отстранить друг друга от участия в городской продовольственной кампании»[350]. С начала 1916 г., по его мнению, несколько пренебрежительное отношение к кооперативам со стороны городских деятелей стало меняться на более благожелательное[351].

Таким образом, в годы войны отчетливо проявилось важное экономическое и общественное значение потребительской кооперации. Факты о деятельности сибирских городских и рабочих потребительских

[349] Голос Сибири. 1916. 20 авг.

[350] *Омич М.* Городское самоуправление и потребительская кооперация // Вестник кооперации. 1916. № 1. С. 79–80.

[351] Там же. С. 84.

кооперативов подтверждают мнение специалистов о том, что в Сибири кооперации удавалось ослаблять влияние спекулянтов и частных посредников и сдерживать рост цен на продовольствие и предметы первой необходимости, особенно в первые полтора-два года войны.

Несмотря на недостаток оборотных капиталов, потерю кадров в связи с мобилизацией, развал рынка и транспорта, деятельность созданных в довоенное время городских кооперативов продолжилась. Открылось много новых обществ, потребительские кооперативы действовали во всех городских поселениях Сибири. В период продовольственного кризиса кооперативы торговали по ценам более низким, чем в частной торговле, регулируя этим цены на местном рынке, и лишь в случаях острого бестоварья прекращали продажу дефицитных продуктов посторонним. В Тобольске, Чите, Новониколаевске, Омске и других городах до трети и более горожан снабжались из кооперативных лавок. В мелких городских поселениях кооперативы нередко становились монопольными хозяевами местного рынка. Незначительные по числу городские и рабочие кооперативы участвовали в общем товарообороте сибирской потребительской кооперации, превысившем к 1917 г. 20 млн руб., в размере почти 30%.

Новой чертой в деятельности кооперативов в годы войны являлось активное вмешательство в хозяйственную жизнь города и губернии в целом и сотрудничество с муниципальными структурами. Сотрудничество кооперативов и городских самоуправлений началось с середины 1915 г., когда стала ясна перспектива новой зимней военной кампании. Стремление к нему было обоюдным. Деятельность городских дум, в сферу компетенции которых входила борьба с дороговизной, была невозможна без использования торгового аппарата и опыта кооперации, которая в свою очередь искала пути доступа к финансовым и товарным рынкам, транспортной системе.

Столкнувшись с признаками серьезного ухудшения продовольственной ситуации и убедившись в слабости городских продовольственных комиссий,

кооперативы выступили инициаторами совместных с муниципальными властями продовольственных кампаний, рассчитанных с учетом как своих пайщиков, так и всего городского и уездного населения. Соответствующие резолюции принимались на общих собраниях, посвященных продовольственному вопросу. Кооперативы разрабатывали и представляли в городские думы планы продовольственных мероприятий в связи с продовольственным кризисом, неурожаями, закрытием судоходства на зимний период, ожидаемыми ссудами от правительства, требовали учета и передачи для распределения всех продуктов общественным организациям (продовольственным комитетам и кооперативам), реквизиции продовольствия у частных торговцев, принятия экстренных мер к увеличению посевных площадей, сохранения твердых цен, настаивали на гласности в деятельности продовольственных органов. Самостоятельно и с привлечением гласных городских дум кооператоры проводили перепись населения и подворные обследования продовольственных запасов для более точного определения потребностей.

Городские власти предоставляли в распоряжение кооперативов часть заготовленных ими продуктов и предметов первой необходимости, гарантировали кредит у торгово-производительных фирм и в городских банках, предоставляли льготы на торговые помещения и наряды на вагоны для транспортировки грузов. Ряд муниципалитетов вступили в кооперативы и внесли паи с целью закупки продуктов для городских учреждений. Именно при тесном сотрудничестве городских продовольственных органов и кооперативов стала возможной организация снабжения населения дефицитными товарами по карточкам в периоды сахарных, мучных, мясных и т.п. кризисов. При этом, кооперативы обслуживали бóльшее число потребителей, чем городские продовольственные лавки, реализуя собственные и муниципальные заготовки.

Эффективность сотрудничества кооператоров и муниципальных властей определялась характером сложившихся между ними отношений в каждом

городском поселении и особенностями местных экономических условий. Частный торговый капитал выступал главным конкурентом кооперации на рынке, представители торговых кругов в составе городских органов управления также не собирались уступать кооперативам свои преимущества. Цензовый характер городских дум и узкогрупповые экономические интересы торгово-промышленных кругов препятствовали своевременному доступу кооперативов к финансовым и товарным ресурсам, поддерживая тем самым в кооперативной среде антикапиталистические настроения. По мере усиления продовольственного кризиса деловые отношения с властными и бизнес-элитами расширялись и укреплялись, периодически блокируясь моментами враждебности и конкуренции. Стремясь избежать ответственности за продовольственную политику городских властей в отсутствие права решающего голоса в городских продовольственных комиссиях, кооператоры расширяли социальную опору путем организации районных продовольственных комитетов с широким народным представительством для осуществления контроля за распределением продуктов. Подобная активизация самодеятельности населения, его мобилизация на самообеспечение и контроль «снизу» дополняли экономическую функцию кооперативов социально-интегративной. Потребительская кооперация являлась единственной массовой организацией, выполнявшей функции общественного регулирования в хозяйственной сфере.

Важное экономическое и общественное значение городских и рабочих кооперативов Сибири в годы войны заключалось в выполнении огромного объема торгово-заготовительной работы по снабжению населения и армии; инициировании сотрудничества с местным самоуправлением и разработке методов его осуществления, учитывавших природу кооперативных организаций; активизации потенциала городских структур, общественных организаций и населения для борьбы с продовольственным кризисом.

Глава 4. Роль кооперации в достижении общественного согласия

4.1. Формирование идеологии интеграции и союзного строительства

Деятельность городских кооперативов в Сибири по созданию кооперативных союзов выявила их значительный организационно-хозяйственный потенциал и особенности отношений между городскими и сельскими кооперативами.

Удары войны вызвали бум кооперативного союзного движения. К 1917 г. в России насчитывалось около 300 союзных объединений с 12–13 тыс. потребительных обществ и оборотом за 1916 г. до 250 млн руб.[1] Сибирь являлась регионом наиболее мощного в России союзного кооперативного строительства. К 1917 г. в Сибири действовало около 30 союзных объединений кооперативов, из них 12 – потребительской кооперации, 8 – кредитных, 2 – маслодельных, 8 – смешанных[2].

Необходимость объединения отдельных потребительных обществ в союзы диктовалась их стремлением к удешевлению закупочных операций благодаря созданию общей товаропроводящей сети оптовой торговли. Особенную потребность в союзных объединениях ощущали деревенские потребительские организации, т.к. в Сибири, как подчеркивал Д.И. Голенищев-Кутузов, «население почти сплошь неграмотно, расстояния громадны, экономическая жизнь отсталая, интеллигенции почти нет, мужик предоставлен своим собственным силам»[3]. Деревня нуждалась в районных объединениях, приближенных к городам как центрам деловой, экономической, финансовой и культурной жизни, поставщикам штата квалифицированных инструкторов.

Исключительно важная роль в организации кооперативных союзов в Сибири принадлежала городским потребительным обществам. Благодаря их работе возник преобладавший в Сибири тип кооперативных союзов

[1] Союз потребителей. 1918. № 1–2. С. 21.
[2] Иркутский кооператор. 1917. № 8. С. 19.
[3] Кооперативная жизнь. 1916. № 11–12. С. 558.

потребительского характера. Второй путь был связан со стремлением объединить сбыт продукции маслоделия и заключался в отделении новых союзных образований от Сибирского союза маслодельных артелей и создании союзов со смешанными потребительско-сбытовыми функциями[4]. Районные союзы возникали чаще всего попарно: кредитный и потребительский союзы учреждались рядом, находя опору друг в друге. Потребительских союзов в Сибири было образовано гораздо больше, так как они возникали на основе нотариального договора, в то время как кредитные союзы годами ждали утверждения устава[5].

Учреждение союза кооперативов, так же как и первичного кооператива, происходило на основе устава, утвержденного в МВД. Но разрешая создание отдельных обществ потребителей, министерство по соображениям государственной безопасности не допускало массового утверждения уставов союзов. Форма нотариального объединения потребительных обществ в виде товарищества под названием «Торгово-промышленное товарищество кооперативов» стала распространенным явлением в российской кооперативной жизни[6]. В плане отсутствия прав юридического лица договорные объединения представляли определенные неудобства, однако давали возможность выполнять в полном объеме операции оптовых закупок. С началом массового возникновения торгово-промышленных товариществ МВД дел начало гонения на них, поддерживая легитимность только тех союзных объединений, которые учреждались на основе утвержденного устава[7]. Тем не менее ни одно из товариществ фактически не было ликвидировано, хотя утверждение уставов происходило в единичных случаях[8].

---

[4] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития. Новониколаевск, 1923. С. 111, 113, 124.

[5] Вестник кооперации. 1916. № 9. С. 84.

[6] Вестник кооперации. 1915. № 2. С. 55–56.

[7] Вестник кооперации. 1915. № 4. С. 71–72.

[8] *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1917. С. 85.

Первое в Сибири торгово-промышленное товарищество было учреждено в ноябре 1913 г. в *Мариинске* Томской губернии. Его идейным, организационным, хозяйственным и кадровым центром являлось Мариинское городское общество потребителей[9]. К концу 1916 г. в товарищество входили 105 обществ, товарооборот составлял более 500 тыс. руб.[10]

Деятельность городских обществ потребителей по организации союзов имела сходные этапы и черты. Практически с первых шагов собственной торговли городские кооперативы являлись закупочными центрами для деревенских потребительных обществ. Еще в 1911 г. барнаульский кооператив «Труженики» начал собирать вокруг себя деревенские общества, выработал и послал на утверждение в МВД правила инструкторского бюро и проект устава предполагавшегося к учреждению Алтайского товарищества кооперативов. Семь уездных потребительных обществ являлись членами «Тружеников», внеся свои паи. С закрытием «Тружеников» в 1913 г. по распоряжению МВД произошла заминка в союзном строительстве[11].

Так как по уставу район деятельности потребительных обществ ограничивался лишь территорией города и уезда, крупные городские кооперативы не могли производить операции с пайщиками и населением всех экономически тяготевших к ним деревень и мелких городов[12]. Поэтому следующим этапом был переход от совместных закупок к организации районных союзных объединений.

Первым шагом к районному союзу являлась деятельность инструктора по объединительному движению, избранного из состава членов правления

---

[9] *Марков П.* Мариинское товарищество кооперативов // Календарь сибирской кооперации на 1917 г. Томск, 1916. С. 45.

[10] Союз потребителей. 1914. № 7. С. 222; *Марков П.Н.* Томская губерния. Объединение потребительных обществ // Союз потребителей. 1915. № 7. С. 191.

[11] *Омич М.* Сибирская кооперация в 1912 г.// Вестник кооперации. 1912. № 6. С. 87.

[12] Сибирский листок. 1916. 13 дек; Обская жизнь. 1912. 4 июля.

городского кооператива, который совершал поездки по деревням, подготавливая вступление деревенских потребителей в будущий союз[13].

Одновременно разрабатывался устав союзного объединения. Так, 27 апреля 1914 г. на общем собрании «Деятеля» была принята резолюция о поручении правлению разработки договора товарищества кооперативов. Выполняя это поручение, руководство «Деятеля» совместно с правлением общества потребителей при Томской окружной психиатрической больнице избрали комиссию в составе шести человек, которая создала проект устава по образцу устава Пермского союза[14].

Следующим шагом являлась подготовка и созыв съездов для непосредственного решения объединительных вопросов и подписания союзных договоров. Первое ходатайство, направленное «Деятелем» в августе 1915 г. в МВД о созыве съезда потребительных обществ района не было удовлетворено[15]. Причина состояла в том, что для быстроты объединения томские кооператоры решили из потребительных обществ Томского, Кузнецкого и Мариинского уездов на основе Нормального устава учредить «Общество оптовых закупок». Администрация указала, что Нормальный устав существовал лишь для учреждения потребительных обществ, исключая любые другие, в частности, с названием «Общество оптовых закупок»[16]. Понадобилась телеграмма на имя депутата Государственной думы В.Н. Некрасова, чтобы добиться разрешения на созыв съезда, который состоялся 6 января 1916 г.

На съезде присутствовали представители 11 потребительных обществ, в том числе пяти городских. Председателями и секретарем съезда избрали руководителей «Деятеля» П.Ю. Терру, Д.И. Голенищева-Кутузова и П.Н. Стечкина. Съезд принял проект устава районного союза и отправил его в высшие инстанции. До утверждения устава при «Деятеле» работал склад

[13] Сибирская жизнь. 1915. 23 мая.

[14] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 117.

[15] Сибирская жизнь. 1915. 25 сент.

[16] Сибирская жизнь. 1915. 3 сент.; Союз потребителей. 1915. № 16. С. 496; № 31. С. 1116.

для снабжения сельских потребительных обществ на комиссионных началах[17].

24 мая 1916 г. в МВД поступил доклад директора Департамента полиции о рассмотрении в числе прочих устава союза потребительных обществ Томского района. В соответствии с негативным отзывом начальника Томской губернии МВД отказало в утверждении Томского союза. Союз предполагал широкую культурную (образовательную, издательскую) деятельность, что расценивалось как выход за рамки устава. Кроме того, в отзыве упоминался опыт существования обществ потребителей в губернии в прежние годы и указывалось, что кооперативные союзы «могут пойти по пути достижения не только экономических, но и политических целей»[18]. В ноябре 1915 г. также на основании неблагоприятного заключения томского губернатора МВД отказало в утверждении устава Мариинского союза кооперативов[19].

Потерпев неудачу с утверждением устава, томские кооператоры приступили к организации объединения на основе подписания нотариального договора. 25 июля состоялся съезд представителей 22 потребительных обществ, утвердивший проект договора, смету и состав правления, а 12 августа 1916 г. был подписан договор Торгово-промышленного товарищества кооперативов «Томский кооператор»[20].

«Томский кооператор» развернул работу по снабжению населения продуктами и предметами первой необходимости, выполнял заказы на поставку свинины, мяса, хлеба и овса для армии[21]. Особенно большое значение имели поставки муки, соли, сахара, орудий рыболовства и теплой одежды для потребительных обществ отрезанного от Томска в период распутицы Нарымского края[22]. В декабре 1916 г. товарищество произвело

[17] Утро Сибири. 1916. 8 янв.; Союз потребителей. 1916. № 2. С. 74.
[18] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. Оп. 1916. Д. 124. Л. 77, 77 об.
[19] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. Оп. 1915. Д. 127. Л. 181–182.
[20] Сибирская жизнь. 1916. 14 авг.
[21] Сибирская жизнь.1916. 11, 14 авг., 30 окт.; Кооперативная жизнь. 1916. № 15–16. С. 765.
[22] Сибирская жизнь. 1916. 4 авг.

торговый оборот на сумму 400 тыс. руб., годовой оборот предполагался в 800 тыс. руб.[23]

Кооператоры отмечали, что уже через два месяца после учреждения деятельность товарищества «Томский кооператор» стала «беспримерно универсальной», оно выросло в «общественно-продовольственный центр». Торгово-закупочная деятельность товарищества, распространявшаяся на 422,4 тыс. чел. населения Томской губернии, выходила за рамки чисто кооперативной организации и наглядно демонстрировала, что в Сибири союзы являлись «своеобразными прототипами земских учреждений»[24].

Городские общества потребителей служили для союзов поставщиками опытных кадров. Из томского «Деятеля» в товарищество «Томский кооператор» перешли для работы на руководящих должностях член ревизионной комиссии Д.И. Голенищев-Кутузов и председатель правления В.И. Анучин.

Итак, образование сибирских кооперативных союзов шло по приблизительно одинаковому плану: организация городским обществом закупок для деревенских кооперативов, инструкторского обследования и помощи, рассылка циркулярных писем и кооперативной литературы, создание специальных комиссий, проведение общих собраний и заседаний правлений по вопросам объединения, ходатайства о созыве съездов, разработка уставов, обмен кадрами и интеллектуальное содействие. Д. Илимский писал: «Мы можем с уверенностью сказать, что не будь в те времена городских обществ и не будь связи между ними и деревней, не было бы сейчас такого большого количества союзов, какое имеется в Сибири»[25].

На основе инициативы и активной организационной деятельности городских обществ потребителей и использования формы торгово-промышленных товариществ шло образование других сибирских союзов.

---

[23] Сибирская жизнь. 1916. 24 июля; 1917. 10 февр.

[24] Голос Сибири. 1916. 15 окт.

[25] *Илимский Д.* Кооперативные союзы в Сибири. С. 19.

Кооператоры *Минусинска* дважды предпринимали попытки создания союза, начиная с 1910 г. Эти усилия увенчались успехом лишь в начале 1915 г. 29 января 1915 г. был заключен нотариальный договор «Посреднического товарищества кооперативов Минусинского уезда и Усинского пограничного округа». 7 марта оно начало свою деятельность[26]. Товарищество закупало товары для городского кооператива Минусинска и деревенских потребителей. В январе 1916 г. в Минусинске состоялось совещание уездных кооперативов под председательством известного специалиста по кооперации А.Р. Шнейдера. Главной темой совещания являлся вопрос о переходе Минусинского товарищества на устав. Устав, созданный по образцу устава Уральского союза, был обсужден, утвержден и направлен в МВД. Совещание высказалось за согласованность торговой и культурной работы по всей вертикали – от потребительных обществ до районного Минусинского и Енисейского губернского союзов[27].

В *Новониколаевске* Томской губернии общество потребителей «Экономия» с самого начала своего возникновения в 1912 г. обслуживало сельские кооперативы[28]. Председатель общества эсер А.К. Скворцов не раз предпринимал попытки создания союза, что тормозилось трениями между кредитными и потребительскими кооперативами. На созванном 2 марта 1915 г. съезде представители пяти потребительных обществ подписали договор товарищества «Обский кооператор», составленный на основе договора Пермского товарищества кооперативов. 15 апреля открылась контора нового товарищества, с конца июля – торговая деятельность[29]. В 1916 г. союз «Обский кооператор» объединял 80 обществ, производил торговый оборот свыше 1 млн руб., первым среди союзов приобрел типографию, приступил к организации собственных производственных

[26] Сибирская деревня. 1915. № 3. С. 19; № 5. С. 30.
[27] Союз потребителей. 1916. № 2. С. 75.
[28] Сибирская жизнь. 1915. 23 янв.
[29] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 116.

предприятий[30]. В сентябре 1916 г. на собрании уполномоченных товарищества приняли поправку к договору, открывавшую доступ в члены союза кооперативам всех видов – кредитным товариществам и маслодельным артелям[31].

При создании товарищества «Обский кооператор» проявились различия интересов потребительских и производительно-кредитных кооперативов. Еще более заметными они стали в процессе создания Енисейского союза кооперативов.

Большую роль в организации союзного объединения в Енисейской губернии играло общество потребителей «Самодеятельность» в *Красноярске*, хотя первоначально идея создания союзного объединения появилась здесь в 1912 г. в Восточносибирском обществе сельского хозяйства, промышленности и торговли в виде союза всех видов кооперативов. Тесные связи Восточносибирского общества с кредитными и потребительскими кооперативами выдвигали его на место центра будущего объединения. Губернский союз кооперативов планировался к созданию как бюро посреднических операций при коммерческом отделе Восточносибирского общества сельского хозяйства по примеру коммерческого отдела при Вологодском обществе сельского хозяйства[32].

Однако благодаря позиции, занятой обществом потребителей «Самодеятельность», и его организационной работе объединение кооперативов состоялось не по этой схеме. Ко времени возникновения городского кооператива в Красноярске в 1913 г. потребительское кооперативное движение в губернии оживленно развивалось. Представители возникавших обществ обращались к городским кооператорам за

[30] Союз потребителей. 1916. № 3. С. 1255.

[31] Голос Сибири. 1916. 21 сент.

[32] *Байкалов А.* К вопросу о Союзе енисейских кооперативов // Сибирская деревня. 1915. № 8. С. 2–3.

содействием, инструкциями, товарами. У «Самодеятельности» с деревней сложились тесные связи[33].

Между двумя центрами объединения – «Самодеятельностью» и Восточносибирским обществом сельского хозяйства – разгорелась борьба за то, кому возглавлять будущее объединение и каким ему быть – смешанным или потребительским. Завершение объединительного процесса потребовало от руководства городского кооператива значительных усилий.

Лишь на третьем, организованном руководством «Самодеятельности», совещании 26–27 сентября 1915 г. в Красноярске был подписан договор союза потребительских кооперативов Енисейской губернии, а устав отправлен на утверждение в МВД. Осуществление проекта потребительского союза стало возможно потому, что в обстановке нарастания продовольственного кризиса именно потребительская кооперация выдвинулась на первое место среди всех видов кооперации, а также благодаря согласию правления «Самодеятельности» включить в число членов союза потребительские лавки при маслодельных артелях, на чем настаивали Восточносибирское общество сельского хозяйства и представители деревенских кооперативов. Под угрозой раскола и выхода из союза городские кооператоры Красноярска, Канска и Минусинска отстояли потребительский характер объединения. Признавая полную несовместимость интересов городского и сельского потребителей, они подчеркивали, что маслодельные артели могут вступать в союз только как потребители, а как производители должны вступать в особые объединения по сбыту продуктов[34].

Но и с этим чисто потребительским губернским союзом отношения у городских кооперативов выстраивались непросто из-за невыгодных цен, установленных союзным руководством[35].

---

[33] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 118–119.

[34] Сибирская деревня. 1915. № 1. С. 24; № 2. С. 10; № 18–19. С. 26–29; Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 16; Союз потребителей. 1916. № 33. С. 1255.

[35] Самодеятельность потребителя.1916. № 4–5–6. С. 13–14.

В правление Енисейского губернского союза избрали представителей городской кооперации – И.Г. Волкова, А.В. Байкалова, И.Е. Пластунова от красноярской «Самодеятельности», И.А. Ловцова от общества потребителей в Канске, кандидата от общества потребителей в Ачинске. Временный адрес нового товарищества находился в Красноярске в обществе потребителей «Самодеятельность», которое взяло на себя также все хлопоты по утверждению устава. Енисейский союз успешно развивался, в 1916 г. его оборот составил 760 тыс. руб., начали работать собственный мыловаренный завод и конфетная фабрика. Енисейский союз первым взялся за дело кооперативной статистики, вел широкую издательскую деятельность, культурную работу, устраивал библиотеки, Народные дома[36].

Драматическими моментами противостояния городской и сельской кооперации отмечена история создания союзов в Забайкалье. Первые попытки союзной организации предпринимались в 1912 г. и были обусловлены объективными факторами. Удаленность области от промышленных и культурных центров, неоднородность и своеобразие ее районов затрудняли солидарное выступление кооперативов на внутрирегиональном рынке. Разрозненные покупки товаров у читинских, верхнеудинских и нерчинских купцов обходились с высокой «сибирской надбавкой», сбыт продуктов скотоводства находился во власти перекупщиков[37].

Проходивший 1–10 марта 1912 г. в Чите первый Забайкальский сельскохозяйственный съезд с участием 358 чел., созванный Забайкальским сельскохозяйственным обществом, выдвинул идею объединения. В октябре 1913 г. на очередном собрании Забайкальского сельскохозяйственного общества приняли решение о создании независимого от общества объединения кооперативов, началась подготовка устава.

---

[36] *Илимский Д.* Кооперативные союзы в Сибири. С. 26–27; Союз потребителей. 1916. № 41. С. 1540.

[37] Союз потребителей. 1915. № 24. С. 826–827.

Отсутствие единодушия среди кооператоров в разных регионах Забайкалья привело к созданию двух союзов. Пятнадцатью кооперативными организациями, тяготевшими к *Чите*, 16 декабря 1913 г. был подписан договор Забайкальского торгово-промышленного товарищества кооперативов с подачей устава на утверждение в начале 1914 г.[38]

Представители кооперативов Западного Забайкалья по инициативе общества потребителей «Экономия» в *Верхнеудинске* на съезде 19 января 1914 г. приняли решение создать на нотариальном договоре Прибайкальское торгово-промышленное товарищество кооперативов. 28 февраля 1914 г. Прибайкальское товарищество было организационно оформлено, а 1 марта приступило к работе[39]. В 1916 г. число его членов выросло до 120, оборот составлял 700 тыс. руб., действовал мукомольный и кожевенный заводы, сушечная мастерская[40].

В октябре 1914 г. Забайкальское торгово-промышленного товарищество кооперативов инициировало создание в Чите всесословного городского общества потребителей «Эконом[41]. Устав, возвращенный кооператорам на доработку по указанию Министерства внутренних дел, был утвержден только 15 августа 1915 г.[42] В марте 1916 г. на первом областном кооперативном съезде приняли постановление о ликвидации товарищества и образовании на его месте Областного союза Забайкальских кооперативов. Председателем союза избрали известного социал-демократа А.А. Войлошникова[43].

Число членов Забайкальского областного союза к январю 1917 г. достигло 175. Союз имел смешанный характер: в 1916 г., например, в него

---

[38] *Липич О.А.* Нормативно-правовое регулирование потребительской кооперации в России в 1917 – конце 20-х гг. Чита, 2010. С. 39–40; *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки истории потребительской кооперации…. С. 79–80.

[39] *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири… С. 115; *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки истории потребительской кооперации Забайкалья 1831–1950 гг. Чита, 1992. Т. 1. С. 80.

[40] Союз потребителей. 1916. № 33. С. 1954; 1917. № 3–4. С. 4–9.

[41] Союз потребителей. 1915. № 24. С. 826.

[42] Сибирская деревня. 1915. № 21. С. 30–31; Союз потребителей. 1916. № 17. С. 572.

[43] ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 19. Л. 1 [Отчет Забайкальского товарищества кооперативов за 1915 г.].

входили 60 потребительных обществ, 20 маслодельных артелей и кредитные товарищества[44]. В годы Первой мировой войны союз стоял в центре продовольственной кампании, направляя поставки хлеба из деревни городским потребителям[45]. С мая 1914 г. он издавал журнал «Наше дело», закрытый администрацией на весь период военных действий и возрожденный в 1916 г. под названием «Кооперативное слово».

Недостаток оборотных средств (к торговой работе приступили, имея в кассе всего 280 руб.) и политизированность руководства породили в начальный период деятельности товарищества проблемы, которые поставили под сомнение всю его кооперативную природу. Это нашло отражение в событиях, состоявшихся в 1915 г. до утверждения устава Областного союза Забайкальских кооперативов, в период существования Забайкальского товарищества кооперативов.

С 22 февраля по 1 марта 1915 г. в Чите работал второй областной съезд кооперативов-пайщиков Забайкальского товарищества, на котором подвели итоги деятельности за год и внесли некоторые изменения в договор. Неожиданно читинское городское общество потребителей «Эконом» выступило против подписания нового договора и заявило о своем намерении выйти из товарищества, а после съезда повело против него «ожесточенную враждебную агитацию». В самом кооперативе, кооперативной среде и прессе разгорелась полемика по поводу работы товарищества. За два месяца противостояния противников и сторонников подписания договора вскрылись факты, характеризовавшие деятельность Забайкальского товарищества с негативной стороны.

На основании отчета товарищества было очевидно, что торговые операции велись преимущественно в кредит, 1914 г. был закончен с убытком. Задолженность на конец первого отчетного года составляла более 100 тыс. руб. при основном капитале в 2274 руб. При этом товарищество открыло

[44] Союз потребителей. 1915. № 24. С. 828.
[45] Союз потребителей. 1916. № 39. С. 1479.

широкий кредит своим членам – деревенским потребительным обществам. Когда некоторые из них были не в состоянии погашать кредит, их долги оплачивались за счет более сильных обществ, которым пришлось платить по своим счетам дважды. При огромной задолженности по кредитам некоторые общества выдавали большие дивиденды, доходившие до 20–30% на паи и заборный рубль.

Недоверие вызывала вся деятельность Забайкальского объединения. Из 73 входивших в него обществ потребителей только 17 представили отчет о своей работе. Закупки товарищества производилась неэффективно, с огромными переплатами до 100%, из вторых и даже третьих рук, часто приобретались товары некачественные и «неходкие». Стотысячная банковская ссуда, о которой правление много говорило, как главном средстве исправления тяжелой финансовой ситуации, на деле не была получена.

Не нравился «Эконому» политический уклон руководства товарищества и журнала «Наше дело». Критерием эффективности работы деревенских обществ считались не экономические показатели, а количество отчислений на культурно-просветительные и кооперативно-пропагандистские цели. Не устраивали городских кооператоров и некоторые пункты нового союзного договора, которые усиливали круговую поруку по долгам и обязывали членов производить все закупки только через товарищество[46].

Руководители Забайкальского товарищества объясняли, что причины отмеченных негативных явлений коренились в специфических российских правовых условиях, которые втиснули кооперацию в рамки торгово-промышленного товарищества, и трудностях военного времени, расшатавших устои экономической жизни. Война отняла у деревни кооперативных работников, вызвав закрытие некоторых потребительных обществ, упали цены на пушнину, сбыт продуктов сельского хозяйства прекратился. Кроме того, по крайней мере, треть деревенских кооперативов области торговала в кредит и была неплатежеспособна. Правление же

[46] Там же. С. 1156.

товарищества упорно трудилось, чтобы вырвать их из кабалы кредита у сельских торговцев[47].

Тем не менее, читинское общество потребителей «Эконом» делало вывод о несоответствии деятельности товарищества кооперативным принципам и опасалось, что подписание договора повлечет за собой невыгодные обязательства. От встречи на съезде с представителями деревенских обществ городские кооператоры получили «самые тяжелые» впечатления. Они утверждали, что деревня «сера, темна, бедна», в большинстве кооперативов дела поставлены плохо, оборотных средств товарищество не имеет, на основе договора о солидарной ответственности городу придется при крахе товарищества платить за деревню[48].

В донесении внедренного в кооператив «Эконом» жандармского агента содержалась беспристрастная оценка расстановки сил и исхода борьбы кооператива «Эконом» за самостоятельность своего выбора: «Стоявший особняком читинский городской кооператив "Эконом", преследовавший чисто экономические цели и не задававшийся "культурно-просветительной" деятельностью, был бельмом на глазу у Забайкальского союза кооперативов. Не разделяя партийных взглядов последнего, "Эконом" не хотел и присоединяться к союзу»[49].

Борьба длилась долго. Вопрос о подписании договора с Забайкальским товариществом обсуждался на трех собраниях «Экономa», прения длились по шесть часов, но соглашения достигнуто не было. Лишь на третьем собрании большинством 72 голосов против 48 постановили договор не подписывать, причем ни одного голоса не было против самой идеи союзного объединения[50].

[47] Союз потребителей. 1915. № 24. С. 830.
[48] Там же. С. 829.
[49] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 23 об.
[50] Союз потребителей. 1915. № 32. С. 1156.

В течение двух месяцев председатель товарищества А.А. Войлошиков и Н.А. Рожков «вели усиленную кампанию» против правления «Экономa»[51]. На одном из собраний «Экономa» А.А. Войлошникову удалось провести свой выборный список, и в правление были избраны восемь его сторонников (Н.М. Берков, И.С. Маракин, И.Ф. Замошников, П.И. Шергин, И.С. Фортус, В.Е. Афанасьев, А.В. Калашников, К.М. Шульман), среди которых были известные политссыльные. «Теперь "Эконом" будет послушным орудием в руках Войлошникова и его компании», – докладывал агент[52]. Таким образом, новый союзный договор был подписан читинским городским кооперативом «Эконом» при прямом нажиме со стороны правления Забайкальского товарищества кооперативов.

Впоследствии Забайкальское товарищество поправило свое критическое финансовое положение: с июля 1915 г. началась продажа скота, шерсти и другой продукции крестьянского хозяйства, в деревне появились деньги, начался их приток в кассы потребительных обществ, которые стали выплачивать свои долги товариществу. И хотя 1915 г. был закончен с убытком в 7537 руб., но к моменту перехода на устав в марте 1916 г. в Забайкальском объединении наблюдался рост торговых оборотов[53].

Данный эпизод союзного кооперативного строительства выявил позицию городской кооперации, выступавшей за самостоятельную работу на рынке оптовых закупок, против навязывания кооперативными союзами во имя идеи объединения невыгодных хозяйственных отношений.

Союзная деятельность городского общества потребителей в *Омске* также была отмечена конфликтами с производительными кооперативами. У истоков объединения кооперативов Акмолинской области и Степного края стоял Омский отдел Московского общества сельского хозяйства. В начале 1916 г. отдел созвал в Омске сельскохозяйственный и кооперативный съезд, на котором решили приступить к образованию кооперативного союза.

[51] ГАРФ, Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 28 об., 44 об.
[52] Там же. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 24 об.
[53] Союз потребителей. 1916. № 16. С. 528.

3 апреля 1916 г. на совещании кооперативов Омского района был создан Союз западносибирских кооперативов под вывеской «Коммерческий отдел при Омском отделе Московского общества сельского хозяйства». Созданный прежде всего с целью сбыта масла, а также закупки предметов первой необходимости, он допускал в свои ряды кооперативы всех видов[54].

Отказавшись присоединиться к «Коммерческому отделу», городской кооператив в Омске решил организовать в Омском районе союз чисто потребительского характера. На совещании представителей потребительских кооперативов 6–7 августа 1916 г. его председатель А.Н. Гладышев указывал на противоположность интересов потребителя и производителя и неизбежность трений внутри смешанного союза. В качестве примера он привел тот факт, что Коммерческий отдел, узнав о повышении цен на масло, посоветовал своим артелям приостановить до этого времени его продажу, что шло вразрез с интересами городского потребителя. А.Н. Гладышев предложил подписать договор чисто потребительского союзного объединения, разработанный омским городским кооперативом

Делегаты сельских кооперативов упорно молчали. Посоветовавшись наедине, «без ораторов», они заявили, что «ничего не имеют против того, чтобы вступить в Коммерческий отдел, и не против открытия союза потребительных обществ». Однако на подписание договора потребительского союза решились только три общества: Омское, Куликовское и Кулачинское. Так возникло товарищество кооперативов Западной Сибири и Степного края «Потребитель». Разработка устава «Потребителя» производилась по образцу, рекомендованному МСПО, с положениями о торговой и культурной деятельности. Обслуживание деревенских кооперативов происходило со склада в Омске[55]. 9 апреля 1917 г. произошло слияние товарищества «Потребитель» и Коммерческого отдела в

[54] Союз потребителей. 1916. № 31. С. 2051.

[55] Союз потребителей. 1916. № 32. С. 1099; № 37. С. 1405–1406; Омский телеграф. 1916. 9 авг.

«Союз западносибирских кооперативов», преобразованный 3 декабря 1917 г. в областной союз союзов Центросибирь[56].

В *Семипалатинске* городское общество потребителей, выполнявшее роль закупочного центра для окрестных кооперативов, создало 26–28 сентября 1916 г. Семипалатинский союз потребительных обществ, который объединил общества, разбросанные по огромной территории южного Алтая и Киргизского края[57].

В *Тобольске* инициатива объединения потребительных обществ принадлежала городскому кооперативу «Самосознание», разработавшему в августе 1916 г. проект договора Товарищества Северного края Тобольской губернии[58].

По инициативе городского общества потребителей *Кургана* Тобольской губернии 6 июля 1916 г. образовалось договорное товарищество Курганский союз потребительских кооперативов. Товарищество объединило 65 потребительных обществ Курганского района и 23 артельные лавки, не входившие в Сибирский союз маслодельных артелей[59].

В Иркутской губернии импульсы объединения исходили от потребительских кооперативов Иркутска, Нижнеудинска и Черемхово. 25 февраля 1916 г. в *Нижнеудинске* было создано районное товарищество Нижнеудинское торгово-промышленное товарищество потребительских кооперативов[60]. Одновременно при участии рабочего общества потребителей в с. *Черемхово* Ангарского горного округа было создано Ангарское товарищество кооперативов. В *Иркутске* в результате организационной работы городских обществ потребителей «Труженик» и «Кооператор» в августе 1916 г. было создано Иркутское торгово-промышленное товарищество кооперативов.

---

[56] Союз потребителей. 1918. № 16. С. 32–33.
[57] Союз потребителей. 1917. № 6. С. 25.
[58] Сибирский листок. 1916. 1 сент.
[59] Союз потребителей. 1916. № 31. С. 2054.
[60] Иркутский кооператор. 1916. № 3–4. С. 9; Союз потребителей. 1916. № 17. С. 561.

Возникновение этих районных объединений привело к созданию губернского союза. В комиссию по его организации избрали представителей иркутских городских и Забайкальского железнодорожного кооперативов, кооперативной секции Иркутского отделения Общества изучения Сибири, Нижнеудинского и Прибайкальского товариществ. Идейную подготовку взял на себя журнал «Иркутский кооператор»[61]. Кооперативное совещание 15–18 октября 1916 г. в помещении Иркутского географического общества положило начало Иркутскому губернскому союзу потребительных обществ[62].

Несмотря на свое активное участие в создании губернского союза, городские кооператоры немедленно ощутили неудобства сотрудничества с деревней, начались конфликты. Правление «Труженика» отказывалось работать с губернским союзом, закупать через него товары. Из более чем 400 тыс. руб. оборота кооператива на закупки через союз приходилось лишь 5,4 тыс. руб., в то время как у городского самоуправления, местных фирм и фабричных складов он закупал на 176 467 руб.[63] «Кооператор» также производил большинство своих закупок помимо союза. На общих собраниях в кооперативах были приняты резолюции о совершении с союзом только выгодных сделок[64].

Итак, организационная работа городских кооперативов привела к образованию в Сибири районных, губернских и областных союзов, что сыграло огромную роль как в осуществлении общих кооперативных задач – упорядочения структуры кооперативных организаций, так и в снабжении населения в период продовольственного кризиса. В октябре 1916 г. кооператоры сообщали: «Все население Томской губернии поделено между кооперативами: "Томский кооператор" обслуживает примерно 422,4 тыс. душ, Мариинский кооператив – 270 тыс., Мариинский союз кредитных товариществ – 147 963, "Обский кооператор" – 357 288 и т.д. Общее

[61] Голос Сибири. 1916. 25 авг.

[62] *Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. Иркутск, 1965. С. 31–32.

[63] Сибирь. 1917. 21 янв.

[64] Сибирь. 1917. 24 янв.; Сибирь. 1917. 15 янв.

количество населения Томской губернии 4 071 018 душ»[65]. Таким же образом было охвачено кооперативным снабжением население других губерний.

Создание кооперативных союзов отвечало интересам городских кооперативов. Деятельность союзов подразделялась на агентурно-комиссионную (закупки и соглашения с торговыми фирмами), складочно-операционную (создание на членские взносы и доход от закупочных операций союзного склада), производственную (организация на отчисления с доходов от торговых операций собственного производства).

Однако, на следующем этапе интеграции в рамках всего сибирского региона, который также проходил при активном участии городских потребительных обществ, глубокие противоречия между городской и сельской кооперацией обнаружились еще более явственно.

С 14 по 16 августа 1916 г. в Новониколаевске состоялось второе совещание «Комиссии сибирских кооперативов по закупкам и сбыту» при Новониколаевском отделении Московского Народного банка, которая была создана в ноябре 1915 г. и объединяла половину всей потребительской кооперации Сибири[66]. На совещании Комиссия была преобразована в областной кооперативный союз Закупсбыт. Подводя итоги работы комиссии, совещание констатировало, что «кооперативные организации работали с комиссией очень вяло, несистематично и даже вероломно отказывались от заказов»[67]. Выявились расхождения в позиции городских и сельских кооперативов по вопросам объединения закупок и деятельности кооперативных союзов. Городская кооперация считала для себя невыгодным участвовать в объединениях смешанного типа совместно с производительными сельскими кооперативами и кредитными товариществами, занимавшимися сбытом, и выступала против смешанных союзов[68].

---

[65] Утро Сибири. 1916. 21 окт.
[66] Кооперативная жизнь. 1915. № 21–22. С. 312.
[67] Вестник кооперации. 1916. № 8. С. 68.
[68] *Илимский Д.* История одного примирения // Вестник кооперации. 1916. № 9. С. 90.

Полемика разгорелась как на совещании, так затем в местной и центральной кооперативной печати. Рупором защитников смешанных объединений выступал Д.И. Голенищев-Кутузов (Д. Илимский). Он отмечал, что в отличие от западноевропейского потребителя – по преимуществу горожанина или рабочего, которому противостоял кооперированный производитель сельскохозяйственных продуктов, – российский потребитель был представлен в основном сельским населением. В лице крестьянина производитель и потребитель слит. Кредитная кооперация и маслодельные артели часто брали на себя функции потребительской кооперации. Объединение всех видов кооперации в смешанных союзах дало бы огромную экономию средств и сил и позволило создавать финансово устойчивые организации. Но если деревня стремилась к союзам смешанного типа, то в рядах союзных руководителей «из интеллигентных рядов» распространено представление о противостоянии кредитников и потребителей, которые они черпали не из практики, а из книг[69].

Аргументация городских кооператоров – сторонников чисто потребительского характера союзных объединений – прозвучала в выступлении на совещании 14–16 августа 1916 г. представителя красноярского общества потребителей «Самодеятельность» М.И. Фрумкина. Он указывал, что в развитии городских потребительных обществ наступает такой момент, когда связь с местными районными объединениями не только не приносит выгод, но подчас даже убыточна. Городские потребительные общества, поставленные в отношении конкуренции с частными фирмами в более неблагоприятные условия, чем сельские, не могут выдерживать наценок на свои товары, проходящие через склад районного объединения. Заказ городского общества на какой-либо товар идет через районный союз в областной и центральный и обратно тем же путем. В результате товар становится более дорогим, чем у частных торговцев.

[69] Там же. С. 84; Кооперативная жизнь. 1915. № 6. С. 344.

Он подчеркнул, что деревня потребляет совершенно не те товары, какие потребляет город для удовлетворения одних и тех же потребностей. Ясно, что районный союз, организовавший у себя склад товаров, необходимых деревне, и кредит на условиях, определяющихся скоростью обращения капитала в сельских кооперативах, не может удовлетворить и минимума запросов городской и рабочей кооперации. С другой стороны, по существу своей работы городское потребительное общество само является своеобразным районным объединением, так как операции ведет в различных районах города. Поэтому оно не нуждается в другом районном объединении. Выходом из этого положения явилось бы предоставление права отдельным крупным обществам потребителей вступать в прямые соглашения с центральными союзами, минуя свои районные объединения[70].

Примерно в это же время орган красноярской «Самодеятельности» журнал «Самодеятельность потребителя» опубликовал статью «Полезная централизация или вредное посредничество?», где практика закупок городских кооперативов у центральных союзов (МСПО, Закупсбыт) через районные и губернские объединения квалифицировалась как «вредное, ненужное, разорительное посредничество, именуемое централизацией закупок»[71].

На совещании 14–16 августа 1916 г. позиция городских кооперативов встретила резкий отпор со стороны более многочисленных сторонников смешанных союзов. Почему? На долю городской кооперации приходилась слишком значительная доля (от половины до двух третей) союзных оборотов, чтобы можно было позволять ее закупочной деятельности пролегать мимо районного склада напрямую к Закупсбыту и МСПО. Так как представителей деревенской кооперации было больше, то совещание приняло резолюцию о работе Закупсбыта только с союзными объединениями, а не с отдельными крупными городскими кооперативами. На совещании царила атмосфера

[70] *Любимов Н.* Новониколаевское совещание «Комиссии сибирских кооперативов по закупкам и сбыту» // Вестник кооперации. 1916. № 8. С. 68.

[71] Самодеятельность потребителя. 1916. № 4–6. С. 14.

«предубежденности и враждебности» по отношению к городским обществам. «Намечается борьба городской потребительской и сельской всех видов кооперации», – констатировали его участники[72].

На следующий день 17 августа 1916 г. городские кооператоры устроили частное совещание для обсуждения наболевших вопросов. Присутствовали представители красноярской «Самодеятельности», новониколаевской «Экономии», томского «Деятеля», Городского кооператива Омска, тюменской «Пчелы» и барнаульского «Сотрудника». В принятой резолюции указывалось, что городские кооперативы переросли необходимость прохождения фазы своего развития через объединения районного масштаба и нуждаются в прямой связи с более крупными кооперативными центрами – Закупсбытом и МСПО, в сентябре некоторые общества выступили против посредничества Закупсбыта, за прямые связи с МСПО.

Кроме этого, частное совещание признало необходимость создания самостоятельного союза городских потребительных обществ, возложив организационную работу на красноярскую «Самодеятельность» и новониколаевскую «Экономию»[73].

После совещания независимая политика городской потребительской кооперации наглядно проявилась, например, в деятельности общества потребителей «Экономия» в Новониколаевске. 4 декабря 1916 г. на общем собрании «Экономии» обсуждался вопрос о подписании союзного договора с товариществом «Обский кооператор». Сторонники вступления в районный союз утверждали, что вреда от общей работы не будет, если своим вступлением в товарищество способствовать устранению выявленных в его деятельности недостатков. Невступление же является дезорганизацией и не соответствует кооперативным принципам, особенно в условиях изменения рынка вследствие упразднения частной торговли. Правда, они смогли

[72] *Любимов Н.* Новониколаевское совещание… С. 69.
[73] Вестник кооперации. 1916. № 8. С. 69–70.

привести лишь один пример товара, который можно было выгодно приобрести в «Обском кооператоре» – перчатки.

Противники вступления, наоборот, указывали, что «Экономия», покупая через Закупсбыт напрямую, получает товары дешевле. Районный союз тормозит работу «Экономии». «Обский кооператор» включает маслодельные и кредитные кооперативы, интересы которых не совпадают с запросами городской потребительской кооперации, не имеет отлаженной системы цен и наценок, уклоняется от присоединения к областному союзу – Закупсбыту[74]. Поэтому вступление в товарищество будет лишь номинальным, фиктивным, невыгодным с экономической точки зрения объединением. Большинство поддержало резолюцию о том, что новониколаевское общество потребителей «Экономия» воздержится от вступления в товарищество «Обский кооператор» до решения последним вопросов ценообразования и выяснения отношений с Закупсбытом[75].

Таким образом, для объединенных в кооперативные союзы разного уровня городских потребительных обществ основные принципы кооперативной организации – самодеятельность и автономность – с течением времени приобрели бóльшую актуальность, чем дальнейшее пребывание в составе союзных объединений, особенно смешанного характера. По этому поводу газета «Голос Сибири» писала: «Кооперативные организации сделали крупную ошибку, взяв на себя поставку и посреднические операции по сбыту. Практика показала, что нелегко примирить желание потребительского кооператива купить хлеб подешевле с расчетом кредитного товарищества продать зерно подороже»[76]. На повестку дня встал вопрос о создании городской потребительской кооперацией собственного союза.

Однако городская кооперация на два года отложила попытку реализации проектов самостоятельного объединения. Государственная и общественная

[74] По этому поводу в том же заявлении сообщалось, что «Обский кооператор» воздержался от вступления в Закупсбыт до выяснения взаимоотношений последнего с МСПО.

[75] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 82–83.

[76] Голос Сибири. 1916. 16 нояб.

регламентация заготовок и распределения товаров массового потребления централизовала весь союзный аппарат и не позволяла городским потребительным обществам разрывать союзные связи. Февральская революция 1917 г. дала кооперации долгожданный кооперативный закон, устранивший юридические препятствия для учреждения и деятельности всех видов кооперативов и их объединений. Вопрос организационного строительства приобрел еще большую остроту.

В 1917–1919 гг. связи большинства сибирских кооперативных союзов с Центросоюзом (бывшим МСПО) разрушились, освободившуюся нишу занял Закупсбыт, объединявший союзы потребительской и производительной сельской кооперации в Сибири, Приуралье и на Дальнем Востоке. Занимаясь преимущественно сбытом сельскохозяйственной продукции и сырья, сибирские кооперативные центры не способствовали удешевлению продовольствия для городского населения. Для этих нужд городским потребительным обществам приходилось иметь свой дорогостоящий заготовительный аппарат. Лишение городской кооперации права представительства на съездах уполномоченных Закупсбыта исключало возможность выявления ее требований[77].

Оказавшись в дискриминационных условиях обслуживания, городские общества потребителей пошли на создание самостоятельных союзных объединений. В 1918 г. в Сибири сложились Томский[78], Новониколаевский[79] и Омский[80] союзы городских и рабочих кооперативов, которые состояли членами Закупсбыта. Частным совещанием представителей городских кооперативов на Омском кооперативном съезде в сентябре 1918 г. была

[77] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 492. Л. 24–25об.: [Письмо правления красноярского общества потребителей «Самодеятельность» в Закупсбыт от 20 февраля 1919 г.].

[78] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 539. Л. 1: [Докладная записка инструктора Томского союза кооперативов о слиянии потребительных обществ Томска в единое многолавочное общество потребителей от 18 ноября 1919 г.].

[79] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 303. Л. 8.

[80] ГАРФ. Ф. 160. Оп. 2. Д. 5. Л. 56–56 об.; *Ловцов И.* О строительстве городской и рабочей потребительской кооперации в Сибири // Сибирская кооперация. 1919. № 1. С. 72–73.

выдвинута идея создания Всесибирского союза городской и рабочей кооперации. Созыв съезда был поручен иркутскому обществу потребителей «Труженик-Кооператор».

Для того чтобы предотвратить раскол городской и сельской кооперации, Закупсбыт решил изменить политику по отношению к городской кооперации и уничтожить причины, толкавшие ее на создание собственного союза. Крупным городским и рабочим кооперативам с количеством членов свыше 10 тыс. предоставлялось право непосредственного вхождения в члены Закупсбыта. Кроме того, вводились новые формы представительства на собраниях уполномоченных Закупсбыта, учитывающие интересы городской и рабочей кооперации[81].

Однако самостоятельное выступление городской кооперации было уже невозможно предотвратить. Первый съезд городских и рабочих кооперативов Сибири состоялся 15–24 марта 1919 г. в Иркутске. Немногочисленный состав съезда включал 18 представителей от 16 городских и рабочих обществ потребителей Иркутска, Читы, Верхнеудинска, Мысовска, Красноярска, Минусинска, Семипалатинска, трех делегатов от Центросоюза, одного – от Закупсбыта и одного – от Народного банка и Всекосоюза. Представители городских и рабочих кооперативов единогласно констатировали глубокое различие между городской и сельской кооперацией в области заготовок товаров и идеологии, сделав вывод о необходимости самостоятельного объединения городской и рабочей кооперации. Им оппонировали представители центральных организаций – Центросоюза и Закупсбыта, выступавшие за централизованное и иерархичное построение кооперативной сети.

Идея создания Всесибирского союза городской и рабочей кооперации на съезде не осуществилась ввиду недостаточной проработки и была отложена до второго съезда, делегаты ограничились учреждением координационного

[81] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 411. Л. 56.

бюро[82]. Решения съезда подчеркивали стремление городской кооперации к обеспечению «совершенства и дешевизны закупочно-распределительного аппарата путем устранения излишних, хотя бы и кооперативных посредников»[83]. Кроме того, съезд признал, что союзы обществ потребителей на территории одного города или района, объединявшие «карликовые» общества потребителей, также создают лишнего кооперативного посредника, и первоочередной задачей городской кооперации является перестройка таких союзных объединений в единые многолавочные кооперативы[84].

Идеи съезда получили развитие в решениях общих собраний кооперативов, районных и областных совещаний об осуществлении прямого вхождения в Центросоюз[85]. Руководители городской кооперации не были удовлетворены предложением Закупсбыта о прямом членстве кооперативов с десятитысячным составом, считая его противоречивым и оторванным от действительности. На деле даже крупным кооперативам было не просто вступить в члены Закупсбыта. Так, на письмо председателя правления десятитысячного по составу новониколаевского общества потребителей «Экономия» с просьбой о приеме в Закупсбыт был получен отрицательный ответ с мотивировкой, требовавшей выполнение целого ряда формальностей[86].

Если вступление в члены Закупсбыта для 4–5 крупных городских кооперативов Сибири (Томска, Омска, Красноярска, Новониколаевска, Иркутска) было обставлено целым рядом трудновыполнимых

---

[82] Труженик. 1919. № 1. С. 6–7.

[83] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 476. Л. 2–3 [Обращение бюро Первого съезда городской и рабочей кооперации Сибири к обществам потребителей].

[84] Там же. Л. 1–1об.

[85] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 487. Л. 36–36 об. [Извещение о районном совещании городских, рабочих и железнодорожных обществ потребителей в Иркутске 26–27 мая 1919 г.]; ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488. Л. 73–74 [Отчет инструктора-бухгалтера Закупсбыта К.Н. Оболенского об областном совещании представителей городской и рабочей кооперации Сибири 7–8 августа 1919 г. в Чите].

[86] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 425. Л. 10–11: [Письмо председателя правления новониколаевского общества потребителей «Экономия» от 24 июня 1919 г.; Ответ инструкторского отдела Закупсбыта от 29 июня 1919 г. на письмо из Новониколаевского общества потребителей «Экономия»].

формальностей, то что же было делать более мелким обществам потребителей? Например, общество потребителей в Ачинске насчитывало всего 1166 членов. Поэтому в июле 1919 г. общее собрание кооператива приняло решение о проведении самостоятельных заготовок, минуя Закупсбыт и Енисейский губернский союз кооперативов, которые были не в состоянии снабдить кооператив товарами, хотя последние имелись на рынках[87].

Правление «Бийского кооператива» отмечало, что городские кооперативы с числом членов менее 10 тыс. «низводятся Закупсбытом на роль пасынков, которым попадают крохи, оставшиеся от полноправных членов». Оставаясь в составе местных союзов, они получают только 1/10 необходимых товаров и вынуждены 9/10 добывать самостоятельно, что значит – «питаться от спекулянтов». Потребительные общества не в состоянии платить полный взнос в местный союз (в размере 30 руб. с человека) для удовлетворения только одной десятой потребности в товарах[88]. Кооперативу, который меньше десятитысячного, гораздо выгоднее «распылиться» на мелкие общества, чтобы образовать союз и вступить в Закупсбыт[89].

Таким образом, городская и рабочая кооперация выступала против «опеки старших товарищей из Закупсбыта», за самостоятельную работу на рынке оптовых закупок и построение непосредственных хозяйственных отношений с областными и центральными союзами. Ее руководство работало над созданием собственной сети городских союзных объединений потребительской кооперации и предлагало Закупсбыту образовать в своем составе особый отдел из представителей городских кооперативов[90].

---

[87] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 512. Л. 3–4 об.: [Протокол общего собрания членов общества потребителей г. Ачинска от 12–13 июля 1919 г.].

[88] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 449. Л. 9–10: [Письмо общества потребителей «Бийский кооператив» в правление Закупсбыта от 6 марта 1919 г.]

[89] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 492. Л. 24–25об.: [Письмо правления красноярского общества потребителей «Самодеятельность» в Закупсбыт от 20 февраля 1919 г.]

[90] Там же. Д. 449. Л. 9–10: [Письмо общества потребителей «Бийский кооператив» в правление Закупсбыта от 6 марта 1919 г.].

Союзно-организационная деятельность сибирской городской кооперации проходила в русле захлестнувшей кооперативную жизнь в годы войны мощной тенденции к централизации, отрицательными последствиями которой была утрата важнейших черт, присущих кооперации свободного периода – самодеятельности и самоуправления, нарастание бюрократизации союзных аппаратов управления. Характерными проявлениями этого процесса являлись, например, наблюдавшиеся на общем собрании одного из томских кооперативов по поводу слияния в единый многолавочный кооператив «полнейшая индифферентность членов общества к такому важному вопросу в его жизни, как слияние, и бесконечные споры не членов общества, а инструкторов по поводу тех или других, уже пережеванных комиссией, пунктов»[91].

Конец попыткам городской и рабочей кооперации Сибири создать собственные союзные объединения был положен реализацией в 1920 г. декрета Совета народных комиссаров «О потребительских коммунах» от 20 марта 1919 г., на основании которого городские и рабочие потребительные общества и их союзы ликвидировались, и вместо них в губернских и уездных городах Сибири были созданы единые рабоче-крестьянские потребительские общества (ЕПО), объединенные в губсоюзы в соответствии с территориально-административным делением. Из общественно-хозяйственной системы потребительская кооперация превращалась в технический аппарат государственных продовольственных органов, который занимался карточным распределением государственных товаров и заготовкой сельскохозяйственной продукции в порядке государственной разверстки[92].

Таким образом, формирование идеологии интеграции и союзного строительства началось с 1910-х гг. в процессе складывания устойчивой

[91] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 539. Л. 4: [Докладная записка инструктора Томского союза кооперативов от 18 ноября 1919 г. о слиянии потребительных обществ Томска в единое многолавочное общество потребителей].

[92] *Запорожченко Г.М.* Союзы потребительской кооперации в городах Сибири: проблемы и противоречия организационного строительства (1913–1920 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 35-40.

низовой сети кооперативов, заинтересованных в оптовой закупке товаров. Попытки организации объединений потребительных обществ предпринимались в Барнауле и Минусинске в 1910–1911 гг., первый кооперативный союз был образован в Мариинске в 1913 г. Городские общества стояли у истоков создания большинства сибирских кооперативных союзов, являясь для них идейными и экономическими центрами, источниками пополнения кадров. Районные, губернские и областные кооперативные союзы играли ключевую роль в товароснабжении низовой сети, населения и армии, решении комплекса социально-бытовых и культурных задач. Вхождение городских потребительных обществ в кооперативные союзы придавало устойчивость хозяйственной деятельности, гарантировало защиту интересов в органах власти и могло обеспечить снижение торговых издержек.

Но попытки объединения потребителей города и деревни столкнулись с глубокими противоречиями. Обнаружилось расхождение интересов городской и сельской кооперации как в потребительских, так и в смешанных союзах. В составе потребительских союзов численно преобладали сельские кооперативы, запросы пайщиков которых принципиально отличались от городского товарного ассортимента. К тому же, многоступенчатая товаропроводящая союзная сеть с системой складских наценок оказывалась неконкурентной по сравнению с частной торговлей, что создавало для городских потребительных обществ невыгодные условия хозяйствования, приводило к удорожанию товаров. Еще сложнее отношения складывались со смешанными союзами, в которые входили маслодельные и кредитные кооперативы, заинтересованные продать дороже продукцию своих членов, что не устраивало городских потребителей.

Выход городским кооператорам виделся в устранении лишнего посредничества районных союзов и установлении прямых хозяйственных связей с областными и центральными. Однако, на областном уровне это противоречие трансформировалось не в пользу городской кооперации.

Представители районных союзов препятствовали прямому вхождению в Закупсбыт даже крупных городских обществ, так как на их долю приходилась слишком значительная часть союзных торговых оборотов, потеря которых была слишком ощутима для районного склада. Кроме того, союзные аппараты управления, находившиеся под влиянием представителей социал-демократических партий, стремились к объединению городского и сельского населения по идейным основаниям «во имя будущих классовых битв».

Практически с начала возникновения союзов городские кооперативы стали сокращать размеры закупок через их товаропроводящую сеть, а с конца 1916 г. стремились к размежеванию с сельской кооперацией и созданию Всесибирского союза городской кооперации.

4.2. Освоение культурного пространства городов

Прогрессирующее изменение общества, как свидетельствует опыт развития мировой цивилизации, не возможно без изменения системы духовных, культурных ценностей, взглядов людей, их интересов и идеалов. В России начала XX в. в условиях формирования рыночных отношений, ориентированных в первую очередь на достижение максимальной прибыли в условиях жесткой конкуренции, потребительская кооперация внедряла в общественное сознание систему ценностей, основанную на взаимопомощи, солидарности, социальной справедливости и ответственности в сочетании с правовой и нравственной культурой. Этому способствовали построенная на кооперативных принципах хозяйственная деятельность потребительных обществ и мероприятия в области культуры, образования и благотворительности.

Недостаток в России доступного для малообеспеченных слоев населения школьного и внешкольного образования, организованных форм досуга в области светской культуры, в Сибири усугублялся удаленностью от

культурных центров и отсутствием земства. Огромные расстояния, неграмотное на 9/10 население оттесняли Сибирь на периферию культурных процессов. Государственные органы и городские культурно-просветительные общества не могли удовлетворить потребности населения в области просвещения и культуры, которые стремительно возрастали под воздействием урбанизации и индустриализации.

Формы, методы, перспективные и ближайшие задачи культурной работы кооперации были определены на Втором Всероссийском кооперативном съезде в Киеве в 1913 г., принявшем специальное постановление «О культурно-просветительной деятельности кооперативов»[93]. В Москве с 1908 г. действовал и играл главенствующую роль в развитии кооперативного просвещения и образования Университет им. А.Л. Шанявского. При поддержке МНБ университет издал в 1912 г. курсы лекций по кооперации М.И. Туган-Барановского, А.Н. Анциферова, С.Ф. Фортунатова и др., систематически организовывал кооперативные курсы для подготовки кооперативных работников[94].

В программной статье крупный теоретик и кооперативный работник А.А. Николаев отмечал, что успех всякой кооперативной организации зависит главным образом от «духовных свойств и качеств лиц», входящих в ее состав. Усовершенствовать личность, придать ей знания, навыки, воспитать умение работать и чувствовать ответственность за работу – неотложная задача кооперации. Кооперация нуждается в образованных и деятельных работниках, так как должна поддерживать высокий научный уровень разработки сложных экономических и социальных вопросов. Он писал: «Кооперация и культура неразрывно связаны друг с другом уже по одному тому, что сама кооперация как новое явление народнохозяйственной жизни, как новая упругая и крепкая ткань, стремящаяся проникнуть во все

[93] Второй Всероссийский съезд по кооперации в г. Киеве, 1–7 августа 1913 г.: 1. Доклады. 2. Резолюции. Киев, 1913. С. 22–23, 24, 26.

[94] *Фигуровская Н.К.* Развитие российской школы кооперации (1908–1918) // Кооперация: страницы истории. М., 2008. Вып. 14. С. 37.

поры народного хозяйства, становится возможной только при условии известной материальной и духовной культуры страны»[95].

Сибирские кооперативные деятели также придавали культурной стороне деятельности важное значение. Д.И. Голенищев-Кутузов призывал кооператоров «взять на свои плечи задачу культурно-просветительной работы»[96]. А.Н. Гладышев проводил мысль о том, что кооперация должна коренным образом изменить положение в народном просвещении, создавая сеть учреждений внеклассного образования, музеев, Народных домов, организуя чтения для сельского и городского населения[97]. В докладах делегатов от общества потребителей «Самодеятельность» в Красноярске и Мариинского товарищества кооперативов на съезде по внешкольному образованию в Томске 17–24 декабря 1915 г. отмечалось, что из всех видов кооперации наиболее широкую культурную работу могут развивать городские потребительские и особенно рабочие кооперативы[98].

Календарь сибирской кооперации на 1917 г., выражая идейную позицию сибирских кооператоров по этому вопросу, писал об «особенно ценной в странах малокультурных этой двуединой роли кооперации – хозяйственной и общественно-воспитательной». В статье отмечалось, что вместо «благотворительности, опеки и подачек» отличающих работу городских культурно-просветительных обществ, кооперативы должны привнести в культурную работу «живую струю самодеятельности»[99].

Правовые основания неторговой работы заключались в примечании к § 1 устава, разрешавшем при потребительном обществе организовывать «учреждения, имеющие целью различными средствами и способами улучшать материальные и нравственные условия жизни членов»[100].

---

[95] *Николаев А.А.* Кооперация и культура // Кооперативная жизнь. 1918. № 1. С. 19–24.

[96] *Илимский Д.* Кооперативные союзы в Сибири… С. 40.

[97] Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда 2–12 января 1916 г. в Омске. Омск, 1916. С. 387 [Доклад А.Н. Гладышева].

[98] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 5–6.

[99] Календарь сибирской кооперации на 1917 г. Томск, 1916. С. 31.

[100] Нормальный устав потребительных обществ… С. 78.

Легальные возможности для культурной работы в кооперативах были настолько узкие, что кооператоры называли ее проведение «фактически контрабандой»[101]. По правилам 4 марта 1906 г. каждое культурное мероприятие, будь то открытие библиотеки, устройство кооперативных курсов, лекций, чтений или спектаклей, требовало специального разрешения губернатора с предъявлением ему списка участников с адресами и подробным изложением содержания предполагаемых речей. Так, например, правление кооператива «Сотрудник» в Барнауле в мае 1916 г. вынуждено было срочно командировать одного из сотрудников в Томск за губернаторским разрешением на проведение лекции «Дороговизна и потребительская кооперация» инструктора МСПО С.В. Аникина. Задержка с разрешением повлекла отмену актуального мероприятия, так как лектор, совершавший турне по всей России, останавливался в Барнауле проездом. С сожалением барнаульские кооператоры отмечали, что в Томской губернии кооперация вынуждена работать, «смежив уста»[102].

Тем не менее, устав 1897 г. давал возможность потребительским кооперативам выполнять в известных объемах культурные задачи. Разработанный в 1911 г. в МВД новый проект Нормального устава потребительных обществ отбирал и эту ограниченную возможность, вычеркнув из первого параграфа, касавшегося целей потребительного общества, примечание об «улучшении нравственных условий жизни».

Неоднозначное влияние оказала на культурную деятельность потребительских кооперативов война. Она затруднила последовательную реализацию кооперативных целей и задач, в чем-то замедлив выполнение одних, но в чем-то поспособствовав достижению других. Журнал «Объединение» в феврале 1915 г. писал, что благодаря запрещению продажи водки не только улучшилось материальное положение населения, но и

[101] Вестник кооперации. 1917. № 4–5. С. 11.
[102] Жизнь Алтая. 1916. 18 мая; Союз потребителей. 1916. № 6. С. 222.

«обнаружился духовный голод, долгое время находившийся под спудом»[103]. Это подтверждалось публикацией журнала «Кооперативное слово» из Читы: «С закрытием винной монополии среди рабочих читинских мастерских стало наблюдаться стремление к образованию. Стали больше посещать библиотеку, читальни. Некоторые рабочие группами и поодиночке проходят у разных читинских преподавателей всевозможные предметы»[104].

Кооператоры Верхнеудинска утверждали, что «кошмар войны заставил взглянуть на свою жизнь» и осознать важность культурно-просветительной работы[105]. Журнал «Союз потребителей» писал о том, что когда расшатаны почти все устои жизни, культурная работа приобретает особенную ценность: «Ассигнования на культурные цели легко проходят на общих собраниях. Члены стали понимать, что без знания, без книги, газеты жить нельзя, трудно, как трудно жить слепому человеку. И кооперация строит Народные дома, библиотеки, школы народные театры, научный кинематограф и т.д. <…> Политика – это меч революции, культура должна быть лопатой»[106].

Культурная работа была нужна, прежде всего, для сохранения жизнеспособности самой кооперации. Создавая прочные повседневные связи между потребительным обществом и всеми сторонами бытовой и культурной жизни пайщиков, культурная работа фактически создавала и укрепляла кооперативную организацию. «Обороты – это хорошо, – писали читинские кооператоры, – но надо помнить, что по окончании войны кооперацию ждет кризис по общехозяйственным причинам, упадут обороты, и все эти "мучные" кооператоры разлетятся, скушают нашу кооперативную муку и мясо, и от них ничего не останется на черный день кооперации»[107]. По мнению корреспондента из Ачинска, из таких кооператоров-поневоле, «пассивных», не имеющих ни малейшего представления о кооперации, на

[103] Цит. по: *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 311.
[104] Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 27.
[105] Кооперативное слово. 1916. № 5. С. 13.
[106] Союз потребителей. 1918. № 17. С. 19.
[107] Кооперативное слово. 1916. № 2. С. 3.

общих собраниях можно «веревки вить, проводить самые нелепые постановления»[108].

В условиях продовольственного кризиса потребители часто ставили в вину кооперативам дороговизну и отсутствие товаров. Враждебное отношение к кооперации основывалось на обманутых надеждах на силу и могущество кооперации, которая звала в свои ряды, но не могла дать муку и сахар. Отводить незаслуженные удары от кооперации, указать на истинные причины несчастий также являлось задачей культурной работы[109].

Среди кооперативных руководителей и рядовых пайщиков имелись сторонники двух подходов к постановке неторговой работы. Одни считали, что сначала необходимо накопить средства, другие – что вести культурную работу надо при любых обстоятельствах. Объективной основой этих разногласий являлась финансовая слабость кооперативов. Осознание важности культурной работы происходило постепенно, в немалой степени этому способствовал экономический успех и наличие прибыли. Так, в январе 1917 г. кооператоры из «Труженика» в Иркутске писали: «Правление говорило, что с культурной комиссией можно погодить, главное – наладить торговлю. А бегство из кооператива уже началось»[110]. Д.И. Голенищев-Кутузов, отмечая «убожество» большинства кооперативов и непонимание основной массой пайщиков кооперативных задач, говорил о том, что социальное воспитание отличается «чрезвычайной постепеновщиной»[111]. Эта мысль предостерегала кооперативных деятелей от того, чтобы упускать из виду культурную работу, откладывать ее «на завтра» ссылаясь на тяготы войны, отсутствие средств, подготовленных инструкторов и другие причины.

---

[108] Союз потребителей. 1915. № 33. С. 1195.

[109] Кооперация и продовольственный кризис // Известия Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 8–9.

[110] Сибирь. 1917. 21 янв.

[111] *Илимский Д. (Голенищев-Кутузов Д.И.).* Очерки кооперации в Сибири: от распыленности к организации // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 144–145.

Примеры из деятельности сибирских городских и рабочих кооперативов дают представление о формах и результатах освоения ими культурного пространства городов.

В *Красноярске* Енисейской губернии общество потребителей «Самодеятельность» дивиденды и премии на закупки не выдавало на руки, а зачисляло в неделимый и общественно-полезные фонды. Это позволило постепенно увеличивать накопления на культурно-просветительные цели. Так, фонд отчислений на организацию библиотеки за 1913–1915 гг. вырос с 50 до 200 руб.[112] На общих собраниях 1 и 8 марта 1915 г. был принят план культурной деятельности, который включал организацию культурно-просветительной комиссии, устройство кружка кооперативных знаний и литературно-драматического, кооперативной библиотеки, соглашение с местными культурными и общественными силами об устройстве лекций по общественно-экономическим вопросам, организацию вечерних курсов или школы для взрослых – рабочих и мелких служащих, устройство более частых собраний для пайщиков с городских окраин – Николаевки и Алексеевки, издание журнала[113].

Главным достижением кооператива явилось то, что в мае 1915 г. он первым из городских обществ начал издание в собственной типографии журнала «Самодеятельность». Закрытый по распоряжению властей в конце 1915 г. журнал возродился в феврале 1916 г. под названием «Самодеятельность потребителя». Членам общества журнал высылался бесплатно, немалый по тому времени общий тираж составлял 2 тыс. экземпляров[114]. Публикуя разнообразный материал о деятельности общества потребителей «Самодеятельность», кооперативов губернии и всей Сибири, журнал являлся для них координирующим и идейным центром.

---

[112] *Плотников Ю.П.* Из истории борьбы красноярских большевиков за легальные опорные пункты партийной работы (рабочий кооператив «Самодеятельность») // Из истории красноярской партийной организации. Красноярск, 1971. Вып. 3. С. 99.

[113] Сибирская деревня. 1915. № 5. С. 18.

[114] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 13.

В 1915 г. кроме журнала и нескольких докладов на общих собраниях ничего из запланированного сделать не удалось, и выделенные на культурные цели 450 руб. остались неизрасходованными. Сказались и чинимые властями препятствия: некоторые доклады, посвященные неторговой деятельности, были сняты администрацией с повестки общих собраний, так же как и вопрос о выборах делегата на Томский съезд по внешкольному образованию. Правление общества увеличилось с 9 до 17 чел. за счет создания ряда комиссий, в том числе культурно-просветительной. Это позволило обществу приступить к более планомерной и систематической работе в неторговой области, на которую в 1916 г. было выделено 900 руб. в два раза больше, чем в предыдущем[115].

В 1915 г. правление ходатайствовало перед городским самоуправлением и обществом попечения о народном образовании об открытии в рабочем квартале отделения городской библиотеки[116]. О недостатке библиотек в культурной инфраструктуре города писал журнал «Сибирская школа»: «Библиотек и читален нет ни в Алексеевской, ни в Покровской слободах, ни на Поповом лугу. Библиотека и читальня Николаевской слободы, основанная обществом попечения о народном образовании, нуждается в коренном ремонте. Городская бесплатная библиотека находится в неприспособленном помещении, отличается бедностью фондов, работает только до 6 часов вечера и не имеет читальни»[117].

В сентябре 1916 г. общество потребителей «Самодеятельность» праздновало свой трехлетний юбилей. Торжественное публичное собрание было устроено в помещении клуба вольно-пожарного общества. На нем прозвучали доклады А.Ф. Сальстрема по истории кооперативного движения, М.И. Фрумкина – по истории кооператива «Самодеятельность» и Н.Л. Мещерякова – о неторговой деятельности кооперации[118]. К юбилею

[115] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16, ч. 25. Л. 1.
[116] Сибирская деревня. 1915. № 18–19. С. 29.
[117] Сибирская школа. 1916. № 2. С. 109.
[118] Голос Сибири. 1916. 11 сент.

общества было приурочено открытие бесплатной библиотеки с читальным залом, насчитывавшей две тысячи томов книг и толстые журналы «Летопись», «Русские записки», «Современный мир» и др. Первое время право пользоваться библиотекой имели только члены кооператива, впоследствии решили, что и остальные могут брать книги под ручательство полных пайщиков[119]. Вскоре общество имело уже две библиотеки с читальнями – в центре города и Николаевской слободе.

На основании утвержденных в администрации уставов действовали драматический, хоровой и музыкальный кружки[120]. Душой культурной работы являлись жены политических ссыльных – А.И. Мещерякова, М.С. Буйко, Е.Е. Фрумкина, В.В. Бублеева-Буксина[121]. Культурно-просветительная комиссия устраивала тематические вечера, один из которых, посвященный творчеству А.Н. Некрасова, состоялся в Николаевской слободе для железнодорожных рабочих и служащих. Большой популярностью пользовались праздники для детей. В марте 1916 г. правление обратилось в городскую думу с просьбой о введении курса кооперации в программу преподавания городской торговой школы в целях подготовки кооперативных работников[122].

Кружки, типография и лекторий находились в организованном кооперативом Доме просвещения[123]. Лекторами приглашали активных кооперативных работников – Мещерякова, Гневушина, Фрумкина. «Лекционное дело налаживается плохо из-за постоянных разногласий между социал-демократами и социал-революционерами», – доносили агенты охранного отделения, не упускавшие из поля деятельности любое начинание кооператива[124]. Несмотря на разногласия, руководители кооператива

[119] Сибирская жизнь. 1916. 13 сент.
[120] Сибирская деревня. 1916. № 9–10. С. 31.
[121] *Днепровский С.П.* Кооператоры. М., 1968. С. 141.
[122] Сибирский листок. 1916. 10 марта; Сибирская жизнь. 1916. 4 мая.
[123] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 145.
[124] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16, ч. 25. Л. 1.

придавали культурно-просветительной работе первостепенное значение, что отвечало их партийным целям.

Культурная работа городского кооператива в *Ачинске* Енисейской губернии носила преимущественно субсидиарный характер: из прибылей производились отчисления в пользу различных культурно-просветительных организаций. Собственная неторговая деятельность кооператива заключалась лишь в распространении журнала «Объединение». Члены общества писали: «Идея задавлена рублем, погоней за дивидендом, культурно-просветительная работа сослана "на камчатку"»[125].

Кооператоры общества потребителей в *Канске* Енисейской губернии в 1916 г. отмечали, что правление ничего не делало в культурной области. Они писали: «Действия правления расходятся с пожеланиями общего собрания и отличаются отсутствием общественности. Правление ничего не делает в области культурно-просветительной работы, чтобы заражать идеями кооперации других… Торговые операции следует признать правильно поставленными, но не в одном этом жизнь кооператива»[126].

Члены общества потребителей «Самопомощь» в *Енисейске* высказывали мнение о том, что общество не должно замыкаться на одной торговой деятельности. Из 2450 руб. прибыли за 1915–1916 гг. 450 руб. были отчислены на культурные цели[127]. На уездном кооперативном совещании 15 января 1917 г. при участии городских кооператоров была принята резолюция о развитии культурно-просветительной работы[128].

В обществе потребителей «Трудовая копейка» на железнодорожной станции *Иланская* Енисейской губернии из прибыли за 1914 г. по решению общего собрания 55 руб. отчислили на культурную работу. Остальные средства были вложены в увеличение торговых оборотов кооператива[129]. Поскольку вся культурная работы сводилась к выписке календарей для

[125] Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 25.
[126] Самодеятельность потребителя. 1916. № 3. С. 15.
[127] Голос Сибири. 1916. 8 сент.
[128] Сибирская жизнь. 1917. 31 янв.
[129] Сибирская жизнь. 1915. 24 окт.; Союз потребителей. 1915. № 12. С. 354.

членов потребительного общества на 1915 г., ста экземпляров журнала «Объединение» и двух экземпляров журнала «Союз потребителей», члены кооператива делали вывод о ее почти полном отсутствии[130].

Одной из причин сложившегося положения руководители кооператива считали недостаток средств. Чистая прибыль за 1914 г. составила всего 321 рубль и на выписку журнала был определен самый высокий размер отчислений – 17%, следующим по величине шел взнос в паевой капитал – 10%[131]. Вследствие однобокого развития кооператива активность членского состава оставалась на низком уровне, вся работа велась исключительно членами правления. «Громадное большинство членов, представляя собой серую несознательную массу, довольно безразлично относится к судьбам своего кооператива. На собрания народу ходит очень мало. Это неудивительно, ведь никакой культурной работы почти не велось», – отмечали в 1915 г. члены иланской «Трудовой копейки»[132].

По мере роста торговых оборотов и прибылей возрастали материальные возможности для культурной работы. В 1916 г. правление запланировало увеличить отчисления на культурные цели: на выписку журнала «Объединение» – 65 руб., на культурно-просветительные мероприятия – 100, на устройство досуговых мероприятий – 200, в фонд организации кооперативного института Сибири – 25 руб. Однако в результате разгоревшейся на общем собрании борьбы между правлением с одной стороны, а с другой – служащими железной дороги («тёмным людом») под лозунгом «Долой просвещение!» все статьи культурного назначения оказались урезанными в пользу повышения процента дивиденда[133].

Рабочее общество потребителей «Трудовой союз» *в Чите* Забайкальской области считалось образцовым, лучшим в Забайкалье, в том числе и в плане

[130] Союз потребителей. 1915. № 24. С. 834.
[131] Там же.
[132] Там же.
[133] Объединение. 1916. № 8. С. 19–20.

культурной деятельности[134]. Из чистой прибыли 1914 г., которая составила 1116 руб., 550 руб. общее собрание отчислило на создание Народного дома и открытие библиотеки, 184 руб. на эти цели дал любительский спектакль в железнодорожном собрании[135]. В 1916 г. на общем собрании решили производить в пользу Народного дома постоянные отчисления 10% от прибыли[136].

Работу по созданию Народного дома «Трудовой союз» осуществлял совместно с обществом попечения о народном образовании и другими общественными и кооперативными организациями, из которых сформировалось читинское «Общество Народного дома». Заседания его проходили по воскресеньям в помещении городской библиотеки. Агенты охранки, наблюдавшие за его деятельностью, сообщали, что там собирались до 25–30 чел.: от Забайкальского товарищества кооперативов – Н.К. Сенотрусов, от общества потребителей «Эконом» – И.Х. Горбылев, от «Трудового союза» – Лавринайтис. Собранные средства в размере 14 тыс. руб. на начальной стадии создания функционирования Народного дома предполагалось израсходовать на организацию библиотеки и общедоступных лекций[137]. На общем собрании кооператива в марте 1915 г., принявшем постановление ходатайствовать о постройке Народного дома, было много противников этой идеи, опасавшихся, что администрация, придравшись к чему-либо, закроет Народный дом, а вместе с ним и кооператив[138].

В кооперативе было создано несколько комиссий по неторговой деятельности. В результате их усилий начали действовать библиотека и читальня, совместно с обществом народных чтений проводились лекции по литературе и истории, собиравшие до 150 слушателей. Администрацией был

---

[134] *Рожков Н.А.* Положение потребительской кооперации по различным губерниям и областям. Забайкальская область // Ежегодник МСПО. 1914 г. М., 1916. Вып. 4. С. 33.

[135] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 25, лит. Б. Л. 11.

[136] Сибирская жизнь. 1916. 24 сент.

[137] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 20, ч. 25. Л. 6.

[138] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 7 об.

утвержден устав родительского кружка с выделением участка земли на Читинской улице для детской площадки[139].

Осенью 1916 г. жандармские агенты заметили особенно активную деятельность «Трудового союза» по организации лекций для рабочих железнодорожных депо. Почти все лекторы имели политическое прошлое. Своей образованностью на фоне местной общественной жизни выделялся доктор З.Р. Рубинштейн, окончивший Берлинский университет, тесно общавшийся с подпольными партийными организациями. Тематикой своих лекций Рубинштейн избрал историю развития общественной мысли в России, начиная с эпохи Н.А. Радищева и императора Александра I, что соответствовало выработанной руководителями общества народных чтений программе лекций для железнодорожных рабочих по общественному движению XIX – начала XX в.

Агенты, присутствовавшие на лекциях, отмечали: «Социал-демократы хотят видеть в докторе Рубинштейне вождя мысли, в чем здесь явно чувствовался пробел. Рубинштейн рассказывал о том, что Радищев первый сказал правду, он обличал угнетение крестьян, а его – в Сибирь. Лекция закончилась бурными аплодисментами»[140]. Лекции проходили в помещении частного дома, за вход взимали плату 10 коп., неимущих пускали бесплатно. На обратной стороне билета слушатели заполняли анкету, указывая пол, возраст, грамотность, род занятий, оставляли отзыв. На одном из таких билетов осталась надпись: «Продолжайте, но остерегайтесь».

Лекции вызвали большой интерес как у слушателей, так и охранного отделения. З.Р. Рубинштейн подвергся обыску, при котором у него обнаружили библиотеку из 200 экземпляров изданий социал-демократического содержания, аресту и высылке из Читы. В материалах жандармского расследования отмечалось, что со стороны лектора не было «каких-либо агитационных выпадов, обстоятельств смерти Павлы I он не

[139] Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 27.
[140] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 18-18 об.

касался», но обсуждение острых тем перед рабочей аудиторией было признано «неуместным»[141].

Кооператоры «Трудового союза» разрабатывали планы создания в Чите среднего учебного заведения – гимназии для демократических слоев населения. Делегат от читинских кооперативов, получивший, по сведениям полиции, наказ радикального содержания, в декабре 1915 г. принимал участие в съезде по внешкольному образованию в Томске[142]. Активное участие принимало правление «Трудового союза» в организации в Чите кооперативных курсов для больных и раненых воинов, уволенных в запас.

Одной из форм культурно-просветительной работы кооператива явились экскурсии, проводимые с познавательными целями. В 1916 г. «Трудовой союз» организовал экскурсии для своих членов-велосипедистов за город – на станцию беспроволочного телеграфа, электрическую станцию и Черновские угольные копи[143].

Читинское всесословное общество потребителей «Эконом» развивало книжную торговлю, отчислив на ее организацию 1500 руб. В декабре 1916 г. в его центральном магазине открылось книжное отделение. Книги покупались «нарасхват». Журнал «Кооперативное слово» писал: «Книжное отделение "Экономa" – это единственное место в Чите, где можно найти доступную для народа и хорошую книгу»[144]. Разрешение генерал-губернатора Забайкальской области на открытие книжного отделения получил член правления «Экономa» политссыльный А.К. Кузнецов. В сентябре 1916 г. на неофициальном заседании руководства «Экономa» и представителей местных общественных организаций по обсуждению вопроса об открытии книжной торговли присутствовали все крупные социал-демократы. Под влиянием З.С. Рубинштейна они выбирали для продажи

[141] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 18 об., 19–20, 31, 35 об.

[142] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 7; Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 27.

[143] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 100, лит. Б. Л. 8 об.

[144] Кооперативное слово. 1916. № 5. С. 24.

научно-популярные издания по образцу западноевропейских социалистических библиотек[145].

Ко дню своего двухлетнего юбилея 14 декабря 1916 г., правление «Эконома» подготовило культурную программу, включавшую два доклада – по истории городской потребительской кооперации и продовольственному вопросу, концертное отделение и выпуск однодневной газеты «День кооперации». Однако юбилейные мероприятия кооператива попали под подозрение администрации. Доклады и концерт были запрещены, и только однодневная газета увидела свет[146].

Чита являлась одним из центров кооперативной журналистики. С мая 1914 г. на базе Забайкальского товарищества кооперативов, а впоследствии Областного союза забайкальских кооперативов издавались кооперативные журналы «Наше дело» и «Кооперативное слово» с приложением на бурятском языке.

В январе 1917 г. журнал «Кооперативное слово» обратился к кооперативам Забайкальской области с предложением о повсеместной организации кооперативных кружков для чтения, которые бы представляли собой начальный этап воплощения в жизнь идеи о сети Народных домов как «завершенной формы народных культурно-просветительных исканий». «Внешкольное образование лежит на обязанности наших кооперативов, но многие ли из них – молодые, неокрепшие – располагают свободными средствами для учреждения Народных домов? А кружок потребует незначительных средств – 20–25 руб. на закупку литературы и выписку газет», – разъясняли кооператоры[147]. В рамках идеи о Народных домах разрабатывался также проект создания Дворца кооперации.

В образованном в феврале 1913 г. обществе потребителей «Экономия» в *Верхнеудинске* Забайкальской области в культурный фонд отчислялась половина прибыли от посторонних покупателей. Дивидендом, который на

[145] ГАРФ. Ф. 102. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 34 об.
[146] Союз потребителей. 1917. № 1. С. 29–30.
[147] Сибирская жизнь. 1917. 6 янв.

руки не выдавался, членам общества предоставлялось право распоряжаться двояким образом – зачислить в пай или отчислить на культурно-просветительные цели. Культурная работа в кооперативе началась в 1915 г. По решению общего собрания 200 руб. из прибыли отчислили на устройство кооперативного семейного вечера и елки для детей, 300 руб. – на другие культурные мероприятия, избрали культурно-просветительную комиссию.

Среди членов общества распространялся журнал «Объединение», был проведен кооперативный праздник на детской площадке со спектаклем и лекцией, совместно с Забайкальским железнодорожным кооперативом устроен торжественный вечер в честь 50-летия российской кооперации, 100 руб. было передано обществу попечения о народном образовании, которому члены «Экономии» помогали также личным участием. Добившись от городской думы запрета на продажу в городе спиртных напитков, кооператив боролся с пьянством путем организации досуга горожан[148].

В период сахарного кризиса осенью 1916 г. кооператив пережил наивысший приток пайщиков, число членов достигло 2304 чел. Записывались видные купцы и содержатели кондитерских, покупавшие паи на себя и всех членов семьи, чтобы на каждый пай получать положенное количество сахара и муки. Эти уйдут – считало правление. Но наряду с «сахарными» кооператорами вступали малоимущие. Сохранение их участия в обществе потребителей являлось важной целью культурной работы.

В конце 1916 г. правление «Экономии» направило губернатору ходатайство об открытии книжного склада и книжного отделения, мотивируя это «острой нуждой» в книжной торговле. На общем собрании единогласно утвердили предложение правления о создании в Верхнеудинске Народного дома как центра культурной и кооперативной жизни города. Рабочие-железнодорожники заявили, что они охотно бы собирали средства по подписным листам на его строительство. Выступления отдельных лиц –

[148] Объединение. 1915. № 7. С. 14.

«сначала-де наторгуем прибыли, а потом будем браться за культурно-просветительную работу» – не встретило поддержки.

В 1916 г. была намечена обширная программа деятельности: организация бесплатных лекций, бесед со служащими на кооперативные темы, выпуск агитационных листков, проведение двух кооперативных вечеров, преобразование существовавшей библиотеки в библиотеку-читальню с пополнением книжного фонда, выписка газет и журналов, открытие кооперативной чайной, избрание комиссии в составе 10 чел. для сбора средств на создание Народного дома, отчисление на него из будущей прибыли 1 тыс. руб., привлечение к его постройке органов городского самоуправления[149]. В комиссию по Народному дому и культурной работе записалось 15 чел., возглавлял ее работу один из трех платных членов правления[150].

В начале 1916 г. в ознаменование 50-летия российской кооперации правление «Экономии» основало фонд для учреждения в Восточной Сибири Народного университета с первоначальным взносом 100 руб. и последующим ежегодным отчислением 50% прибыли от посторонних. В январе 1917 г. верхнеудинские кооператоры обратились в правление Иркутского товарищества кооперативов и посредством периодической печати ко всем потребительным обществам Забайкальской области с предложением об учреждении Восточносибирского народного университета не во Владивостоке, как ходатайствовало Прибайкальское товарищество, а в Иркутске, сборе средств и учреждении «Общества Народного университета», которое бы осуществило это начинание[151]. Эти идеи были поддержаны кооперативами «Труженик» и «Кооператор» в Иркутске, Забайкальским железнодорожным кооперативом, общие собрания которых приняли решение о посылке соответствующих телеграмм председателю Государственной думы Родзянко, депутатам Ефремову, Чхеидзе и

[149] Кооперативное слово. 1916. № 4. С. 11; № 5. С. 13.
[150] Кооперативное слово. 1916. № 5. С. 13.
[151] Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 16; Общее дело. 1917. № 2. С. 19.

Керенскому, министру народного просвещения. В посланиях указывалось на «единодушное желание сибирских общественных, кооперативных и просветительных организаций скорейшего открытия в Иркутске второго сибирского университета» и выражалась надежда на беспрепятственное прохождение этого проекта в Думе[152].

Открывшееся в мае 1916 г. общество потребителей на станции *Слюдянка* Забайкальской железной дороги начало работу в культурной области с восстановления кинематографа («иллюзиона»), заброшенного после смерти прежнего владельца. Первый сеанс состоялся 13 января 1917 г. Корреспондент железнодорожного кооперативного журнала писал: «Иллюзион год стоял с заколоченными дверями и окнами, с унылым видом запустения. Теперь вокруг него закипает жизнь. Сотни людей толпятся, ожидая сеанса. Как приятно видеть при этом возбужденные радостные лица членов общества, которые на живом примере убедились в значении организации, почувствовали силу этой организации»[153]. Кооператоры планировали оборудовать в помещении иллюзиона сцену и широко развить культурную работу, удовлетворяя потребности жителей поселка в цивилизованных развлечениях.

Учрежденные в 1916 г. в *Иркутске* общества потребителей «Труженик» и «Кооператор» с первых дней существования проводили культурную работу. Избранная на общем собрании «Труженика» культурно-просветительная комиссия выписала для торговых отделений кооперативные журналы «Объединение», «Союз потребителей», «Кооперативная жизнь», «Вестник кооперации», «Самодеятельность», «Труд», «Вестник кооперативных служащих», «Общее дело». При Потанинских бесплатных библиотеках на окраинах города за счет средств «Труженика» формировались отделы кооперативной литературы. В губернскую

[152] Сибирская жизнь. 1916. 13 авг.; Голос Сибири. 1916. 4 дек.; Кооперативная жизнь. 1916. № 15–16. С. 766.

[153] Известия Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 14.

администрацию было направлено ходатайство о разрешении книжной торговли, не получившее положительного отзыва.

В октябре–ноябре 1916 г. в Народной аудитории дома Посохина прошли четыре лекции по кооперации с использованием кинематографа на темы «Что такое потребительное общество и какая от него польза», «Частная торговля и потребительские лавки», «Потребительская кооперация в Дании» и «Копейка рубль бережет». На первой лекции присутствовали 85 чел. (8 женщин, 9 мужчин и 60 подростков 14–19 лет). На четвертой лекции было уже 117 чел. (46 мужчин, 58 женщин, 23 подростка), молодежь отправили в Сухачевскую аудиторию, где проводились чтения для детей. Слушатели проявляли интерес, задавали вопросы, с мест раздавались возгласы «Верно!», «Что и говорить!», «Время трудное для бедных людей!». По окончании многие обращались к лектору для записи в члены потребительного общества[154].

В целях развития народного образования правление «Труженика» разработало план организации в школьных помещениях в предместьях Глазково и Знаменском воскресных чтений по кооперации для малообеспеченных жителей городских окраин, подав ходатайство об этом в городскую управу. Директору народного училища кооператив направил ходатайство об открытии трехгодичных вечерних бесплатных курсов для взрослых с особой программой для неграмотных. Планировались двухчасовые занятия по пять раз в неделю с изучением географии, естественных наук и двухмесячным курсом по кооперации. На устройство курсов для взрослых общее собрание «Труженика» заложило в смету на 1917 г. 762 руб. с учетом учебных пособий, отопления, освещения и проч.[155]

Общество потребителей «Кооператор» арендовало киоск для книжной торговли. На одном из совместных заседаний руководства двух кооперативов

[154] Сибирь. 1917. 12 янв.
[155] Иркутский кооператор. 1916. № 19–20. С. 19.

возникла и начала разрабатываться идея создания кооперативного клуба[156]. Развивая культурную работу, кооператоры Иркутска отмечали: «Не нужно преувеличивать значение роста числа членов кооперативов. Обывателя туда гонит шкурный интерес. Идейности никакой. Громадное большинство – 95% – смотрит на кооперацию только как на лавочку, в которой можно купить муку, сахар и масло. Необходимо теперь же, пока не разлетелись все эти мучные кооператоры, внедрить в их сознание сущность кооперативной идеи "в единении – сила"»[157].

На общем собрании рабочего кооператива в пос. *Черемхово* Иркутской губернии в июне 1914 г. приняли решение о регулярных отчислениях на культурно-просветительные цели с тем, «чтобы черемховское общество потребителей представляло собою не артель для покупки товаров, а стало действительно кооперативом, чтобы был заложен фундамент культурного очага»[158].

Общество потребителей в *Нижнеудинске* Иркутской губернии в дни своего открытия в августе 1913 г. провело тематический вечер для ознакомления местной общественности с идеями кооперации. В начале деятельности ассигнования кооператива на культурную работу составили 99 р. 82 к. Впоследствии в культурный фонд перечисляли прибыль от посторонних покупателей[159]. На состоявшемся в августе 1916 г. «многочисленном и оживленном» общем собрании руководству поступил ряд вопросов о том, что было сделано в культурной области. После того, как выяснилось, что кроме двух спектаклей, давших 100 руб. прибыли в пользу Народного дома, культурно-просветительная работа практически не велась, решили пригласить специалиста для подготовки и проведения культурных мероприятий. По решению общего собрания выделили 200 руб. на Народный

[156] Сибирская жизнь. 1916. 28 нояб.; 1917. 29 янв.

[157] Сибирская жизнь. 1917. 22 янв.

[158] Отчет Черемховского общества потребителей села Черемхово Иркутской губернии, Балаганского уезда за I операционный год (с 22 декабря 1912 г. по 9 июня 1914 г.). Иркутск, 1914. С. 19.

[159] Союз потребителей. 1915. № 5. С. 119.

дом. Один из членов общества предложил в фонд создания Народного дома отдавать весь дивиденд, опуская марки в специальную кружку в лавке. «Жертва кооператива приблизит осуществление светлой мечты», – писали из Нижнеудинска[160].

В рабочем обществе потребителей «Наше будущее» на *Николаевских заводах* в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии в ноябре 1916 г. состоялось общее собрание, посвященное выбору культурно-просветительной комиссии и обсуждению плана культурной деятельности. Первые практические шаги по их осуществлению заключались в организации струнного оркестра и подготовке спектакля. «Хотели бы устроить ряд лекций по кооперации, – писали рабочие, – но нет культурных сил. Хорошо и то: члены общества делают, что могут»[161].

Традиции работы в культурной области в кооперативах *Тобольска* были заложены еще обществом потребителей «Труженик», который в 1910–1911 гг. отчислял из прибылей 10% на создание библиотеки и культурные мероприятия[162]. В тобольском обществе потребителей «Самосознание» о культурной деятельности заговорили в конце 1916 г. На общем собрании 11 декабря правление представило собранию план мероприятий в культурной области, который предполагал организацию курсов по кооперации при содействии сельскохозяйственной комиссии Тобольского губернского музея с отчислением на них из прибыли общества 300 руб., вечерних занятий для служащих (30 руб.), кооперативной читальни при губернском музее в фойе Народного дома, кооперативного отдела при библиотеке общества внешкольного образования (50 руб.), кооперативного клуба в фойе Народного дома с проведением занятий хора и оркестра, уроков

[160] Голос Сибири 1916. 28 авг.; Сибирская жизнь. 1916. 28 авг.

[161] Голос Сибири. 1916. 25 нояб.

[162] Отчет Тобольского общества потребителей «Труженик» за 1911 г. Тобольск, 1912. С. 33.

художественного чтения и т.п. (300 руб.). Часть прибыли за 1916 г. кооператив отчислил также в фонд известного агронома Н.Л. Скалозубова[163].

В обществе потребителей в *Кургане* Тобольской губернии неторговая деятельность ограничивалась выпиской и распространением среди членов кооперативной литературы и журналов, на что отчислялось по 100 руб. в год. На общем собрании 18 сентября 1916 г. в присутствии 122 членов правление представило доклад об организации «Общества Народного дома». Собрание единогласно постановило принять в нем участие с внесением 400 руб.[164]

В обществе потребителей «Деятель», открывшемся в *Томске* в 1913 г., острые проблемы хозяйственной деятельности отодвинули культурную работу на второй план. Члены кооператива жаловались на отсутствие каких-либо образовательных и досуговых мероприятий, направленных на укрепление связей между пайщиками, правлением и служащими. Избранная культурно-просветительная комиссия бездействовала. Лишь в 1915 г. по решению общего собрания 150 руб. отчислили Комитету содействия сибирской кооперации при обществе изучения Сибири и 200 руб. на культурно-просветительные мероприятия[165].

Вопрос об усилении культурной деятельности встал на повестку дня в связи с обсуждением плана борьбы с продовольственным кризисом. На общем собрании 1 мая 1916 г. в числе мер по установлению тесных отношения со всеми организациями, борющимися с дороговизной, одобрили план активизации культурной работы, отметив, что она «создает и укрепляет организацию»[166]. До 1917 г. общество выписывало кооперативную литературу, организовало несколько лекций по кооперативной тематике и один кооперативный вечер. С переводом в 1917 г. коммерческой работы «Деятеля» на прибыльную основу в смете появились расходы на культурные

[163] ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 204. Л. 7.

[164] Союз потребителей. 1915. № 21. С. 677; Кооперативная жизнь. 1916. № 19. С. 23; Сибирская жизнь. 1917. 24 февр.

[165] Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 г. Томск, 1916. С. 34.

[166] Утро Сибири. 1916. 5 мая.

мероприятия в размере 4–5 тыс. руб., что составляло шестую часть прибыли[167].

Городской кооператив в *Мариинске* Томской губернии отчислил в 1915 г. на культурные цели 500 руб. Средства пошли на устройство рождественской елки и спектакля, выписку газет и журналов («повысился спрос на газеты»). По решению общего собрания разрабатывался вопрос о книжной торговле, просветительном кинематографе, устройстве спектаклей, чтений, учреждении в год 80-летнего юбилея Г.Н. Потанина двух «Потанинских стипендий» для учеников в мужском и женском училищах – детей малообеспеченных пайщиков. Наряду с мариинским библиотечным обществом кооператив был единственной в городе организацией, откликнувшейся на это значимое общественное и культурное событие[168].

Общество приняло участие в осуществлении проекта Мариинского товарищества кооперативов и Союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ по созданию кооперативной школы для детей членов потребительных обществ. На «многолюдном и оживленном» годичном собрании Мариинского товарищества 18–20 марта 1916 г. один из крестьян предложил приступить к созданию фонда для устройства в Мариинске кооперативной школы. «Первый раз за три дня работы собрание разразилось шумными аплодисментами и единогласно принимает решение», – писал корреспондент журнала «Союз потребителей»[169].

В уставе Мариинской кооперативной школы было записано, что пятилетнее (затем шестилетнее) обучение давало полный курс высшего начального училища и возможность непосредственного перехода выпускников в высшую школу. Учащимся предлагалось бесплатное содержание и обучение «на началах самообразования, самовоспитания и

[167] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 323. Л. 40 [Годовой отчет общества потребителей «Деятель» в г. Томске за 1917 г.].

[168] Сибирская жизнь. 1915. 8 февр., 29 сент.

[169] Союз потребителей. 1916. № 14. С. 449.

самодеятельности при помощи учителей»[170]. Кооператоров увлекала мысль «о создании свободной демократической школы – свободной от циркуляров, сухой министерской программы, преследования инициативы учителей и учеников»[171]. Смета школы составляла более 100 тыс. руб.

Мариинская кооперативная школа открылась 15 октября 1917 г. Желающих было больше, чем мест. Предпочтение отдавалось, кроме удачно сдавших экзамен, наиболее малообеспеченным кандидатам от каждого потребительного общества – 50 ученикам от 33 селений, 43 из которых проживали в общежитии при школе. В совет школы, совет старост и товарищеский суд избирались ученики. В школе издавался журнал «Зарница», культурно-просветительный кружок «По свободной дороге» готовил спектакли. Воспитанники школы организовали ученический кооператив учебных пособий, общество потребления, культурно-просветительный кружок, кредитное товарищество. Острая продовольственная ситуация поставила на повестку дня возделывание на пришкольном поле пшеницы и картофеля.

Независимое рабочее общество потребителей «Работник» на станции *Боготол* Сибирской железной дороги из прибыли 1915 г. произвело отчисления на воскресную школу для взрослых и обучение малоимущих учеников начальной школы поселка[172]. 22 октября 1915 г. общество организовало праздник, посвященный 50-летию российской кооперации. Мероприятие носило благотворительный характер, так как при наличии бесплатного входа посетителей призывали жертвовать в пользу беженцев. Зал железнодорожного собрания был переполнен рабочими депо. С докладами «Основы и принципы кооперации», «Что должен знать каждый потребитель» и «Потребительская кооперация и мелкий кредит» перед многочисленной аудиторией выступили члены правления общества «Работник». В перерывах между лекциями исполнялись музыкальные

[170] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 195. Л. 131 [Устав Мариинской кооперативной школы].
[171] Союз потребителей. 1918. № 18. С. 14–15.
[172] Сибирская жизнь. 1916. 4 окт.

номера, в заключение состоялся сеанс кинематографа. Корреспондент газеты «Сибирская жизнь» писал: «Вечер прошел весьма оживленно. В антрактах играл духовой оркестр из рабочих депо. Все чувствовали себя свободно, что, между прочим, не всегда приходится наблюдать в местном собрании»[173]. Возлагало население поселка надежды на кооператив и в плане создания библиотеки, так как городское управление в этой области ничего не предпринимало.

В *Нарыме* Томской губернии в ноябре 1916 г. общество потребителей устроило детский праздник. Корреспондент газету «Сибирская жизнь» писал: «С редким для нарымчан вниманием все отнеслись к первому своему культурному начинанию – детскому празднику, памятуя, что дети – это будущие творцы кооперации. Испрашиваемая на организацию праздника сумма была увеличена до 150 руб., и, кроме того, пустили подписной лист для всех желающих»[174].

В *Бийске* Томской губернии общество потребителей «Общая польза» с разрешения губернатора продавало в магазине кооперативную литературу, а в начале 1917 г. организовало для своих пайщиков рождественский кооперативный праздник[175]. Планомерную культурную работу общество начало вести лишь со второй половины 1919 г., отчислив на нее 15 тыс. руб. и пригласив специального инструктора[176].

В обществе потребителей *Татарска* Томской губернии общее собрание 8 февраля 1917 г. постановило из чистой прибыли 3164 руб. отчислить 400 руб. на создание библиотеки, 500 руб. – на открытие воскресной школы для взрослых, 100 руб. – в фонд Народного дома, 137 руб. – на закупку учебных пособий учащимся – детям призванных на войну. Общество потребителей взялось за устройство городской библиотеки, которую до этого безуспешно пыталась создать местная общественность. «Это важный вопрос, имеющий

[173] Сибирская жизнь. 1915. 27 окт.
[174] Сибирская жизнь. 1916. 9 дек.
[175] Голос Сибири. 1916. 21 авг.; Сибирская жизнь. 1916. 29 нояб.
[176] Труженик. 1919. № 11. С. 4.

огромное общественное значение. У нас будет положено начало культурной работе, которая должна привлечь все слои населения и оживить погрязшую в мелочах обывательщины общественную совесть», – писали из Татарска[177].

В обществе потребителей «Сотрудник» в *Барнауле* Томской губернии о необходимости культурно-просветительной работы разговоры велись с самого начала его возникновения, но практическое осуществление продвигалось с большим трудом. Члены кооператива писали в газету «Жизнь Алтая»: «Созданная культурная комиссия не собиралась, когда решили избрать новую – в нее никто не хотел записываться»[178].

Избранная наконец в сентябре 1916 г. новая комиссия наметила план мероприятий, включавший организацию библиотеки и лекций по кооперативной и общественной тематике, проведение Дня кооперации и кооперативных вечеров, устройство спектаклей, создание в городе киосков кооперативной печати, кооперативных отделов в городских и школьных библиотеках. Культурную работу предполагалось координировать с местным педагогическим обществом, комиссией по устройству воскресных школ и другими общественными организациями. Из всех пунктов плана выполнили лишь те, что касались подписки на кооперативные журналы.

На развитие культурной работы «Сотрудника» негативное влияние оказывала острая борьба внутри правления. Заседания культурно-просветительной комиссии проходили малопродуктивно: не являлся секретарь с записями постановлений предыдущих заседаний, никто не хотел избираться в президиум комиссии. Значительная часть времени на ее заседаниях уходила на дискуссии с оппозиционными членами правления А.В. Спекторским и Н.К. Колобовым, которые в нарушение постановления общего собрания об автономности культурной комиссии пытались

[177] Сибирская жизнь. 1917. 8 февр.
[178] Жизнь Алтая. 1916. 18 мая.

осуществлять собственный контроль над ее деятельностью и выделяемыми средствами[179].

Правление общества потребителей на *Суджженских* копях в Томской губернии связывало необходимость проведения культурной работы, в частности, с искоренением в поселке пьянства. В 1916 г. часть средств из кооперативной прибыли была израсходована на культурные и благотворительные нужды: 200 руб. – на пополнение библиотеки на копях, 75 руб. – на издание кооперативного печатного органа при Мариинском товариществе кооперативов, 600 руб. – на учреждение двух стипендий имени Судженского общества потребителей для детей пайщиков, обучавшихся в средних учебных заведениях, 500 руб. – на пожертвования Сибирскому обществу помощи раненым, 400 руб. – Томскому городскому комитету помощи беженцам, 125 руб. – церковно-приходскому комитету для помощи малообеспеченным жителям поселка. В ознаменование 10-летия своей деятельности кооператив постановил отчислить 550 руб. на приобретение кинематографа[180].

Рабочий кооператив «Труд» на станции *Тайга* Томской железной дороги из чистой прибыли 1915 г. в сумме 13 422 руб. произвел значительные отчисления на культурные и благотворительные цели: в фонд постройки Народного дома – 3 тыс. руб., на Мариинскую кооперативную школу – 300 руб., выписку кооперативных газет и журналов – 200, культурно-просветительную работу – 1500, кооперативный праздник в честь годовщины общества – 100, ремонт Тайгинского училища – 25, детям раненых воинов – 25, помощь семьям погибших – 500, питательный пункт больных солдат – 280 руб.[181]

Кооперативные деятели отмечали, что культурно-просветительная работа, которая «обычно находится на кооперативных задворках», в обществе потребителей «Труд» сложилась в определенную систему: «Члены

[179] Жизнь Алтая. 1916. 24 сент., 6, 11, 18 окт., 8 нояб.; Голос Сибири. 1916. 25 окт.
[180] Сибирская жизнь. 1916. 16 нояб.
[181] ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Л. 4–23.

правления покупают кооперативную литературу, руководства по кооперации, ищут лекторов, едут в Мариинск, в Томск, в комитет содействия кооперации при Томском обществе изучения Сибири, урезая свой скромный досуг»[182].

Кооперативные праздники, которыми общество в 1915 г. отметило 50-летие российской кооперации и в 1916 г. – свою первую годовщину, включали в себя выпуск кооперативных плакатов, однодневных газет, агитационных листовок, украшение конторы и магазина, торжественные заседания, концерты, любительские спектакли, кооперативные вечера с чаепитием и танцами. О праздновании годовщины кооператива «Труд» из Тайги сообщали: «Праздничный чай можно считать очень удачным – живой обмен мнений, простота отношений, товарищеская приветливость собравшихся внесли светлый луч в нашу обыденщину. Обсуждали планы культурной деятельности, и среди хора голосов не трудно уловить основной мотив: необходимость культурно-просветительной работы. В нашей глуши почти нет разумных и доступных народу развлечений! Единственная надежда – потребительное общество»[183].

Правление кооператива разрабатывало планы создания кооперативной чайной с читальней[184], в конце 1916 г. подало на утверждение томского губернатора устав драматического кружка. Газета «Голос Сибири» отмечала: «Кооператив притягивает к себе все живое, что есть в Тайге, чутко прислушивается ко всем новым идеям. Организация кружка чисто рабочего состава вызвала насмешки со стороны обывателя-интеллигента, и последний окрестил его "кружком чернотопов". Однако скоро в городе возникло еще несколько театральных кружков: всем хотелось стяжать лавры более пышные, чем "чернотопы"»[185]. Так кооператив разбудил самодеятельность не одних только рабочих. Увлечение театральными постановками позволило

[182] Голос Сибири. 1916. 3 дек.
[183] Голос Сибири. 1916. 19 окт.
[184] Иркутский кооператор. 1916. № 21. С. 19.
[185] Голос Сибири. 1916. 3 дек.

кооператорам регулярно проводить в железнодорожной школе при участии всех драматических сил Тайги спектакли в пользу раненых[186].

Большие надежды возлагало местное население на инициативу кооператива в организации внешкольного образования – создания в Тайге воскресной школы, так как в городе было много неграмотного взрослого населения[187]. В 1916 г. кооператив «Труд» сделал пожертвование на Восточносибирский народный университет. В телеграмме, поступившей в Иркутскую городскую управу на адрес комитета по созданию Народного университета в Иркутске, указывалось: «Просим принять нашу скромную лепту в 31 руб. 79 коп. в строительный фонд университета. Горячо приветствуем день его закладки и глубоко верим, что недалеко то время, когда источник народного света и знания будет обычным явлением нашей неприветливой и хмурой сибирской окраины. Группа мастеровых и рабочих депо станции Тайга Томской железной дороги»[188].

Правление общества потребителей «Экономия» в *Новониколаевске* Томской губернии положило начало культурно-просветительному фонду в 1912 г., отчислив средства, полученные от проведения лекции известного петербургского кооператора А.В. Поссе. В этом же году в целях распространения кооперативных идей оно выпустило и распространило среди жителей города агитационные листки, устроило ряд бесплатных лекций сибирского кооперативного деятеля П.Н. Маркова[189]. С 1913 г. выписывались кооперативные периодические издания и календари, начался сбор книг для создания собственной библиотеки[190]. В 1914 г. томскому губернатору было подано прошение об открытии при центральном торговом отделении «Экономии» книжного магазина. В устройстве книжной торговли кооперативу было отказано из-за политической неблагонадежности

[186] Сибирская жизнь. 1916. 9 авг.
[187] Сибирская жизнь. 1916. 24 апр.
[188] Сибирская жизнь. 1917. 5 февр.
[189] Обская жизнь. 1912. 20 июня.
[190] Алтайское дело. 1913. 15 янв.

председателя правления эсера А.К. Скворцова[191]. До 1916 г. избранная культурно-просветительная комиссия, два раза собравшись, не предприняла каких-либо реальных действий. Причинами, по словам правления, являлись «непреодолимые препятствия – отсутствие опытных интеллигентных сил, должного интереса у членов общества к своему же обществу, к тому же трудно было одному составу правления из семи лиц отдавать больше своего личного труда, чем они это делали»[192].

Активно развернулась культурно-просветительная работа кооператива лишь в 1916 г. В октябре в неторговый отдел избрали наиболее активных членов кооператива – И.С. Юдина, С.И. Канатчикова, И.К. Хмиловца, И.В. Резникова, А.А. Черепанова[193]. Толчком послужило письмо рабочих завода Крюкова в правление «Экономии», содержащее большое количество подписей. «Было бы хорошо, – писали рабочие, – если у вашего общества окажутся силы при торговом отделении открыть чайную и бесплатный читальный зал. Духовная пища трудовому люду также постоянно необходима, как свет, хлеб и вода. Бесплатная читальня с книгами и газетами принесет большую пользу и борьбе с пьянством, которое существует в значительной степени потому, что для рабочего люда нет ни библиотек, ни вечерних и праздничных занятий, чтений и никаких других культурных учреждений»[194]. Побудительные причины усиления внимания к культурной работе указывались в докладе правления на общем собрании «Экономии» в ноябре 1916 г. – это наплыв «случайного, несознательного элемента» в связи с обострением продовольственного кризиса[195].

Созданная при кооперативе культурно-просветительная комиссия работала в тесном контакте с обществом попечения о народном образовании. Итогом совместных усилий явилась организация в октябре 1916 г. воскресной школы для взрослых, запись в которую проходила в торговых

[191] ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 160. Л. 2, 13, 23.
[192] ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 37.
[193] Голос Сибири. 1916. 14 окт.
[194] Голос Сибири. 1916. 14 сент.
[195] Голос Сибири. 1916. 29 нояб.

отделениях «Экономии», а занятия – в школах трех районов города – Центральном, Вокзальном и Закаменском. Записывались в основном мелкие служащие, рабочие и городская беднота. На лекции по кооперативной, общественно-политической и литературно-художественной тематике в воскресной школе для взрослых кооператив ежемесячно отчислял 50 руб.[196] Кооператоры отмечали: «Насколько велика нужда в образовании! В бесплатную школу до 13 ноября записались в доме Маштакова 60 чел., в школе на Михайловской улице – 80 чел.»[197].

В библиотеке общества попечения о народном образовании был сформирован кооперативный отдел из книг отечественных и зарубежных авторов, трудов кооперативных съездов. Перечень книг публиковался в газете «Голос Сибири». Частично литература приобреталась на средства неторгового отдела кооператива, много книг поступило в дар от пайщиков, материальную поддержку кооперативному отделу библиотеки оказало новониколаевское кредитное товарищество. В дальнейшем один из членов правления, желая «содействовать делу просвещения окраинной бедноты», выделил для кооперативной библиотеки помещение в своем доме. В октябре 1916 г. правление «Экономии» направило томскому губернатору повторное ходатайство о разрешении книжной торговли[198].

28 ноября 1916 г. на заседании неторгового отдела «Экономии» утвердили проект создания кооперативного клуба для членов общества и их семей, в администрацию представили на утверждение проект устава, разработали программу клубных мероприятий. В конце 1916 г. состоялись три клубных вечера. Один из них проходил в Закаменской части города и произвел на участников такое большое впечатление, что они создали хор и «усердно репетировали, готовясь к следующему вечеру»[199]. Клубные вечера являлись практически единственной формой организованного досуга для

[196] Голос Сибири. 1916. 12, 18, 19, 22 окт., 9 нояб., 11, 16, 30 дек.
[197] Голос Сибири. 1916. 15 нояб.
[198] Голос Сибири. 1916. 25 окт.
[199] Голос Сибири. 1916. 3, 21, 30 дек.

многих участников, которые высказывали пожелания о регулярном проведении подобных мероприятий. «Клуб играет большое значение, – отмечали члены общества, – встречаясь регулярно в клубе, члены ближе знакомятся друг с другом, обсуждают злободневные вопросы, ближе знакомятся с положением дел в их собственной организации, начинают жить ее радостями»[200].

Клубная форма организации культурных мероприятий в потребительских кооперативах приобретала популярность по всей стране. Журнал «Союз потребителей», рассказывая об опыте их организации, писал, что кооперативные клубы объединяли пайщиков в одной общей кооперативной семье, давали им возможность «непосредственно чувствовать, что та организация, членами которой они являются, есть их собственное дело, успех или неуспех которого зависит исключительно от них самих»[201].

В последующие годы эта форма культурной работы стала еще более актуальной. В разгар Гражданской войны, разрушившей не только российскую государственность, хозяйственную жизнь, но и общественную среду, кооперативные деятели писали: «Политика последнего времени не столько объединила, сколько разъединила людей. Существует настоятельная потребность в воссоздании общественности. Пора начинать работу культурного объединения в русском обществе. Одна из попыток – создать кооперативный клуб. В клубе нет политики. Его задача – культурное общение между собой людей различных партий, классов, взглядов. Клуб устраивает с этой целью собрания, лекции, семейные вечера, столовые, чайные, читальню, библиотеку»[202].

В Сибири идея кооперативного клуба наибольшее развитие получила в Городском обществе потребителей в *Омске,* где он вырос из систематически проводимых «кооперативных четвергов». В начале 1916 г. от музыкально-драматического общества в правление общества потребителей поступило

[200] Голос Сибири. 1916. 3 дек.
[201] Союз потребителей. 1918. № 1. С. 15.
[202] Союз потребителей. 1918. № 17. С. 19–20.

предложение о совместной организации кооперативных вечеров. Музыкально-драматическое общество предоставляло кооператорам свои творческие силы и помещение на условиях оплаты аренды и дополнения программы содержательной частью. На общем собрании кооператива 17 января 1916 г. предложение было принято и послужило толчком к бурному развитию в кооперативе культурной работы[203].

Первоначально правление предлагало не избирать культурно-просветительную комиссию, а присоединиться в своей культурной работе к музыкально-драматическому и педагогическому обществам, но желающих заниматься организацией неторговой деятельности записалось много. Сформированная культурно-просветительная комиссия начала работу с составления инструкции и плана деятельности[204]. Акмолинскому губернатору было направлено ходатайство о разрешении на торговлю книгами и канцелярскими принадлежностями[205], начали проводить публичные культурные мероприятия – бесплатные народные чтения по кооперативной тематике в Доме просвещения[206] и кооперативные вечера по четвергам в помещении музыкально-драматического общества в доме Калинина. Объявления и афиши о них вывешивались в кооперативных лавках.

Первый кооперативный четверг состоялся 28 января 1916 г. Мероприятие включало тематическое и развлекательное отделения. В первом отделении председатель общества потребителей А.Н. Гладышев выступил с лекцией «Что такое прибыль в кооперативном обществе и как ее распределять», после чего члены музыкально-драматического кружка представили художественную программу – драматические, вокальные, хоровые и музыкальные номера[207]. В антрактах для слушателей работал буфет. Двери культурных мероприятий были открыты для всех желающих.

[203] Степной край. 1916. 19 янв.
[204] Омский телеграф. 1916. 1, 19 марта; Степной край. 1916. 6 марта.
[205] Омский телеграф. 1916. 1 марта; Степной край. 1916. 1 марта.
[206] Омский телеграф. 1916. 2, 24 февр., 8 нояб.
[207] Степной край. 1916. 28 янв.; Омский телеграф. 1916. 28 янв.

Члены кооператива посещали их бесплатно, посторонние гости в первый раз приобретали билет за 50 коп., которые вносились в будущий паевой взнос с правом зачисления в Городское общество потребителей Омска. На проведение «четвергов» правление общества ежемесячно отчисляло 40 руб.[208]

Второй кооперативный четверг 4 февраля открылся докладом А.Н. Гладышева «Культурные мероприятия кооперативов». Корреспондент газеты «Степной край» отмечал: «Кооперативный четверг 4 февраля прошел весело и непринужденно. Лекция Гладышева вызвала горячие аплодисменты. Во время таких вечеров усиленно вербуются члены общества потребителей»[209].

Третий кооперативный четверг 11 февраля собрал более ста человек публики. Лекция А.Н. Гладышева «прошла с неизменным успехом и вызвала дебаты»[210]. Постепенно кооперативные четверги как регулярные досугово-тематические собрания членов и гостей общества потребителей приобрели форму кооперативного клуба. Омские кооперативные четверги получили известность по всей Сибири, в правление кооператива из Барнаула, Новониколаевска и других городов приходили письма с вопросами по их организации.

Представления об участниках и программе четвергов дают документы, предоставлявшиеся правлением в администрацию согласно правилам 4 марта 1906 г. Так, 18 апреля 1916 г. перед очередным клубным четвергом полицмейстеру и в Омское жандармское управление поступило заявление личного почетного гражданина А.Н. Гладышева, в котором он писал: «…апреля 21-го в 8 часов вечера в помещении музыкально-драматического общества дома Калинина против Наплавного моста я устраиваю собрание для обсуждения вопроса "Просветительная деятельность потребительных

[208] Омский телеграф. 1916. 4 февр.; Степной край. 1916. 7 февр.; Иркутский кооператор. 1916. № 5–6. С. 281.

[209] Степной край. 1916. 6 февр.

[210] Степной край. 1916. 13 февр.

обществ и кооперативов", причем служащий управления Кулундинской железной дороги Петр Андреев Кравцов, проживающий по ул. Фабричной, 21, прочтет доклад на указанную тему. Сверх сего: 1) Иван Михайлов Шинтяков, артельщик главной кассы Омской железной дороги, прочтет стихотворение Никитина "Бурлак". 2) Василий Иванов Кротов, служащий контроля Омской железной дороги, прочтет рассказ Чехова "Лекция о вреде табака". 3) Николай Васильев Снегирев, служащий главной бухгалтерии Омской железной дороги, прочтет рассказ Чехова "Разговор человека с собакой". 4) Николай Григорьев Шелапуров, служащий главной бухгалтерии Омской железной дороги, 5) Сельвестр Семенов Лысенко, служащий пенсионной кассы Омской железной дороги, 6) Владимир Николаев Алексеев, служащий контроля Омской железной дороги, 7) Николай Алексеев Быльев – исполнят народные песни под аккомпанемент пианино. Ответственным распорядителем является Н.В. Снегирев»[211].

Из-за нарушения кооперативом установленного порядка подачи заявлений пятый кооперативный четверг был запрещен. 16 февраля 1916 г. А.Н. Гладышев получил уведомление об этом от акмолинского губернатора П.П. Кандидова, где сообщалось, что отсутствие в заявлении подробных сведений о мероприятии привело к невозможности своевременного сбора полицией сведений о всех его участниках[212]. Культурно-просветительная комиссия кооператива постановила добиваться отмены запрета на свои публичные мероприятия, объединившись с другими общественными организациями, попавшими под аналогичные санкции[213].

Помогла кооператорам смена власть предержащих. С ходатайством о возобновлении клубных вечеров правление кооператива обратилось к новому губернатору П.Н. Масальскому. Он не только удовлетворил его, но и пригласил для личной беседы председателя общества потребителей А.Н. Гладышева, во время которой «подробно интересовался деятельностью

[211] ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 11–12.
[212] Степной край. 1916. 18, 24 февр.; Омский телеграф. 1916. 18 февр.
[213] Омский телеграф. 1916. 12 марта.

кооператива, обещал содействовать его процветанию и рассмотреть вопрос о возобновлении кооперативных четвергов»[214]. Вскоре кооперативные четверги были разрешены с условием, что в докладах и лекциях не будут затрагиваться политические темы. В четверг 31 марта состоялось очередное клубное заседание, в то же время «четверги» решили заменить на «субботники»[215].

На последующих клубных кооперативных вечерах в музыкально-драматическом обществе обсуждали темы «О кооперативном союзе», «Кооперация и жизнь» и др. Участники сообщали: «Кооперативный вечер 13 ноября прошел сверх ожидания удачно, публики было много. Исполнявшиеся номера программы вызывались по нескольку раз. Публика осталась довольна разумным и приятным развлечением»[216]. Клубные вечера начинались и заканчивались хоровым исполнением кооперативного гимна.

Свою первую годовщину 29 мая 1916 г. Городское общество потребителей Омска отметило праздничными мероприятиями под общим названием «День кооперации». План культурных акций разрабатывался с привлечением музыкально-драматического и педагогического обществ. Контору, магазины и хлебопекарню кооператива украшали белые флаги, символизировавшие идею кооперативного единения, и плакаты агитационного содержания: «Потребители! Объединенные – вы всё, разъединенные – ничто!», «Знание – сила. Будите кооперативную мысль, в ней сила нашего движения», «Женщина, хозяйка и мать – кооперация твое дело», «Идите в кооперацию и зовите за собой других», «Не покупайте в кредит и избегайте посредников», «Вступайте в Омское Городское общество потребителей! Оно доступно для всех». Несколько праздничных номеров газеты «Лучи» содержали статьи по истории кооперации и развитию кооперативного движения в Омске.

[214] Степной край. 1916. 2 марта.
[215] Омский телеграф. 1916. 20 марта.
[216] Омский телеграф. 1916. 16 нояб.

Завершился праздник кооперативным вечером – «субботником» с традиционным лекционным отделением и спектаклем. Лишь запланированное шествие с флагами членов общества и их детей на пикник с чаепитием в загородную рощу не было разрешено администрацией. Кооператоры отмечали, что празднование Дня кооперации прошло с полным успехом, несмотря на то, что часть членов не принимала участия из-за совпадения кооперативного мероприятия и празднования Троицы. При обсуждении доклада, с которым на субботнике выступил А.Н. Гладышев, высказывались пожелания об увеличении в обществе числа неторговых комиссий и расширении культурной деятельности[217].

В апреле 1916 г., в пасхальные каникулы, общество потребителей организовало для членов экскурсии с познавательными целями на насосную станцию городского водопровода, городскую скотобойню, в химическую лабораторию с демонстрацией микроскопа и химических опытов, Омское отделение географического общества, на завод Рандрупа, в железнодорожные мастерские[218]. В октябре в кооперативе началось формирование собственной библиотеки, при которой планировалось открыть чайную и кофейню. Инспектор народных училищ разрешил кооперативу организовать курсы для служащих по общеобразовательным и кооперативным предметам[219].

Основой культурно-просветительной деятельности Городского общества потребителей в Омске являлась успешная хозяйственная деятельность. В 1916 г. 10% прибыли общее собрание отчислило на культурные цели[220]. Тысяча рублей была ассигнована на празднование Дня кооперации. Целевые отчисления производились на создание библиотеки и курсы по кооперации. В начале февраля 1917 г. правление кооператива приняло решение о ежегодном отчислении 10–12 тыс. руб. в пользу Народного университета в

[217] Омский телеграф. 1916. 13, 21, 24, 26, 28 мая, 1 июня.
[218] Омский телеграф. 1916. 6, 15 апр.
[219] Иркутский кооператор. 1916. № 17–18. С. 23.
[220] Омский телеграф. 1916. 24 мая; 1 июня.

Омске, что предполагалось достичь за счет надбавки 1% к продажной цене товаров[221].

В зависимых от администрации железнодорожных потребительских кооперативах развитию культурной деятельности препятствовал устав, запрещавший какую-либо самодеятельность в этой области. Например, Общество потребителей служащих и рабочих *Забайкальской железной дороги* с 1900 по 1915 г. ассигновало в фонд образования детей членов общества 42 832 руб., центральной библиотеке – 1000, дорожному школьному комитету – 90 225, железнодорожным школьным общежитиям – 7500, приюту железной дороги для сирот – 6504, на расширение школы в Выдрине – 300, на стипендии учащимся детям членов общества – 200 руб.[222] Из чистой прибыли за 1916 г., составившей 190 044 руб., на открытие 15 высших начальных училищ по линии железной дороги было отчислено 45 тыс. руб., на содержание общежитий для учащихся – 23 тыс. руб.[223]

Общество отчисляло значительные средства на пособия, обучение детей, снабжение школьными завтраками и теплой одеждой, ремонт и содержание школ, училищ и общежитий. В сберегательную кассу для служащих перечислялось 5% от прибылей. Членам общества предоставлялась бесплатная медицинская помощь в амбулаториях и больницах железной дороги, оплачивались лекарства, выдавались ссуды на постройку и покупку собственных домов, возмещались убытки от пожаров, краж, похорон, оплачивались отпуска[224].

Отчисления на мероприятия в неторговой области в Забайкальском железнодорожном кооперативе носили *субсидиарный* характер. Деньги предоставлялись не органам потребительного общества, а сторонним учреждениям: библиотечным и школьным комитетам, попечительству, железнодорожному собранию. Административная зависимость

[221] Омский телеграф. 1916. 25 дек.; Сибирская жизнь. 1917. 5 февр.

[222] Продпуть. 1918. № 14. С. 53–54.

[223] Отчет об операциях Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги за 19-ый операционный 1917 год. Иркутск, 1918. С. 16.

[224] Вестник кооперации. 1916. № 7. С. 88.

Забайкальского кооператива препятствовала развитию культурной работы, основанной на личном участии, инициативе и самодеятельности пайщиков.

Однако порыв к общественной работе было трудно сдержать. В 1915–1916 гг. в отделениях кооператива на всем протяжении дороги были избраны культурно-просветительные комиссии, начиная от станции Иннокентьевская до Сретенска, Шилки и Монголии. На собраниях уполномоченных звучали критические выступления о том, что деятельность кооператива не выходит за рамки купли-продажи. После непродолжительной борьбы сторонники широкого понимания задач потребительных обществ одержали верх.

Первым проявлением их победы явился выход в свет 13 января 1916 г. «Известий Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги». Журнал дожил до октября 1916 г., когда особый комитет при Управлении Забайкальской железной дороги запретил его продажу в полосе отчуждения. «Несмотря на узко-кооперативное направление журнала, начальство все-таки усмотрело в нем "вред" для своего благополучия. Номера были конфискованы жандармской полицией», – отмечали кооператоры[225].

Поход начался не только против журнала, но против культурной работы общества в целом. Остракизму на собраниях уполномоченных подвергалось обсуждение всех мероприятий, отличавших деятельность общества потребителей от простого торгового предприятия. По уставу председательствовал на собраниях уполномоченных начальник Забайкальской железной дороги, что давало ему возможность неограниченно вмешиваться в кооперативные дела. Так, в ноябре 1916 г. начальник дороги из 72 пунктов повестки собрания уполномоченных, которому предстояло работать не менее полутора недель, исключил все вопросы, касавшиеся культурно-просветительной и союзно-организационной деятельности[226].

[225] Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 24.
[226] Голос Сибири. 1916. 12 нояб.; Союз потребителей. 1916. № 39. С. 1480.

Накануне празднования 50-летия российской потребительской кооперации Управление дороги запретило вывешивание кооперативных плакатов и распространение в полосе отчуждения заготовленных юбилейной комиссией брошюр по вопросам кооперативного движения. В этот же период совет общества отказал инициаторам из культурно-просветительной комиссии в разрешении на устройство лектория. Члены совета считали «лекторий несвоевременным и дорогостоящим нововведением в жизнь общества, которое не оправдает затрат на их устройство». Запреты вызвали «бурю эмоций» и «громадную сенсацию» среди пайщиков[227].

После освобождения от опеки дорожной администрации в 1917 г. при Забайкальском железнодорожном кооперативе организовался специальный культурно-просветительный отдел, развивший активную издательскую, инструкторскую, библиотечную, внешкольную просветительную работу, книжную торговлю[228].

В зависимом обществе потребителей на *Анжерских* копях Томской губернии в ноябре 1915 г. были организованы бесплатные лекции, которые посетили более 200 рабочих. Программа включала краткий исторический очерк развития кооперации в России, выдержки из трудов известного кооперативного деятеля М.Л. Хейсина, обсуждение статей, опубликованных в кооперативном журнале «Объединение», поэтические произведения[229].

Анжерские общество потребителей проявило инициативу в решении школьного вопроса. В 1915 г. в поселке при наличии двух школ – двухклассной и одноклассной 150 детей рабочих и мелких служащих остались без школьного места. Так как администрация в связи с этим ничего не предпринимала, кооператоры решили оборудовать школу на деньги из собственной прибыли. Собрание уполномоченных постановило ежегодно отчислять из средств общества на приобретение учебных пособий и

---

[227] Голос Сибири. 1916. 2 нояб.

[228] *Гузик М.А.* Становление и развитие кооперации в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2000. С. 139.

[229] Сибирская жизнь. 1915. 26 нояб.

содержание учительницы 600 руб. На начальном этапе в одном из казенных помещений открылось только первое отделение школы. При приеме отдавалось предпочтение детям членов общества потребителей. Плата за обучение соответствовала расценкам в других школах поселка и поступала в школьный фонд. Заведовал школой Анжерский школьный комитет, в состав которого входил представитель общества потребителей[230].

Культурно-просветительной работе кооперативов способствовала деятельность *Комитетов содействия кооперации*. Они были созданы в Иркутске и Томске при местных отделах Общества изучения Сибири и улучшения ее быта и в Красноярске – при Восточносибирском обществе сельского хозяйства, промышленности и торговли. Комитеты распространяли кооперативную литературу, печатали уставы и членские книжки, созывали кооперативные съезды, устраивали лекции по кооперативным вопросам, содействовали развитию культурной работы потребительных обществ, проводили анкетирование с целью организации кооперативной статистики.

Томский комитет содействия кооперации был учрежден в декабре 1915 г. в составе профессоров П.И. Лященко А.В. Горбунова, А.Ф. Иванова, Н.А. Рожкова, Д.И. Голенищев-Кутузова, М.Б. Шатилова, В.Я. Нагнибеды, Н.С. Васильева, К.К. Фаге, К.Д. Логиновского[231] и претендовал на роль общесибирского кооперативного центра. В 1916 г. он издал первый сибирский «Кооперативный календарь», разрабатывал вопрос об издании общесибирского кооперативного журнала.

Иркутский комитет содействия кооперации также был учрежден в 1915 г.[232] В честь 50-летнего юбилея российской кооперации он осуществил обширную программу мероприятий, включавшую выпуск однодневной газеты «Кооперация», лекции по кооперации с использованием кинематографа, спектакли в народных аудиториях и на окраинах города, торжественное заседание в городской думе, бесплатную раздачу

[230] Сибирская жизнь. 1915. 10 окт.
[231] Сибирская жизнь. 1915. 23 дек.; Кооперативная жизнь. 1916. № 3–4. С. 189.
[232] Союз потребителей. 1915. № 13. С. 386.

кооперативной литературы, сбор средств на строительство Народного дома в Иркутске и Дворец кооперации в Москве. К празднованию кооперативного юбилея Комитет привлек средства местных кооперативных, ссудо-сберегательных и сельскохозяйственных организаций[233].

Однако по сравнению с деятельностью самих кооперативных организаций комитеты содействия кооперации характеризовались как «бесплодные смоковницы, пятое колесо в телеге». «Как возник комитет содействия кооперации в Красноярске? – разъяснял корреспондент журнала «Самодеятельность потребителя». – Три человека объявили о его создании, составили положение, которое Восточносибирское общество сельского хозяйства утвердило, и всё. Местные общества отчисляют в его фонд средства, а оно рассылает инструкции. А живой связи нет»[234]. Так кооперативная общественность подчеркивала преимущества самодеятельности «снизу».

Таким образом, укрепление хозяйственной деятельности потребительных обществ позволило в ряде городов (Красноярске, Чите, Иркутске, Верхнеудинске, Новониколаевске, Омске, Тайге) приступить к планомерной работе в культурной области. В них на общих собраниях, иногда после острых дискуссий, принимались постановления о создании культурно-просветительных комиссий и размерах финансовых отчислений в культурные и общественные фонды, которые формировались за счет прибыли от посторонних покупателей и части дивидендов пайщиков. Средства шли на приобретение кооперативной литературы, выписку газет и журналов, организацию Народных домов, библиотек и читален, чтений, лекций, спектаклей, досуговых мероприятий. Отчисления производились в фонды кооперативного университета им. А.Л. Шанявского в Москве, предполагаемого в Иркутске Восточносибирского университета, местные школы и училища, на стипендии учащимся. Обязательной статьей расходов

[233] Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 17.
[234] Самодеятельность потребителя. 1916. № 6. С. 4.

являлись благотворительные пожертвования в пользу семей запасных и раненых воинов, беженцев, малоимущих.

Главное внимание в культурной работе в соответствии с уставными целями уделялось кооперативной агитации и пропаганде. В кооперативах проводились лекции для пайщиков и служащих, учащихся учебных заведений. Важную роль в пропаганде кооперативной идеологии и создании общесибирского информационного пространства играла кооперативная периодическая печать: журналы «Наше дело» и «Кооперативное слово» (Чита), «Самодеятельность» и «Самодеятельность потребителя» (Красноярск), «Известия Общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги» (Чита), «Иркутский кооператор», однодневные газеты «Лучи» (Омск), «День кооперации». Из центральных изданий наибольшее распространение получили «Союз потребителей», «Объединение», «Вестник кооперации», «Кооперативная жизнь».

Потребительные общества содействовали развитию народного образования, организовывали и финансировали воскресные школы, курсы и лекции для неграмотного и малограмотного взрослого населения, школы для детей. Это дополнялось мероприятиями по организации профессионального образования – курсов по кооперативному счетоводству, кооперативной школы в Мариинске, введению курсов по истории кооперации в образовательные программы средних учебных заведений. С идеей образования и просвещения была тесно связана деятельность по созданию библиотек и читален.

Для сплочения членского состава важным являлось устройство досуговых мероприятий. В крупных городских кооперативах действовали драматические кружки, ставились спектакли, проводились тематические вечера, сеансы кинематографа, экскурсии, устраивались детские площадки и праздники. Культурные мероприятия в Омске и Новониколаевске сложились в систему кооперативных клубов, заинтересовавшую все кооперативы региона. Клубные вечера и различные культурные мероприятия оставляли

глубокие впечатления у участников атмосферой товарищеского общения. Их благотворность была очевидна особенно для малоимущего населения.

Широкая культурная работа готовила почву для создания Народных домов как центров местной культурной и кооперативной жизни, вмещавших в себя кооперативные конторы и лавки, библиотеки, кружки, концертные залы и аудитории. Характерными чертами культурных мероприятий являлся их агитационный характер, открывавший доступ как пайщикам, так и посторонним, а также ориентация на демократические слои населения, продвижение культуры на городские окраины. Динамику этому процессу придавало бурное кооперативное строительство и вовлечение в кооперацию новых слоев населения – женщин, молодежи, профессионально обученной интеллигенции.

В совокупности своих форм и особенностей культурно-просветительная деятельность городской кооперации представляла собой сложное и многогранное явление, сочетающее в себе комплекс социально-культурных, просветительных и благотворительных мер, которые вносили вклад в гармонизацию отношений между людьми, формирование условий для самореализации личности. В политике культурного наставничества сибирских кооперативов отчетливо проявилась связь экономического успеха с социальной интеграцией. Определенное интенсифицирующее воздействие на развитие культурной работы кооперативов оказала обстановка военного времени, вызвавшая к жизни идеи гражданского единения, неприятия хаоса, показавшая востребованность гуманистических ценностей.

Вместе с тем, культурная деятельность кооперации отражала важные формационные проблемы российского общества, связанные с социокультурным расколом, патерналистским менталитетом, гипертрофированной ролью государства, дефицитом финансов и квалифицированных кадров. За несколько предреволюционных лет потребительные общества не успели проявить в полной мере свой потенциал в культурной сфере, особенно в мелких поселениях, из-за отсутствия опыта,

подготовленных кадров, слабости материальной базы. Но в отличие от казенных потребительных обществ культурная работа городских общесословных и рабочих кооперативов не ограничивалась субсидиями школьным комитетам и другим институтам социального попечительства. Постепенно деятельность культурно-просветительных комиссий развернулась достаточно широко. Происходила ее переориентация на организацию мероприятий с непосредственным участием членов-пайщиков и опорой на их самодеятельность.

4.3. Между революционным переломом и политическим конформизмом: выбор целей и путей развития

Рочдельские принципы предполагали нейтралитет кооперации в религиозных и политических вопросах. Однако представляя «единственные мыслимые в условиях самодержавного строя формы свободной организации»[235], кооперация привлекала внимание самых различных политических сил – от анархистов на левом фланге до черносотенцев на правом.

Департамент полиции в 1916 г. выражая обеспокоенность результатами прошедших в разных концах империи кооперативных съездов, отмечал: «Среди возникающих повсеместно кооперативных учреждений сгруппировались представители революционных и левых партий, которые всемерно отвлекают кооперативы на путь политической борьбы»[236]. Принятое на Всероссийском съезде городов в Москве в марте 1916 г. постановление об образовании Центрального кооперативного комитета (ЦКК), который официально объединял в себе все кооперативные и общественные организации для контроля за ходом продовольственной

[235] Сибирская правда. 1917. 2 апр.
[236] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16. Л. 48.

кампании, объявлялось полицейским ведомством «попыткой создания параллельного правительства в виде Союза союзов»[237].

Опасаясь влияния политических партий на кооперативное движение, полицейское ведомство еще в 1909 г. возложило на местную полицию агентурный сбор сведений о деятельности и личном составе руководящих органов кооперативных учреждений, обязало местные власти своевременно принимать меры для ограничения влияния подпольных организаций на профессиональное и кооперативное движение[238].

В партийных кругах вопрос о кооперации, не занимая главного места в борьбе различных направлений, всегда оставался предметом острой идейной полемики. Особую актуальность с конца XIX в. приобрела в российском и европейском общественном движении дискуссия о социальной природе кооперации и ее роли в переустройстве общества на социалистических началах. К.Е. Балдин хорошо показал, как в спорах по этой проблематике находила отражение борьба между реформаторами и революционерами.

Ориентация *социал-демократов большевистского* направления на принцип обобществленного производства приводила к недооценке ими самостоятельного значения кооперации как формы экономической жизни. В условиях затухания революционного движения они обратились к кооперации как к легальному «орудию» политической работы в массах. В 1907–1910 гг. социал-демократы начали активно развертывать работу в профсоюзных, культурно-просветительных и кооперативных организациях. 22 декабря 1907 г. ЦК РСДРП создал профессиональную комиссию, переименованную затем в профессионально-кооперативную, ведущую роль в которой играли большевики В.П. Ногин, Г.В. Зиновьев, Н.А. Рожков (позже он меньшевик) и меньшевик М.И. Бройдо. 16 января 1908 г. ЦК принял выработанную комиссией резолюцию «О кооперативах», которая ставила задачу использования кооперативного движения в антиправительственных целях,

[237] Там же.
[238] ГАТ. Ф. 152. Оп. 23. Д. 195. Л. 15.

предостерегала социал-демократов от увлечения кооперативной деятельностью и превращения ее в самоцель[239].

Использование кооперации в политических целях не мешало, однако, видеть ее ограниченность в этом плане. В вышедшей еще в 1906 г. работе К. Каутский раскрывал содержание порождаемого потребительскими кооперативами чувства общественности, объявляя кооперацию «школой торгашества», совершенно бесполезной для дела борьбы за социализм без развитого профессионального и политического движения[240].

Вскоре после принятия резолюции 16 января 1908 г. между двумя фракциями в РСДРП обострилась полемика по поводу работы в кооперации, что объяснялось усилением среди меньшевиков тенденции к сворачиванию нелегальной партийной работы и переходу к легальной деятельности[241].

В признании за кооперацией известного значения как одного из средств борьбы за социализм сходились оба направления в социал-демократии – реформаторское и революционное. Но несет ли кооперация в самой себе зерно социалистической организации экономики? Э. Бернштейн, а вслед за ним различных оттенков социал-реформаторы, представленные в России меньшевизмом, стали смотреть на кооперацию не только как на орудие борьбы, но и как на «основной камень в великой постройке будущего». В отличие от марксизма реформаторское направление в социал-демократии видело, что реализация конечной цели так далека, что было бы нелепо из-за нее отказаться от преимуществ, которые рабочие могли достигнуть в ближайшее время при помощи потребительных обществ. Таким образом, *меньшевики* связывали с кооперацией не только свою практическую деятельность, но и политические идеалы[242].

---

[239] *Балдин К.Е.* Политическая борьба в российской кооперации в 1907–1914 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: История. Философия. Психология. Педагогика. 2000. Вып. 2. С. 47.

[240] *Каутский К.* Потребительные общества и рабочее движение. Одесса, 1906. С. 17–18.

[241] *Балдин К.Е.* Политическая борьба в российской кооперации… С. 48.

[242] См.: *Зассен И.* Развитие теории кооперации в эпоху капитализма. М., 1919. С. 99–101.

Работавшие в потребительных обществах меньшевики выступали против использования всех дивидендов на культурно-просветительные и политические цели, поддержку профсоюзов и т.п., как того требовала резолюция от 16 января 1908 г. Характерно, что за раздачу дивидендов на руки голосовали и очень многие большевики, учитывая реалии кооперативного движения, объединявшего в основном рядовых рабочих[243].

Партия *эсеров* также стала больше внимания уделять не политической, а экономической роли кооперации, подобно авторам известных трудов по кооперации – эсеровскому теоретику А.А. Николаеву и кооперативному деятелю А.В. Меркулову.

Кроме представителей политических партий на развитие кооперативного движения оказывал возрастающее влияние *кооперативный реформизм*. Он не был оформлен в партию, а являлся продуктом значительного интеллектуального потенциала, который концентрировался вокруг кооперативных проблем, обеспечивая их широкую постановку и обсуждение в глобальном контексте исторических перспектив западноевропейских стран и России, и выдвинул различные теоретические концепции понимания кооперации. Главными идеологами кооперативного реформизма, возникшего во второй половине XIX в. в Западной Европе, были Ш. Жид, С. И Б. Веббы, Г. Мюллер, Г. Давид и др. В кооперативном реформизме существовали два основных направления – кооперативный социализм и кооперативизм.

Считая социализм своей конечной целью, а кооперативы – основным средством для его достижения, *кооперативные социалисты* полагали, что кооперация мирно и постепенно вытеснит капитал из сферы обращения и производства. На этих позициях стояли сильные реформистские группы в рабочих и социалистических партиях Бельгии, Франции, Германии, Италии и других стран. В России, где кооперативное движение было не столь развито,

[243] *Балдин К.Е.* Политическая борьба в российской кооперации… С. 48–49.

как на Западе, и не существовало отчетливо выраженного «кооперативного» течения внутри РСДРП, этих позиций придерживались некоторые из бывших «экономистов», часть меньшевиков-ликвидаторов, которые, работая в потребительных обществах, полностью порвали с партией. Типичными представителями кооперативного социализма в России, по мнению К.Е. Балдина, являлись С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, М.Л. Хейсин, В.Ф. Тотомианц[244].

Если для кооперативных социалистов конечной целью являлось построение социализма, то для *кооперативистов* кооперация была не только средством, но и самоцелью. Не признавая ни капиталистического, ни социалистического путей развития, они выступали за третий – кооперативный, в соответствии с которым предполагалось покрыть всю страну сетью потребительных обществ, кредитных товариществ, производственных артелей, мирным путем с помощью экономического соревнования вытеснить капитал с господствующих позиций и установить без всякого насилия «кооперативную республику».

Общим для кооперативных социалистов и кооперативистов являлся *принцип политической нейтральности* кооперации и признание мирного пути борьбы с капитализмом. Видный деятель МСПО Н.П. Гибнер писал, что как экономическая система кооперация может развиваться при разных политических режимах, лишь бы они создавали «твердый правопорядок гражданского обихода»[245]. Сторонники политического нейтралитета кооперации считали, что «привнесение политических идей ни малейшим образом не требуется существом кооперации как организации, созданной для разрешения определенных хозяйственных задач», что связь кооператива с политической партией приносит ему несомненный вред[246]. Допускалось

[244] Там же. С. 50.

[245] Н.П. Гибнер о кооперации (Печ. по: Отзывы ученых и общественных деятелей о кооперации с предисловием профессора В.Ф. Тотомианца. М., 1918. 2-е изд. С. 16) // Кооперация: страницы истории / под ред. Н.К. Фигуровской: в 3 т. М., 1998. Т. 1, кн. 2. С. 299.

[246] *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1916. С. 512–513.

участие в революционном движении не кооперативов, а лишь отдельных кооператоров.

Кооперативные реформисты оказывали на население сильное влияние посредством кооперативной печати и легальной кооперативно-просветительной деятельности (Н.П. Гибнер и В.Н. Зельгейм занимали редакторские посты в печатном органе МСПО – журнале «Союз потребителей», меньшевики-ликвидаторы М.Л. Хейсин и В.Ф. Тотомианц работали в петербургском журнале «Труженик», в «Вестнике кооперации» и «Союзе потребителей» регулярно публиковались статьи эсера А.В. Меркулова, с лекциям по стране ездил издатель кооперативного журнала «Жизнь для всех» В.А. Поссе и другие профессионально подготовленные лекторы). Большевикам не удалось широко развернуть пропаганду своих взглядов в печати, для агитационных целей они активно использовали в качестве прикрытия легальные организации, в том числе общие собрания и культурные мероприятия потребительных обществ.

По мнению К.Е. Балдина в 1907–1910 гг. наибольшим влиянием в кооперации пользовались социал-демократы – как большевики, так и меньшевики. В период нового революционного подъема 1910–1914 гг. позиции большевиков в рабочих потребительных обществах заметно потеснили кооперативные реформисты[247]. На то, что большевикам практически не удалось мобилизовать достаточно сил, чтобы «овладеть» кооперацией, указывали Л.Е. Файн и Ким Чан Чжин[248].

Позиция *сибирских* кооператоров по поводу участия в политической жизни была выражена публикацией в 1909 г. статьи «Кооперация и политика» в томской газете «Сибирская жизнь», где указывалось, что в среде «левой» части интеллигенции все больше признается нейтральность кооперации: «Кооперация – это, прежде всего, солидарность, устранение конкуренции, планомерность в сбыте и производстве. Она не совместима с

[247] *Балдин К.Е.* Политическая борьба в российской кооперации… С. 47, 54.
[248] *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение… С. 146.

революционным движением»[249]. В 1916 г. данная позиция была подтверждена публикацией С.Н. Прокоповича в «Календаре сибирской кооперации на 1917 год», где кооперация функционально отделялась от политической борьбы и рассматривалась, прежде всего, как часть экономической деятельности трудящихся[250].

Таким образом, сибирская кооперация декларировала нейтралитет в политических вопросах. На практике привнесение представителями нелегальных партийных организаций духа, амбиций и реалий политической борьбы в кооперативную работу зависело от конкретной расстановки сил в составе отдельных кооперативов и их управляющих органов.

Одним из крупнейших в Сибири городских кооперативов с широким участием рабочих являлась «Самодеятельность» в *Красноярске,* созданная в 1913 г. В состав правления входили социал-демократы Н.Л. Мещеряков, М.И. Бублеев, С.М. Бальбатов, И.И. Белопольский, Г.Г. Найденов, А.Н. Грецов, П.Ф. Москалев, А.А. Поздняков, Л.Я. Буткевич, С.Б. Лесин. Из представителей других политических партий и течений в кооперативе работали: его председатель меньшевик-ликвидатор И.Г. Волков, член правления «социал-демократ, склонявшийся уже тогда к ликвидаторству, а впоследствии – правый оппортунист» М.И. Фрумкин, эсер Е. Пославский, председатель ревизионной комиссии меньшевик-оборонец А.В. Байкалов, член правления эсер Овечкин[251]. В донесениях полиции отмечалось, что в кооперативе осело много политссыльных[252]. А.А. Мухин и Ю.П. Плотников

[249] Сибирская жизнь. 1909. 4 сент.

[250] Календарь сибирской кооперации на 1917 г. Томск, 1916. С. 25.

[251] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 138–139; *Буйко А.М.* Путь рабочего. Воспоминания путиловца. Записки старого большевика. М.: Старый большевик, 1934. С. 124; *Титов Г.А.* Легальная деятельность большевиков Томской и Енисейской губерний в годы нового революционного подъема (1910–1914) // Труды IV науч. конф. НГПИ. Новосибирск, 1957. Т. 1. С. 81–82.

[252] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 20, ч. 9. Л. 1.

отмечали, что в «Самодеятельность» входили большевики, эсеры и бундовцы, но преобладали большевики[253].

Кооператив организовал свой Дом просвещения, где читались лекции, работали культурно-просветительские кружки и типография, а под прикрытием этого – нелегальные марксистские кружки. Енисейский губернатор констатировал в 1916 г., что Дом просвещения проводил идеи социал-демократов[254].

Социал-демократам важно было сохранять контроль над кооперативом в качестве опорного пункта подпольной ячейки. Для этого они шли на меры, противоречившие кооперативным задачам. В 1915 г. в красноярской прессе появились сообщения о задержке открытия третьей лавки «Самодеятельности» в связи с вербовкой новых пайщиков в районе проживания служащих городского самоуправления. Однако подоплека была гораздо серьезнее.

Кооператив переживал серьезный кризис. Пайщики были недовольны отсутствием в положенный срок отчета за первый операционный год. В то же время начальник Енисейского ГЖУ докладывал в Департамент полиции, что кризис был спровоцирован агентами охранки: «Агентурным путем удалось внести раскол в среду членов общества "Самодеятельность", результатом чего была массовая подача прошений о выходе из состава»[255]. В газете «Енисейская мысль» в статье «Опасные симптомы» сообщалось: «После общего собрания "Самодеятельности" 16 марта, когда не был представлен годовой отчет, а даны лишь предварительные данные, в лавку общества потребителей стали поступать заявления членов о выходе из него с требованием вернуть пятирублевые паи. Характерно, что все такие заявления

[253] *Мухин А.А.* Рабочие Восточной Сибири на путях к Октябрю. Иркутск, 1966. С. 198; *Плотников Ю.П.* Из истории борьбы красноярских большевиков… С. 71.

[254] *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 98.

[255] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167, ч. 25. Л. 59.

обставлены по одной форме и подаются большей частью рабочими. Подано пока десятка два»[256].

Так или иначе, кризис угрожал обществу распадом. По этой причине руководители «Самодеятельности» Н.Л. Мещеряков, И.Г. Волков и Л.Я. Буткевич, не желая терять легальные возможности деятельности, решили, не афишируя это, образовать в среде служащих правительственных учреждений города еще один городской кооператив, пока еще в районе их проживания не открылась кооперативная торговля. По этой причине они всячески задерживали открытие здесь третьей лавки «Самодеятельности».

В марте 1916 г. состоялось собрание городских служащих в присутствии 72 чел., на котором партийные работники настаивали «ни в коем случае не присоединяться к обществу «Самодеятельность», что объяснялось их желанием не упустить членскую базу нового кооператива. Н.Л. Мещеряков и его соратники предполагали создать в новом кооперативе кроме правления партийную группу, которая фактически руководила бы правлением. Провести свое решение им удалось после «острых дебатов с лицами, преследовавшими лишь экономическую сторону вопроса». Новый городской кооператив с названием «Общество оптовых закупок предметов первой необходимости» рассчитывал на субсидию от городского самоуправления[257].

В одном из жандармских донесений сообщалось, что в начале 1915 г. среди служащих городского самоуправления был организован кооператив, торговая сторона в котором совершенно игнорировалась, все внимание обращалось на культурно-просветительную работу, под флагом которой шло образование большой социал-демократической ячейки[258]. Общество это не имело продолжения, но попытка его создания характеризовала отношение социал-демократов к кооперации как к средству политической работы в массах. Вскоре кризис в обществе потребителей «Самодеятельность» был

[256] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 25, лит. Б. Л. 60.
[257] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167, ч. 25. Л. 53–58.
[258] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 9, ч. 25, лит. Б. Л. 44 об.

преодолен, открылась третья лавка для обслуживания работников городского самоуправления.

Вся работа кооперативного актива «Самодеятельности» была проникнута духом соперничества на политическом поприще. Входившие в правление кооператива меньшевики И.Г. Волков и А.В. Байкалов пытались сосредоточить деятельность кооператива на торговле, «изжить политику». Определенные уступки им делали большевики-примиренцы Н.Л. Мещеряков и особенно М.И. Фрумкин. Но большевики И.И. Белопольский, С.М. Бальбатов, Н.И. Куликов выступали против «соглашательской» политики меньшевиков.

Важное значение здесь имела позиция руководства по вопросам войны. Большевики стояли на позициях «пораженчества», меньшевики – на позициях «оборончества», эсеры занимали центристскую позицию[259]. Разногласия в этой области оказывали влияние на политику кооператива по поводу сотрудничества с городским общественным самоуправлением и участия в Военно-промышленном комитете. Большевики, убедившись в бездеятельности городского самоуправления, стали выступать против стремления меньшевиков и эсеров «цепляться» за сотрудничество с властями в вопросе снабжения города. Н.И. Куликов на собрании кооператива заявил, что «продовольственная политика правления, основанная на сотрудничестве с властью, совершенно ложная», а И.И. Белопольский обвинил правление в том, что оно «затушевывает классовые противоречия и сеет иллюзии во всемогуществе кооперативных организаций»[260]. Считая кооперативы лишь подсобным средством в революционной борьбе, большевики заявляли, что «только пролетариат выведет страну из тупика»[261].

Большевики использовали кооперативную работу для антивоенной агитации в железнодорожных мастерских, призывали не участвовать в

[259] *Горюшкин Л.М.* Эсеры в сибирской ссылке в годы Первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России. М., 1988. С. 111, 116–117, 120.

[260] *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны… С. 99.

[261] *Плотников Ю.П.* Из истории борьбы красноярских большевиков… С. 103.

работах на государственную оборону[262]. Меньшевики и эсеры вели оборонческую агитацию и призывали к участию в военно-промышленных комитетах[263].

Политизация кооперативного движения оказала влияние на постановку кооперативами культурно-просветительной работы. Называя меньшевиков и эсеров «культуртрегерами», сами большевики уделяли огромное внимание культурной работе. Сторонники каждого политического направления придавали ей общественно-политическую остроту. «Заседания правления, – доносил агент охранки о красноярской «Самодеятельности», – протекают при общем подъеме, и господствующей темой является политика, всех этих лиц торговая сторона дела мало интересует, и вся их деятельность направлена на культурно-просветительную сторону»[264]. Эсер Н.В. Фомин и меньшевик А.В. Байкалов считали, что кооператив – не университет и не земство и ему незачем так широко заниматься культурно-просветительной работой[265]. Представляется, что они возражали не столько против размаха культурной работы, сколько против засилья большевистской пропаганды в культурных мероприятиях.

Деятельность политически ангажированных руководителей «Самодеятельности» навлекала подозрения властей на всю кооперативную работу. В 1915 г. по распоряжению енисейского губернатора в Красноярске была арестована вся партия «Кооперативного календаря на 1915 г.», изданного в МСПО[266]. 1 мая 1916 г. жандармы окружили здание конторы кооператива, произвели обыск и арест членов правления Анашкина, Павловского и Буторина[267]. Обыскам, арестам и высылкам подвергались секретарь правления М.И. Фрумкин, А.М. Буйко, С.М. Бальбатов, редактор

[262] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 1–2.
[263] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 167, ч. 25, лит. Б. Л. 2; *Буйко А.М.* Путь рабочего. С. 126.
[264] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 17, ч. 25, лит. Б. Л. 1.
[265] *Плотников Ю.П.* Из истории борьбы красноярских большевиков… С. 104.
[266] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 1.
[267] Кооперативная жизнь. 1916. № 9–10. С. 476.

журнала «Самодеятельность» Е.Г. Волков, Аксенов, Балатионов др.[268] Неоднократно администрация запрещала на общих собраниях кооператива обсуждение вопросов, выходящих за рамки хозяйственной деятельности.

Партийные активисты использовали в качестве легальных агитационных площадок не только собрания обществ потребителей, но и съезды представителей городов, где они могли свободно дискутировать как представители от кооперативных организаций. В донесении полицейских чинов Енисейской губернии указывалось, что социал-демократы возлагали «много радужных надежд на съезд городов Восточной Сибири»: «На съездах этих достигается максимум легальных возможностей, происходит непрепятствуемый администрацией обмен мнениями среди участников, что по существу превращает их в съезды представителей революционных ячеек»[269].

На Областном съезде представителей городов Восточной Сибири в апреле 1916 г. в Иркутске все острые моменты были связаны с выступлениями социал-демократов, представлявших кооперативные организации. Делегаты от кооперативов Красноярска – А.М. Буйко и Забайкалья – И.А. Пятидесятников предложили внести в итоговую резолюцию требование введения в России республики, демократического строя, всеобщего избирательного права, кооперативного закона и свободы коалиций – формулы об изменении государственного строя, известной как «четырехвостка». И.А. Пятидесятников произнес также «довольно резкую» речь о важности участия в съездах городов ссыльных, выступил с антивоенной декларацией и в целом явился «одним из наиболее ярких выразителей пожеланий демократической фракции съезда». За радикальные выступления кооператоров съезд был закрыт, а красноярцы-большевики С.М. Бальбатов и А.М. Буйко арестованы[270].

---

[268] Самодеятельность потребителя. 1917. № 1–2. С. 14.

[269] ГАРФ. Ф. 102. 1916. Д. 9, ч. 25, лит. Б. Л. 36 об.

[270] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20, ч. 27, лит. Б. Л. 14, 23 об.–26 об.; Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 15 об.; Утро Сибири. 1916. 28 апр.; Сибирская жизнь. 1916. 1 мая.

Политизация кооперативной работы происходила и на уровне областного союза. Согласно донесению начальника Енисейского ГЖУ от 4 ноября 1916 г. правление Союза кооперативов Енисейской губернии «сплошь состояло из отборных эсеров, таких как Ловцов, Байкалов, Пригарин, Фомин, Базаров, Скавронский, Скуликов, Робустов, Лукомский». Отмечалось, что «лица, входившие в состав правления … все очень дружны между собой, почему для будущих осложнений представляют ячейку первостепенной важности»[271].

Потребительский кооператив «Самопомощь» в *Енисейске* своим появлением был обязан деятельности группы политссыльных во главе с бывшим депутатом IV Государственной думы А.Е. Бадаевым, переведенным в августе 1915 г. из Туруханского края в Енисейск. Несмотря на то, что политические ссыльные находились среди членов и служащих кооператива, городские власти относились к кооперативу благожелательно. Жандармские чины вступили в его состав, внеся по нескольку паев. После того как жандармского ротмистра при очередном посещении кооперативной лавки попросили встать в очередь наравне с прочими покупателями, отношение к кооперативу стало меняться. Но настоящий поход против обществ потребителей начался после того, как на совещании местных общественных деятелей, устроенном для пропаганды нового внутреннего займа, члены правления кооператива выступили с речью о тесной связи финансовой неурядицы и хозяйственного кризиса с общей системой управления в стране[272].

В *Минусинске* Енисейской губернии, привлекавшем внимание ссыльных менее суровым климатом, чем на севере Енисейской губернии, по свидетельству начальника Енисейского ГЖУ, кооперативное движение, заметно оживилось с 1915 г.[273] В городе и его сравнительно густонаселенном уезде ссыльные устраивали свое материальное положение даже лучше, чем у

[271] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167, ч. 25. Л. 28.
[272] Голос Сибири. 1916. 19 нояб.
[273] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20, ч. 25. Л. 2.

себя на родине до высылки в Сибирь. «Ссыльный элемент в настоящее время занят легальною работою главным образом в кооперативах, где им всего удобнее прививать и развивать свои революционно-социалистические идеи в массе, не проявляя в то же время пока никаких резких противоправительственных выступлений. Для ссыльных кооперативы дают верный и хороший заработок, кроме того, работа является в современных рамках действительности самой идейной и безопасной, так как подымает народ, культивирует его и вместе с тем оплачивает», – сообщал начальник Енисейского ГЖУ в докладе 17 ноября 1916 г.[274]

Вдохновителем кооперативного движения в крае являлся 26-летний крестьянин из ссыльных М.И. Хачатуров, отбывавший ссылку по решению Туркестанского военного суда 1907 г. и прибывший на поселение в Минусинск в 1911 г. Хачатуров с кружком ссыльных вступили в городское общество потребителей, имели значительное влияние в кредитном товариществе, союзе приказчиков, пропагандировали идеи кооперации в городе и уезде, учреждали новые кооперативы. Жандармы характеризовали Хачатурова как человека, обладавшего удивительной работоспособностью, который успевал руководить всеми общественными организациями города, присутствовать на всех заседаниях и собраниях, где неизменно блистал эрудицией[275], имел идейное влияние на некоторых гласных городского самоуправления[276].

Он сотрудничал в томской газете «Сибирская жизнь», откуда был уволен за статьи острого политического содержания, затем редактировал последовательно закрывавшиеся властями по этой же причине газеты «Минусинский край», «Минусинский листок», «Минусинский голос» и «Южная Сибирь». По данным агентурного наблюдения, Хачатуров сплотил «разношерстный партийный элемент многочисленной минусинской ссылки», распространял подпольную литературу, вел агитацию

[274] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1916. Д. 20, ч. 9. Л. 1–2.
[275] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 1.
[276] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 2–3.

противоправительственного характера, общался с активными социал-демократами и эсерами, в частности, с одним из организаторов и лидеров партии эсеров – «бабушкой» Е.К. Брешко-Брешковской. Жандармские материалы рисовали М.И. Хачатурова как «вреднейшего противоправительственного деятеля», использовавшего для пропаганды радикальных идей как нелегальные, так и легальные возможности, прежде всего кооперативные организации[277].

Активно работали представители политических партий в кооперации *Забайкалья.* Документы Департамента полиции указывали на роль в кооперативном движении области политических ссыльных и на преобладающее влияние социал-демократов. В агентурных сведениях сообщалось: «Кооперативное движение исключительно популярно в Забайкальской области и привлекло в качестве руководителей и распорядителей лиц с политическим прошлым, которые объединяют все это движение в области в организациях следующего наименования: 1) Областной союз Забайкальских кооперативов, 2) городской кооператив "Экономия"[278], 3) Дальновокзальский "Трудовой союз", 4) Прибайкальское товарищество кооперативов (г. Верхнеудинск) и 5) городской Верхнеудинский кооператив "Экономия"»[279].

В числе «заправил» упоминались социал-демократы И.И. Пятидесятников, А.А. Войлошников, М. Богданов, З. Кошиков, подчеркивалась их связь с кооперативами Москвы и Иркутска. Жандармские чины докладывали: «Руководители кооперативов в настоящее время придерживаются лояльного образа действий, но в случае политических осложнений большинство из них как убежденные эсдеки станут, естественно, во главе революционной работы, ибо представляют собою как бы готовый для будущего, авторитетный в массе областной комитет Российской социал-

[277] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20, ч. 25. Л. 3 об.
[278] Очевидно, что имелся в виду кооператив «Эконом» в Чите.
[279] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1916. Д. 21, ч. 9. Л. 2–2 об.

демократической рабочей партии»[280]. Особое внимание жандармов привлекал «Трудовой союз» в Чите, обслуживавший железнодорожных рабочих, на которых «непрерывно влияли эсдеки».

Об этом же писал один из первых исследователей рабочего движения Забайкалья П.А. Окунцов: «Массовая политическая ссылка и политическая каторга после первой русской революции явились крупнейшим фактором революционизирования Забайкалья. С деятельностью их у нас связано развитие кооперации»[281]. Несмотря на руководящее положение социал-демократов в Забайкальском кооперативном движении, они занимали там скромные должности статистов, продавцов, кладовщиков, бухгалтеров.

Идея создания рабочего кооператива «Трудовой союз» в *Чите*, так же как и читинского городского всесословного потребительного общества «Эконом», принадлежала бывшему депутату III Государственной думы меньшевику А.А. Войлошникову, на квартире которого проходили организационные собрания и вся подготовка[282]. Среди руководителей «Трудового союза» находились также большевики И.Н. Росляков, И.Т. Перевозчиков, И.А. Белоусов, П.В. Замошников и др. Счетоводом работал Ф.Е. Савин, «убежденный эсдек»[283]. Приказчиком служил имевший политическое прошлое И.И. Тарчевский[284].

А.А. Войлошников имел огромное влияние и на другие кооперативные организации Забайкалья, в частности, возглавлял Забайкальское товарищество кооперативов. В политическом обзоре начальника Иркутского губернского жандармского управления указывалось на то, что А.А. Войлошников «захватил почти диктаторскую власть в местных кооперативах и окружил себя помощниками и сотрудниками такого же

---

[280] Там же.

[281] *Окунцов П.А.* Участие Забайкалья в революционном движении рабочего класса. Чита, 1927. С. 11.

[282] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 1 об.

[283] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1914. Л. 29 об.

[284] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 50.

направления»[285]. Забайкальское товарищество кооперативов издавало журнал «Наше дело», которым руководили крестьянин из ссыльных Енисейской губернии социал-демократ В.Н. Соколов, служивший в статистическом отделе Забайкальского переселенческого района, и приехавший по приглашению А.А. Войлошникова крестьянин из ссыльных Черемховской волости Иркутской губернии Н.А. Рожков, бывший приват-доцент Московского университета, историк, экономист, известный социал-демократ. Редактором журнала являлся В.А. Анисимов, бывший член II Государственной думы, осужденный в 1907 г. на 5 лет каторги, активный участник издававшихся в Иркутске газет и журналов социал-демократического направления[286]

С октября 1916 г. «Трудовой союз» наладил интенсивную лекционную работу в Народном доме, вдохновителем которой также был меньшевик А.А. Войлошников. Лекторы имели «специфическую эсдековскую окраску»: секретарь Областного союза забайкальских кооперативов В.А. Анисимов, А.И. Архангельский, доктор З.Р. Рубинштейн. По определению П.А. Окунцова, З.Р. Рубинштейн был «ярый меньшевик», по собственному его признанию – «марксист». Его супруга Д.Г. Пуляевская также принадлежала к РСДРП[287].

В руководстве читинского всесословного кооператива «Эконом», созданного меньшевиком А.А. Войлошниковым, находились лица с политическим прошлым – редактор местной газеты «Забайкальская новь» социал-демократ Д.И. Ротерштерн; участник революции 1905–1907 гг. рабочий И.А. Дубов; ссыльнопоселенец эсер А.К. Кузнецов; принимавший деятельное участие в забастовке торговых служащих весной 1913 г. И.Ф. Замошников; приказчицей в магазине работала известная эсерка А.Н. Мошкина[288].

---

[285] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 5, ч. 27, лит. Б. Л. 15–15 об.
[286] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 31–31 об.
[287] Там же. Л. 18–18 об.
[288] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 43 об.–44 об.

Одним из проявлений процесса политизации кооперативов являлись острые политические выступления на общих собраниях, посвященных вопросам борьбы с продовольственным кризисом. Общим моментом этих выступлений и подготовленных резолюций были положения о том, что при существовавших политических условиях невозможно наладить продовольственное дело, необходимо изменение государственного строя, проведение демократических реформ, избрание продовольственных комитетов снизу доверху, повсеместное введение земства, всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, осуществление контроля над фабриками и заводами и т.п.

Так, на общем собрании «Экономa» 6 декабря 1915 г. в прениях при обсуждении доклада о борьбе с продовольственным кризисом А.А. Войлошников произнес «резкую, противоправительственную речь», обвиняя правительство в поддержке спекуляции, после чего была предложена к голосованию резолюция о борьбе с дороговизной, принятая в октябре 1915 г. на съезде уполномоченных МСПО. Собрание было закрыто приставом, ночью жандармы произвели обыски и аресты наиболее активных участников собрания, прежде всего А.А. Войлошникова. Инцидент получил широкую огласку. Благодаря заступничеству Начальника экспедиции по поставке мяса в армию полковника Козлова Войлошников был освобожден как лицо, принимавшее непосредственное участие в исполнении важного правительственного поручения[289].

С 15 по 22 марта 1916 г. в Чите проходил Областной съезд забайкальских кооперативов, весь президиум которого состоял из социал-демократов – И.А. Пятидесятникова, З.С. Кошикова, В.Н. Соколова, А.А. Войлошникова и др. После оглашения «резолюции о народовластии» аудитория разразилась «долгими и дружными аплодисментами». Пристав не разрешил ставить резолюцию на голосование, на что председатель

[289] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 158. Л. 39–39 об. См. также: ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 67 об.–68 об.; Союз потребителей. 1915. № 36. С. 1268.

президиума ответил, что это и не нужно, так как собрание единодушно ее одобрило. Полиция закрыла съезд и арестовала семь членов президиума – авторов резолюции, которых ждало уголовное преследование[290].

6 сентября 1916 г. за обсуждение радикальной резолюции было закрыто полицией собрание читинского кооператива «Эконом». Кооператоров спасло то, что пристав, запретив голосование, по неопытности не составил протокол. Председательствовавшие на этом собрании политссыльные А.К. Кузнецов и А.В. Калашников, опасаясь репрессий, на следующий день отправились в администрацию с жалобой на пристава и экземпляром резолюции, которая была предусмотрительно изменена. Используя неосведомленность вице-губернатора, они убедили его в том, что выступавшие не выходили за рамки дозволенного и ни разу не были остановлены полицией[291]. На этот раз ареста избежать удалось.

Политические идеи лежали в основе союзно-объединительной деятельности. Руководство Забайкальского товарищества кооперативов в лице А.А. Войлошникова подчинило своей линии читинский городской всесословный кооператив «Эконом», который не хотел подписывать союзный договор[292]. Сторонники политической роли кооперации горячо выступали за необходимость присоединения городских кооперативов к деревенским, за всяческое расширение кооперативных организаций, которые «должны явиться необходимым объединением, когда наступит момент»[293].

В историографии оценкам процесса политизации кооперативного движения, касавшихся, прежде всего, роли большевиков, была свойственна известная идеализация. Так, в «Очерках истории Читинской областной партийной организации КПСС» говорилось, что, овладев аппаратом потребительской кооперации, большевики превратили ее, по сути дела, в свой легальный орган, с помощью которого они укрепляли связи с

[290] ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 158. Л. 44–44 об.; ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 12 об.–13 об.

[291] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 2, ч. 27. Л. 28; 1916. Д. 20, ч. 26, лит. Б. Л. 1 об.–2.

[292] ГАРФ. Ф. 102.ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 23 об.

[293] Там же. Л. 9 об.

трудящимися массами Забайкалья. При кооперативах создавались подпольные партийные библиотеки и марксистские кружки[294]. Часть исследователей считает такой подход необъективным. «В некоторых случаях, – писал В.А. Самосудов, – явно идеализируется влияние большевиков в кооперативах. Большевикам не удалось именно таким образом поставить свое влияние в кооперативах, которые оставались опорой мелкобуржуазных партий, а затем не случайно поддержали контрреволюцию»[295].

Сильное влияние социал-демократов ощущалось в крупном и популярном среди населения кооперативе «Экономия» в *Верхнеудинске*. В начале деятельности кооператива к руководству пришли меньшевики И.А. Пятидесятников, З.С. Кошиков и местный священник Комаров[296]. И.А. Пятидесятников играл видную роль в социал-демократических кругах, имел постоянное общение с политссыльными, состоял в переписке с думским лидером Н.С. Чхеидзе[297]. На агента охранного отделения произвело большое впечатление импровизированное собрание руководства кооператива на квартире И.А. Пятидесятникова с участием проезжавшего через Верхнеудинск члена IV Государственной думы Н.К. Волкова, который рассказывал о политическом положении в столице и «исключительном влиянии Распутина на государя императора»[298].

В предреволюционные годы, по данным С.П. Днепровского, руководство в кооперативе перешло к большевикам. Председателем правления стал Г.И. Камынин, из Красноярска приехали и вошли в правление А.М. Буйко и Т.М. Сентарецкий[299]. Однако прежние руководители-меньшевики и в 1916 г. играли «доминирующую роль в совокупности

---

[294] Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск, Чита, 1975. С. 99.

[295] *Самосудов В.М.* Некоторые вопросы истории партийных организаций Сибири в период между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.) // Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981. С. 17.

[296] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 146.

[297] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 12.

[298] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 6.

[299] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 146..

местных демократических сил»[300]. В «Экономии» служил приказчиком А.Н. Кудасов, взятый под наблюдение за видную роль во Второвской забастовке торговых служащих в 1913 г. К концу исследуемого периода в Верхнеудинск прибыли после отбытия каторги на поселение известные социал-демократы – члены социал-демократической фракции II Государственной думы, арестованные в дни третьеиюньского государственного переворота, В.М. Серов, В.А. Чащин, И.К. Петров. Все они были тесно связаны с «Экономией»[301].

Под наблюдением полиции находилась деятельность кооперативов *Иркутска*. В сводках полиции отмечалось, что во главе небывалого роста кооперативного движения в Иркутской губернии стоят почти исключительно политссыльные-поселенцы»[302], что «социал-демократы являются главными работниками по кооперативам»[303].

В октябре 1916 г. газеты сообщали об обысках в правлении иркутского кооператива «Труженик»[304]. В донесениях агентов полиции отмечалось, что на собраниях потребителей разговоры нередко касались политической тематики, говорилось об обобществлении средств производства и т.п.[305] Начальник Иркутского ГЖУ 18 октября 1916 г. докладывал в Департамент полиции: «В настоящее время в Иркутске происходят заседания съезда представителей кооперативов. В первый же день все ораторы, представители разных кооперативов, произнесли речи, в которых ни словом не обмолвились о материальных интересах, все говорили только о духовных и культурных интересах и необходимости объединения в губернские и областные союзы»[306]. На кооперативном съезде группой социал-демократов руководил

---

[300] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 9 об.–10 об.

[301] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 147.

[302] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1917. Д. 9, ч. 27, лит. Б. Л. 5.

[303] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 27, лит. Б. Л. 67 об.

[304] Утро Сибири. 1916. 15 окт.; Голос Сибири. 1916. 25 окт.; Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 21.

[305] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 7.

[306] Там же. Д. 167, ч. 27. Л. 24.

приехавший из уезда бывший член II Государственной думы, один из лидеров меньшевизма ссыльнопоселенец И.Г. Церетели[307].

В «Очерках по истории Иркутской организации КПСС» указано, что в потребительских кооперативах «Труженик» и «Кооператор» видную роль играли большевики[308]. Л.Л. Кузнецов сообщал, что «в Иркутске в это время уже несколько дет властителями дум были идеологи меньшевизма И.Г. Церетели и В.С. Войтинский»[309]. А.А. Мухин, отмечая, что в кооперативном движении Иркутской губернии преобладали эсеры, писал: «Но ко времени Февральской революции в рабочих кооперативах губернии большевики имели прочную опору и вели большую воспитательную работу»[310]. Б.В. Иванов, напротив, привел данные о том, что социал-демократы уступили свое влияние эсерам: «На выборах правления общества "Кооператор" в конце 1916 г. полностью прошел список социал-демократов <…> А два месяца спустя на перевыборах другой половины этого же правления прошел целиком уже эсеровский список»[311].

По инициативе и при участии социал-демократов создавались *рабочие* потребительские кооперативы. О видной роли большевиков в организации и деятельности кооперативов «Шахтер» на Черновских копях и в предместье Большеостровском под Читой писал участник кооперативного движения большевик С.П. Днепровский[312]. При их создании большевикам пришлось «разоблачать меньшевиков и эсеров, которые одно время свили там гнездо»[313]. В начале 1917 г. был создан кооператив «Наше будущее» на Арбагарских копях в Забайкалье под руководством большевика

---

[307] Там же. 1916. Д. 5, ч. 27, лит. Б. Л. 65 об.

[308] Очерки истории Иркутской организации КПСС (1901–1920). Иркутск, 1965. С. 201.

[309] *Кузнецов Л.Л.* О некоторых особенностях деятельности большевиков Забайкалья в дооктябрьский период // 50 лет освобождения Забайкальской области от интервентов и белогвардейцев. Чита, 1972. С. 148.

[310] *Мухин А.А.* Рабочие Восточной Сибири… С. 197.

[311] *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск, 1976. С. 108.

[312] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 175–176.

[313] *Коряков И.А., Берсенев Л.Ф.* Из истории рабочих кооперативов Забайкалья // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1968. Вып. 2. С. 151.

А.А. Ширямова[314]. О политической работе социал-демократов среди членов кооператива на Черемховских копях оставил воспоминания А.М. Буйко[315].

В *Тюмени* еще в 1909 г. подпольный комитет РСДРП оказывал сильное влияние на рабочий потребительский кооператив «Труд» и использовал его как материальную базу для своих целей. В члены общества вступили политические ссыльные П. Калугин, Н. Каневский, Г. Скаткин, Э. Сольц, А. Сольц, И. Пятнов[316]. В правлении общества работали эсеры Иосиф Курочкин и Нисон Каневский, социал-демократ М. Мишин и член тюменского комитета РСДРП С. Новоселов. Все они, а также председатель правления кооператива конторщик купца Жернакова И. Абрамов были арестованы в 1909[317].

В созданном в Тюмени в 1915 г. рабочем кооперативе «Пчела» также работали социал-демократы, привлекавшиеся к суду по делу о ликвидации тюменского подпольного комитета РСДРП в 1909 г.: административно высланный Б.П. Вальбер, С.И. Морозов, М.Б. Глузман, отбывший нарымскую ссылку С.А. Новоселов. Возглавлял кооператив ссыльнопоселенец К.И. Самцов[318].

В *Барнауле* за связь с подпольным комитетом РСДРП был закрыт по решению МВД существовавший в 1909–1913 гг. рабочий потребительский кооператив «Труженики»[319]. Общество «Труженики» было создано на основе существовавшей в предшествующие годы подпольной эсеровской организации «Трудовой союз». Оказавшись под подозрением охранки, «Трудовой союз» в целях сохранения возможности легального существования переименовал себя в потребительский кооператив

---

[314] Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К. Потребительская кооперация Восточной Сибири. Иркутск, 1965. С. 28.

[315] *Буйко А.М.* Путь рабочего… С. 120.

[316] ГАТ. Ф. 152. Оп. 23. Д. 8. Л. 28.

[317] Деятельность подпольного комитета РСДРП, связанная с кооперативом, описана Д.М. Копыловым. См.: *Копылов Д.М.* Тюменская организация РСДРП в годы столыпинской реакции // Тюменская партийная организация в период строительства социализма и коммунизма. Тюмень, 1969. С. 21–26.

[318] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167. Л. 85.

[319] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 5, ч. 82. Л. 40 об., 64, 67.

«Труженики», устав которого был утвержден томским губернатором, несмотря на возражения жандармских чинов[320].

В созданном в Барнауле в 1915 г. всесословном кооперативе «Сотрудник» работали меньшевики А.В. Спекторский, Н.К. Колобов и Тараканова, «кичившиеся своей грамотностью, высокой эрудицией и явно претендующие на роль лидеров в организации»[321]. Один из кооператоров указывал на сильную роль в кооперативной жизни города меньшевиков и эсеров: «Барнаульские большевики вначале не уделяли внимания городским легальным обществам, а работавших в них меньшевиков и эсеров называли "культуртрегерами" и "пяташниками". Когда они опомнились и захотели иметь кооперативные организации как новую форму легальной работы, эсеры и меньшевики встретили их в штыки, и на собраниях у нас с ними происходили целые дискуссии»[322].

Учредители и члены правления всесословного кооператива в *Нарыме* политического прошлого не имели, политические ссыльные к участию в кооперативе не допускались. Когда выяснилось, что один из организаторов «вращался в кругу административно-ссыльных и занимался передачей от них писем», он был немедленно вычеркнут начальником Томского ГЖУ из состава учредителей кооператива[323].

В *Мариинске* политические моменты в работе городского кооператива были связаны с деятельностью кооператора-энтузиаста Н.Т. Изюмченко – толстовца, отбывшего штрафной батальон за отказ от воинской службы. В 1913 г. он подвергся аресту «за произнесение возбуждающих речей». По сообщению газеты «Сибирская жизнь» в правление кооператива входил целый ряд лиц, лишенных прав и поднадзорных. Бухгалтером общества являлся М.Я. Линдберг, организовавший в Мариинске конференцию

---

[320] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 5, ч. 82. Л. 40.

[321] Голос Сибири. 1916. 20 авг.

[322] *Титов Г.А.* Легальная деятельность большевиков Томской и Енисейской губерний в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Труды научн. конф. НГПИ 31 мая – 2 июня 1956 г. Новосибирск, 1957. Т. 1. С. 84.

[323] ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 227. Л. 9.

эсеров[324]. В Мариинском товариществе кооперативов штат инструкторов, непосредственно работавших с крестьянами в деревнях, состоял из эсеров. Организаторы «Сибирского союза социалистов-революционеров» (1916 г.) Ф.С. Семенов (А.П. Лисиенко), М.Ф. Омельков, М.Я. Линдберг, П.Я. Михайлов и др. долгое время работали в кооперативных союзах Мариинска, Томска, Новониколаевска, Бийска[325].

Во главе всесословного общества потребителей с большой прослойкой рабочих «Экономия» в *Новониколаевске* в 1912 г. стоял эсер А.К. Скворцов. В 1916 г. представителем правления стал приехавший из Киева большевик В.Р. Романов, вошедший в марте 1917 г. в Совет рабочих депутатов. В кооперативе работал социал-демократ С.И. Канатчиков и др.[326] К Февральской революции в Новониколаевске было около 70 политических ссыльных, среди которых преобладали эсеры и меньшевики. Они утвердились в кооперативных организациях города – «Экономии», Закупсбыте и Сибкредитсоюзе, отделении МНБ[327]. «Экономия» в отличие от некоторых кооперативов, бойкотировавших Военно-промышленный комитет, послала в ноябре 1915 г. своего представителя в местный ВПК, но на общем собрании приняла наказ, где комитету выражалось недоверие до тех пор, пока в него не будут выбраны представители рабочих[328].

В Новониколаевске издавалась уделявшая большое внимание вопросам кооперации газета «Голос Сибири». Публикации отличались акцентированием общественно-политических задач кооперативной работы благодаря образовавшейся в 1916 г. в редакции группе социал-демократов и

---

[324] Сибирская жизнь. 1913. 3 дек.; 1916. 20 апр.; *Алексеева В.К.* Борьба идей в кооперативном движении дореволюционной Сибири // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 1980. С. 137.

[325] *Шиловский М.В.* Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX — начала XX в. // Города Сибири в XIII – XX в.; сб. научн. тр. / Отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул, С. 128–129.

[326] ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 160. Л. 13; Воспоминания о революционном Новониколаевске. Новосибирск, 1959. С. 81–82.

[327] *Лашков И.Г.* Возникновение и развитие потребительской кооперации в дореволюционной Сибири (1864–1917) // Очерки истории потребительской кооперации Сибири. Новосибирск, 1965. С. 70.

[328] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 144–145; Сибирская жизнь. 1915. 15 нояб.

эсеров, куда вошли В.Р. Романов, Ф.И. Грабарь, Г.Е. Дронин и Н.А. Рожков, являвшийся фактическим редактором [329].

В городском всесословном обществе потребителей «Деятель» в *Томске* работали представители различных партий. Большевики использовали лавку «Деятеля» для прикрытия нелегальной работы Военно-социалистического союза – своей нелегальной организации, созданной для революционной работы в войсках. В работе «Деятеля» участвовали большевики В.Н. Чепалов, Н.С. Васильев, А.Ф. Иванов. В сентябре 1916 г. Н.С. Васильев был избран председателем кооператива, в марте 1917 г. он принимал активное участие в работе I Губернского продовольственного съезда. А.Ф. Иванов работал в правлении общества, в 1917 г. был направлен большевиками на финансовую работу в Томскую городскую думу. В.Н. Чепалов после Февральской революции являлся председателем Томского совета рабочих депутатов[330].

Активно участвовал в кооперативной жизни Томска и работал в «Деятеле» Д.И. Голенищев-Кутузов, принадлежавший к партии эсеров-легалистов, выступавших только за легальную культурническую деятельность и стоявших на позициях оборончества[331]. Большое влияние оказывал меньшевик Н.А. Рожков, перебравшийся в город в 1916 г. из Забайкалья из-за полицейских преследований. Интересна фигура одного из руководителей кооператива В.И. Анучина. Известный сибирский этнограф В.И. Анучин получил противоречивые оценки современников. Сам он называл себя эсером, А. Байкалов указывал на его анархистское прошлое[332]. Д.М. Зольников упоминает В.И. Анучина в числе областников наряду с

---

[329] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 81, лит. Б. Л. 5–5 об.; *Лашков И.Г.* Возникновение и развитие потребительской кооперации… С. 73.

[330] *Лашков И.Г.* Возникновение и развитие потребительской кооперации… С. 43; Сибирская жизнь. 1916. 4 авг., 14 окт.; 1917. 19 мая, 14 сент.; *Хазиахметов Э.Ш.* Революционная деятельность большевиков в нарымской ссылке (1906–1917). Томск, 1967. С. 9; *Красильников С.А., Соскин В.А.* Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти (1917 – лето 1918 гг.). М., 1985. С. 70, 101, 111, 129.

[331] *Горюшкин Л.М.* Эсеры в сибирской ссылке… С. 111.

[332] Сибирская жизнь. 1917. 13 мая.

Г.Н. Потаниным[333]. В жандармских документах указывалось, что на одном из собраний Анучин читал доклад на тему «Теория областничества»[334]. В правлении общества работали также Т.Е. Минычев и П.Н. Стечкин, упоминавшиеся в документах полиции в качестве членов РСДРП. В работе томского кооператива принимали участие большевики, меньшевики, эсеры, областники, «много лиц политически неблагонадежных»[335].

В рабочем кооперативе «Труд» на станции *Тайга* Томской губернии членами состояли «скомпрометированные в политическом отношении участием в освободительном движении 1905–1907 гг. Илюшин и Кайзер»[336].

В Городском кооперативе в *Омске* были сильны влияние и авторитет его председателя оборонца-меньшевика А.Н. Гладышева[337]. На сельскохозяйственном съезде в Омске в январе 1916 г. в его выступлении «не содержалось ни критики правительства, ни пропаганды революционных идей, а выражалась надежда на земство, крестьянскую общину и кооперацию»[338].

Политизация деятельности *зависимых* рабочих кооперативов выразилась в агитации социал-демократов среди пайщиков за выборы на руководящие должности в правление кандидатов не из администрации, а из своей среды, чтобы кооператив мог помогать рабочим в период забастовок и увольнений. Факты подобной агитации приводятся в донесениях полицейских агентов о выборных кампаниях в 1912 г. на Анжерских копях и в 1916 г. в Забайкальском железнодорожном кооперативе[339].

В целом, как показывают материалы полицейского ведомства и воспоминания участников ссылки, влияние социал-демократов (большевиков

---

[333] *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны… С. 104.

[334] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16, ч. 82. Л. 1.

[335] ГАТО. Ф. 3. Оп. 64. Д. 452. Л. 3, 5;Утро Сибири. 1916. 8 янв.; Очерки истории города Томска. 1604–1954. Томск, 1954. С. 129; Они боролись за власть советов… С. 282.

[336] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 257. Д. 168. Л. 61.

[337] *Красильников С.А., Соскин В.А.* Интеллигенция Сибири… С. 163.

[338] *Самосудов В.М.* Революционное движение в Западной Сибири. Омск, 1970. С. 197.

[339] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 32, ч. 114, лит. Б. Л. 3–6; 1916. Д. 5, ч. 100, лит. Б. Л. 16.

и меньшевиков) распространялось в Сибири, главным образом, на потребительские кооперативы рабочих. Областные и губернские кооперативные союзы, обслуживавшие преимущественно крестьян, находились под влиянием эсеров. В городских потребительских кооперативах влияние тех или иных политических являлось колеблющимся. Д.М. Зольников отмечал, что в них влияние большевиков было еще меньше, чем в рабочих потребительных обществах[340]. Б.В. Иванов полагал, что главными работниками в сибирской кооперации являлись меньшевики, правые эсеры и представители других соглашательских и мелкобуржуазных партий. Он квалифицировал политическое выступление дореволюционной потребительской кооперации как достаточно слабое по сравнению с последующим периодом, когда кооператоры «от робкой оппозиции и "аполитизма" сразу же перешли на позиции открытой и активной политической борьбы»[341].

Политическая позиция кооператоров дореволюционного периода нашла отражение в резолюциях совещания представителей кооперативов Западной Сибири в Новониколаевске 27–28 ноября 1916 г. о «призыве к власти лиц, пользующихся народным доверием и ответственных перед страной»[342]. Журнал «Кооперативное слово» писал о необходимости «привлечения к управлению всего народа в равных правах»[343].

Радикально настроенные представители политических партий не могли полностью подчинить кооперативную аудиторию даже в рабочих обществах потребителей. Делегат читинского кооператива «Трудовой союз» на Областном съезде забайкальских кооперативов в Чите в марте 1916 г. признавал, что «коммерческое течение, хотя и несознательно, приносит сильный вред общему делу, создает атмосферу, в которой трудно

---

[340] *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны… С. 99.

[341] *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции… С. 108, 126.

[342] ГАРФ. Ф. 102 ДОО. Оп. 1916. Д. 16, ч. 82. Л. 1–1об.

[343] Кооперативное слово. 1916. № 6–7. С. 19.

работать»[344]. *Экономическое течение*, собственно кооперативные настроения представляли значительную силу, с которой политически ангажированному кооперативному активу приходилось считаться, и он далеко не всегда получал полную поддержку членов. Это подтверждается рядом примеров.

Два течения – экономическое и политическое – проявились, в частности, по вопросу об идейном направлении читинского кооперативного журнала «Наше дело». Рабочие-железнодорожники члены «Трудового союза» во главе с И.А. Дубовым настаивали на партийной социал-демократической окраске журнала, другое течение представляли областные кооперативы, которые высказывались за кооперативный характер издания. Разногласия вылились в «горячие прения»[345].

В самом читинском кооперативе «Эконом» происходило явное противостояние сторонников чисто экономического характера развития организации и поборников приобретения ею радикального политического лица. В ноябре 1915 г. правление «Экономa» получило от иркутских социал-демократов письмо, по прочтении сожженное, с предложением использовать назначенный на апрель 1916 г. съезд городов Восточной Сибири в Иркутске как политическую трибуну. На закрытом заседании правления слушался доклад делегата на съезд от кооператива большевика В.Е. Афанасьева. По свидетельству агента, «к тезисам доклада о необходимости всем общественным организациям тесно сплотиться и копать яму, куда должно свалиться теперешнее правительство, присутствующие отнеслись сдержанно»[346].

О намерении идейных руководителей использовать предстоящее собрание «Экономa» 6 декабря 1915 г. в политических целях в кооперативе было известно заранее. Правление общества было против выступления А.А. Войлошникова, из-за которого собрание было закрыто, но не смогло

[344] ГАРФ, Ф. 102. Д-4. 1916. Д. 21, ч. 9. Л. 1–2.
[345] Там же. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 17.
[346] Там же. 1916. Д. 16, ч. 26, лит. Б. Л. 20.

противостоять преобладающему влиянию социал-демократов, из которых состояла вся ревизионная комиссия[347].

С.П. Днепровский признавал, что в кооперативе «Самодеятельность» в Красноярске отличавшиеся высокой сознательностью железнодорожники неизменно поддерживали большевистскую часть правления, но на собраниях порой оставались в меньшинстве[348].

На собрании уполномоченных товарищества «Обский кооператор» в Новониколаевске 15 сентября 1916 г., где обсуждался вопрос о материальной поддержке газеты «Голос Сибири», член правления кооператива «Экономия» И.С. Юдин высказал мнение о ненужности политической газеты и необходимости издания в противовес ей кооперативного журнала[349].

На собрании рабочего кооператива на станции Слюдянка Забайкальской железной дороги ораторы, поднимавшие вопрос об использовании кооператива для завоевании равноправия, прерывались как «выходящие за рамки повестки», а темы эти были признаны неуместными[350].

На собрании кооператива Нижнеудинска завязалась борьба по поводу приема в состав членов ссыльных. Железнодорожники подали заявление губернатору о том, что если политссыльные будут приниматься в члены общества, они уйдут из него[351]. Отказало в приеме ссыльным общее собрание общества потребителей служащих в правительственных учреждениях Красноярска[352].

Политизация кооперативного движения выводила деятельность кооперативов за рамки непосредственных кооперативных задач и подчиняла партийным задачам. Кооперативы отчисляли средства на нужды подполья, помогали семьям арестованных, снабжали продуктами рабочих во время забастовок, распространяли через свои читальни подпольную литературу,

[347] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 60 об.
[348] *Днепровский С.П.* Кооператоры. С. 142.
[349] Голос Сибири. 1916. 20 сент.
[350] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 100, лит. Б. Л. 12, 13, 24.
[351] Сибирская жизнь. 1917. 16 февр.
[352] Сибирская жизнь. 1917. 12 янв.

проводили антивоенную и антиправительственную пропаганду, собирали деньги для нуждающихся или находящихся в бегах ссыльных, командировали своих служащих для сбора сведений агитационного характера во время закупочных поездок по деревням. Так, например, командированному в уездные села для закупки скота служащему верхнеудинского кооператива «Экономия» И.Д. Дубенко, имевшему политическое прошлое, поручили «выяснять на местах, как обстояло дело выдачи пособия солдатам, нет ли задержки, неудовольствий и вообще собрать по этому вопросу необходимый материал»[353].

Политизация наносила вред кооперативному движению. Острые политические выступления на общих собраниях и других кооперативных форумах не решали конкретных хозяйственных задач, но приводили к репрессиям против кооперативов – обыскам, арестам, роспуску общих собраний, запретам на прения по отдельным вопросам повестки. Важные культурные мероприятия кооперативов запрещались администрацией, если обнаруживался их политический уклон. Так, в конце 1916 г. военным губернатором Забайкальской области были запрещены бухгалтерские курсы для раненых и увечных воинов, организованные Забайкальским союзом совместно с городскими кооперативами, по причине политического прошлого и связи с подпольным комитетом РСДРП всех преподавателей (В.А. Анисимова, М.Н. Богданова, Н.К. Сенотрусова, К.М. Шульмана, Е.А. Преображенского, И.Н. Воронцова, Б.О. Хеладзе)[354]. По причинам подозрительного состава участников нередко запрещалась кооперативная книжная торговля, устройство лекций, издание журналов.

Итак, городские и рабочие кооперативы оказались привлекательны для представителей разных политических партий и течений: меньшевиков, большевиков, эсеров, бундовцев, областников, которые видели в них средство улучшения своего материального положения в условиях ссылки и

[353] ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 26 об.
[354] Там же. Д. 16, ч. 26. Л. 3–4.

возможность вести легальную общественную деятельность. Влияние социал-демократов (большевиков и меньшевиков) распространялось, главным образом, на потребительские кооперативы рабочих, такие как «Трудовой союз» в Чите, «Самодеятельность» в Красноярске, «Экономия» в Верхнеудинске. В городских всесословных потребительских кооперативах присутствие тех или иных политических сил являлось не постоянным, но в аппарате управления наибольшим влиянием пользовались меньшевики и эсеры.

Воздействие политических партий на кооперативную работу носило противоречивый характер. Негласная слежка полиции за социал-демократами и их аресты ослабляли позиции кооперативов как хозяйствующих субъектов. Нередко деструктивная критика оппозиционными силами органов городского самоуправления и частного бизнеса, носившая выраженный идеологический характер, осложняла достижение договоренностей по ведению совместной торгово-заготовительной деятельности. В то же время под влиянием социал-демократов кооперативы увеличивали отчисления из прибыли на культурно-просветительную работу и в общественные фонды.

Представители политических партий использовали городскую и рабочую кооперацию в ходе проведения кампаний по борьбе с дороговизной. В условиях разочарования населения в официальной продовольственной политике их пропаганда способствовала росту общественно-политической активности пайщиков и пониманию сущности политических требований общедемократического характера – свободы коалиций, демократических реформ, введения земства, формирования правительства народного доверия, модернизации кооперативного законодательства. Однако, радикальные политизированные выступления не находили поддержки даже в среде пайщиков-рабочих, для которых приоритетными оставались экономические мотивации и желание заниматься собственно кооперативной работой. Основная масса рядовых участников кооперативного движения как во

всесословных, так и в рабочих обществах не приветствовала проекты использования потребительских организаций в иных, нежели удовлетворение экономических и культурно-бытовых нужд, целях, сознательно или спонтанно поддерживая идеологию мирного эволюционного пути реорганизации общественного и хозяйственного строя.

Заключение

В конце XIX – начале XX вв. в городских поселениях Сибири складывались благоприятные условия для распространения кооперативных форм жизнеобеспечения. Возрастала плотность населения, прогрессировала культурно-деловая сфера, наметился подъем общественной активности. Однако, формирование новой урбанизированной среды не сопровождалось адекватным развитием социальной инфраструктуры, продовольственное положение оставалось напряженным. Эта ниша оставалась открытой для потребительской кооперации.

В 1890-е гг. ее развитие происходило на качественно новой основе. В отличие от первых кооперативов 1860-х гг., которые учреждались в обстановке общественного подъема и не имели прочных социально-экономических оснований, городские кооперативы новой волны создавались в условиях ускоренного развития капитализма, связанного в Сибири с железнодорожным строительством и усилением колонизации. Они начали органично встраиваться в социально-экономическую структуру городских поселений и занимать место недостаточно развитой розничной торговли. Потребительская кооперация становилась средством повышения материального благосостояния широких слоев населения и в целом была поддержана правительственными учреждениями и городской общественностью.

Революция 1905–1907 гг., итогами которой являлось введение демократических свобод и некоторое улучшение положения рабочих, расширила возможности населения для создания кооперативов. Репрессии против партийного подполья и профессиональных союзов делали кооперативные формы деятельности более привлекательными. Но немногочисленные потребительные общества в сибирских городах в послереволюционные годы погибали вследствие неудачного хозяйствования или были закрыты властями по политическим причинам.

Устойчивый рост городской потребительской кооперации в Сибири начался с 1912 г. в обстановке стабилизации внутриполитической ситуации и экономического подъема. В целом в дореволюционный период в городских поселениях Сибири было создано более 110 потребительских кооперативов. Доля участия городского населения в потребительской кооперации к 1916 г. заметно увеличилась, приблизившись к общероссийскому уровню. В мелких кооперативах насчитывалось к концу исследуемого периода от 450 до 1 тыс. членов, в крупных – до 3,3 тыс. Вместе с членами семей пайщиков с потребительской кооперацией в отдельных городах было связано до трети горожан, обороты на одно общество достигали полумиллиона рублей в год. На малочисленные, в сравнении с сельскими, городские и рабочие кооперативы приходилось почти 30% от общего товарооборота сибирской потребительской кооперации, достигшего к 1917 г. 20 млн руб., что свидетельствовало о достаточно высоком уровне их предпринимательской деятельности.

Кооперативная идея и ее реализация пробивала себе дорогу в сложных и противоречивых условиях самодержавной политической системы, сословного строя, неразвитости структур гражданского общества, слабости среднего класса, являвшегося на Западе двигателем модернизационых и урбанизационных процессов и носителем ценностей гражданской культуры. Только в конце 1915 г. кооперация была передана от МВД в ведение Министерства торговли и промышленности. Отношение к потребительской кооперации в правительственных кругах, колебавшееся между поощрением и надзором, уверенно менялось на благожелательное. Проект нового Нормального устава, который существенно ограничивал права кооперации, не получил одобрения и поддержки в правительственных кругах. Действующим законодательным актом оставался Нормальный устав 1897 г., обеспечивавший правовые основы процесса реализации кооперативных принципов добровольности, общедоступности и автономности. Юридическая сила его положений поддерживалась действиями судебной системы, местной

и центральной властью, которая не вмешивалась во внутренние дела кооперативных организаций. Нормы закона позволяли создавать кооперативы рочдельского типа, идентифицировать их в правовой и экономической сферах и отличать от частных предприятий.

О соответствии сибирских городских кооперативов основным критериям потребительных обществ рочдельского типа как некоммерческих организаций, рассчитанных не на извлечение прибыли, а на самообеспечение и взаимопомощь, свидетельствовали невысокие паевые взносы (3–10 руб.) и размеры дивидендов (0,9–8% на паевой рубль). Наиболее распространенный размер дивиденда составлял 6%, что не превышало текущую банковскую учетную ставку. Подавляющее число кооператоров владели одним–двумя паями. Распределение прибыли происходило преимущественно пропорционально активному участию в операциях кооператива – по закупкам товаров. В годы войны усилилась тенденция отчислять прибыль от посторонних и часть дивидендов пайщиков на общественные и культурные цели. Общества постепенно отказывались от торговли в кредит, одновременно организуя систему кредита для групп малообеспеченных пайщиков. Наценки при розничной торговле колебались от 7% до 27%, что позволяло конкурировать с частной торговлей и устанавливать цены в большинстве случаев ниже среднерыночных.

Существенным изъяном дореволюционного права являлось отсутствие явочного порядка открытия и судебного порядка закрытия потребительных обществ, ограничения членства в отношении отдельных категорий граждан (учащихся, военных, железнодорожников, служащих правительственных учреждений, политических ссыльных), возможность административного произвола. Не учитывались интересы кооперации в вопросах, связанных с налогообложением и порядком привлечения кооперативами дополнительных финансовых средств. Отличительная черта кооперативов заключалась в незначительности собственных капиталов, отсутствии финансовой самодостаточности и зависимости от кредитов. По сути, в отношениях с

властными и бизнес-элитами в этом главном вопросе они действовали в рамках все той же патерналистской парадигмы, но с более слабых позиций.

Всесословные и рабочие независимые кооперативы являлись совершенно новым типом массовых организаций с точки зрения развития гражданской инициативы и самодеятельности. В отличие от казенных кооперативов они создавались без какого-либо участия «сверху», представляли собой стихийную форму самоорганизации, самостоятельно наращивали и реализовывали свой организационно-хозяйственный потенциал. В них устанавливались тесные контакты между большими группами горожан из разных социальных слоев – представителей чиновничества, служащих, интеллигенции, студенчества, рабочих, предпринимателей. На месте патриархального «местного», «соседского» принципа, свойственного общественной жизни деревни, в городских кооперативах возникала иная общественная атмосфера и новая ментальность, связанная с развитием социальной активности на основе свободного осознанного выбора.

В рабочих обществах потребителей существовала более высокая степень солидарности и доверия между рядовыми пайщиками и кооперативным активом, чем во всесословных кооперативах с выраженными имущественными и социальными различиями среди участников. Социальная интеграция в последних происходила постепенно, нередко драматическим образом с острыми конфликтами, борьбой группировок и личностей. Реализацию непосредственных кооперативных задач затруднял приток в годы войны большого числа «кооператоров поневоле» в качестве пайщиков, а в качестве служащих – различных дельцов от торгового мира. Это негативным образом отражалось на поведении рядовых кооператоров и уровне менеджмента. Среди пайщиков наблюдались абсентеизм, равнодушие, пассивность, низкий уровень членского участия. В аппарате управления – тенденции к групповщине и авторитарному стилю руководства. Половина общих собраний из-за отсутствия кворума открывалась лишь после

повторного созыва. Настроения и риторика кооперативной аудитории носили противоречивый характер. Критика в адрес кооперативных управленцев за «торгашеские» методы ведения торговли не исключала стремления пайщиков к прибыли и существенным дивидендам. Естественный антикапитализм потребителей поддерживался активной деятельностью в кооперации представителей радикальных политических партий.

Самодеятельность и самоуправление в потребительных обществах строились в соответствии с положениями Нормального устава о верховенстве общего собрания, двоецентрии правления и ревизионной комиссии, выборности, отчетности и сменяемости управляющих органов, равноправии независимо от числа паев. Последовательное применение на практике положений устава сдерживало центробежные разрушительные силы, изначально присущие социально гетерогенным кооперативным организациям. Текущие и острые проблемы кооперативной работы находили каналы выхода в публичное пространство. Многообразие повестки, неформальный характер процесса обсуждения и регламентированная процедура принятия решений отличали общие собрания во всесословных и рабочих кооперативах от имитации самоуправления в казенных потребительских организациях. Активность и самодеятельность пайщиков развивалась также в организованных внутри кооперативов общественных комиссиях.

Постепенно преодолевалось сословное, территориальное и коммуникативное разобщение, вырабатывались навыки ведения диалога и дискуссии, формировались мотивации к участию в общественной работе. Конструктивными последствиями внутренних конфликтов являлось привлечение внимания к кооперативным проблемам со стороны пайщиков, кооперативной общественности, прессы, власти. Это содействовало осмыслению кооперативного опыта, росту активности членского состава и посещаемости общих собраний, формированию на них атмосферы заинтересованности и энтузиазма, расширению круга ораторов.

Стабилизирующими факторами в потребительских кооперативах, способствовавшими достижению консенсуса и сплоченности пайщиков вокруг «общего дела», являлись эффективная коммерческая деятельность, авторитет руководителей, профессионализм наемного штата.

Развитию самодеятельности пайщиков и укреплению жизнеспособности кооперативов способствовала культурная работа. Сибирская городская кооперация подтверждала особенность складывающейся российской кооперативной традиции, сочетавшей чисто хозяйственную практику с формированием духовных ценностей. Создаваемые городскими и рабочими кооперативами многочисленные площадки для общения и проведения культурного досуга способствовали преображению социокультурной жизни сибирской провинции. Получили развитие актуальные для того времени идеи благотворительности, внешкольного образования, кооперативных клубов и Народных домов как центров кооперативной и культурной жизни. В культурной работе кооперативов наряду с субсидированием различных институтов социального попечительства все большее значение приобретала организация мероприятий с непосредственным участием членов-пайщиков и опорой на их самодеятельность.

В ряду общественных структур кооперативы занимали особое место. Они отличались от прочих общественных организаций, объединявших единомышленников, преследовавших идеальные цели и не распределявших прибыль, тем, что создавались преимущественно на основе меркантильных, узких, групповых интересов как частные организации самопомощи. Но деятельность на основе демократического представительства и контроля, выборности, подотчетности, коллегиальности способствовала преодолению индивидуального эгоизма членов, соединению частных интересов с коллективными и достижению универсальной цели общего блага.

Идеи интеграции являлись стержневыми в деятельности кооперации. Городские общества стояли у истоков создания большинства сибирских кооперативных союзов, являясь для них идейными и экономическими

центрами, источниками пополнения кадров. Сеть районных, губернских и областных кооперативных союзов выполняла огромную работу по снабжению населения и армии, решению комплекса социально-бытовых и культурных задач в городе и деревне. Однако в процессе объединения обнаружились глубокие противоречия между экономическими интересами городских и сельских потребителей. В союзах численно преобладали сельские кооперативы, заинтересованные продать дороже продукцию своих членов. Многоступенчатая товаропроводящая союзная сеть с системой складских наценок приводила к удорожанию товаров для горожан.

Кроме того, входившие в союзные аппараты управления представители социал-демократических партий, злоупотребляя административным ресурсом во вред кооперативной экономике, стремились к объединению городского и сельского населения по идейным основаниям «во имя будущих классовых битв». При этом предпринимались попытки создания преференций для сельских кооперативов за счет игнорирования интересов городских обществ, что не способствовало складыванию прочных союзных объединений. Практически с начала возникновения союзов городские кооперативы стали сокращать размеры закупок через их товаропроводящую сеть, а с августа 1916 г. повели линию на размежевание с сельской кооперацией и создание Всесибирского союза городской кооперации. Таким образом, позиция городских кооперативов по вопросам союзного строительства отражала приоритет принципов экономической целесообразности по отношению к идейным факторам.

Экономическая детерминанта срабатывала и по отношению к политическим течениям. Политические ссыльные (большевики, меньшевики, эсеры) вносили конструктивный вклад в развитие сибирских городских кооперативов, которые являлись также легальным прикрытием их подпольной деятельности. Большие возможности для политизированного актива использовать кооперативную аудиторию для партийно-пропагандистских целей открылись в ходе проведения кампаний по борьбе с

дороговизной. В условиях разочарования населения в официальной продовольственной политике левая пропаганда способствовала росту общественно-политической активности пайщиков и пониманию сущности политических требований общедемократического характера – свободы коалиций, демократических реформ, введения земства, формирования правительства народного доверия, модернизации кооперативного законодательства. Политизированная «верхушка» кооперативов обостряла отношения с органами городского самоуправления, Союзами городов, военно-промышленными комитетами. Однако, радикальные политизированные выступления не находили поддержки даже в среде пайщиков-рабочих, для которых приоритетными оставались экономические мотивации и желание заниматься собственно кооперативной работой. Основная масса рядовых участников кооперативного движения как во всесословных, так и в рабочих обществах не приветствовала попытки использования своих организаций в нелегальных целях, сознательно или спонтанно поддерживая идеологию мирного эволюционного пути реорганизации общественного и хозяйственного строя.

В период 1912–1917 гг. потребительская кооперация в городах Сибири превратилась в наиболее массовую и организованную часть городского социума. Расширяющаяся кооперативная торговля, проведение значимых мероприятий в сфере культуры и организации досуга повышали авторитет кооперации у населения. Увеличивая торговые обороты, выплачивая дивиденды своим пайщикам, кооперация способствовала повышению качества жизни не только своих клиентов, но и горожан. Она становилась самостоятельным источником влияния на местную жизнь, постепенно выстраивала связи на местном, региональном и общероссийском уровне – с городскими корпорациями и общественными организациями, кооперативными потребительскими и кредитными союзами, Московским союзом потребительных обществ, Московским Народным банком. Кооператоры обращались за содействием и с предложениями в органы

губернской администрации, Государственную Думу, Государственный совет, Совет министров и различные министерства, способствуя повышению организованности интересов граждан перед лицом власти.

В наибольшей степени экономическое и общественное значение городской кооперации проявилось в годы Первой мировой войны. В условиях продовольственного кризиса, «дороговизны и бестоварья», кооперативы торговали по умеренным ценам, сдерживая рост спекуляции в частной торговле, и лишь в случаях острой нехватки товаров прекращали продажу посторонним. В Тобольске, Чите, Красноярске, Новониколаевске, Омске и других городах до трети и более горожан снабжались из кооперативных лавок. В мелких городских поселениях кооперативы становились монопольными хозяевами местного рынка.

Новой чертой в деятельности кооперативов в годы войны являлось сотрудничество с муниципальными структурами и активное вмешательство в хозяйственную жизнь города и губернии. Кооперативы корректировали своей деятельностью усилия власти в решении насущных проблем, восполняли отсутствие у муниципалитетов развитой торговой сети, опыта и штата для снабжения населения в условиях продовольственных затруднений. С середины 1915 г. они выступали инициаторами совместных с органами городского самоуправления продовольственных кампаний. Планы продовольственных мероприятий в связи с нехваткой товарных запасов, неурожаями, закрытием судоходства на зимний период, ожидаемыми ссудами от правительства рассчитывались с учетом пайщиков и всего городского и уездного населения. Самостоятельно и с привлечением гласных городских дум кооператоры проводили перепись населения и подворные обследования для более точного определения потребностей.

Городские власти открывали склады и вели заготовки продовольствия для реализации населению через общественные и кооперативные лавки, гарантировали кооперативам кредит у торгово-производительных фирм и в городских банках, предоставляли льготы на торговые помещения и наряды

на вагоны для транспортировки грузов. Ряд муниципалитетов вступили в кооперативы и внесли паи с целью закупки продуктов для городских учреждений. При тесном сотрудничестве городских продовольственных органов и кооперативов стала возможной организация снабжения населения дефицитными товарами по карточкам в периоды сахарных, мучных, мясных и т.п. кризисов.

Эффективность сотрудничества кооператоров и муниципальных властей определялась характером сложившихся между ними отношений в каждом городском поселении и особенностями местных экономических условий. Частный торговый капитал выступал главным конкурентом кооперации на рынке, представители торговых кругов в составе городских органов управления также не собирались уступать кооперативам свои преимущества. Цензовый характер городских дум и узкогрупповые экономические интересы торгово-промышленных кругов препятствовали своевременному доступу кооперативов к финансовым и товарным ресурсам, поддерживая тем самым в кооперативной среде антикапиталистические настроения. По мере усиления продовольственного кризиса деловые отношения с властными и бизнес-элитами расширялись и укреплялись, периодически блокируясь моментами враждебности и конкуренции. Стремясь избежать ответственности за продовольственную политику городских властей в отсутствие права решающего голоса в городских продовольственных комиссиях, кооператоры организовывали районные продовольственные комитеты с широким представительством от населения для осуществления контроля за распределением продуктов.

В годы войны в деятельности кооперации отчетливо проявилась связь экономического успеха с социальной интеграцией, свидетельством чего были впечатляющие цифры ее количественного роста. Потребительская кооперация являлась единственной массовой организацией, выполнявшей функции общественного регулирования в хозяйственной сфере. Сотрудничество в решении продовольственного вопроса с местным

самоуправлением и контроль «снизу» дополняли экономическую функцию кооперативов социально-интегративной. Именно эта социально-интегративная сторона позволяет рассматривать кооперацию в контексте идеи гражданского общества, характеризующегося высоким уровнем самоорганизации народа. Соединение в практической работе двух важнейших форм местной жизнедеятельности – потребительской кооперации и органов городского самоуправления – создавало предпосылки для формирования гражданского общества на региональном уровне.

Обратной стороной выполнения общенациональной повестки дня явилось перемещение интересов кооперации и ее пайщиков в фарватер деятельности муниципальных и государственных органов власти. Обращение потребительской кооперации к государственным ресурсам произошло из-за отсутствия самодостаточности – недостатка финансовых средств, товарных запасов, доступа к транспортной системе, слабости материальной базы. Каждая из сторон имела выгоды от сотрудничества: кооперация решала проблему своей финансовой слабости, власть приобрела надежного помощника в решении хозяйственных задач. Усиление в годы войны распределительных функций потребительских кооперативов привело к росту их финансовой зависимости от государства в ущерб самостоятельности и самодеятельности. Органическое развитие кооперации как автономной самодеятельной организации было нарушено. Дальнейшая деформация сущности потребительской кооперации в период «военного коммунизма» закончилась ее полным огосударствлением. Это подтверждает выводы специалистов о том, что война выявляла потенциал элементов гражданского общества, она же разрушала слабые ресурсы социального капитала, аккумулированного в имперский период.

Городская потребительская кооперация выступала органичной частью модернизационных процессов в экономике и социально-культурной сфере сибирского города. Как крупное общественное явление она формировалась в предвоенные и военные годы. Несмотря на ограничения рыночных

отношений, это был период развития свободной, независимой, самодеятельной кооперации, продвигавшей в сознание и повседневную практику городской общественности ценностей и норм гражданского общества. Участие в самоуправляющихся кооперативных организациях пайщиков, представлявших большие группы городского и рабочего населения, способствовало распространению кооперативной идеологии, укрепляло социальные связи, формировало положительный опыт и культуру социального действия. В кооперации создавалась качественно новая идентичность личности с характерным для модернизации рациональным типом мировосприятия – преодолевающей патерналистские ожидания, способной к сотрудничеству, самопомощи, новаторским решениям. Кратковременный исторический лаг не позволил закрепить позитивный тренд развития кооперативной системы. В последующий период кооперация уже не имела возможности проявить весь заложенный в ней модернизационный потенциал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Информационно-статистические издания:

Баллин Н.П. Первая памятная книжка русских потребительных обществ. СПб., 1870. С. 47.

Вопросы Мариинского уезда. Мариинск: Издание П.Ф. Некрасова, 1914.

Ежегодник Московского союза потребительных обществ. Вып. 2–1912 г. М., 1912; Вып. 4–1914 г. М., 1916.

Календарь сибирской кооперации на 1917 год. Томск: Издание Комитета содействия кооперации при Томском обществе изучения Сибири, 1916.

Мировая кооперация в цифрах. Потребительская кооперация 1898–1925 гг. Стат. справ. пособие для изучения кооперации / Сост. *М.И. Розенфельд*. М., 1926. 183 с.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1914 г. Тобольск, 1914.

Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томск: Изд-во Том. Губ. статистич. комитета, 1912. 365 с.

Правила для составления устава Общества потребителей. Издание МСПО. М., [б. г.].

Рейтлингер Н.А. Обзор положения и деятельности потребительных обществ в России по данным 1897 г. СПб.: Постоян. комис. по делам потреб. обществ, 1899. 218 с.

Свод сведений о деятельности потребительных обществ России вообще и за 1903 г. в частности / Отв. ред. *В.Ф. Тотомианц*. СПб.: Изд-е III отдела С.-Петерб. отделения Комитета о сельских ссудосбер. и промышл. тов-вах, 1905. 71 с.

Список всех потребительных обществ России как действующих, так и закрывшихся на 1 января 1912 г. СПб., 1912.

Труды кооперативных съездов

Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений в Москве 16–21 апреля 1908 г. / Труды, изданные Бюро Московского союза потребительных обществ. М., 1908.

Протоколы съезда кооперативов Томской губ. 1–4 марта 1915 г. Томск: Изд-е ж-ла «Сибирское сельское хозяйство», 1915.

Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда 2–12 января 1916 г. в г. Омске. Омск, 1916 г.

Второй Всероссийский съезд по кооперации в г. Киеве, 1–7 августа 1913 г.: 1. Доклады. 2. Резолюции. Киев, 1913. С. 3–26.

Уставы потребительных обществ:

Устав общества потребителей в г. Барнауле. Утвержден 11 октября 1869 г. (ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8746. Л. 1–19).

Устав общества потребителей «Труд» г. Тюмени. Утвержден 4 января 1908 г. (РГИА. Ф. 1299. Оп. 15. Вн. Оп. 13. Д. 132. Лл. 5–14).

Устав Общества потребителей при Томской окружной лечебнице для душевнобольных. Томск, 1909. Утверждён 15 июля 1909 г.

Устав Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. Томск, 1911.

Устав Общества потребителей служащих и рабочих Анжерской казенной каменноугольной копи Сибирской железной дороги. Томск, 1912. Утвержден 9 июня 1911 г.

Устав общества потребителей г. Новониколаевска. Новониколаевск, 1912.

Устав Общества потребителей г. Мариинска Томской губ. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2916. Л. 3).

Устав общества потребителей г. Томска. Томск, 1912. Утвержден 11 июля 1912 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 452. Л. 22).

Устав Общества потребителей в г. Нарыме Тобольской губ. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 227. Л. 4–14).

Устав Ялуторовского общества потребления «Потребитель». Утвержден 25 октября 1916 г. (ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 45. Л. 207).

Устав Сургутского общества потребителей «Север» Тобольской губ. Утвержден 16 декабря 1913 г. (ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 43. Л. 26).

Устав Мариинской кооперативной школы (ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 195. Л. 131).

Отчеты потребительных обществ:

Отчет по операциям Общества потребителей служащих на Сибирской железной дороге за 1901 год. Томск, 1903.

Отчёт Тобольского потребительного общества «Труженик» (за 1911 год). 3-ий год. Тобольск, 1912.

Отчет Общества потребителей г. Томска «Деятель» за 1913 г. (ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Лл. 3–9).

Отчет Общества потребителей г. Томска «Деятель» за время с 28 марта 1913 г. по 1 января 1914 г. (ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Лл. 3–9).

Отчет потребительного общества г. Томска «Деятель» за 1914 г. Союз потребителей. 1915. № 15. С. 470.

Отчёт Томского общества потребителей «Деятель» за 1915 г. Томск, 1916.

Отчет Томского общества потребителей «Деятель» за1916 год. (ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 25. Лл. 14–54).

Годовой отчет общества потребителей «Деятель» в г. Томске за 1917 г. (ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 323 Лл. 35-40).

Годовой отчет Общества потребителей Союза служащих и рабочих правительственных и общественных учреждений в г. Томске за 1917 г. (ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 323 Лл. 44–46).

Отчет по операциям общества потребителей служащих Томского университета за время с 15 октября 1916 г. по 1 января 1918 г. (ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 323. Лл. 53–57).

Отчет общества потребителей «Труд» в Самусьском затоне Томского у., Томской губ. за 1916 г. (ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 173. Лл. 6–9).

Отчет по операциям Общества потребителей служащих и рабочих Анжерской казенной каменноугольной копи за 1914 г. Томск, 1915.

Отчет Черемховского общества потребителей села Черемхово Иркутской губернии, Балаганского уезда за I операционный год (с 22 декабря 1912 г. по 9 июня 1914 г.). Иркутск, 1914.

Годовой отчет Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. за 1907 год. Томск, 1908.

Годовой отчет Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. за 1908 год. Томск, 1909.

Годовой отчет. Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. за 1909 год. Томск, 1910.

Годовой отчёт Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. за 1910 год. Томск, 1911.

Годовой отчёт Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. за 1911. Томск, 1912.

Годовой отчёт Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. за 1912 год. Томск, 1913.

Годовой отчёт Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. за 1913 год. Томск, 1914.

Годовой отчёт Общества потребителей на Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона Томской губ. за 1914–1915 год. Томск, 1916.

Красноярское общество потребителей «Самодеятельность». Годовой отчет за 1918 г. Красноярск, 1919.

Отчет Городского общества потребителей г. Омска за 1917 г. (ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 48. Л. 1–2 об).

Отчет Общества потребителей служащих в учреждениях Министерства земледелия в Акмолинской обл. за 1917 г. (ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 48. Л. 67).

Отчет Тобольского общества потребителей «Самосознание» за 1916 г. (ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 43. Лл. 211–221; ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 204. Лл. 3–7.

Отчет общества потребителей г. Кургана Тобольской губ. за 1917 г. (ГАТ. Ф. 154. Оп. 18. Д. 248. Лл. 3–6).

Отчет Читинского общества потребителей «Трудовой союз» Забайкальской обл. за 1916 г. (ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 26. Лл. 31–42).

Отчет Читинского общества потребителей «Эконом» Забайкальской обл. за 1915 г. (ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 26. Лл. 93–96).

Отчет Читинского общества потребителей «Эконом» Забайкальской обл. за 1916 г. (ГАРФ. Ф. Р-146. Оп. 15. Д. 26. Лл.129-130).

Бухгалтерский отчет и объяснительная записка за 1917 г. общества потребителей «Самодеятельность», г. Красноярск. Красноярск: Тип. Енисейского Губ. Союза Кооперативов. 1918. 36 с.

Годовой отчет за 1918 г. Красноярского общества потребителей «Самодеятельность». Без м. и г.27 с.

Отчет Тайгинского общества потребителей «Труд» за время с 11 октября 1915 г. по 1 января 1917 г. (ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Лл. 4–24).

Отчет общества потребителей «Труд» за 1918 г. Третий операционный год, г. Тайга, Томской губ: Тип. Мариинского союза кооперативов. 1919 г.

Отчет общества потребителей в г. Колывани Томской губ. за время с 16 декабря 1915 г. по 31 декабря 1916 г. (ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 94. Лл. 4–8).

Делопроизводственные документы:

Российский государственный исторический архив (РГИА, г. Санкт-Петербург)

Фонд Департамента общих дел МВД (Ф. 1284)

Ф. 1284. Оп. 188. Д. 208. 1910 г. (об обществе потребителей служащих и рабочих на Анжерской каменноугольной казенной копи)

Ф. 1284. Оп. 187. Д. 91. 1916 г. (о проекте устава общества потребителей Томского университета)

Фонд Главного управления по делам местного хозяйства МВД (Ф. 1288)

Ф. 1288. Оп. 15. Вн. оп. 1. Д. 550. 1901 г. (об утверждении устава Общества потребителей служащих на Забайкальской железной дороге)

Ф. 1288. Оп. 15. Вн. оп. 13. Д. 132. 1909 г. (о закрытии общества потребителей «Труд» в г. Тюмени Тобольской губ.)

Ф. 1288. Оп. 15. Д. 117. 1913 г. (об изменении устава Общества потребителей служащих на Забайкальской железной дороге)

Ф. 1288. Оп. 15. Д. 163. 1915 г. (об уставе Общества потребителей служащих и рабочих Омской железной дороги)

Фонд Министерства торговли и промышленности (Ф. 23)

Ф. 23. Оп. 9. Д. 332. 1916 г. (о выдаче субсидий потребительским обществам, об обществе потребителей г. Мариинска Томской губ.)

Ф. 23. Оп. 7. Д. 1341 1916–1917 гг. (об Обществе потребителей служащих Министерства земледелия в Иркутской губ.)

Ф. 23. Оп. 7. Д. 414. 1916–1917 гг. (об обществе потребителей служащих Министерства народного просвещения в г. Томске)

Государственный архив Российской федерации (ГАРФ, г. Москва)

Департамент полиции МВД, Особый отдел (Ф. 102)

Ф. 102. ДПОО. 1911. Д. 5 ч. 27 лит. «Б» (об организации рабочего кооператива в г. Барнауле)

Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 32 ч. 114 лит. «Б» (об общем собрании в обществе потребителей на Анжерских копях Томской губ.)

Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 5 ч. 81 лит. «Б» (о кооперативном движении в г. Мариинске Томской губ.)

Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 285 (об организации агентурного наблюдения за кооперативами)

Ф. 102. ДПОО. 1912. Д. 144 (об обществе потребителей в рабочем поселке Черемхово Иркутской губ.)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 16 (часть 2) (секретный циркуляр МВД об усилении наблюдения за кооперативным движением)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 32 ч. 82 лит. «Б» (об обществе потребителей «Труженики» в г. Барнауле)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 20 ч. 82 лит. «Б» (об обществе потребителей «Сбережение» в г. Барнауле)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 307 лит. «Б» (об обществе потребителей «Эконом» в г. Чите)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 5 ч. 82 (об обществе потребителей «Труженики» в г. Барнауле)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 5 ч. 82 лит. «Б» (о закрытии общества потребителей «Труженики» в г. Барнауле)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 5 ч. 27 лит. «Б» (о съезде представителей кооперативных учреждений Забайкальской области в г. Чите)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 16 ч. 1 (о верхнеудинском кооператоре И.А. Пятидесятникове)

Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 16 лит. «Б» (об организации политссыльными кооперативной мастерской в с. Абан Енисейской губ.)

Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 104. Лит. «Б» (об обществе потребителей «Трудовой союз» в г. Чите)

Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 5 ч. 26 лит. «Б» (об открытии в г. Чите обществ потребителей «Трудовой союз», «Эконом»)

Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 20 ч. 25 лит. «Б» (об обществе потребителей «Самодеятельность» в г. Красноярске)

Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 16 (о кооперативном движении в г. Минусинске)

Ф. 102. ДПОО. 1914. Д. 5 ч. 27 лит. «Б» (об обществе потребителей «Трудовой союз» в г. Чите)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167 ч. 25 (об обществе потребителей «Самодеятельность» в г. Красноярске, влиянии эсеров на деятельность союза кооперативов Енисейской губ.)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5 ч. 26 лит. «Б» (об обществах потребителей «Эконом» и «Трудовой союз» в г. Чите, Областном кооперативном съезде в г. Чите и выступлении А.А. Войлошникова, кооперативной деятельности Н.А. Рожкова, изданиях кооперативного направления «Наше дело» и «Забайкальское обозрение», Прибайкальском союзе кооперативов)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 127 (об отказе в удовлетворении ходатайства об утверждении устава Мариинского союза кооперативов)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167 ч. 82 (о кооперативном движении в Томской губ., деятельности городских продовольственных комиссий)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167 ч. 80 (об обществе потребителей «Пчела» в г. Тюмени Тобольской губ.)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 175 (о деятельности Забайкальского торгово-промышленного товарищества кооперативов и издании журнала «Наше дело»)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5 ч. 27 лит. «Б» (о Забайкальском торгово-промышленном товариществе кооперативов)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167 ч. 2 (о потребительных обществах в г. Омске, г. Новониколаевске)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 5 ч. 25 лит. «Б» (об обществе потребителей «Самодеятельность» в г. Красноярске)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167 ч. 27 (о съезде представителей кооперативных учреждений в г. Иркутске)

Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 2 ч. 27 (об общем собрании общества потребителей «Эконом» в г. Чите)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20 ч. 27 лит. «Б» (об обществе потребителей «Труженик» в г. Иркутске)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16 ч. 82 (о совещании представителей кооперативных учреждений Западной Сибири)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16 (Записка о кооперативном движении в Российской империи)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16. ч. 26. (о кооперативных курсах в Чите)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5 ч. 81 лит. «Б» (о кооперативной деятельности Н.А. Рожкова)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20 ч. 26 лит. «Б» (об обществе потребителей «Эконом» в г. Чите, об участии кооператоров в съезде городов Восточной Сибири)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5 ч. 26 лит «Б» (об Областном кооперативном съезде, обществах потребителей «Эконом» и «Трудовой союз» в г. Чите, «Экономия» в г. Верхнеудинске, организации «Трудовым союзом» лекций проф. Рубинштейна)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5 ч. 100 лит. «Б» (об обществе потребителей «Трудовой союз» в г. Чите, организации экскурсий, рабочем кооперативе на ст. Слюдянка Забайкальской железной дороги)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16 ч. 25 лит. «Б» (об обществе потребителей «Самодеятельность» в г. Красноярске)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5 ч. 27 лит. «Б» (о политизации кооперативной работы в г. Иркутске)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 9 ч. 25 лит. «Б» (об обществе потребителей «Самодеятельность» в г. Красноярске)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 9 ч. 27 лит. «Б» (о влиянии социал-демократов и социал-революционеров на деятельность общества потребителей «Труженик» в г. Иркутске)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16 ч. 25 (Об обществе потребителей «Самодеятельность» в г. Красноярске)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20 ч. 25 (О продовольственной ситуации в г. Новониколаевске)

Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20 ч. 25 лит. «Б» (о кооперативном движении в г. Минусинске Енисейской губ.)

Ф. 102. ДПОО. 1917. Д. 9 ч. 27 лит. «Б» (о кооперативном движении в Иркутской губ. в 1916 г.)

Ф. 102. ДПОО. 1917. Д. 343 ч. 82 (о собрании представителей кооперативных учреждений Западной Сибири)

Департамент полиции МВД, 4-е делопроизводство (Ф. 102)

Ф. 102. Д-4. 1908. Д. 92 ч. 2 лит. «А» (об обществе потребителей «Труженик» в г. Тобольске)

Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 17 (о Городском обществе потребителей г. Омска)

Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 209 (о ссыльных в обществе потребителей «Самодеятельность» в г. Красноярске)

Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 244 (о кооперативном движении в Иркутской губ.)

Ф. 102. Д-4. 1916. Д. 20, ч. 9 (об участии ссыльных в кооперативном движении г. Минусинска)

Ф. 102 Д-4. 1916. Д. 124 (о рассмотрении уставов потребительских обществ, поступивших на заключение Департамента полиции)

Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 158 (записка о кооперативном движении, составленной в Министерстве внутренних дел на основании донесений с мест)

Ф. 102. Д-4. 1908. Д. 121 (письмо томского губернатора в Департамент полиции о запрещении лекции по кооперативной тематике)

Фонд Главного управления налогов и сборов Министерства финансов Российского правительства ГАРФ (Ф. Р-146)

Оп. 10,15,16 – уставы и финансовые отчеты потребительных обществ за январь за 1918 – 1919 гг.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

Фонд Новониколаевской городской управы (Ф. Д-97)

Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 135, 158, 201 (протоколы заседаний Новониколаевской городской управы по рассмотрению ходатайств потребительных обществ, установлению правил торговли и таксированных цен на продукты)

Фонд Союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт»(Ф. Р-51)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а (протоколы общих собраний общества потребителей «Экономия» в г. Новониколаевске за 1913–1917 гг.)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 327 (Доклад младшего инструктора Б.И. Чернавина инструкторскому бюро Закупсбыта о посещении общего собрания общества потребителей «Экономия» 18–26 октября 1918 г.)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 411 (о создании «Общесибирского союза городских и рабочих обществ потребителей»)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 425 (письмо председателя правления новониколаевского общества потребителей «Экономия» в Закупсбыт с просьбой о приеме в члены организации)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 449 (письмо общества потребителей «Бийский кооператив» в правление Закупсбыта с просьбой поддержать создание союза городских кооперативов)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 476 (о Первом съезде городской и рабочей кооперации Сибири, состоявшегося в Иркутске 15–24 марта 1919 г.)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 488 (отчет инструктора Закупсбыта К.Н. Оболенского об областном совещании представителей городской и рабочей кооперации Сибири)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 492 (письмо правления красноярского общества потребителей «Самодеятельность» в Закупсбыт «по вопросу о строительстве городской потребительской кооперации»)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 512 (Протокол общего собрания членов общества потребителей г. Ачинска)

Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 539 (докладная записка инструктора Томского союза кооперативов о слиянии потребительных обществ Томска в единое многолавочное общество потребителей)

Фонд В.И. Шемелева (Ф. 869)

Ф. 869. Оп. 1. Д. 86 (рукопись В.И. Шемелева «Пролетариат и революционное движение в Новосибирске (бывшем Новониколаевске) 1896–1921 гг.» о кооперативном движении в Новониколаевске Томской губ.)

Ф. 869. Оп. 1. Д. 139, 253 (о потребительных обществах «Свечка» и «Труженики» в г. Барнауле)

Государственный архив Томской области (ГАТО)

Фонд Томского губернского управления (Ф. 3) – распорядительная документация, донесения полицейских чинов, ходатайства, прошения, уставы и отчеты кооперативов.

Ф. 3. Оп. 4. Д. 2409. Л. 31 (о потребительном обществе на Зыряновском руднике)

Ф. 3. Оп. 4. Д. 2674 (о ликвидации общества потребителей в г. Бийске Томской губ.)

Ф. 3. оп. 4. Д. 2816 (об открытии потребительного общества в г. Мариинске)

Ф. 3. Оп. 4. Д. 2821 (об открытии потребительного общества в Томском университете)

Ф. 3. Оп. 67. Д. 227 (об открытии потребительного общества в г. Нарыме Томской губ.)

Ф. 3. Оп. 67. Д. 452 (об открытии общества потребителей «Деятель» в г. Томске)

Ф. 3. Оп. 67. Д. 458 (о выдаче ссуд потребительным обществам правительственных учреждений)

Фонд Томской казенной палаты (Ф. 196)

Ф. 196. Оп. 7. Д. 25 (об обществе потребителей «Деятель» в г. Томске),

Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. (об обществе потребителей «Труд» в г. Тайге Томской губ.)

Ф. 196. Оп. 7. Д. 94 (об обществе потребителей «Сбережение» в г. Колывани Томской губ.)

Ф. 196. Оп. 7. Д. 99 (об обществе потребителей в г. Нарыме Томской губ.),

Ф. 196. Оп. 7. Д. 160 (об открытии книжного магазина обществом потребителей «Экономия» в г. Новониколаевске Томской губ.)

Ф. 196. Оп. 7. Д. 173 (об обществе потребителей «Труд» в Самусьском затоне Томского уезда, Томской губ.)

Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ)

Фонд Тобольского губернского управления (Ф. 152)

Ф. 152. Оп. 20. Д. 80, 376 (о поднадзорных полиции – членах потребительного общества «Труд» в г. Тюмени Тобольской губ.)

Ф. 152. Оп. 23. Д. 8 (об обществе потребителей «Труд» в г. Тюмени Тобольской губ.)

Ф. 152. Оп. 20. Д. 195 (о кооперативных учреждениях в Тобольской губ.)

Фонд Тобольской казенной палаты (Ф. 154)

Ф. 154. Оп. 18. Д. 100 (об обществе потребителей при Тобольском губернском управлении)

Ф. 154. Оп. 18. Д. 204 (о промысловых свидетельствах кооперативов)

Ф. 154. Оп. 18. Д. 204 (об обществе потребителей «Самосознание» в г. Тобольске)

Ф. 154. Оп. 18. Д. 248 (об обществе потребителей г. Кургана Тобольской губ.)

Фонд Тобольского губернского статистического комитета (Ф. 417)

Ф. 417. Оп. 1. Д. 521 (сведения о кооперативных организациях для издания Памятной книжки Тобольской губ. на 1916 г.)

Исторический архив Омской области (ИАОО)

Фонд Западно-Сибирского управления (Ф. 3)

Ф. 3. Оп. 6. Д. 8746 (об обществе потребителей в г. Барнауле в 1869 г.)

Фонд Омской городской думы (Ф. 30)

Ф. 30. Оп. 1. Д. 32 (протоколы заседаний Омской городской думы по рассмотрению ходатайств Городского общества потребителей г. Омска)

Фонд Союза кооперативных объединений Западной Сибири «Центросибирь» (Ф. 151)

Ф. 151. Оп. 1. Д. 2 (о союзе потребительных обществ «Потребитель»)

Ф. 151. Оп. 1. Д. 2а (отчеты потребительных обществ Тарского союза кооперативов за 1916 г.)

Ф. 151. Оп. 1. Д. 33 (списки зарегистрированных кооперативов 1917–1919 гг.)

Фонд Омского жандармского управления (Ф. 270)

Ф. 270. Оп. 1. Д. 88 (о Городском обществе потребителей в г. Омске)

Ф. 270. Оп. 1. Д. 652 (о борьбе кооперативных организаций с дороговизной и продовольственным кризисом)

Материалы периодической печати

Газеты:

1. Алтайское дело (Новониколаевск). 1912–1916 гг.
2. Восточная заря (Иркутск). 1910г.
3. Голос Оби (Новониколаевск). 1912–1913 гг.
4. Голос Сибири (Новониколаевск). 1916 г.
5. Жизнь Алтая (Барнаул). 1915–1916 гг.
6. Иркутский кооператор. 1916 г.
7. Народная газета (Курган). 1907–1909 гг.
8. Обская жизнь (Новониколаевск). 1912 г.
9. Обский вестник (Новониколаевск). 1910–1912 гг.
10. Омский вестник. 1914–1916 гг.
11. Омский телеграф. 1915–1916 гг.

12. Продовольствие (Орган Тобольского губернского продовольственного комитета, г. Тюмень). 1917 г.
13. Продпуть (Орган Центрального продовольственного бюро Всероссийского железнодорожного союза, г. Москва). 1918 г.
14. Сибирская деревня (Красноярск). 1913–1916 ГГ.
15. Сибирская жизнь (Томск). 1905–1917 гг.
16. Сибирская мысль (Красноярск). 1916 г.
17. Сибирская неделя (Иркутск). 1913–1914 гг.
18. Сибирский листок (Тобольск). 1910–1916 гг.
19. Сибирский студент (Томск). 1915–1916 гг.
20. Сибирь (Иркутск). 1913–1917 гг.
21. Степной край (Омск). 1915–1916 гг.
22. Утро Сибири (Томск). 1916–1917 гг.

Журналы:

1. Вестник кооперативных союзов (Орган кредитных и сельскохозяйственных союзов и МНБ под ред. А.Е. Кулыжного). 1917 г.
2. Вестник кооперации (Орган Петербургского Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства под ред. М.И. Туган-Барановского). 1916–1917 гг.
3. Железнодорожник-кооператор (Издание Общества потребителей Забайкальской железной дороги, г. Иркутск). 1918 г.
4. Известия Общества потребителей Забайкальской железной дороги (г. Чита). 1917 г.
5. Иркутский кооператор (Орган Иркутского торгово-промышленного товарищества кооперативов). 1916 г.
6. Кооперативная жизнь (Орган Комитета о сельских и ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства). 1912–1916 гг.
7. Кооперативная мысль (Издание Союза кредитных кооперативов в г. Новониколаевске). 1918 г.
8. Кооперативное дело (Издание Иркутского союза потребительских кооперативов). 1917–1919 гг.
9. Кооперативное слово (Издание Областного союза Забайкальских кооперативов совместно с Прибайкальским союзом с приложением на бурятском языке, г. Чита). 1915–1916 гг.
10. Кооперативное слово (Новониколаевск). 1918–1919 гг.
11. Народная мысль (Орган Мариинского Товарищества кооперативов Томской губернии, г. Томск). 1918 г.
12. Обский кооператор (Издание Товарищества «Обский кооператор» в г. Новониколаевске). 1916-1917 гг.

13. Общее дело (Издание Московского союза потребительных обществ для сельского хозяйства). 1916 г.

14. Объединение (Издание МСПО, г. Москва). 1915–1918 гг.

15. Самодеятельность потребителя (Издание общества потребителей «Самодеятельность», г. Красноярск). 1915–1916 гг.

16. Самопомощь (Издание общества потребителей «Самопомощь» в г. Енисейске). 1917 г.

17. Сибирская деревня (Орган Восточно-Сибирского об-ва сель. хоз-ва, пром. и торг. и Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства, г. Красноярск). 1913–1917 гг.

18. Сибирская кооперация (Издание Сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», г. Новониколаевск). 1918–1919 гг.

19. Сибирская неделя (Иркутск). 1913–1914 гг.

20. Сибирская школа (Красноярск).1916–1917 гг.

21. Сибирские вопросы (СПб.) 1912–1913 гг.

22. Сибирские записки (Красноярск). 1915–1919 гг.

23. Сибирский врач (Томск). 1916 г.

24. Сибирский журнал (Минусинск). 1913–1915 гг.

25. Союз потребителей (Издание Московского союза потребительных обществ). 1908–1919 гг.

26. Трудовая Сибирь (Издание Союза западносибирского союза кооперативов «Центросибирь», г. Омск). 1917 г.

27. Труженик (Издание об-ва потр. «Труженик-Кооператор», г. Иркутск). 1918–1920 гг.

Литература

1. *Аверьячкина Т.С.* Кооперативная печать Забайкалья до 1917 г. // Сибирь: Страницы истории. Иркутск, 1999. С. 123–128.

2. *Адам Ф., Подменик Д.* Социальный капитал в европейских исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 35–51.

3. *Аксарин В.В.* Кооперация на Севере Западной Сибири: история становления и развития в 1917–1940 годах. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2009. 202 с.

4. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991 401 с.

5. *Алексеев В.В.* Российская модернизация в цивилизационном измерении // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 14–25.

6. *Алексеева В.К.* Борьба идей в кооперативном движении дореволюционной Сибири // Общественное сознание и классовые

отношения в Сибири в XIX–XX вв.: сб. науч. статей. Новосибирск: Наука, 1980. С. 110–115.

7. *Алексеева В.К.* Роль кооперации в социально-экономической и культурной жизни дореволюционной Сибири // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М., 1989. С. 75–76.

8. *Алексеева В.К.* Кооперативное движение в Сибири (конец XIX – начало XX века). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. 119 с.

9. *Алексеева Е.В.* Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 46–55.

10. *Алисов Д.А.* Социально-культурный облик столичных центров Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 60–73.

11. *Алисов Д.А.* Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2001. 200 с.

12. *Алисов Д.А.* Городская цивилизация: этапы становления и развития (опыт научного поиска) // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12-13 ноября 2013 года) / Отв. ред. Д.А. Алисов, Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2013. 398 с. С. 3–10.

13. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. М.: Мысль, 2014. 500 с.

14. *Анашкин А.П., Левашев Ю.С.* История потребительской кооперации Алтая (1905–1941 гг.). Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1990. 87 с.

15. *Анцыферов А.Н.* Очерки по кооперации. Сборник лекций и статей 1908–1912 гг. Москва: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 259 с.

16. *Арсентьев В.М.* Теоретические аспекты исследования протоиндустриального и раннеиндустриального этапов экономической модернизации России в XIX – начале XX века // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 122–129.

17. *Арсентьев В.М.* Экономическое развитие России в XIX – начале XX века: опыт применения модернизационной парадигмы // Экономическая история. 2010. № 9. С. 4–17.

18. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / Вступ. ст. С.Я. Матвеевой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 805 с.

19. *Балабанов М.С.* История рабочей кооперации в России. Изд-е 4-е доп. М.: Центросоюз, 1928. 370 с.

20. *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ярославль, 1994.

21. *Балдин К.Е.* Политическая борьба в российской кооперации в 1907–1914 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «История. Философия. Психология. Педагогика». 2000. Вып. 2. С. 46–56.

22. *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та. 2006. 312 с.

23. *Балдин К.Е.* Роль провинциальной интеллигенции в формировании гражданского общества в России на рубеже XIX – XX вв. // Интеллигенция и мир. Иваново, 2013. № 2. С. 9–28.

24. *Баранов О.А.* Библиотеки кооперативных организаций Восточной Сибири (1910–1917 гг.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII – начало XX вв.): сб. науч. ст. Новосибирск, 1990. С. 136–148.

25. Барнаульские пимокаты: очерк революционного, кооперативного и профессионального движения / Под ред. *П. Семьянова, П. Тузовского.* Барнаул: Гостип. Изд-ва «Красный Алтай», 1927. 62 с.

26. *Басаев Г.Д., Хуташкеева С.Д.* Кооперативное движение в Западном Забайкалье накануне и в годы Первой мировой войны // Гуманитарный вектор. Чита, 2012. № 2. (30). С. 105–109.

27. *Берсенев Л.Ф.* Рабочие Забайкалья в кооперации в годы первой мировой войны (июль1914 – февраль 1917 гг.) // Рабочие Сибири в период капитализма: сб. науч. статей. Томск: Томский гос. ун-т, 1979. С. 80–84.

28. *Берсенев Л.Ф.* Рабочие Сибири в кооперации в годы первой мировой войны (июль1914 - февраль 1917) // Рабочие Сибири в период капитализма: сб. науч. ст. Томск: Томский гос. ун-т, 1979. С. 124–129.

29. *Барсуков В.Л.* Потребительская кооперация Сибири и ее взаимосвязь с переселением крестьян (1906–1914 гг.) // Кооперация Сибири в XX в.: опыт, уроки, перспективы. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, Сиб. ун-т потреб. кооп., 1994. 216 с. С. 20–30.

30. *Беспалов С.В.* Проблемы экономического развития России на рубеже XIX – XX вв. в современной западной историографии: основные тенденции // Историческое исследование и историческое повествование. Традиции научной школы А.Л. Шапиро. Труды междунар. конф. к 100-летию со дня рождения А.Л. Шапиро (1908–1994). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 508 с. С. 26–44.

31. *Билимович А.Д.* Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Ин-т экономики РАН, изд-во «Наука», серия «Русское зарубежье: социально-экономическая мысль», 2005. 191 с.

32. *Болотова Е.Ю.* Создание общекооперативного законодательства в дореволюционной России (конец XIX – 1917 г.) М.: Наука, 1991. 436 с.

33. *Болотова Е.Ю.* «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Волгоград: Перемена, 2003. 329 с.

34. *Брэдли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

35. *Брэдли Дж.* Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт Росси в европейском контексте // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. редакторы Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М.: РОСПЭН, 2007. 302 с. С. 63–99.

36. *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / Пер. с англ. М.: Новый хронограф, 2012. 447 с.

37. *Буйко А.М.* Путь рабочего. Воспоминания путиловца. Записки старого большевика. М.: Старый большевик, 1934. 116 с.

38. *Бурбанк Дж.* Империя и гражданское общество. Гражданская конструкция России и Советского Союза // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): сб. науч. ст. / Отв. ред. П.И. Савельев. М.: Изд-е Моск. обществ. научн. фонда, 1997. 237 с. С. 19–36.

39. *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–75.

40. *Бурнашева Н.И.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920 г.). М.: Якутск. гос. ун-т им. М.К. Аммосова, 2009. 288 с.

41. *Бурнашева Н.И.* Первые шаги в становлении кооперации в Якутии (1870-е гг. – 1917 г.) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: мат-лы II Всерос. науч. конф. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2014. 235 с. С. 41–45.

42. *Вахитов К.И.* История потребительской кооперации России. М.: Изд.-торг. Корпорация «Дашков и К°», 2007. 400 с.

43. *Валивач М.М.* К истории борьбы большевиков Западной Сибири за реализацию решений VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск: Том. гос. ун-т, 1960. Вып. 1. 190 с. С. 136–156.

44. *Валитов А.А., Вильцан М.А., Томилов И.С.* Основные этапы развития гражданского общества в России // Политика, государство и право. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: http://politika.snauka.ru/2014/11/2088 (дата обращения: 17.06.2015).

45. *Вебер М.* Избранные произведения: Основные социологические понятия: пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

46. *Веселов С.В.* Кооперация и советская власть // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 30–38.

47. *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск: Наука, 1996. 320 с.

48. *Витюк В.В.* Гражданское общество: современное содержание понятия // Проблемы формирования гражданского общества. М.: Изд-е Ин-та социологии РАН, 1993. 159 с.

49. *Витюк В.В.* Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М.: Прогресс, 1995. 91 с.

50. *Войцеховский С.Ф.* Кооперативное законодательство. Москва: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 57 с.

51. *Володин А.Г.* Гражданское общество и политика в России: смена парадигмы // Политические исследования. 1998. № 6. С. 92–112.

52. *Вологдин А.А.* Политические партии и кооперативное движение в России в период между двумя буржуазно-демократическими революциями: автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 1993.

53. *Востриков В.Н.* Потребительская кооперация Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Кооперация: история и современность: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. 12 апреля 2011 г. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2011. 336 с. С. 108–111.

54. *Востриков В.Н.* Из истории потребительской кооперации Новосибирской области // Страницы истории Новосибирской области: люди, события, культура: мат-лы науч. конф. М., 1995. Ч. 2. С. 14–16.

55. *Гаврилов А.А.* Сибирская кооперация в период 1914–1920 гг. На материалах кредитной и потребительской кооперации. Иркутск: Иркутский гос. пед. ун-т, 2003. 190 с.

56. *Гаджиев К.С.* Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 19–36.

57. *Гайденко П., Давыдов Ю.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. 367 с.

58. *Голенкова З.Т.* Гражданское общество и социальная стратификация // Проблемы формирования гражданского общества: сб. науч. ст. М.: Изд-е Ин-та социологии РАН, 1993. 159 с. С. 128–151.

59. *Голенкова З.Т.* Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 25–36.

60. *Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М.* Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 14–24.

61. *Гончаров Ю.М.* Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Города Сибири XVIII – начала XX в.: сб. науч. статей / под ред. А.В. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2001. 168 с.

62. *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. … д-ра истор. наук. Томск, 2003. 27 с.

63. *Гончаров Ю.М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.

64. *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начала XX вв.). Новосибирск: Наука, 1967. 412 с.

65. *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири в период империализма (1907–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1976. 342 с.

66. *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н.* Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978.

67. *Горюшкин Л.М.* Эсеры в сибирской ссылке в годы Первой мировой войны // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в.: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1988. С. 107–125.

68. Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX в.): кол. моногр. / Отв. ред. *М.В. Шиловский.* Ананьев Д.А., Каменецкий И.П., Кириллов А.К. [и др.] / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во «Параллель», 2014. 246 с.

69. Гражданское общество в России: история и современность: кол. монграф. / Т.А. Замиралова, Д.И. Иванова, А.В. Кротов [и др.]; под общей ред. *С.С. Чернова.* Новосибирск: Центр развития научн. сотрудн-ва, изд-во Сибпринт, 2010. Кн. 1. 185 с.

70. Гражданское общество в России: история и современность: кол. моногр / Алексеева Л.В., Багина В.А., Зайниева Т.В. [и др.], под общ. ред. *С.С. Чернова.* Новосибирск: Центр развития научн. сотрудн-ва, изд-во Сибпринт, 2010. Кн. 2. 216 с.

71. Гражданское общество: истоки и современность: кол. моногр. / Под ред. *И.И. Кального и И.Н. Лопушанского.* СПб: Изд-во Р. Асланова: Юрид. центр Пресс, 2002. 495 с.

72. *Григорова Т.В.* Кооперация: условия возникновения, сущность, перспективы развития / Григорова Т.В., Ефремова Г.М., Томшина Л.В. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооперации, 2007. 232 с.

73. *Гриценко Н.Ф., Меркулов А.В.* Систематический указатель русской литературы по кооперации. 1856–1924. М., 1925. 297 с.

74. *Григорьян Г.С., Лопаткин М.И.* Ленинский кооперативный план и потребительская кооперация. М.: Изд-во Центросоюза, 1963. 85 с.

75. *Гридчин Ю.В.* Гражданское общество в России накануне кризиса 1917 г. // Проблемы формирования гражданского общества: сб. науч. ст. М.: Изд-е Ин-та социологии РАН, 1993. 159 с. С. 101–128.

76. *Губман Б.Л.* Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.

77. *Гузик М.В.* Становление и развитие кооперации в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис … канд. ист. наук. Иркутск, 2000.

78. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Изд-во «Индрик», 1993. 319 с.

79. *Гутман Г.В., Чукин Н.И., Калмыков В.В.* Взаимосвязь экономической и социальной функции потребительской кооперации. М: Изд.-книготорг. центр «Маркетинг», 2002. 176 с.

80. *Давыдов А.Ю.* Свободная кооперация в России (до Октября 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 24–40.

81. *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации в Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск: Изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2002. 287 с.

82. *Дегальцева Е.А.* Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2005. 188 с.

83. *Денисова И.Н.* Теоретико-практические аспекты функционирования системы мировой потребительской кооперации. М.: Изд-во Спутник, 2009. 80 с.

84. *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России. М.: Изд–во Акад. наук СССР, 1960. 237 с.

85. *Днепровский С.П.* Кооператоры. М.: Экономика, 1968. 383 с.

86. Доклад Генерального Секретаря ООН Пан Ги Муна 64–ой сессии генеральной Ассамблеи ООН 13 июля 2009 г. «Кооперативы в процессе социального развития» A/64/132. // Веб-сайт ООН: http://www.un.org.

87. *Евдокимов А.В.* Село и город в российской кооперации. М.: Кооп. жизнь (общедоступ. чтения по кооперации), 1912. 31 с.

88. Егоров В.Г. Кооперативное движение в дореволюционной России (новый взгляд) // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 3–18.

89. *Емельянов И.В.* О природе кооперативного движения среди земледельцев. Прага: Книгоизд-во Хутор, 1924. 14 с.

90. *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций [пер. с англ.] / Вступ. ст. С.А. Пахомчика. Тюмень: Тюмен. обл. гос. ин–т развития регион. образования, 2005. 304 с.

91. *Ермолаев Т.С.* Истоки самоуправления и гражданской активности в Якутии // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.): сб. науч. ст. / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009. 182 с. С. 25–38.

92. *Ершов М.Ф.* Социокультурные аспекты общественной службы в городах Зауралья последней трети XIX – начала XX в. // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность: сб. научн. ст. Ханты–Мансийск, 2006. Вып. 3. 80 с. С. 20–36.

93. *Есиков С.А.* Община и кооперация в исторической судьбе России. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2013. 79 с.

94. Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916–1923 гг.) / Отв. ред. *А.А. Николаев.* Новосибирск: Наука, 1999. 324 с.

95. *Запорожченко Г.М.* Городская и рабочая потребительская кооперация в Сибири. 1864–1917 гг. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, изд-во Сибпринт, 2004. 260 с.

96. *Запорожченко Г.М.* Транспортная кооперация Сибири в первой трети XX века. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, изд-во Сибпринт, 2007. 235 с.

97. *Запорожченко Г.М.* Социокультурный потенциал потребительской кооперации Сибири: дореволюционный опыт // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке: сб. науч. тр. Новосибирск: Сиб. научн. изд-во, 2011. 400 с. С. 91–112.

98. *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX века. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, изд-во Сибпринт, 2015. 540 с.

99. *Зассен И.* Развитие теории кооперации в эпоху капитализма. М.:[б. и.], 1919.

100. *Зверев В.А.* Население // Историческая энциклопедия Сибири / Главн. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. С. 434–436.

101. *Зиновьев В П.* Очерки социальной истории индустриальной Сибири XIX – начала XX в. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2009. 336 с.

102. *Зиновьев В.П.* Состояние экономики Томской губернии в период Первой мировой войны по материалам справки Томской губернской казенной палаты // Сибирь и войны XIX – XX веков: тезисы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2014. 170 с. С. 12–17.

103. *Зиновьева В.И.* Первые рабочие организации в Западной Сибири // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1989. 246 с.

104. *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1982. 206 с.

105. *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1975. 373 с.

106. *Иванов А.В.* Проблемы кооперации и гражданского общества в дореволюционной Сибири // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений: сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 16–28.

107. *Илимский Д. (Д.И. Голенищев–Кутузов).* Очерки кооперации в Сибири: от распыленности к организации // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 140–149.

108. *Илимский Д. (Д.И. Голенищев–Кутузов).* Кооперативные союзы в Сибири. (1908–1918 гг.). М.: Изд-е Всерос. союза потреб. обществ, 1919. 102 с.

109. *Ильин Ю.А.* Отечественная кооперация. Библ. указ. лит. за 1925–1992 гг. / Научн. ред. Л.Е. Файн. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1994. 471 с.

110. Историческая наука сегодня: теория, методы, перспективы / Отв. ред. *Репина Л.П.* Изд-е 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 603 с.

111. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века: кол. моногр. / *Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Ус Л.Б.,* отв. ред. *Шиловский М.В.,* Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, Изд. дом «Сова», 2006. 353 с.

112. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. / под ред. *А.П. Окладникова* [и др.] Л.: Наука, 1968. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. 525 с.

113. Источниковедение. Теория, история, метод: источники российской истории: учеб. пособ. для гуманитарных специальностей / *Медушевская О.М.* [и др.] М.: РГГУ, 1998. 701 с.

114. *Иткулов С.Г.* Кооперативный сектор экономики. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2009. 296 с.

115. *Кабанов В.В.* Октябрьская революция и кооперация (1917 г. – март 1919 г.). М.: Ин-т истории АН СССР, 1973. 296 с.

116. *Кабанов В.В.* Первый Российский Закон о кооперации // Кооперация. Страницы истории: сб. статей / Отв. ред. Н.К. Фигуровская. М.: Ин-т экономики РАН, 1991. Вып. 2. 73 с. С. 1–3 Приложения.

117. *Кабанов В.В.* Кооперация, революция, социализм. М.: Наука, 1996. 203 с.

118. *Казаков С.В.* Потребительская кооперация Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. «История». 2010. № 1 (9). С. 50–54.

119. *Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург: Уро РАН, 2008. 287 с.

120. *Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Взаимоотношения местной власти и городских общественных организаций во второй половине XIX – начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: мат-лы Всерс. науч. конф. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 681 с. С. 365–374.

121. *Кекуатов К.В.* Кооперация и право. М.: Ком. о сельских ссудосберегат. и пром. тов-вах, 1914. 250 с.

122. *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России–СССР (1905–1930). М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. 250 с.

123. *Кимбэлл Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России. 1856–1874: сб. науч. ст. / Отв. ред. Л.Г. Захарова. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с. С. 260–283.

124. *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество / Пер. с англ.; послесл. М.А. Абрамова. М.; Прогресс, 2001. 400 с.

125. *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979. 208 с.

126. *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.

127. *Кистанов Я.А.* Потребительская кооперация в СССР (Исторический очерк). М.: Изд-во Центросоюза, 1951. 420 с.

128. *Козлова Е.Н.* Кооперация и государство // Кооперация: страницы истории. М.: Ин-т экономики РАН, 1999. Вып. 7. С. 126–168.

129. *Козлова Е.Н.* Транспортная кооперация в России в начале XX в. // Кооперация: страницы истории. М.: Ин-т экономики РАН, 1999. Вып. 7. С. 196–224.

130. *Колбановский В.В.* Основные функции гражданского общества // Проблемы формирования гражданского общества: сб. научн. ст. М.: Изд-е Ин-та социологии РАН, 1993. 159 с. С. 24–45.

131. *Константинова Т.А.* Из истории Забайкальской кооперации. По материалам фонда Забайкальского областного союза кооперативов (1914–1919 гг.). (Госархив Читинской области) // Кооперация. Старицы истории. М.: Ин-т экономики РАН, 1993. Вып. 3. С. 111–120.

132. Кооперативный сектор в России и применение Рекомендации МОТ № 193 в развитии различных направлений российской кооперации. Аналитический отчет / Отдел кооперативов. Международное бюро труда. Женева / Субрегиональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: ILO, 2009. 60 с.

133. Кооперация: страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. В 3 т. / Ин-т экономики РАН. Отв. ред. *Н.К. Фигуровская.* М.: Наука, 1998. Т. 1. Кн. 1. 30–40-е годы XIX – начало XX века. 767 с.

134. Кооперация: страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. В 3 т. / Ин-т экономики РАН. Отв. ред. *Н.К. Фигуровская.* М.: Наука, 2001. Т. 2. 60-е годы XIX – начало XX века. Возникновение кредитной кооперации в России. 602 с.

135. Кооперация: страницы истории. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. В 3 т. / Ин-т экономики РАН. Отв. ред. *Н.К. Фигуровская.* М.: Наука, 2011. Т. 3. 1870-е гг. – начало XX века. Развитие кооперативной мысли и

кооперативного движения в России. Потребительская, производительная и кредитная кооперация в конце XIX – начала XX века. 899 с.

136. *Копылов Д.М.* Тюменская организация РСДРП в годы столыпинской реакции // Тюменская партийная организация в период строительства социализма и коммунизма. Тюмень: Свердловский гос. пед. ун-т, Тюменский гос. пед. ун-т, 1969. 205 с. С. 5–27.

137. *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России (1861–1917) // Россия в XIX – XX вв. СПб., 1998. 252 с. С. 182–188.

138. *Корелин А.П.* К проблеме адаптации западного кооперативного опыта в дореволюционной России // Кооперация. Страницы истории. М.: Ин-т экономики РАН, 1999. Вып. 8. С. 97–116.

139. *Корелин А.П.* Кооперация в общественно–политической жизни России в России в начале XX в. // Отечественная история. 1992. № 4. С. 117–126.

140. *Корелин А.П.* Кооперативное законодательство в России и западноевропейский опыт // Отечественная история. 1996. № 2. С. 180–189.

141. *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 391 с.

142. *Корель Л.В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

143. *Коряков И.А.* Первый съезд кооператоров Забайкалья // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1964. Вып. 3. С. 47–59.

144. *Коряков И.А.* Из истории зарождения кооперативов в Забайкалье // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1968. Вып. 2. С. 80–81.

145. *Коряков И.А.* Первая мировая война и потребительская кооперация в Забайкалье // Проблемы краеведения. Чита, 1970. Вып. 4. С. 40–42.

146. *Коряков И.А.* Важнейшие этапы развития потребительской кооперации в Забайкалье // 50 лет освобождения Забайкалья. Чита, 1972. С. 35–38.

147. *Коряков И.А., Корякова Л.Х.* Очерки истории потребительской кооперации Забайкалья 1831–1950 гг. Чита: Газ. «Забайкальское село», 1992. 286 с.

148. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.

149. *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России в 1861–1914 гг. / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 313 с.

150. *Коэн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. 784 с.

151. *Кравец Н.М.* Из истории борьбы социал-демократов в Сибири за непролетарские массы в период реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.) // Борьба большевиков Сибири за массы в период

первой русской революции и нового революционного подъема. Омск: Омский гос. пед. ин–т, 1984. С. 51–63.

152. *Краинский В.В.* Община и кооперация. Очерки по истории крестьянского хозяйства в Западной Европе и России. СПб.: Тип. «Россия», 1907. 143 с.

153. *Красильников С.А., Соскин В.А.* Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение советской власти (1917 – лето 1918 г.). М., 1985.

154. *Кремнев Г.* Развитие кооперации. Очерки истории потребительской кооперации. 2-е изд. доп. Л.: Изд-во кооп. союза «Кооперация», 1926. 130 с.

155. *Кригер В.А., Курьян И.И., Яковенко М.К.* Потребительская кооперация Восточной Сибири. Иркутск: Иркут. обл. союз потреб. Кооп-вов, 1965. 64 с.

156. «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 131–166.

157. *Крузе Э.Э.* Условия труда и быта рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л.: Наука, 1981. 143 с.

158. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма: кол. моногр. / Отв. ред. *Л.М. Горюшкин.* Новосибирск: Наука, 1983. 399 с.

159. *Кудинов И.А.* Трансформация теории и практики кооперации в России (вторая половина XIX в. – 1930–е гг.): автореф. дис. … канд. эконом. наук. СПб., 2013.

160. *Кузнецов Л.Л.* О некоторых особенностях деятельности большевиков Забайкалья в дооктябрьский период // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов. Чита: Читин. гос. пед. ин-т, 1972. С. 81–89.

161. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу: кол. моногр. / Под ред. *Л. Харрисона, С. Хантингтона*. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.

162. *Лашков И.Г.* Возникновение и развитие потребительской кооперации в дореволюционной Сибири (1864–1917 гг.) // Очерки истории потребительской кооперации Сибири / Под науч. ред. *В.К. Иващенко.* Новосибирск: Зап. -Сиб. книжн. Изд-во, 1965. 336 с. С. 5–46.

163. *Лашков И.Г.* Большевики Новониколаевска в борьбе против царизма (1895 – февраль 1917 гг.). Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. Изд-во, 1961. 80 с.

164. *Лебедева Е.* Гражданское общество и культура России / пер. В. Лисицкой // Гражданское общество в глобализирующемся мире. Материалы научного симпозиума «Zivilgesellschaft: Die deutsche (europäische) Erfahrung und die Perspektiven in Rußland». Гейдельберг, 9–11

мая 2005 года / Под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Солонина, Т. Туманяна. СПб.: С.-Петерб. философ. об-во, 2008. 210 с. С. 97–138.

165. *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги // Гражданское общество в глобализирующемся мире. Материалы научного симпозиума «Zivilgesellschaft: Die deutsche (europäische) Erfahrung und die Perspektiven in Rußland». Гейдельберг, 9–11 мая 2005 года / Под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Солонина, Т. Туманяна. СПб.: С.-Петерб. философ. об-во, 2008. 210 с. С. 107–138.

166. *Липич О.А.* Нормативно-правовое регулирование потребительской кооперации в России в 1917 – конце 20-х гг. Чита, Забайкальский ин-т предпринимательства Сиб. ун-та потреб. кооп., 2010. 199 с.

167. *Литягина А.В.* Городские думы как представительные организации торгово-промышленных кругов дореволюционной Сибири (по материалам Томской губ.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. Вып. 2: XVIII в. – 1920-е гг. 232 с. С. 183–202.

168. *Литягина А.В.* Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алтайс. гос. ун-та, 2010. 331 с.

169. *Ломакина И.Б.* Кооперативное движение в Забайкалье (1910 - февраль 1917 гг.) Автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Уде, 2000.

170. *Ломакина И.Б.* Кооперация в Забайкалье: исторический опыт (60-е гг. XIX – февраль 1917 г.). Улан-Эдэ: Изд-во ВГТУ, 2000. 251 с.

171. *Ломакина И.Б., Старин Б.С.* Кооперация в Забайкалье: исторический опыт (60-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) Улан-Удэ, 2000. 251 с.

172. *Лубков А.В.* Война. Кооперация. Революция. М.: Прометей, 1997. 261 с.

173. *Лубков А.В.* Кооперативная модель обновления России: дореволюционный опыт // Модели общественного развития России. Проекты и авторы. Вторая половина XIX – начало XX в. М.: Прометей, 2006. 206 с. С. 136–156.

174. *Люри Н.* Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги. Обзор деятельности за период 1899–1916 гг. Иркутск: Типо-литография Штаба округа, 1917. 96 с.

175. *Макаренко А.П.* Теория и история кооперативного движения / учеб. пос. М.: Информ.-внедрен. центр «Маркетинг», 2002. 326 с.

176. *Макаров Н.П.* Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М.: Сотрудничество, 1910. 204 с.

177. *Макерова Н.Я.* История потребительской кооперации в СССР. М.: Центросоюз, 1927. 159 с.

178. *Маки Кайта.* Гражданское общество в Японии // Территориальное общественное самоуправление как элемент гражданского

общества в России и за рубежом: мат-лы науч. семинара. Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2013. 143 с. С. 138–141.

179. *Марков П.Н.* Кооперативное движение в Томской губернии // Вестник кооперации. 1912. № 6. С. 118–128.

180. *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития. Материалы по истории кооперации (1898–1920 гг.). Новониколаевск: Сиб. Отделение Центросоюза, 1923. 243 с.

181. *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 360 с.

182. *Медушевская О.М.* Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. 407 с.

183. *Мерль Ш.* Кооперативное движение в царской России и в первые годы советской власти: роль в национально-государственном строительстве [пер. с англ.] // Крестьяноведение: Теория. История. Современность / Ученые записки. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. Вып. 8. 480 с. С. 51–102.

184. *Меркулов А.В.* Как организовать и вести потребительное общество. Текст, законы, уставы, инструкции и пр. / 2-е соверш. перераб. изд-е. Пг.: Изд-е Петроградского комитета о сель. ссудосбер. и пром. тов-вах, 1914. 318 с.

185. *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации в России / 2-е изд., пер. и доп. М.: Моск. союз потреб. об-в, 1917. 112 с.

186. Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX веков: сб. мат. регион. науч. конф. / Отв. ред. чл.-кор. РАН *В.А. Ламин*. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, «Сибирский хронограф», 2004. 205 с.

187. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 583 с.

188. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 672 с.

189. *Мещеряков Н.Л.* Как мы жили в ссылке: записки старого большевика. М.: Старый большевик, 1934. 94 с.

190. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX век: курс лекций. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. Вып. 1. 206 с.

191. *Могильницкий Б.Г.* Историческая наука в прошлом и настоящем // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2013. 400 с.

192. *Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю.* Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 204 с.

193. *Морозов Л.Ф.* От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М.: Мысль, 1969. 240 с.

194. *Мухин А.А. Рабочие* Сибири в эпоху капитализма. М.: Мысль, 1972. 336 с.

195. *Наговицина Л.П., Наговицин А.А.* Изменение парадигмы развития потребительской кооперации в условиях глобализации // Кооперация Сибири: история и современное состояние: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, Сиб. Ун-т потреб. кооперации, 2006. Вып. 5. 256 с. С. 31–38.

196. *Наговицина Л.П., Ширяева Т.Ю.* Управление отношениями на основе экономики участия в организациях потребительской кооперации. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2013. 144 с.

197. *Нардова В.А.* Органы городского самоуправления в системе самодержавного аппарата власти в конце XIX – начале XX в. // Нардова В.А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX в.: власть и общество / сб. статей разных лет. СПб.: С.-Петерб. ин-т истории РАН, 2014. 564 с. С. 165–172.

198. *Николаев А.А*. Теория и практика кооперативного движения. М.: [б. и.], 1908. Вып. 1. 262 с. Вып. 2. 208 с.

199. *Николаев А.А.* Потребительская кооперация Сибири: основные тенденции развития и оценка исторических этапов. // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2006. Ч. 2. С. 3–24.

200. *Николаев А.А.* Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2007. 280 с.

201. *Николаев А.А.* Исторический опыт развития потребительской кооперации в Сибири // Государство и общество Сибири в XVII – XX веков.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 170–181.

202. *Николаев А.А.* Кооперация // Историческая энциклопедия Сибири / Главн. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. С. 132–133.

203. *Николаев А.А.* Кооперативное движение в России 10-х – 20-х годов XX в.: современная историографическая ситуация // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 34–35.

204. Общество и граждане в 2008–2010 гг. / под ред. *М. Липман, Н. Петрова* // Рабочие материалы Московского центра Карнеги. 2010. № 3. 88 с.

205. *Огановский Н.П.* Закупсбыт и союзы. Новониколаевск: [б. и.], 1919. 58 с.

206. *Ольховая Л.В.* Рабочая кооперация как форма организации пролетариата // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония: сб. очерков. М.: Наука, 1970. С. 256–270.

207. *Ольховский Е.Р.* Кооперация в общественно-политической жизни России в начале XX века // Отечественная история. 1992. № 4. С. 117–126.

208. *Омич М.* Сибирская кооперация в 1912 г. // Вестник кооперации. 1912. № 2. С. 77-88.

209. *Омич М.* Городское самоуправление и потребительская кооперация // Вестник кооперации. 1916. № 1. С. 78-90.

210. Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века / Отв. ред. академик *В.В. Алексеев.* М.: Наука, 2000. 246 с.

211. От общественной организации к гражданскому обществу / *С. Минутин.* Нижний Новгород: Растр-НН, 2015. 203 с.

212. *Павленко Ю.Г.* Современное гражданское общество // Вопросы экономики. 2008. № 10. С. 96–107.

213. *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. СПб.: Новый мир , 1906. 304 с.

214. *Пажитнов К.А.* Очередная задача потребительской кооперации в городах России. Пг.: Екатерин. тип., 1916. 32 с.

215. *Пажитнов К.А.* Очерк развития рабочей потребительской кооперации // Архив истории труда в России / Под ред. Ю. Гессена. Пг.: Изд-е культ. просв. отдела Петрогр. губ. совета проф. союзов, 1924. Кн. 11–12. 285 с.

216. *Патнэм Р.* Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 77–86.

217. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: гражданские традиции современной Италии. М.: AD Marginem, 1996. 286 с.

218. *Петрова А.Т., Наговицин А.А.* Территориальная организация рынка потребительских товаров торговой бизнес-сети в городе и на селе. Красноярск: Краснояр. гос. торг.-эк. ин-т, 2012. 154 с.

219. *Пивоваров Н.Ю.* Кооперативный феномен села Старая Барда (1907–1919 гг.) // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.): сб. науч. тр. / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. С. 38-49.

220. *Пивоваров Ю.Н., Рынков В.М.* Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX в.: сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. С. 36–59.

221. *Пивоваров Н.Ю.* Организация и деятельность Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт) в апреле 1916 – феврале 1920 г.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2013.

222. *Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г.Н.* Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОСПЭН, 2007. 302 с. С. 9–34.

223. *Пиндайк Р., Рубинфельд Д.* Микроэкономика: сокр. пер. с англ. / Науч. ред.: В.Т. Борисович, В.М. Полтерович, В.И. Данилов и др. М.: «Экономика», «Дело». 1992. 510 с.

224. *Плотников Ю.П.* Из истории борьбы красноярских большевиков за легальные опорные пункты партийной работы (рабочий кооператив «Самодеятельность») // Из истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1971. Вып. 3. С. 92–109.

225. *Побережников И.В.* Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновый, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 55–65.

226. *Попкова Т.В.* Кооперативная идеология и кооперативная стратегия: формирование и развитие // Кооперация: история и современность: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. 12 апреля 2011 г. / Отв. ред. Л.П. Наговицина. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб кооп., 2011. 336 с. С. 5–10.

227. *Порхунов Г.А.* Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск: Изд-во Омского гос. пед. ин-та, 1993. 194 с.

228. *Прийменко А.И.* Потребительская кооперация в период реакции (1907–1910 гг.) // Рабочий класс Украины в общероссийском революционно-освободительном движении: сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т истории. Киев: Наук, думка, 1988.

229. Проблемы формирования гражданского общества / *З.Т. Голенкова,* Ю.В. Гридчин, Л.М. Романенко. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. 159 с.

230. Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: мат. VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.) / Отв. ред. *В.И. Шишкин*. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, Изд-во Нонпарель, 2011. 279 с.

231. *Прокопович С.Н.* История кооперации в России. СПб.: Изд-во Е.Д. Кусковой, 1903. 243 с.

232. *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России. М.: Изд-во «М. и С. Сабашниковы», 1913. 456 с.

233. *Пронин В.И.* Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1984. 160 с. С. 88–102.

234. *Проскурякова Н.А.* Проблема формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. в социально-политическом и социокультурном контексте // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. / Под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М.: РИПО, 2007. 256 с. С. 188–200.

235. *Проскурякова Н.*А. Россия в XIX веке: модернизация и социокультурная традиция // Цивилизационное своеобразие российских

модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 66–74.

236. *Проскурякова Н.А.* Концепт «гражданское общество» и историки: препринт WP 19/2012/01. Серия WP 19: Исторические исследования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 40 с.

237. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: в 3 т. / Под ред. *В.П. Зиновьева*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. Т. 1. XVII в– 1904. 376 с.; Томск, 1990. Т. 2. 1905 – июнь 1907 г. 376 с.; Томск, 1992. Т. 3. Июнь 1907 – февраль 1917 г. 344 с.

238. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / Отв. ред. *Н.В. Блинов.* Новосибирск: Наука, 1982. 459 с.

239. *Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации. М.: Изд-во «Союз», 1993. Ч. 1. Идея гражданского общества в социальной мысли. 167 с.

240. *Резник Ю.М.* Гражданское общество как феномен цивилизации. М.: Изд-во «Союз», 1993. Ч. 2. Теоретико-методологические аспекты исследования. 156 с.

241. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX – XI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.

242. *Репина Л.П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: сб. науч. ст. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 21–35.

243. *Родригес Р.* Вторая волна кооперации / Пер. с англ. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2009. 16 с.

244. *Рожков Н.А.* Положение потребительской кооперации по различным губерниям и областям. Забайкальская область // Ежегодник МСПО. Вып. 4 – 1914 г. М., 1916. С. 64–73.

245. *Рожков Н.А.* Доклад о Забайкальской потребительской кооперации, прочитанный на заседании Томского отделения Общества изучения Сибири и улучшения ее быта // Утро Сибири. 1916. 28 февр.

246. *Розенталь И.С.* Москва на перепутье: власть и общество в 1905–1914 гг. М.: РОСПЭН, 2004. 256 с.

247. Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX в.: мат-лы регион. науч. конф. / Отв. ред. *М.В. Шиловский*. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2007. 320 с.

248. *Романенко Л.М.* Гражданское общество: социологический словарь-справочник. М.: Изд-е Ин-та социологии РАН, 1995. 114 с.

249. *Романенко Л.М.* Гражданское общество в России уже есть, но… // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 12–17.

250. Россия в начале XX века: кол. моногр. / *А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, Л.С. Гатагова* [и др.] / Под. ред. акад. *А.Н Яковлева.* М.: Новый хронограф, 2002. 744 с.

251. *Рынков В.М.* На полпути к «военному коммунизму»: кооперация востока России в 1914–1919 годах // Кооперация Сибири: факторы устойчивого развития: сб. научн. тр. / отв. ред. А.А. Николаев. Вып. 4. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2003. 208 с. С. 91–119.

252. *Рынков В.М.* Идейное и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн // Кооперация Сибири: история и современное состояние: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2006. Вып. 5. 256 с. С. 163–175.

253. *Рынков В.М.* Кооперативные организации и антибольшевистские государственные режимы на востоке России: ключевые научные проблемы, итоги и задачи изучения // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений: сб. научн. тр. / Отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2009. Вып. 6. 230 с. С. 74–87.

254. *Рынков В.М.* Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 44–51.

255. *Рынков В.М.* Сибирская кооперация в годы Первой мировой войны: проблемы и итоги изучения // Кооперация Сибири: проблемы социальной и экономической истории: сб. научн. тр. / Отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2013. Вып. 7. 318 с. С. 27–51.

256. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в.: кол. мононгр. / Отв. ред. *А.С. Туманова.* М.: РОСПЭН, 2011. 886 с.

257. *Самосудов В.М.* Революционное движение в Западной Сибири (1907–1917 гг.). Омск: Омский гос. пед. ин-т, 1970. 255 с.

258. Сельскохозяйственная потребительская кооперация как основа развития сельских территорий и гражданского общества: кол. моногр. / *И.В. Палаткин* [и др.] Пенза: Приволжский дом знаний, 2012. 121 с.

259. *Семкина Н.И.* Омская организация РСДРП в борьбе за сочетание нелегальной и легальной работы в 1907–1916 гг. // Материалы научной конференции кафедр общественных наук вузов г. Омска. Омск, 1969. С. 5–10.

260. Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911-1931 гг.): сб. док-тов / Под ред. *А.А. Николаева*. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 560 с.

261. Сибирское крестьянство на рубеже веков: конец XIX – начало XX в. / Отв. ред. *И.М. Разгон*. Новосибирск: Наука, 1967. 412 с.

262. *Сипко Л.А., Наговицина Е.В.* Социальная природа кооперативов // Кооперация Сибири: факторы устойчивого развития: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Николаев. Вып. 4. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2003. 208 с. С. 13–23.

263. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX – февраль 1917 г.). Томск: Томский гос. ун-т 1991. 282 с.

264. *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Часть I: Население. Экономика. Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2003. 360 с.

265. *Скубневский В.А.* Урбанизационные процессы в Сибири второй половины X1X – начала XX в.: избранные статьи. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2010. 296 с.

266. *Скубневский В.А.* Города России во второй половине XIX века: учебн. пос. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 116 с.

267. *Скубневский В.А.* Рабочие промышленных сел и поселков Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/1. С. 199–203.

268. *Скубневский В.А*. Сибирь // Россия в Первой мировой войне 1914–1918: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2014. С. 191–198.

269. *Соболев А.В.* Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье. М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К°», 2012. 364 с.

270. *Соболев А.В.* Экономическая теория кооперации И.В. Емельянова: содержание и значение // Крестьяноведение: Теория. История. Современность / Ученые записки. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. Вып. 8. 480 с. С. 102–121.

271. Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод: кол. моногр. / Под общей ред. *Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной*. М.: РОСПЭН, 2014. 526 с.

272. *Соловьев А.И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 29-38.

273. *Соляник К.В.* Эволюция идеи гражданского общества в контексте развития российской государственности в XIX – XX вв.: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

274. Современное состояние гражданского общества в России. XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года / *В.К. Левашев, В.А. Афанасьев* [и др.]. М.: Изд-во Ин-та соц.-полит. исслед РАН, 2014. 63 с.

275. *Степанский А.Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв.: учебн. пос. по спецкурсу / Под ред. Н.П. Ерошкина. М.: МГИАИ, 1980. 96 с.

276. *Степанский А.Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX –XX вв.: пос. по спецкурсу / Под ред. Н.П. Ерошкина. М.: МГИАИ, 1982. 91 с.

277. *Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А.* «Золотые годы» Сибирской и Алтайской кооперации, 1896–1919. Барнаул: Изд-во А.Р.Т. 2003. 298 с.

278. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. академик А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.

279. *Титов Г.А.* Легальная деятельность большевиков Томской и Енисейской губерний в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Труды научной конференции НГПИ 31 мая – 2 июня 1956 г. Новосибирск, 1957. Т. 1.

280. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

281. *Толочко А.П.* Движение торговых служащих в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Из истории Сибири. Вып. 8. Томск: Томский гос. ун-т, 1973. С. 186–189.

282. *Толочко А.П.* Из истории кооперативного движения в Барнауле в годы реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.) // Барнаулу 250 лет: тезисы науч. конф. Барнаул, 1980. С. 113–115.

283. *Толочко А.П.* Деятельность большевиков Сибири по осуществлению ленинской тактики в легальных рабочих организациях в 1907–1914 гг. // Большевики Сибири в трех революциях. Омск: Омское кн. изд-во, 1981. С. 118–123.

284. *Толочко А.П.* К истории кооперативного движения рабочих и служащих Сибири в годы нового революционного подъёма (1910–1914 гг.) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период: сб. науч. тр. Омск: Омский гос. ун-т, 1993. С. 134–143.

285. *Толочко А.П.* Ссыльные большевики и социал-демократическое подполье в Сибири в годы нового революционного подъема // Политическая ссылка и революционное движение в России (конец XIX – начала XX в.). Новосибирск: Наука, 1988. 225 с. С. 98–107.

286. *Толочко А.П., Буктугутова Р.С.* Общественное движение в Степном крае в 1895 – марте 1917 г. Хроника, материалы, документы. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 130 с.

287. *Тотомианц В.Ф.* Потребительные общества: История, теория и практика. СПб.: Улей, 1908. 394 с.

288. *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М.: МГУ, 1989. 495 с.

289. *Туманова А.С.* Интеллигенция и ее роль в общественных организациях г. Тамбова на рубеже XIX – XX вв. Опыт регионального исследования // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности / Под. ред. Ю. Шеррер и Д. Сдвижкова. М., 2001. 312 с. С. 279-298.

290. *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России 1905–1917 гг. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2002. 784 с.

291. *Туманова А.С.* Деятельность МВД Российской империи по осуществлению свободы союзов. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2003. 233 с.

292. *Туманова А.С.* Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций в России в начале XX века: автореф. дис. … д-ра. истор. наук. М., 2003.

293. *Туманова А.С.* Гражданское общество в позднеимперской России: к постановке проблемы // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.): сб. науч. тр. / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009. 182 с. С. 3–25.

294. *Туманова А.С.* Современная западная историография гражданского общества позднеимперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 160–167.

295. *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 326 с.

296. *Тюкавкин В.Г.* Потребительские кооперативы в сельском хозяйстве Сибири в начале XX в. (1906–1917 гг.) // Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 72–88.

297. *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 471 с.

298. Модели общественного переустройства России. XX век: кол. моногр. / Отв. ред. *В.В. Шелохаев.* М.: РОСПЭН, 2004. 608 с. С. 106–144.

299. *Узлов Ю.А.* Кооперативное движение как фактор формирования гражданского общества России начала XX в. // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1-2. С. 11–20.

300. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи в XIX – начале XX в. М.: Наука, 2005. 415 с.

301. *Файн Л.Е.* История разработки В.И. Лениным кооперативного плана. М. Мысль, 1970. 332 с.

302. *Файн Л.Е.* Социально-экономическая характеристика дореволюционной кооперации России // Научные труды Тюменского университета. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1975. Вып. 8.

303. *Файн Л.Е.* О новых концептуальных подходах к изучению кооперации нэповского периода // Россия нэповская: политика, экономика, культура: тезисы Всесоюз. науч. конф. Новосибирск: Ин-т истории, философии и филологии СО РАН, 1991. 305 с. С. 82–85.

304. *Файн Л.Е.* Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1994. 275 с.

305. *Файн Л.Е.* Формирование новой историографической концепции кооперации в начале 90-х годов XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2000. Вып. 2. С. 34–46.

306. *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2002. 587 с.

307. *Файн Л.Е.* Форумы исследователей кооперации в постсоветской России (Исторический очерк) // Кооперация. Страницы истории: сб. науч. ст. М.: Ин-т экономики РАН, 2010. Вып. 15. 230 с. С. 185–215.

308. *Файн Л.*Е. О некоторых идеологических постулатах моей профессиональной деятельности // Кооперация: прошлое и настоящее. Материалы и исследования научной школы изучения кооперации

Ивановского государственного университета. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2010. 200 с. С. 108–125.

309. *Фарутин И.А.* Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Ученые записки Калининградского университета. Обществ. науки. Калининград: Изд-во Калининград. гос. ун-та, 1970. Вып. 4. С. 60–176.

310. *Фигуровская Н.К.* Развитие российской школы кооперации (1908–1918) // Кооперация: страницы истории: сб. научн. тр. М.: Ин-т экономики РАН, 2008. Вып. 14. С. 10–41.

311. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

312. *Хазиахметов Э.Ш.* Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 188 с.

313. *Харрисон Л.* Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультуризма / пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2014. 286 с.

314. *Хейсин М.Л.* История кооперации в России. Пг.: Петрогр. отделение Комитета о сел. ссудосбер. и промышл. тов-вах, 1915. 56 с.

315. *Хейсин М.Л.* Развитие кооперативного движения потребителей. В России // Вестник кооперации. 1912. № 5. С. 55–66.

316. *Хейсин М.Л.* История кооперации в России. Все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Л.: Время, 1926. 327 с.

317. *Хильдермейер М.* Образованный слой и гражданское общество: развитие в России до 1917 года в сравнительном отношении // Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2001. 312 с. С. 57–68.

318. *Хильдермейер М.* Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: сб. статей в честь Б.В. Ананьича / Ин-т истории РАН. СПб.: Тип. Дмитрий Буланин, 2003. 321 с.

319. *Хефнер Л.* В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М.: РОСПЭН, 2007. 302 с. С. 35–60.

320. *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2009. 191 с.

321. *Хорос В.* Гражданское общество: общие подходы // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11. С. 49–59.

322. *Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период (1861–1905 гг.) / Под ред. Л.М. Горюшкина. Томск: Томский гос. ун-т, 1986. 264 с.

323. *Худяков В.Н.* Сибирь в системе управления России // Социальные проблемы истории Сибири. Новосибирск, 1995. С. 58–59.

324. *Целовальникова И.И.* Сельскохозяйственная кооперация в аграрном секторе экономики России в начале XX века (по материалам Среднего Поволжья). Ульяновск: ФБГОУ ВПО УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2013. 284 с.

325. *Целовальникова И.И.* Особенности кооперативной организации в Среднем Поволжье в начале XX века // Экономическая история. 2010. № 3. С. 41–49.

326. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII – XX вв.: пространственно-временной аспект: кол. моногр. / *В.В. Алексеев* [и др.]. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2011. 384 с.

327. *Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. М.: Книжная палата, 1989. 77 с.

328. *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991. 456 с.

329. *Чедурова Е.М.* Кооперативное движение в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. 220 с.

330. *Черников О.А.* Городская кооперация Центрального Черноземья (вторая половина XIX – февраль 1917 г.). Курск: Курск. гос. тех. ун-т, 2006. 236 с.

331. *Черных А.И.* По пути к гражданскому обществу. Реформы 60-х годов в России // Проблемы формирования гражданского общества: сб. науч. ст. М.: Изд-е Ин-та социологии РАН, 1993. 159 с. С. 80–101.

332. *Черных А.И.* Долгий путь к гражданскому обществу (реформы 1860-х годов в России) // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 173–181.

333. *Чичулин А.В.* Власть и крестьянская кооперация в Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2010. 425 с.

334. *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск: Омский гос. ун-т, 2013. 423 с.

335. *Чудаков О.В.* Потребительская кооперация в Сибири в борьбе с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны и в период социальных катаклизмов (июнь 1914 – первая половина 1918 г.) // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX – начала XXI в.: сб. мат-лов Всерос. нуч. конф. Якутск, 2012. С. 127–130.

336. *Чуркин М.К.* Обратные миграции: опыт системного анализа причин дезадаптации переселенцев в Западной Сибири во второй половине

XIX – начале XX вв. // Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX – начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения: кол. моногр. / Под ред. Т.А. Сабуровой. Омск, 2009. С. 71–113.

337. *Чурки М.К.* Источники по проблеме детерминирующих факторов миграционной мобильности и адаптации крестьянства в переселенческом процессе: опыт нового прочтения и репрезентации // Письменные источники в контексте истории: кол. моногр. Омск, 2010.С. 99–117.

338. *Шапиро И.А.* Для чего потребительным обществам нужны союзы. Пг.: М.В. Кечеджи-Шаповалов, 1915. 48 с.

339. *Шелохаев В.В.* Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век. Десятилетие. Год. М.: Логос, 1999. С. 28–38.

340. *Шелохаев В.В.* Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 18–36.

341. *Шепелева В.Б.* Мировое и отечественное кооперативное движение и современная ситуация в России // Вестник Омского государственного университета. 1996. Вып. 1. С. 59–62.

342. *Шикалов А.С.* Потребительская кооперация в период Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Очерки истории потребительской кооперации Сибири / Под науч. ред. В.К. Иващенко. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1965. 336 с. С. 46–81.

343. *Шиловский М.В.* Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX — начала XX в. // Города Сибири в XIII – XX в.; сб. науч. тр. / Отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2001. С. 113–133.

344. *Шиловский М.В.* Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX в.) // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв.: сб. мат-лов науч. конф. / Под ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. 324 с. С. 35–44.

345. *Шиловский М.В.* Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 320 с.

346. *Шиловский М.В.* Трансформация общественных настроений сибиряков во время Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.) // Сибирь и войны XIX – XX вв.: тезисы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед ун-та, 2014. 170 с.

347. *Шишкин В.И.* Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2010. 318 с. С. 3–36.

348. *Штырбул А.А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая четверть XX века). Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та, 2003. Ч. 1. (Конец XIX века – февраль 1917 г.). 244 с.

349. *Яковенко М.К.* История потребительской кооперации Восточной Сибири. 1831–1932 гг.: автореф. … канд. ист. наук. Иркутск, 1969.

350. *Яницкий О.Н.* Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–13.

351. *Birchall R.J.* Co-op: the People's Business. Manchester University Press, 1994. 257 c.

352. *Birchall R.J* The international co-operative movement. Manchester University Press, Oxford Road, Manchester, UK, 1997. 247 p.

353. *Coleman J.S.* Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. № 94. P. 95–120.

354. *Kotsonis Y.* Making peasants backward: Agricultural cooperatives at the agrarian question in Russia, 1861–1914. New York : St. Martin's press , 1999. 245 p.

355. *MacLeod. G.* From Mondragon to America: Experiments in Community Economic Development. University College of Cape Breton Press, Sydney, Nova Scotia, 1997. 186 p.

356. *Namorado R.* Legislation encouraging co-operatives for a legal order fostering co-operative development. Portugal: FENACOOP, 2000. 10 p.

357. *Parnell E.* Reinventing Co-operation: The Challenge of the 21st Century. Oxford: The Plunkett Foundation, 1999. 312 p.

358. *Setzer J.* The consumer co-operatives in Italy: «Consumer co-operatives in a Changing World». Geneva: International Co-operative Alliance, 1989. 853 p.

359. Statistics and information on European co-operatives. International cooperative alliance. Geneva, December 1998. 112 p.

360. *Salzman C.* Consumer Cooperative Societies in Russia, Goals versus Gains. 1900–1918 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. V. 23. № 3–4. Pp. 351-369.

361. *Quarter J.* Canada's Social Economy, Toronto: James Lorimer, 1992. 208 p.

Диссертации по теме исследования

1. *Яковенко М.И.* История потребительской кооперации Восточной Сибири (1831–1931): дис. … канд. истор. наук. Иркутск, 1969.

2. *Лубков А.В.* Рабочая кооперация в Октябрьской революции (февраль 1917 – ноябрь 1918 гг. Центрально-промышленный район): дис. … канд. истор. наук. М., 1990.

3. *Болотова Е.Ю.* Создание общекооперативного законодательства в дореволюционной России: (конец XIX в. – 1917 г.): дис. ... канд. истор. наук. М., 1991.

4. *Вологдин А.А.* Политические партии и кооперативное движение в России между двумя буржуазно-демократическими революциями: дис. … канд. истор. наук. М., 1993.

5. *Запорожченко Г.М.* Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири: конец XIX – начало XX в: дис. … канд. истор. наук. Новосибирск, 1993.

6. *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX - начале XX в.: дис. … д-ра истор. наук. Ярославль, 1994.

7. *Ким Чан Чжин.* Государственная власть и кооперативное движение в России (СССР). 1905–1930 гг.: дис. … д-ра полит. наук. М., 1996.

8. *Соколовский А.В.* Сельская кредитная кооперация в России в конце 60 – начале 90-х годов XIX века: дис. … канд. истор. наук. Иваново, 1996.

9. *Дударев М.И.* Московское общество сельского хозяйства и его участие в общественном кооперативном движении. 1895–1908 гг.: дис. … канд. истор. наук. М., 1997.

10. *Лубков А.В.* Кооперативное движение в Центральной России. 1907–1918 гг.: дис. ... д-ра истор. наук. М., 1998.

11. *Черников О.А.* Кооперативное движение в городах Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX вв.: дис. … канд. истор. наук. Курск, 1999.

12. *Сергеев С.Г.* Становление гражданского общества в России. Историко-политологический подход: дис. … канд. полит. наук. Саратов, 1999.

13. *Гузик М.В.* Становление и развитие кооперации в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: дис. … канд. истор. наук. Иркутск, 2000.

14. *Ломакина И.Б.* Кооперативное движение в Забайкалье в 1910 – февраль 1917 г.: дис. … канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2000.

15. *Петров В.В.* История становления кооперативной мысли в России (1861–1929 гг.): дис. … д-ра истор. наук. Саратов, 2000.

16. *Панова М.В.* Сельская кооперация Западной Сибири в период Первой мировой войны и революции. 1914–1918 гг.: дис. … канд. истор. наук. М., 2001.

17. *Попов С.Ю.* Становление и развитие кооперативного движения России в условиях социально-экономических реформ конца XIX – начала XX в. (на примере восточных губерний): дис. … канд. истор. наук. М., 2001.

18. *Болотова Е.Ю.* Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Опыт общественного регулирования: дис. … д-ра истор. наук. М., 2003.

19. *Туманова А.С.* Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века (Историко-юридическое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004.

20. *Гагиева А.К.* Исторический опыт и проблемы образовательной деятельности потребительской кооперации России в 20–90-е годы XX века: дис. … д-ра истор. наук. Саратов, 2005.

21. *Аксарин В.В.* Деятельность кооперации на Севере Западной Сибири в 1917–1940 гг.: дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2006.

22. *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.): дис. … д-ра истор. наук. Новосибирск, 2006.

23. *Макшаева Е.Н.* Теория гражданского общества и его становление в России: дис. … канд. истор. наук. Саранск, 2006.

24. *Невоструев Н.А.* Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … д-ра истор. наук. Пермь, 2006.

25. *Дравнина Е.Ю.* Институты гражданского общества как субъекты правозащитной деятельности в России в период 1864–1917 гг.: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006.

26. *Соляник К.В.* Эволюция идеи гражданского общества в контексте развития российской государственности в XIX – XX вв.: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

27. *Валитов А.А.* Становление гражданского общества Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … канд. истор. наук. Тобольск, 2007.

28. *Макеев А.Н.* Кооперативное движение в Енисейской и Иркутской губерниях в 1908–1920 гг.: дис. … канд. истор. наук. Иркутск, 2007.

29. *Иванов А.В.* Российская кооперация первой четверти XX века: по материалам Сибирского и Дальневосточного регионов: дис. … д-ра истор. наук. М., 2009.

30. *Липич О.А.* Нормативно-правовое регулирование потребительской кооперации в России в 1917 – конце 1920-х гг.: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009.

31. *Доманов В.Г.* Гражданское общество: современный концепт и перспективы его реализации в России: дис. … д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

32. *Чедурова Е.М.* Западносибирская кооперация в период реформ и революций начала XX века: идеология, законотворчество, агротехнологии: дис. … д-ра истор. наук. Барнаул, 2011.

33. *Кочкарова З.Р.* Эволюция отечественной кооперации и ее социально-экономическая трансформация в условиях модернизации российского общества (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. … д-ра истор. наук. Владикавказ, 2011.

34. *Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2011.

35. *Попова А.Д.* Судебные реформы как механизм формирования гражданского общества в России: на материалах судебных реформ второй половины XIX века и рубежа XX – XXI веков: дис. … д-ра истор. наук. М., 2012.

36. *Кудинов И.А.* Трансформация теории и практики кооперации в России: вторая половина XIX в. – 1930-е гг. (Историко-экономическое исследование): дис. … канд. эконом. наук. СПб., 2013.

37. *Пивоваров Н.Ю.* Организация и деятельность Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт) в апреле 1916 – феврале 1920 гг.: дис. … канд. истор. наук. Новосибирск, 2013.

38. Salzman C.L. Consumer Societies and the Consumer Cooperativ Movement in Russia, 1897—1917. Ph.D. dissertation submitted to The University of Michigan. 1977.

Приложение 1.

ОСОБАЯ ПРИРОДА КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Таблица 1.

Отличие кооперативных организаций от акционерных кампаний

Основные параметры	*Акционерная кампания*	*Кооперативная организация*
Экономическая сущность	Коллективное (корпоративное) капиталистическое предприятие.	Экономическая структура, агрегированная из независимых экономических единиц.
Капитал	Единый предпринимательский капитал, разделенный на фракции (акции), предназначенные для продажи.	Не является предпринимательским капиталом. Паевой (акционированный) капитал – это кредитный фонд, ссуженный членами своей ассоциации в качестве рабочего капитала.
Акции	Анонимность акций	Акции (паи) строго личные
Отношение к акциям	Возможна передача (продажа) акций	Передача акций (паев) только с согласия организации через выход и вступление
Статус участника	Фракция единого предпринимательского капитала	Независимый представитель своей экономической единицы в агрегированной структуре.
Право голоса	Голосование акциями	Один член – один голос, независимо от количества акций
Участие в жизни своего общества	Единственная форма – голосование акциями в соответствии с их количеством	Покупательная активность. Демократический контроль. Участие в выборных органах, общественной работе.

Основные параметры	*Акционерная кампания*	*Кооперативная организация*
Прибыль	Прибыль неограниченна	Прибыль ограниченна. Дивиденд соответствует текущей ставке банковского процента (заранее оговоренный дивиденд).
Экономическая природа	Коллективное капиталистическое предприятие. Тоталитарное экономическое образование.	Не является капиталистическим предприятием. Добровольная и демократическая организация, не совместимая с диктатурой.
Особенности внутренней жизни	Действуют центростремительные силы. Строгое подчинение всех составных частей предпринимателю.	Действуют центробежные силы, так как кооперативные объединения возникают только при объективной внешней необходимости. Отсюда все удачи и неудачи движения.
Социально-экономическая цель	Концентрация капитала для крупных предпринимательских проектов	Удовлетворение социально-экономических потребностей населения.

Таблица 2.

Общие и особенные черты кооперативов и общественных организаций

Основные параметры	*Общественные организации*	*Кооперативные организации*
Основная цель	Удовлетворение социальных и духовно-нравственных потребностей участников.	Удовлетворение экономических, социальных и духовно-нравственных потребностей участников.

Основные параметры	*Общественные организации*	*Кооперативные организации*
Характер членства	Добровольное. Индивидуальное.	Добровольное. Индивидуальное и корпоративное.
Состав членов	Сообщества единомышленников, более-менее однородные в социально-экономическом отношении	Как однородные, так и гетерогенные в социально-экономическом плане объединения на основе экономических интересов.
Основные принципы деятельности	Легальность. Автономность. Демократическое самоуправление.	Легальность. Автономность. Демократическое самоуправление.
Основные виды деятельности	Социально-культурная	Хозяйственно-экономическая. Социально-культурная.
Финансовое положение	Поиск внешних источников финансирования.	Опора на собственные средства.
Прибыль	Не распределяют прибыль.	Распределяют прибыль.
Выгоды для участников	Улучшение социально-бытовых условий. Моральное удовлетворение, самореализация.	Удовлетворение потребительского спроса. Кооперативные выплаты. Улучшение социально-бытовых условий. Моральное удовлетворение, самореализация.

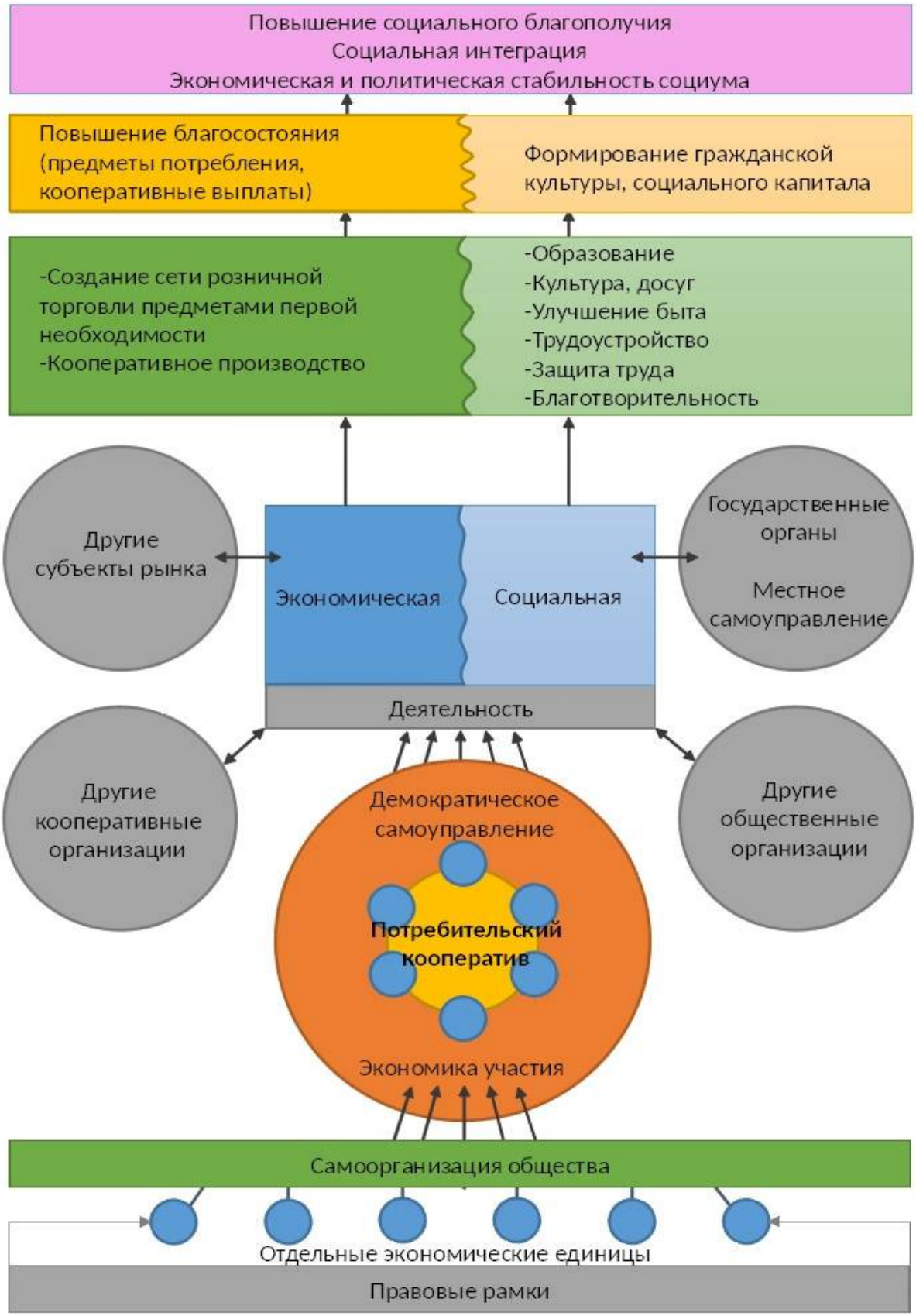
Приложение 2.

КООПЕРАЦИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

с учетом трехкомпонентной модели Дж. Коэн и Э. Арато

Приложение 3.

Модель функционирования потребительской кооперации в обществе



Приложение 4

Основные параметры потребительных обществ
в городских поселениях Сибири к 1917 г.

Город, общество потребителей	*Число членов (чел.)*	*Паевой капитал (руб.)*	*Товарооборот (тыс. руб.)*
Мариинск	более 500	3424	200,0
Новониколаевск, «Экономия»	1297	–	93,0
Томск, «Деятель»	1957	7853	438,0
Боготол, «Работник»	более 600	–	250,0
Нарым	более 180	3364	175,8
Барнаул, «Сотрудник»	более 3315	11257	более 500,0
Тайга, «Труд»	более 150	5234	143,5
Кузнецк	844	14000	709,5
Татарск	более 1000	9095	75,8
Красноярск, «Самодеятельность»	2601	12061	более 500,0
Ст. Иланская, «Трудовая копейка»	более 400	–	373,6
Ачинск	450	4381	около 130,0
Минусинск	–	–	96,8
Енисейск	943	–	88,0
Якутск	более 1408	15525	–
Верхнеудинск, «Экономия»	2300	более 6000	200,0
Чита, «Трудовой союз»	около 1000	более 5000	в начале 1916 г. более 200,0
Чита, «Эконом»	более 2300	22678	467,6
Нижнеудинск	881	8512	297,7
Иркутск, «Труженик»	более 800	более 6000	около 400,0
Иркутск, «Кооператор»	2500	–	около 400,0
Курган	1500	–	250,0
Тобольск, «Самосознание»	1508	14195	за 10 мес.1916 г. более 120,0
Тюмень, «Пчела»	1480	9484	за 4 мес. 1916 г. 59,9
Омск	около 2000	–	550,0
И Т О Г О :	более 31314	165063	не менее 6719,2

Источники: материалы отчетов потребительных обществ, приведенные в соответствующих частях Главы 2, раздела 2.3.

Приложение 5.

Посещаемость и правомочность общих собраний в городских кооперативах Сибири в 1912–1916 гг.

Город, общество, источник сведений	Дата проведения общего собрания	Общее число членов – число присутствовавших на собрании (чел.)	Правомочность собрания. Примечания.
Омск, *Городское общество потребителей* Омский вестник. 1915. 17 (30) сент.; 4 (17) авг.; 11 (24) авг.; 7 (20) нояб.; 22 дек. (3 янв.); 29 дек. (11 янв.). Степной край. 1916. 16 янв. Омский телеграф. 1916. 6 марта; 24 мая. Голос Сибири. 1916. 7 сент.	02.08.15	411 – 90	частное совещание
	09.08.15	425 – 23	не состоялось
	11.08.15	–	частое совещание
	13.09.15	480 - 75	частное совещание
	10.10.15	–	частное совещание
	08.11.15	–	частное совещание
	15.11.15	–	частное совещание
	20.12.15	737 – 90 *(для кворума нужно 145)*	частное совещание
	27.12.15	740 – 40	не состоялось
	17.01.16	746 – 146	состоялось
	06.03.16	–	вторичное
	23.05.16	903 – 106	годичное, состоялось
	28.08.16	–	частное совещание
Красноярск, *«Самодеятельность»* Самодеятельность потребителя. 1916. № 4–6. С. 14.	05.06.16	2500 – 100	вторичное
Ачинск, *городское общество потребителей* Самодеятельность потребителя. 1916. № 1–2. С. 28.	07.02.16	258 – 35	вторичное
Енисейск, *городское общество потребителей* Самодеятельность. 1915. № 3–4. С. 20.	05.07.15	–	«учредительное собрание, довольно многолюдное»
	июнь 1916	700 – 50	частное совещание

Сибирская жизнь. 1916. 7 июля. Голос Сибири. 1916. 8 сент.	14.08.16	943 – «кворум собрался с трудом и большим опозданием»	состоялось
Нижнеудинск, *городское общество потребителей* Голос Сибири. 1916. 28 авг.	14.08.16	–	«многолюдное собрание прошло оживлено и интересно»
Чита, *«Трудовой союз»* Кооперативное слово. 1916. № 3. С. 19.	начало 1916	–	«сорвано из-за неприбытия членов»
Чита, *«Эконом»* Союз потребителей. 1915. № 36. С. 1268. ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 158. Л. 39. Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 22; № 2. С. 3.	06.12.15	«многолюдное»	состоялось
	начало 1916	2000 – 100	годичное, состоялось
	05.11.16	2200 – 100	«оживленные дебаты»
Иркутск, *«Труженик»* Кооперативное слово. 1916. № 2. С. 3.	начало 1916	800 – 20	не состоялось
Иркутск, *«Кооператор»* Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 29.	20.11.16	2144 – 180	«резкая оппозиция с обвинениями правления»
Верхнеудинск, *«Экономия»* Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 8.	в течение 1915	–	состоялось 12 общих собраний
Барнаул, *«Сотрудник»* Жизнь Алтая. 1916. 27 февр.; 9 марта; 5, 27 июля; 20 авг.; 1 нояб.	февраль 1916	около 2000 – ?	«не состоялось уже два собрания и два экстренных заседания правления из-за неприбытия кворума»
	06.03.16	более 2000 – 89 (для кворума нужно 520)	не состоялось «На общих собраниях редко бывает больше ста человек из почти 3 тыс.»
	30.07.16	более 3000 – 80	частное совещание «заседали до 12 ночи»

Барнаул, *«Сотрудник»*			
	14.08.16	более 3000 – 100	состоялось «прения носили бурный и отвлеченный характер»
	01.11.16	более 3000 – 60	«бурное общее собрание»
Томск, *«Деятель»* ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 452. Л. 29. Сибирская жизнь. 1915. 25 апр.; 1916. 3, 5, 12 мая.	19.05.13	около 200 – 20	частное совещание
	30.04.15	426 – 77	состоялось
	23.05.15	426 – 90	годичное, отчетное
	13.09.15	более 800 – 87	состоялось
	01.05.16	–	не состоялось
	08.05.16	около 1000 – 150	годичное
	13.05.16	1300 – 100	частое совещание
Новониколаевск, *«Экономия»* Обская жизнь. 1912. 26 сент. Голос Сибири. 1916. 13, 17, 28 сент., 29 нояб., 16 дек. ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 7 об., 12 об., 14 об., 17–19, 20–30, 32–38, 42, 42 об.	01.07.12	около 400 – 150	состоялось
	23.09.12	более 400 – 121	состоялось
	02.03.13	около 600 – 154	состоялось
	22.09.13	около 800 – 72 (нужно 160)	не состоялось
	06.10.13	около 800 – 68	повторное
	30.03.13	около 800 – 144	состоялось
	08.04.14	около 800 – 40	не состоялось
	04.05.14	около 800 – 82	повторное
	15.06.14	около 800 – 30	состоялось
	31.08.14	более 800 – 47	не состоялось
	08.09.14	более 800 – 41	повторное
	08.03.15	более 800 – 47	не состоялось
	15.03.15	более 800 – 52	повторное
	29.03.15	более 800 - 28	не состоялось
	05.04.15	более 800 – 45	повторное
	04.07.15	1000 – 7	не состоялось
	11.07.15	1000 – 19	повторное
	06.10.15	1000 – нет кворума	не состоялось
	11.10.15	1000 – 30	повторное
	01.11.15	1000 – 40	состоялось
	24.01.16	1000 – 56	частое совещание
	31.01.16	1000 – 31	состоялось
	11.09.16	более 1000 – 40	частное совещание
	18.09.16	1200 – 48	повторное
	28.09.16	1200 – 36	состоялось
	27.11.16	1200 – многолюдное	состоялось

Список сокращений

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, г. Москва

РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске

ИАОО – Исторический архив Омской области

МСПО – Московский союз потребительных обществ

МНБ – Московский Народный банк

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия

ГЖУ – Губернское жандармское управление

ЦКК – Центральный кооперативный комитет

Закупсбыт – Товарищество «Комиссия сибирских кооперативов по закупкам и сбыту»

ВПК – военно-промышленные комитеты

Всекосоюз – Совет всероссийских кооперативных съездов

СНК – Совет народных комиссаров

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Кооперативный сегмент российской модернизации
1.1. Кооперация как элемент гражданского общества 70
1.2. Проблема кооперативной идентичности 102

Глава 2. Потребительские кооперативы в городах Сибири в дореволюционный период
2.1. Облик сибирского города 113
2.2.Распространение идей и форм кооперативной самоорганизации в городской среде 127
2.3. Повышение роли городских потребительских кооперативов в жизнеобеспечении населения 156

Глава 3. Условия и основные направления развития кооперативной самодеятельности

3.1. Кооперативное законодательство и уставы как правовая основа социальной активности населения 209
3.2. Развитие кооперативной демократии и самодеятельности пайщиков 245
3.3. Участие кооперации в решении продовольственной проблемы в годы Первой мировой войны 286

Глава 4. Роль кооперации в достижении общественного согласия

4.1. Формирование идеологии интеграции и союзного строительства 327
4.2. Освоение культурного пространства городов 356
4.3. Между революционным переломом и политическим конформизмом: выбор целей и путей развития 400

Заключение 433
Список источников и литературы 445
Приложения 1–5 485
Список сокращений 494